

История реформации в Шестнадцатом веке, том 1

Ж. Х. Мерль д'Обинье

History of the Reformation in the Sixteenth Century, Volume 1

J. H. Merle d'Aubigné

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Реформации в шестнадцатом веке, том 1

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации в Шестнадцатом веке, том 1

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Переводчик: Генри Беверидж

Дата выхода: 25 сентября 2012 г. [Электронная книга № 40858]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Колин Белл, Дельфина Леттау, Джулия Нойфельд и команда онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ", ТОМ 1 ***

МАРТИН ЛЮТЕР.
УИЛЛ^М. КОЛЛИНЗ, ГЛАЗГО.

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

АВТОР Дж. Х. МЕРЛЬ Д'Обинье, доктор медицинских наук

J'appelle accessoire, l'estat des affaires de ceste vie caduque et transitoire. J'appelle principal, le gouvernement spirituel auquel reluit souverainement la providence de Dieu.—Theodore De Beze.

Под *принадлежностью* я подразумеваю положение дел в этой угасающей и преходящей жизни. Под *главным* я подразумеваю духовное правление, в котором суверенно проявляется промысл Божий.

НОВЫЙ ПЕРЕВОД: (СОДЕРЖАЩИЙ ПОСЛЕДНИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ АВТОРА)

ГЕНРИ БЕВЕРИДЖА, ЭСКВАЙРА. АДВОКАТ.

ТОМ ПЕРВЫЙ.

ГЛАЗГО:

ОПУБЛИКОВАНО УИЛЬЯМОМ КОЛЛИНЗОМ.

ЛОНДОН: Р. ГРУМБРИДЖ И СЫНОВЬЯ.

1845.

ГЛАЗГО:

УИЛЬЯМ КОЛЛИНЗ И КОМПАНИЯ,

ТИПОГРАФИЯ.

РЕКЛАМА ПЕРЕВОДЧИКА.

"История реформации" Д'Обинье настолько хорошо известна и так высоко ценится, что простому Переводчику не только не нужно, но и почти самонадеянно говорить что-либо в ее поддержку. Общественное мнение, несомненно, таково, что из недавно появившихся работ это одна из самых талантливых, интересных, важных и своевременных. Простое течение времени, которому способствовали активные искажения со стороны римской партии, начало производить впечатление, в некоторой степени неблагоприятное для принципов Реформации. Эта замечательная работа вновь представила эти принципы в их истинном свете. Благодаря яркому отображению того, чем был и что делал Рим, она впечатляюще напомнила нам о том, чем она все еще является и готова заниматься. Ее главная гордость в том, что она никогда не менялась. Если это так, то она жаждет вернуться к своему прежнему образу жизни и вернется к нему, как только обстоятельства позволят ей это сделать. Будучи таким образом предупреждены, наш долг очевиден. Мы должны готовиться к битве; и из всех приготовлений ни одно не обещает быть более эффективным, чем полное ознакомление общественного сознания

с фактами, так наглядно изложенными, и принципами, так ярко и убедительно изложенными в этой работе Д'Обинье.

Но, можно спросить, разве эта цель уже не достигнута или, по крайней мере, не может быть достигнута без использования нового перевода?

На этот вопрос Переводчик отвечает: *Во-первых*, форма настоящего перевода и цена, по которой он опубликован, делают произведение доступным для тысяч людей, для которых в противном случае оно могло бы оставаться закрытой книгой. *Во-вторых*, хотя этот Перевод является самым дешевым из существующих, он также является единственным, который, строго говоря, можно считать подлинным. Издание, с которого сделан этот перевод, было опубликовано в 1842 году. Дата не имела бы большого значения, если бы работа продолжалась в том же духе; но факт остается фактом: издание 1842 года является не перепечаткой, а полной переработкой того, что предшествовало ему. Были введены многочисленные отрывки значительной длины и огромной важности, в то время как другие, которые при тщательном изучении были сочтены избыточными или неточными, были удалены. Конечно, после всех усилий, которые выдающийся автор потратил на улучшение своего произведения, едва ли будет справедливо ни по отношению к нему, ни по отношению к английскому читателю оставлять его усовершенствования неизвестными. С другой стороны, настоящий Перевод содержит исключительно то, что считается решительным улучшением. Все Примечания, значение которых не приводится в Тексте, переведены дословно. Казалось несколько абсурдным при переводе с французского для удобства английского читателя в то же время знакомить его с большим количеством отрывков из непереуведенной латыни.

Хотя работа была напечатана в форме, против которой не могут возразить самые привередливые, она была выпущена по цене, которая делает ее доступной для всех. Хочется надеяться, что результатом будет то, что "История реформации" Д'Обинье получит тираж, в некоторой степени соответствующий ее достоинствам, и благодаря ее внедрению в каждую семью станет тем, чем она того заслуживает, — настольной книгой.

Содержание.

КНИГА I.	
ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ ДО РЕФОРМАЦИИ.	
	СТРАНИЦА
ГЛАВА I.	
Христианство—Формирование папства—Единство Церкви—Декреталии—Хильдебранд—Искажение доктрины,	13
ГЛАВА II.	
Благодать и дела—Пелагианство—Епитимьи—Индульгенции—Сверхсрочная—Чистилище—Налогообложение—Юбилей,	27
ГЛАВА. III.	

Реликвии—Пасхальное веселье—Развращение духовенства—Семья священника—Образование—Невежество,	34
--	----

ГЛАВА IV.

Христианство нетленное—Противостояние Риму—Фридрих Мудрый—Его характер—Его предвосхищение,	42
--	----

ГЛАВА V.

Империя—Национальный характер—Швейцария—Италия—Испания—Португалия—Франция—Нидерланды—Англия—Шотландия—Север—Россия—Польша—Богемия—Венгрия,	48
--	----

ГЛАВА VI.

Состояние теологии—Свидетели истины—Водуа—Уиклиф—Гуссерль—Савонарола—Джон Вессел-Пролес,	58
--	----

,

ГЛАВА VII.

Литература—Данте—Книгопечатание—Рейхлин—Его борьба с доминиканцами,	71
---	----

ГЛАВА. VIII.

Эразм — Его гений — Его "Восхваление безумия" — Его греческий завет—Его влияние—Его недостатки,	82
---	----

ГЛАВА I. IX.

Дворяне—Хюттен— "Письма некоторых неизвестных людей"—Секинген—Кронберг—Ганс Сакс—Всеобщее брожение,	94
---	----

КНИГА II.

ЮНОСТЬ, ОБРАЩЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ ЛЮТЕРА.

ГЛАВА I.

Лютер—Его происхождение—Отцовский кров—Строгая дисциплина—Школа—Сунамитянка—Его учеба—Университет,	103
--	-----

ГЛАВА II.

Схоластика и классика—Благочестие Лютера—Его открытие Библии—Его	112
--	-----

болезнь—Гроза—Его уход в монастырь,

ГЛАВА. III.

Гнев его отца—Рабские занятия—Его учеба—Библия—иврит и греческий —Его
Агония во время мессы—Обмороки, 118

ГЛАВА IV.

Штаупиц—Его благочестие—Его посещение—Его Беседа—Дарит Лютеру Библию—
Старый монах—Посвящение Лютера—Его призыв в Виттемберг, 126

ГЛАВА V.

Виттембергский университет—Первое место работы Лютера—Библейские
лекции—Проповедь в Виттемберге—Старая часовня, 136

ГЛАВА VI.

Путешествие Лютера в Рим—Монастырь в По—Поведение Лютера в Риме—
Развращение римского духовенства—Преобладающая безнравственность—
Лестница Пилата, 140

,

ГЛАВА VII.

Степень доктора —Карлштадт—Клятва Лютера—Первые взгляды на
реформацию—Схоласты—Спалатин, 149

ГЛАВА. VIII.

"Популярные декламации"—Моральная чистота Лютера—Мистицизм—
Шпенлейн—Оправдание верой—Необходимость трудов, 156

ГЛАВА IX.

Первые тезисы—Посещение монастырей—Дрезден—Эрфурт—Разрушитель мира
и Крестные подвиги—Чума, 163

ГЛАВА. X.

Лютер и курфюрст—герцог Георг—Лютер при дворе—Ужин Эмсера, 167

,

ГЛАВА XI.

Тезисы—Природа человека—Рационализм—Экк—Урбан Региус—Скромность
Лютера, 172

Книга III.
ИНДУЛЬГЕНЦИИ И ТЕЗИСЫ.

ГЛАВА I.

Кортеж—Тезель—Его речь—Продажа индульгенций—Публичная епитимья—
Письмо об индульгенции—Пиршество и разврат, 180

ГЛАВА II.

Душа в могиле-Сапожник из Хагенау—Миконий—Уловка—Шахтер из Шнееберга, 187

ГЛАВА. III.

Лев X—Его потребности—Альберт—Его характер—Францисканцы и доминиканцы, 193

ГЛАВА IV.

Подходы Тезеля—Лютер на исповеди—Гнев Тезеля—Речь Лютера—Мечта
курфюрста, 197

ГЛАВА V.

Тезисы Лютера—Письмо Альберту—Распространение тезисов, 203

ГЛАВА VI.

Рейхлин—Эразмус—Флек—Бибра—Император—Папа—Миконий—Монахи—
Адельман—Старый священник—Епископ Бранденбургский—Движущий принцип
Лютера, 213

ГЛАВА VII.

Атака Тезеля—Ответ Лютера—Лютер и Спалатин—Изучение Священного
Писания—Шерл и Лютер—Лютер защищает народ—Новый иск, 221

ГЛАВА. VIII.

Диспут во Франкфурте—Тезисы Тезеля—Книпстроу—Тезисы Лютера сожжены—
Тезисы Тезеля сожжены, 227

ГЛАВА IX.

Приерио—Его диалог—Ответ Лютера—Хохстратен—Экк—"Обелиски"—
"Звездочки", 235

ГЛАВА X.

Популярные произведения—Молитва Господня—Проповедь о покаянии, 244

ГЛАВА XI.

Опасения друзей Лютера—Путешествие в Гейдельберг — Бибра—Пфальцкий замок—Парадоксы—Буцер—Бренц—Снепф—Старый профессор, 249

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. ЛЮТЕР ПЕРЕД ЛЕГАТОМ.

ГЛАВА I.

"Решения"—Лев X—Лютер епископу—Папе—генеральному викарию-Ровере курфюрсту—Рассуждение об отлучении, 258

ГЛАВА II.

Сейм Аугсбурга—Император Папе—Лютер процитирован Риму—Мир Лютера—Заступничество университета—Папский отчет—Папа курфюрсту, 266

ГЛАВА II. III.

Шварцерд—Его жена—Филипп Меланхтон—Его гений—Его Учеба—Вызов в Виттемберг—Лейпциг—Параллель между Лютером и Меланхтоном—Образование, 273

ГЛАВА IV.

Лютер и Штаупиц—Приказ явиться—Отъезд Лютера в Аугсбург—Веймар—Нюрнберг, 280

ГЛАВА V.

Прибытие в Аугсбург—Де Вио—Серра-Лонга—Обеспечение безопасности-Обращение Лютера к Меланхтону, 285

ГЛАВА VI.

Первое появление—Условия из Рима—Предложения об отзыве —Ответ Лютера—Впечатления обеих сторон—Прибытие Штаупица, 293

ГЛАВА VII.

Обращение к легату—Второе появление—Заявление Лютера—Ответ легата— 299

Словоохотливость легата —Просьба Лютера,

ГЛАВА I. VIII.

Третье выступление —Сокровищница индульгенций—Смиренная просьба—Гнев легата—Лютер уходит в отставку, 303

ГЛАВА. IX.

Де Вио и Штаупиц—Штаупиц и Лютер—Причастие Лютера и Спалатина—Отъезд Штаупица и Линка—Обращение Лютера к Кайетану—Отъезд Лютера—Обращение к Папе Римскому, 307

ГЛАВА. X.

Бегство Лютера —Желание Лютера—Легат курфюрсту—Курфюрст легату—Процветание университета, 316

ГЛАВА XI.

Мысли об отъезде—Прощание с Церковью—Критический момент—Мужество Лютера—Недовольство Римом—Папская булла—Обращение к Собору, 321

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОСЛЕДНЕМУ ИЗДАНИЮ.

Моя цель - написать историю не партии, а одной из величайших революций, которые произошли среди людей, — историю могучего импульса, который был дан миру три столетия назад и влияние которого до сих пор ощущается повсюду. История Реформации отличается от истории протестантизма. В первой все свидетельствует о возрождении человеческой природы, о трансформации, социальной и религиозной, исходящей от Бога. В последних слишком часто можно увидеть поразительное отступление от примитивных принципов, партийные интриги, сектантский дух и отпечаток мелких личных чувств. История протестантизма не может интересовать никого, кроме протестантов; история Реформации предназначена для всех христиан, или, скорее, для всех людей.

У историка есть выбор в той области, в которой ему предстоит работать. Он может описывать великие события, которые меняют лицо народа или мира; или он может повествовать о спокойном и прогрессивном курсе, будь то нации, Церкви или человечества, который обычно следует за великими социальными изменениями. Обе области истории чрезвычайно важны; но, с точки зрения интереса, предпочтение отдается тем эпохам, которые под названием Революций вводят нацию или общество в целом в новую эпоху и новую жизнь.

Такое превращение я попытался описать, приложив очень скромные усилия, надеясь, что красота предмета компенсирует недостаток моих способностей. Называя это *революцией*, я даю ей название, которое в наши дни дискредитирует многих, кто почти путает его с

восстанием. Это ошибка. Революция - это изменение, которое происходит в мировых делах. Это нечто новое, появившееся (*revolvo*) из недр человечества; и действительно, до конца прошлого века этот термин чаще использовался в хорошем, чем в плохом смысле. Они говорили о "счастливой", "чудесной" революции. Реформация, будучи восстановлением принципов первобытного христианства, противоположна бунту. Ибо то, что должно было возродить его, было возрождающим — ибо то, что всегда должно существовать, было консервативным движением. Христианство и Реформация, устанавливая великий принцип, согласно которому все души равны перед Богом, и ниспровергая узурпацию надменного духовенства, которое самонадеянно ставило себя между Творцом и его творением, провозгласили фундаментальным принципом общественного порядка то, что вся власть от Бога, и громко взывали ко всем: "Любите своих братьев, бойтесь Бога, почитайте короля".

Реформация существенно отличается от революций древности и от большей части революций нового времени. В них речь идет о политических изменениях, и цель состоит в том, чтобы установить или свергнуть власть одного, а может быть, и многих. Любовь к истине, святости и вечности была простым, но мощным источником, благодаря которому была осуществлена наша Реформация. Это знаменует шаг, который человеческая природа сделала заранее. На самом деле, если человек, вместо того чтобы преследовать только материальные, временные, земные интересы, ставит перед собой более высокую цель, стремясь к нематериальным и бессмертным благам, он продвигается вперед. Реформация - один из самых ярких дней этого славного продвижения вперед. Это залог того, что новая борьба, которая сейчас решается, завершится в пользу истины триумфом, еще более чистым, духовным и великолепным.

Христианство и Реформация - две величайшие революции в истории человечества. В отличие от различных политических движений, о которых мы читаем, они имели место не только в одной стране, но и в нескольких странах, и их последствия будут ощущаться до конца света.

Христианство и Реформация - это одна и та же революция, совершенная в разное время и при разных обстоятельствах. Они различаются второстепенными чертами, но идентичны в своих основных чертах. Одно является повторением другого. Одно положило конец старому, другое положило начало новому миру; средние века лежат между ними. Одна родила другую, и если в некоторых отношениях дочь носит признаки неполноценности, то, с другой стороны, у нее есть свои особые свойства.

Одним из них является быстрота ее действий. Великие революции, которые привели к падению монархии и изменению всей политической системы или которые направили человеческий разум на новый курс развития, подготавливались медленно и постепенно. Старая власть давно была подорвана, и ее основные опоры исчезали одна за другой. Так было и с введением христианства. Но Реформация, на первый взгляд, предстает в ином аспекте. Римская церковь предстает при Льве X во всей своей силе и славе. Говорит монах, и над половиной Европы рассеиваются эта сила и слава, напоминая нам о словах, которыми Сын Божий возвещает о своем втором пришествии: "Как молния исходит с востока и светит даже до запада, так будет пришествие Сына человеческого". (Матф., xxiv, 27.)

Такая стремительность необъяснима для тех, кто видит в этом великом событии только *реформу* и рассматривает ее просто как акт критики, который заключался в выборе между доктринами, отбрасывании одних, сохранении других и упорядочивании оставшихся таким образом, чтобы сформировать из них новую систему.

Как могла целая нация, как могли несколько наций, так быстро выполнить столь трудоемкую операцию? Как могло это критическое исследование разжечь тот огонь энтузиазма, который необходим для великих и, прежде всего, для быстрых революций? Реформация, как покажет ее история, была совершенно иной. Это было новое проявление жизни, которую христианство принесло в мир. Это был триумф величайшей из доктрин, той, которая воодушевляет тех, кто принимает ее с чистейшим и сильнейшим энтузиазмом, — доктрины веры, доктрины благодати. Если бы Реформация была тем, что воображают многие католики и многие протестанты в наши дни, — если бы это была та негативная система негативного разума, которая по-детски отвергает все, что ей не нравится, и упускает из виду великие идеи и великие истины христианства, — она никогда не вышла бы за узкие рамки академии, монастыря или кельи. Это не имело ничего общего с тем, что обычно понимается под протестантизмом. Это было далеко не изношенное, истощенное тело, это был человек силы и огня.

Быстрота и размах этой революции объясняются двумя соображениями. Первое следует искать в Боге, другое — среди людей. Импульс был дан могущественной и невидимой рукой, и произведенное изменение было Божественной работой. К такому выводу обязательно приходит беспристрастный и внимательный наблюдатель, который не останавливается на поверхности. Но задача историка на этом не закончена, ибо Бог действует по вторичным причинам. Разнообразные обстоятельства, многие из которых не осознавались, постепенно подготовили людей к великим преобразованиям шестнадцатого века, и, соответственно, человеческий разум созрел, когда пробил час его освобождения.

Задача историка состоит в том, чтобы объединить эти два великих элемента в картину, которую он представляет, и это было предпринято в современной истории. Нам будет легко понять, когда мы начнем проследживать вторые причины, которые способствовали Реформации, но некоторые, возможно, поймут нас не так хорошо и даже поддадутся искушению обвинить нас в суеверии, когда мы приписываем выполнение этой работы Богу. Идея, однако, нам особенно дорога. Эта история, как указано в надписи на ее титульном листе, помещает впереди и над собой простой и плодотворный принцип "Бог в истории". Но поскольку этим принципом обычно пренебрегают, а иногда и оспаривают, представляется необходимым изложить наши взгляды относительно него и тем самым обосновать метод, который мы сочли уместным принять.

История в наши дни не может быть тем безжизненным рядом событий, перечислить которые большая часть историков прошлого сочла достаточным. Теперь понятно, что в истории, как и в человеке, есть два элемента: материя и дух. Наши великие историки, неспособные удовлетвориться подробностями фактов, составляющих лишь бесплодную хронику, искали жизненный принцип, который оживил бы материалы прошлых эпох.

Некоторые позаимствовали этот принцип из искусства, стремясь к яркому, верному и наглядному описанию и стремясь сделать так, чтобы их повествование соответствовало жизни самих событий.

Другие обращались к философии за духом, который должен был принести плоды их трудам. К фактам они присоединили спекулятивные взгляды, поучительные уроки, политические и философские истины, оживив свое повествование языком, на котором они заставили его говорить, и идеями, которые он позволил им предложить.

Оба метода, несомненно, хороши и должны применяться в определенных пределах. Но есть другой источник, к которому, прежде всего, необходимо обращаться за духом и жизнью прошлого — я имею в виду религию. Историю следует заставить жить своей собственной жизнью. Бог есть эта жизнь. Бог должен быть признан — Бог провозглашен — в истории. История мира должна претендовать на то, чтобы быть летописью правления Верховного Короля.

Я спустился на поле боя, куда меня пригласили повествования наших историков, и там увидел действия людей и государств в энергичном развитии и жестоких столкновениях: о бряцании оружия я слышал больше, чем могу выразить словами; но нигде мне не показывали величественную фигуру Судьи, который вершит правосудие в бою.

И все же во всех движениях народов присутствует живой принцип, исходящий от Бога. Бог присутствует на обширной сцене, на которой последовательно появляются поколения людей. Верно! Он есть невидимый Бог; но если толпа профанов проходит беспечно мимо, потому что Он скрыт, глубокие умы, духи, которые испытывают тоску по принципу своего существования, ищут его с гораздо большей серьезностью и не успокаиваются, пока не падут ниц перед Ним. И их расспросы щедро вознаграждаются. Ибо с высот, которых они должны достичь, чтобы встретиться с Богом, история мира, вместо того чтобы предстать перед ними, как перед невежественной толпой, запутанным хаосом, видится величественным храмом, над которым трудится невидимая рука самого Бога и который из человечества, как скала, на которой он основан, возвышается к его славе.

Разве мы не увидим Бога в этих великих явлениях, в этих великих личностях, в этих великих состояниях, которые возникают и внезапно, так сказать, возникают из праха земного, придавая человеческой жизни новый импульс, форму и предназначение? Разве мы не должны видеть Его в тех великих героях, которые появляются в обществе в определенные эпохи, проявляя активность и силу, выходящие за обычные пределы человеческого, и вокруг которых люди и нации собираются без колебаний и группируются как вокруг высшей и таинственной природы? Кто запустил в космос те кометы гигантской формы с огненным хвостом, которые появляются лишь через большие промежутки времени, сея суеверному стаду смертных либо изобилие и радость, либо мор и ужас? Кто, если не Бог?... Александр ищет свое происхождение в обителях Божественности; и в самый нерелигиозный век нет такой великой славы, которая не стремилась бы каким-либо образом соединиться с небесами.

И разве те революции, которые повергают в прах династии или даже целые королевства; те огромные обломки, с которыми мы сталкиваемся посреди песков; те величественные руины, которые представляет собой поле деятельности человечества, разве они не вызывают достаточно громко: Бог в истории? Гиббон, сидящий среди обломков Капитолия и созерцающий почтенные руины, признает вмешательство высшей силы. Он видит, он чувствует это и напрасно отворачивается от этого. Этот призрак таинственной силы вновь появляется за каждым развалином, и ему приходит в голову идея описать ее влияние в истории дезорганизации, упадка римской державы, покорившей народы. Эту могущественную руку, которую человек выдающего гения, однако не преклонивший колена перед Иисусом Христом, различает среди разбросанных фрагментов гробницы Ромула, рельефов Марка Аврелия, бюстов Цицерона и Вергилия, статуй Цезаря и Августа, трофеев Траяна и коней Помпея, не должны ли мы обнаружить среди всех руин и признать рукой нашего Бога?

Странно! к этому вмешательству Бога в человеческие дела, которое признавали даже язычники, люди, воспитанные на великих идеях христианства, относятся как к суеверию.

Имя, которое греческая античность дала Верховному Богу, показывает нам, что она получила первоначальные откровения об этой великой истине о Боге, источнике истории и жизни народов. Он назвал его *Зевсом*, [1] то есть Тем, кто дает *жизнь* всему живому, отдельным людям и нациям. К его алтарям приходят цари и подданные, чтобы принести свои клятвы, и по его таинственному наитию Минос и другие законодатели делают вид, что получили свои законы. Более того, эта великая истина отражена в одном из самых красивых мифов языческой древности. Даже мифология могла бы научить мудрецов наших дней. Это факт, который, возможно, стоит установить; возможно, найдутся люди, которые противопоставят урокам язычества меньше предрассудков, чем урокам христианства. Итак, этот Зевс, этот Суверенный Бог, этот Вечный Дух, принцип жизни, является отцом Клио, Музы Истории, матерью которой является Мнемозина, или Память. Таким образом, согласно античности, история соединяет небесную и земную природу. Она дочь Бога и человека. Но, увы! близорукая мудрость наших хваленых дней намного ниже тех высот языческой мудрости. История лишила ее божественного родителя, и теперь незаконнорожденный ребенок, смелая авантюристка, она бродит по миру, не очень хорошо понимая, откуда она пришла и куда уходит.

Но это божество языческой древности - лишь смутное отражение, мерцающая тень Вечного Иеговы. Истинный Бог, которому поклоняются евреи, видит возможным запечатлеть в умах всех народов мысль о том, что он вечно царствует на земле, и с этой целью придает, если можно так выразиться, телесную форму этому царствованию среди Израиля. Видимая Теократия должна была на этот раз существовать на земле, чтобы она могла постоянно напоминать о невидимой Теократии, которая будет править миром вечно.

И какого блеска не приобретает великая истина — Бог в истории — благодаря христианскому Устроению? Кто такой Иисус Христос, если он не Бог в истории? Именно открытие Иисуса Христа дало Джону Мюллеру, главному среди современных историков, его познания в истории. "Евангелие, - говорит он, - это осуществление всех надежд, конечная точка всей философии, объяснение всех революций, ключ ко всем очевидным противоречиям физического и морального мира; короче говоря, это жизнь и бессмертие. С тех пор как я познал Спасителя, я вижу все ясно; с ним нет такой трудности, которую я не мог бы разрешить". [2]

Так говорит этот великий историк; и, по правде говоря, разве факт явления Бога в человеческой природе не является краеугольным камнем свода, таинственным узлом, который связывает все земное и привязывает к небесам? В истории мира есть рождение Бога, и разве Бога не должно быть в истории? Иисус Христос - истинный Бог в истории человечества. Сама подлость его появления доказывает это. Когда человек желает соорудить тень или укрытие на земле, вы можете ожидать подготовки, материалов, строительных лесов, рабочих, инструментов, траншей, мусора. Но Бог, когда ему угодно это сделать, берет самое маленькое семя, которое новорожденный младенец мог бы обхватить своей слабой рукой, помещает его в недра земли, и из этого зерна, поначалу незаметного, вырастает огромное дерево, под которым возлежат семьи земли. Совершать великие дела незаметными средствами - это закон Божий.

В Иисусе Христе этот закон получает свое самое великолепное исполнение. Христианство, которое теперь завладело вратами народов, которое в данный момент царит или странствует над всеми племенами земли от восхода до захода солнца и которое сама недоверчивая

философия вынуждена признать духовным и социальным законом мира, — это христианство (величайшее под небесным сводом, более того, в безграничной необъятности Творения), каково было начало? Младенец, родившийся в самом маленьком городке самой презируемой нации земли - младенец, у матери которого не было того, что есть у самой бедной и несчастной женщины в любом из наших городов, комнаты для родов — младенец, родившийся в конюшне и положенный в ясли!... Там, о Боже, Я созерцаю Тебя и преклоняюсь перед Тобой!

Реформация знала этот закон Божий и чувствовала, что у нее есть призвание исполнять его. Идея о том, что Бог присутствует в истории, часто выдвигалась реформаторами. В частности, мы находим это однажды выраженным Лютером под одной из тех гротескных и знакомых, но не недостойных фигур, которые он любил использовать, чтобы быть понятым людьми. "Мир, - сказал он однажды за столом в кругу своих друзей, - мир - это обширная и великолепная карточная игра, состоящая из императоров, королей и принцев. На протяжении нескольких веков папа побеждал императоров, принцев и королей, которые прогибались и падали под ним. Затем пришел наш Господь Бог и раздал карты, взяв себе самую маленькую, [Лютера], и с ее помощью побил папу римского, который побил королей земли.... Бог использовал ее как свой козырь. "Он низложил сильных с их престолов и возвысил низших", - говорит Мария". (Луки, i, 52.)

Период, историю которого я желаю проследить, важен применительно к настоящему времени. Человек, чувствуя свою слабость, обычно склонен искать помощи в институтах, которые, как он видит, существуют вокруг него, или в устройствах, порожденных его собственным воображением. История Реформации показывает, что со старым не делается ничего нового, и что если, по выражению нашего Спасителя, должны быть новые сосуды для молодого вина, то должно быть и молодое вино для новых сосудов. Она направляет человека к Богу, единственному действующему лицу в истории, — к этому божественному Слову, всегда древнему из—за вечности содержащихся в нем истин, всегда новому благодаря оказываемому им возрождающему влиянию, которое три столетия назад очистило общество, вернув веру в Бога тем, кого ослабили суеверия; и которое во все эпохи мировой истории является источником, из которого исходит спасение.

Удивительно видеть огромное количество людей, находящихся в состоянии возбуждения, вызванного смутным стремлением к какой-то устоявшейся вере, фактически относящейся к старокатолицизму. В каком-то смысле это движение естественно. Религия настолько малоизвестна, что они воображают, что найти ее можно только там, где она написана крупными буквами на баннере, который с возрастом становится респектабельным. Мы не говорим, что любой католицизм неспособен дать человеку то, чего он хочет. Мы считаем, что следует тщательно проводить различие между католицизмом и папством. Мы считаем папство ошибочной и разрушительной системой; но мы далеки от того, чтобы смешивать с ним католицизм. Сколько уважаемых людей, сколько истинных христиан не было в Католической Церкви! Каких только огромных услуг не оказал католицизм существующим государствам при их первом образовании, в то время, когда он был еще сильно пропитан Евангелием и когда папство было лишь намечено над ним в слабых очертаниях! Но мы далеки от тех времен. В наши дни предпринимается попытка привязать католицизм к папству; и если излагаются католические христианские истины, то они являются не чем иным, как приманкой для заманивания людей в сети иерархии. С этой стороны нечего ожидать. Отказался ли папство от какой-либо из своих практик, своих доктрин, своих притязаний? Не будет ли эта религия, которую другие эпохи были

неспособны вынести, еще менее приемлемой для нашей? Какое возрождение когда-либо происходило в Риме? Может ли исходить дух веры, надежды и милосердия, который один спасет нас, от папской иерархии, полностью поглощенной земными страстями? Неужели это изнеженная система, которая не имеет жизни для себя, которая повсюду борется со смертью и существует только благодаря помощи, заимствованной извне, которая даст жизнь другим и одухотворит христианское общество небесным дыханием, о котором оно вздыхает?

Или эта пустота в сердце и душе, которую начинают ощущать некоторые из наших современников, побудит других из них обратиться к новому протестантизму, который в нескольких местах вытеснил основные доктрины, преподававшиеся во времена Апостолов и реформаторов? Большая расплывчатость доктрины царит во многих из тех реформатских церквей, первоначальные члены которых отдали свою кровь в знак живой веры, которая одушевляла их. Люди выдающихся талантов, чувствующие все прекрасное в творении, впали в странные заблуждения. Общая вера в божественность Евангелия - это единственный стандарт, которому они готовы следовать. Но что это за Евангелие? Это существенный вопрос; и все же все молчат о нем, или, скорее, каждый говорит по-своему. Какая польза от знания того, что среди людей стоит сосуд, помещенный туда Богом для их исцеления, если никто не заботится о его содержимом, если никто не пытается присвоить его? Эта система не может заполнить существующую пустоту. В то время как вера Апостолов и реформаторов сейчас повсюду демонстрирует свою активность и силу в обращении мира, эта расплывчатая система ничего не делает, не дает ни света, ни жизни.

Но давайте не будем терять надежду. Разве Римский католицизм не исповедует великие доктрины христианства, Бога Отца, Сына и Святого Духа, Творца, Спасителя и Освящающего, Истину? Разве неопределенный протестантизм не держит в своих руках Книгу Жизни, которая "полезна для учения, для обличения, для исправления и для наставления в праведности"? И сколько честных духов, благородных в глазах людей и приятных в очах Бога, можно найти среди последователей этих двух систем! Как же нам не любить их?— как же нам не желать их полного освобождения от стихий этого мира? Милосердие имеет огромное значение; она принимает в свои объятия самые противоположные мнения, чтобы привести их к ногам Иисуса Христа.

Уже есть признаки, указывающие на то, что эти два крайних мнения находятся на пути приближения к Иисусу Христу, который является центром истины. Разве нет некоторых римско-католических церквей, в которых чтение Священного Писания рекомендуется и практикуется? А что касается протестантского рационализма, то насколько велик прогресс, которого он уже достиг! Оно возникло не во время Реформации, ибо история этой великой революции докажет, что это было время веры; но разве мы не можем надеяться, что оно стремится к этому? Разве сила истины не может достичь его через Слово Божье и, достигнув, преобразовать его? Даже сейчас это дает признаки религиозного чувства, без сомнения, неадекватного, но все же формирующего подход к здоровой доктрине и дающего надежду на решительный прогресс.

Как протестантизм, так и старокатолицизм сами по себе не подлежат обсуждению; и люди наших дней должны черпать спасительную силу из какого-то другого источника. Должно быть что-то, что исходит не от человека, а от Бога. "Дайте мне, - сказал Архимед, - точку вне мира, и я оторву ее от полюсов". Истинное христианство - это точка вне мира. Это поднимает человеческое сердце с двойной оси эгоизма и чувственности и однажды поднимет весь мир с его порочного пути и заставит его повернуться на новой оси праведности и мира.

Всякий раз, когда речь заходит о религии, внимание привлекают три объекта — Бог, человек и священник. На земле может быть только три религии, в зависимости от того, кто является автором и главой: Бог, человек или священник. Под религией священника я подразумеваю ту, которая изобретена священником во славу священника и управляется жреческой кастой. Под религией человека я подразумеваю те системы, те различные мнения, которые формирует человеческий разум и которые, созданные человеком во время болезни, вследствие этого совершенно лишены силы вылечить его. Под религией Бога я подразумеваю истину в том виде, в каком ее дал сам Бог, имеющую своей целью и следствием славу Божью и спасение людей.

Иерархизм, или религия священника, христианство, или религия Бога, рационализм, или религия человека - вот три системы, которые в наши дни разделяют христианский мир между собой. В иерархизме и рационализме нет безопасности ни для человека, ни для общества. Только христианство даст жизнь миру; но, к несчастью, из трех господствующих систем не оно насчитывает наибольшее число последователей.

Последователи, однако, у него есть. Христианство совершает свою работу возрождения среди многих католиков в Германии и, несомненно, также в других странах. По нашему мнению, это достигается более чисто и эффективно среди евангельских христиан в Швейцарии, Франции, Великобритании, Соединенных Штатах и т.д. Благословен Бог, пробуждения, индивидуальные или социальные, которые производит Евангелие, в наши дни больше не являются редкими событиями, которые мы должны искать в древних летописях!

То, что я собираюсь написать, - это общая история Реформации. Я намереваюсь проследить его течение среди различных наций и показать, что одни и те же истины повсюду приводили к одним и тем же результатам; в то же время, указывая на различия, вызванные различиями национального характера. И, во-первых, именно в Германии мы особенно часто встречаем примитивный тип реформ. Там она представляет собой наиболее закономерное развитие, там, прежде всего, она носит характер революции, не ограниченной тем или иным народом, но охватывающей весь мир. Реформация в Германии - это фундаментальная история реформ. Это великая планета; другие Преобразования - это вторичные планеты, которые обращаются вместе с ней, освещенные тем же солнцем и приспособленные к той же системе, но все еще ведущие отдельное существование, каждая из которых излучает свой свет и всегда обладает особой красотой. К реформации шестнадцатого века мы можем применить слова святого Павла: "Одна слава солнца, иная слава луны, и иная слава звезд; ибо одна звезда отличается от другой славой". (1 Кор., xv, 41.) Швейцарская реформация произошла одновременно с реформацией в Германии и независимо от нее, и представила, особенно в более поздний период, некоторые из великих черт, характеризующих немецкую реформацию. Реформация в Англии имеет совершенно особые права на наше внимание из-за мощного влияния, которое Церковь этого королевства сейчас оказывает на весь мир. Но воспоминания о семье и бегстве, мысль о битвах, страданиях и изгнании, перенесенных за дело Реформации во Франции, придают этому, в моих глазах, особую привлекательность. Рассматриваемый сам по себе, а также с точки зрения даты его начала, он по-своему красив.

Я верю, что Реформация - это дело Божье; это, должно быть, уже видели. Тем не менее, я надеюсь быть беспристрастным, прослеживая ее историю. О главных действующих лицах римско-католической церкви в этой великой драме — например, о Льве X, Альберте Магдебургском, Карле V и докторе Эке — я, полагаю, отзывался более благосклонно, чем это

делала большая часть историков. С другой стороны, я не стремился скрыть ошибки Реформаторов.

Начиная с зимы 1831-32 годов я читал публичные лекции о периоде Реформации, а затем опубликовал свою вступительную речь. [3] Эти лекции послужили подготовкой к работе, которую я сейчас предлагаю публике.

Эта история почерпнута из источников, с которыми я познакомился благодаря длительному проживанию в Германии, Нидерландах и Швейцарии, а также изучению документов, относящихся к религиозной истории Великобритании и некоторых других стран, на языках оригиналов. Эти источники указаны в примечаниях на протяжении всей работы и поэтому не требуют упоминания здесь.

Я мог бы пожелать подтвердить подлинность различных частей моего повествования многочисленными оригинальными примечаниями, но обнаружил, что, если они будут длинными и частыми, они могут прерывать ход повествования неприятным для читателя образом. Поэтому я ограничился некоторыми отрывками, которые показались мне подходящими для того, чтобы более подробно познакомить его с предметом.

Я обращаюсь к этой истории для тех, кто любит видеть прошлые события просто такими, какими они были, а не с помощью волшебного зеркала гения, которое увеличивает и позолачивает, но иногда и преуменьшает и искажает их. Ни философия восемнадцатого, ни романтика девятнадцатого века не придадут моим взглядам ни красок. Я пишу историю Реформации в ее собственном духе. Как было сказано, принципам не свойственна скромность. Их природа - властвовать, и они упрямо настаивают на своей привилегии. Если они встречаются на своем пути другие принципы, которые оспаривают их господство, они немедленно вступают в бой; ибо принцип никогда не успокаивается, пока не победит. Иначе и быть не может. Царствовать - это его жизнь; если он не царствует, он умирает. Следовательно, заявляя, что я не могу и не желаю соперничать с другими историками Реформации, я делаю оговорку в пользу принципов, на которых зиждется эта история, и бесстрашно отстаиваю их превосходство.

Я не могу отделаться от мысли, что пока еще нет истории достопамятной эпохи, которую я собираюсь описать, на французском языке. Когда я начал свою работу, я не увидел никаких указаний на то, что пробел должен быть заполнен. Только это обстоятельство могло побудить меня взяться за эту работу, и я привожу его здесь в качестве своего оправдания. Заготовка существует до сих пор; и я молю Того, от кого "нисходит" всякий добрый дар, даровать, чтобы эта скромная попытка не осталась без пользы для некоторых из ее читателей.

J. H. M. D'AUBIGNÉ.

О-Вив, недалеко от Женевы.

КНИГА I.

ГЛАВА I.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ ДО РЕФОРМАЦИИ.

Христианство—Два отличительных принципа—Формирование папства—Первые посягательства—Влияние Рима—Сотрудничество епископов и фракций—Внешнее единство Церкви—Внутреннее единство Церкви—Первенство Святого Петра—Патриархаты—Сотрудничество князей—Влияние варваров—Рим призывает франков—Светская власть—Пипин и Карл Великий—Декреталии—Беспорядки в Риме—Император, сеньор Папы—Гильдебранд—Его характер—Безбрачие—Борьба с императором—Эмансипация Папы—Преемники Гильдебранда —Крестовые походы—Церковь—Искажение доктрины.

Ослабевший мир качался на своих основаниях, когда появилось христианство. Национальные религии, которых было достаточно для отцов, больше не могли удовлетворять детей. Новое поколение не могло быть сформировано в древних формах. Боги всех народов, перенесенные в Рим, потеряли там своих оракулов, поскольку народы потеряли там свою свободу. Оказавшись лицом к лицу в Капитолии, они взаимно уничтожили друг друга, и их божественность исчезла. В религии мира образовалась огромная пустота.

Своего рода деизм, лишенный духа и жизни, некоторое время продолжал парить над бездной, в которой были поглощены могущественные суеверия древних. Но, как и все негативные верования, оно не смогло укрепиться. Узкие национальные различия исчезли вместе с богами, и нации растворились друг в друге. В Европе, Азии и Африке теперь была только одна империя, и человечество начало ощущать ее универсальность и единство.

Затем Слово стало плотью.

Бог явился среди людей и как человек, "чтобы спасти то, что было потеряно". В Иисусе из Назарета "обитала вся полнота Божества телесно".

Это величайшее событие в анналах мира. Древние времена подготовили его, из него вытекают новые времена. Это их центр, их связь и единство.

С тех пор все народные суеверия утратили смысл, и те хрупкие остатки, которые они спасли от великого кораблекрушения неверности, затонули под Величественным Солнцем вечной истины.

Сын человеческий прожил тридцать три года здесь, внизу, исцеляя больных, наставляя грешников, не имея места, где преклонить голову, и все же демонстрируя, несмотря на глубину этого унижения, величие, святость, силу и божественность, которых мир никогда не знал. Он страдал, умер, воскрес и вознесся на небеса. Его ученики, начав с Иерусалима, объехали империю и весь мир, повсюду провозглашая своего Учителя "Автором вечного спасения". Из сердца нации, стоявшей в стороне от всех наций, исходило милосердие, которое приглашало и охватывало всех. Огромное количество азиатов, греков и римлян, которых до тех пор священники приводили к ногам бессловесных идолов, поверили Слову, которое внезапно озарило землю, "подобно солнечному лучу", как выражается Евсевий. [4] Дыхание жизни

начало двигаться над этим обширным полем смерти. Среди людей сформировался новый народ, святая нация, и изумленный мир увидел в учениках галилеянина чистоту, самоотречение, милосердие, героизм, о которых он утратил даже представление.

Два принципа, в частности, отличали новую религию от всех предшествовавших ей человеческих систем. Один связан со служителями культа, другой - с доктриной.

Служители язычества были в некотором смысле богами, которым поклонялись эти человеческие религии. Жрецы Египта, Галлии, Скифии, Германии, Британии и Индостана руководили народом, по крайней мере, до тех пор, пока глаза народа оставались закрытыми. Иисус Христос, без сомнения, учредил служение, но он не основал особого священства. Он свергнул с престола живых идолов народов, разрушил гордую иерархию, отнял у человека то, что человек отнял у Бога, и снова привел душу в непосредственный контакт с божественным источником истины, провозгласив себя единственным Учителем и Посредником. — "Один у вас Учитель, Христос, - сказал он, - и все вы братья". (Matt., xxiii, 8.)

Что касается доктрины, человеческие религии учили, что спасение исходит от человека. Религии земли создали земную религию. Они сказали человеку, что небеса будут даны ему в качестве платы — они установили ее цену, и какую цену! Религия Бога учила, что спасение пришло от Бога, было даром небес, результатом амнистии, актом милости со стороны Суверена. "Бог, - говорится, - дал вечную жизнь".

Это правда, христианство нельзя свести к этим двум разделам, но они, по-видимому, управляют предметом, особенно когда речь идет об истории; и поскольку мы не можем проследить оппозицию между истиной и заблуждением по всем пунктам, мы должны выбрать те из них, которые наиболее заметны.

Итак, таковы были два составляющих принципа религии, которая в то время овладела империей и всем миром. С ними мы находимся в пределах истинных границ христианства - вне них христианство исчезает. От сохранения или утраты их зависело его величие или его падение. Они тесно связаны, ибо невозможно превозносить священников церкви или дела верующих, не принижая Иисуса Христа в его двойном качестве Посредника и Искупителя. Один из этих принципов должен управлять историей религии, другой - ее доктриной. Первоначально оба были первостепенными; давайте посмотрим, как они были утрачены. Мы начнем с судеб первых.

Сначала Церковь была обществом братьев под руководством братьев. Все они были научены Богом, и каждый имел право подойти к Божественному источнику света и почерпнуть для себя. (Иоанн, vi, 45.) Послания, которые тогда решали великие вопросы доктрины, не были подписаны напыщенным именем одного человека — главы. Священное Писание сообщает нам, что слова были просто такими: "Апостолы, пресвитеры и братья, нашим братьям". (Деяния, xv, 23.)

Но даже писания апостолов указывают на то, что из среды этих братьев поднимется сила и ниспровергнет этот простой и примитивный порядок. (2 Фес., ii, 2.)

Давайте поразмышляем о формировании и проследим за развитием этой силы — силы, чуждой Церкви.

Павел из Тарса, один из величайших апостолов новой религии, прибыл в Рим, столицу империи и всего мира, проповедуя спасение, исходящее от Бога. Рядом с тронном Кесарей была

образована церковь. Основанная этим апостолом, она поначалу состояла из нескольких обращенных евреев, нескольких греков и нескольких граждан Рима. Долгое время она сияла, как чистый свет на вершине горы. О ее вере говорили повсюду; но в конце концов она отошла от своего первобытного состояния. Именно с помощью небольших начинаний два Рима проложили свой путь к узурпированному владычеству над миром.

Первые пасторы или епископы Рима рано занялись обращением деревень и поселков вокруг города. Необходимость, которую ощущали епископы и пасторы Римской кампании, обращаться в трудных случаях к просвещенному руководителю, а также благодарность, которой они были обязаны Церкви метрополии, побудили их оставаться в тесном союзе с ней. То, что всегда наблюдалось в аналогичных обстоятельствах, было замечено и здесь: этот естественный союз вскоре перерос в зависимость. Превосходство, которое соседние церкви добровольно уступили, епископы Рима считали своим правом. Посягательства власти составляют одну большую часть истории, в то время как сопротивление тех, чьи права были ущемлены, формирует другую. Церковная власть не могла избежать опьянения, которое побуждает всех возвышенных стремиться подняться еще выше. Она подчинилась этому закону человечества и природы.

Тем не менее, верховенство римского епископа в то время ограничивалось надзором за церквями на территории, граждански подчинявшейся римскому префекту. [5] Но положение, которое этот город Императоров занимал в мире, обеспечило честолюбивому замыслу его первого пастыря более великую судьбу. Уважение, оказываемое во втором веке различным епископам христианского мира, было пропорционально рангу города, в котором они проживали. Теперь Рим был величайшим, самым богатым и могущественным городом в мире. Это была резиденция Империи, мать народов; "Все жители земли принадлежат ему", - говорит Юлиан; [6] и Клавдиан провозглашает его "источником закона". [7]

Если Рим - царица городов мира, почему его пастырь не должен быть царем епископов? Почему Римская церковь не должна быть матерью христианского мира? Почему народы не должны быть ее детьми, а ее власть - их суверенным законом? Честолюбивому сердцу человека было легко рассуждать таким образом. Честолюбивый Рим так и поступил.

Таким образом, языческий Рим, когда он пал, послал гордые титулы, которые его непобедимый меч отвоевал у народов земли, смиренному служителю Бога мира, восседавшему среди его руин.

Епископы в разных частях империи, увлеченные очарованием, которое Рим веками оказывал на все народы, последовали примеру Римской кампании и приложили руку к этому делу узурпации. Они с удовольствием воздавали епископу Рима часть почестей, которые принадлежали городу-королеве мира. Поначалу в этой чести не подразумевалось никакой зависимости. Они обращались с римским пастором как равный с равным; [8] но узурпированные полномочия растут подобно лавине. То, что поначалу было простым братским советом, вскоре стало в устах понтифика обязательным приказом. В его глазах первым местом среди равных был трон.

Западные епископы одобряли замыслы римских пасторов либо из зависти к восточным епископам, либо потому, что предпочитали верховенство папы светской власти.

С другой стороны, теологические фракции, раздиравшие Восток, стремились, каждая в свою очередь, заручиться благосклонностью Рима, ожидая своего триумфа от поддержки главной Церкви Запада.

Рим тщательно учитывал эти просьбы, это посредничество и улыбался, когда видел, как народы бросаются в его объятия. Она не упускала ни единого случая увеличить и расширить свою власть. Похвала, лесть, экстравагантные комплименты, консультации со стороны других церквей - все это стало в ее глазах и в ее руках титулами и доказательствами ее авторитета. Таков человек на троне; благовоения опьяняют его, и у него кружится голова. То, что у него есть, он рассматривает как мотив стремиться к большему.

Учение о Церкви и необходимости ее внешнего единства, которое начало преобладать еще в III веке, благоприятствовало притязаниям Рима. Основная идея Церкви состоит в том, что это собрание святых (1 Кор., i, 2), собрание первенцев, чьи имена написаны на небесах. (Евр., xii, 23.) Тем не менее, Церковь Господня не просто внутренняя и невидимая. Это должно проявляться внешне, и именно с целью этого проявления Господь учредил Таинства Крещения и Евхаристии. Церковь, рассматриваемая как внешняя, обладает характеристиками, отличными от тех, которые отличают ее от Церкви невидимой. Внутренняя Церковь, которая является телом Христовым, обязательно и вечно едина. Видимая Церковь, несомненно, участвует в этом единстве, но, рассматриваемая сама по себе, множественность является характеристикой, приписываемой ей в Священных Писаниях Нового Завета. В то время как они говорят нам о Церкви Божьей, [9] говоря о Церкви, проявляющейся внешне, они упоминают "Церкви Галатии", "Церкви Македонии", "Церкви Иудеи", "все Церкви Святых". [10] Эти разные Церкви, несомненно, могут в определенной степени культивировать внешний союз; но, несмотря на недостаток этой связи, они не теряют ни одного из существенных качеств Церкви Христовой. В первобытные времена великими узами, объединявшими членов Церкви, была живая вера сердца, благодаря которой все считали Христа своим общим Главой.

Различные обстоятельства рано способствовали возникновению и развитию идеи о необходимости внешнего единства. Люди, привыкшие к связям и политическим формам земной страны, перенесли некоторые из своих взглядов и обычаев в духовное и вечное царство Иисуса Христа. Преследования, бессильные разрушить или даже поколебать это новое общество, привлекли его внимание к самому себе и заставили его принять форму более компактного объединения. Заблуждению, возникшему в деистических школах или среди сект, противопоставлялась единая универсальная истина, полученная от Апостолов и сохраненная в Церкви. Это было хорошо, пока невидимая и духовная Церковь была едина с видимой и внешней Церковью. Но вскоре произошел серьезный развод; форма и жизнь отделились друг от друга. Видимость идентичной внешней организации постепенно заменила внутреннее и духовное единство, составляющее сущность подлинной религии. Драгоценный аромат веры был оставлен без внимания, и тогда люди пали ниц перед пустой вазой, в которой он содержался. Вера сердца больше не объединяла членов Церкви, искали другую связь, и они были объединены с помощью епископов, архиепископов, пап, митр, церемоний и канонов. Живая Церковь постепенно удалилась в скрытое святилище некоторых уединенных душ, внешняя Церковь была поставлена на ее место и объявлена, со всеми ее формами, божественным учреждением. Спасение, больше не исходившее отныне из скрытого Слова, утверждалось, что оно передавалось посредством изобретенных форм, и что ни один человек не мог бы обладать им, если бы он не получал его по этому каналу. Было сказано, что никто не

может своей собственной верой достичь вечной жизни. Христос сообщил Апостолам, а Апостолы сообщили епископам помазание Святым Духом; и этот Дух существует только в таком порядке! Первоначально всякий, кто имел Дух Иисуса Христа, был членом Церкви, но теперь термины поменялись местами, и утверждалось, что никто, кроме членов Церкви, не получил Духа Иисуса Христа. [11]

По мере того, как эти идеи укреплялись, различие между духовенством и народом становилось все более заметным. Спасение душ больше не зависело исключительно от веры во Христа, но также, и это особенно важно, от союза с Церковью. Представители и главы Церкви получили часть доверия, причитающегося только Иисусу Христу, и фактически стали посредниками для паствы. Соответственно, идея всеобщего священства христиан постепенно исчезала; служители Церкви Христа были приравнены к священникам при Старом Устроении; а те, кто отделился от епископа, были поставлены в один класс с Кореом, Дафаном и Авирамом. От индивидуального священства, такого, какое тогда было сформировано в Церкви, к суверенному священству, каким сейчас утверждает Рим, шаг был легким.

Фактически, как только было установлено заблуждение относительно необходимости видимого единства Церкви, возникло новое заблуждение, а именно о необходимости внешнего представителя этого единства.

Хотя мы нигде не находим в Евангелии никаких следов превосходства Святого Петра над другими апостолами; хотя сама идея первенства противоречит братским отношениям, объединявшим учеников, и даже духу евангельского устроения, который, напротив, призывает всех детей Отца быть слугами друг другу, признавая одного только учителя и одного только начальника; и хотя Иисус Христос резко упрекал своих учеников, как только честолюбивые идеи превосходства возникали в их плотских сердцах, люди изобретали и посредством отрывков из Священного Писания искажали их. поняли, поддержали первенство в святом Петре, а затем в этом апостоле и его мнимых преемниках в Риме, приветствовали видимых представителей видимого единства - глав Церкви!

Патриархальная конституция также способствовала возвышению римского папства. Уже в первые три столетия церкви столичных городов пользовались особым уважением. Ниццкий собор в своем Шестом Каноне выделил три города, церкви которых, согласно ему, имели древнюю власть над церквями окружающих провинций; это были Александрия, Рим и Антиохия. О политическом происхождении этого различия свидетельствует само название, которое первоначально было дано епископу этих городов. Его называли экзархом точно так же, как гражданского губернатора. [12] В более поздний период ему было присвоено более церковное имя Патриарха. Это название впервые встречается на Константинопольском соборе, но в ином смысле, чем тот, который оно получило в более поздний период; ибо незадолго до Халкидонского собора оно применялось исключительно к великим митрополитам. Второй Вселенский собор учредил новый патриархат, патриархат самого Константинополя, нового Рима, второй столицы империи. Византийская церковь, столь долго пребывавшая в неизвестности, пользовалась теми же привилегиями и была поставлена Халкидонским собором в один ряд с Римской церковью. Затем Рим разделил патриархат с этими тремя церквями; но когда вторжение Магомета уничтожило Александрийскую и Антиохийскую кафедры, когда Константинопольская кафедра пришла в упадок, а позже даже отделилась от запада, Рим

остался один, и обстоятельства сплотили всех вокруг его кафедры, у которой с того времени не было соперников.

Новые сообщники, самые могущественные из всех сообщников, также пришли ей на помощь. Невежество и суеверия овладели Церковью и выдали ее Риму с повязкой на глазах и цепями на руках. И все же это рабство не было завершено без сопротивления. Часто голос церковей протестовал против их независимости: этот смелый голос был особенно слышен в проконсульской Африке и на Востоке. [13]

Но Рим нашел новых союзников, чтобы заглушить крик Церквей. Принцы, которых бурные времена часто заставляли пошатываться на троне, предложили ей свою поддержку, если она взамен поддержит их. Они предложили ей духовную власть при условии, что она восстановит их в правах светской власти. Они предложили ей дешевую сделку с душами в надежде, что она поможет им заключить дешевую сделку с их врагами. Восходящая иерархическая власть и приходящая в упадок имперская власть, таким образом, поддерживали друг друга и этим союзом ускорили свою двойную судьбу.

Здесь Рим не мог оказаться в проигрыше. Эдикт Феодосия II и Валентиниана III провозглашал римского епископа "Настоятелем всей Церкви". [14] Юстиниан издал аналогичный указ. Эти декреты не содержали всего того, что папы якобы видели в них; но в те времена невежества им было легко дать преобладающее толкование, которое было наиболее в их пользу. Власть императоров в Италии становилась все более шаткой, и римские епископы не смогли воспользоваться этим обстоятельством, чтобы избавиться от своей зависимости.

Но энергичные сторонники папской власти к этому времени вышли из лесов Севера. Варвары, вторгшиеся на Запад и обосновавшиеся там после опьянения кровью и грабежом, должны были опустить свой свирепый меч перед интеллектуальной силой, с которой они столкнулись. Совершенно незнакомые с христианством, не знающие духовной природы Церкви и требующие от религии определенной внешней показухи, они, наполовину дикари, наполовину язычники, пали ниц перед первосвященником Рима. С ними Запад был у его ног. Сначала вандалы, затем остготы, чуть позже бургунды, затем вестготы, наконец, лангобарды и англосаксы пришли поклониться римскому понтифику. Именно крепкие плечи сынов идолопоклоннического Севера завершили работу по возведению пастыря с берегов Тибра на высший трон христианского мира.

Все это происходило на Западе в начале VII века, как раз в тот период, когда на Востоке усиливалась власть Магомета, готового также захватить часть земного шара.

С этого времени зло не перестает расти. В восьмом веке мы видим, как римские епископы одной рукой отталкивают греческих императоров, своих законных суверенов, и пытаются изгнать их из Италии, в то время как другой они ласкают мэров Франции и просят эту новую власть, которая начинает подниматься на Западе, о доле в крушении империи. Между Востоком, который она отталкивает, и Западом, который она приглашает, Рим устанавливает свою узурпированную власть. Она восстанавливает свой трон между двумя восстаниями. Испуганный криком арабов, которые, став хозяевами Испании, хвастаются, что скоро придут в Италию через перевалы Пиренеев и Альп, и провозгласят имя Магомета на семи холмах, — пораженный дерзким Астольфом, который во главе своих лангобардов испускает лвиный рык и размахивает мечом перед воротами вечного города, угрожая расправой каждому римлянину,

[15]-Рим, находящийся на грани разорения, в ужасе оглядывается по сторонам и бросается в объятия франков. Узурпатор Пипин просит мнимого разрешения у своей новой королевской власти; папство дает ему его и взамен заставляет объявить себя защитником "Республики Бога". Пипин отнимает у лангобардов то, что они отняли у императора; но вместо того, чтобы вернуть это ему, он кладет ключи от завоеванных им городов на алтарь святого Петра и, клянясь с поднятой рукой, заявляет, что он взялся за оружие не ради человека, а чтобы получить прощение своих грехов от Бога и воздать должное святому Петру за его победы.

Появляется Карл Великий. В первый раз он поднимается в собор Святого Петра, благоговейно целуя ступени. Когда он появляется во второй раз, то уже как повелитель всех королевств, образовавших Западную империю, и самого Рима.

Лев III считает своим долгом присвоить титул тому, кто уже обладает властью, и в 800 году, на празднике Ноэля, возлагает на голову сына Пипина корону римского императора. [16] С этого времени папа принадлежит империи франков, и его отношения с Востоком прекращены. Он отделяется от гнилого дерева, которое вот-вот упадет, чтобы привиться к сильному дикому побегу. Среди германских рас, которым он посвящает себя, его ждет судьба, к которой он никогда не осмеливался стремиться.

Карл Великий завещал своим слабым преемникам только обломки своей империи. В девятом веке гражданская власть повсюду была ослаблена разобщенностью, и Рим понял, что настало время поднять голову. Когда Церковь могла бы лучше стать независимой от государства, чем в этот период упадка, когда корона, которую носил Карл, была сломана, и ее осколки лежали разбросанными по земле его древней империи?

В это время появились поддельные Декреталии Исидора. В этом сборнике мнимых указов пап древнейшие епископы, современники Тацита и Квинтилиана, говорили на варварской латыни девятого века. Обычаи и конституции франков серьезно приписывались римлянам времен императоров; папы цитировали Библию в латинском переводе святого Иеронима, жившего через одно, два или три столетия после них; а Виктор, епископ Рима, в 192 году написал Феофилу, который был архиепископом Александрии, в 395 году. Самозванец, подделавший этот сборник, стремился сделать вид, что все епископы получили свою власть от римского епископа, который непосредственно получил свою власть от Иисуса Христа. Он не только записал все последовательные завоевания понтификов, но, более того, перенес их в самые отдаленные периоды. Папы не постеснялись воспользоваться этим презренным изобретением. Еще в 865 году Николай I выбрал его в качестве своей брони [17] для борьбы с принцами и епископами. Эта бесстыдная подделка веками была арсеналом Рима.

Тем не менее пороки и преступления понтификов на некоторое время приостановили действие Декреталий. Папство празднует свое допущение к столу королей постыдными возлияниями. Оно продолжает опьянять себя, и его голова кружится среди разврата. Примерно в это же время традиция возводит на папский престол девицу по имени Жанна, которая бежала в Рим со своим возлюбленным и, когда у нее начались роды, предала свой пол посреди торжественной процессии. Но давайте без необходимости не усугублять позор двора римских понтификов. Брошенные женщины действительно правили в Риме в этот период. Трон, который претендовал на то, чтобы превозносить себя над величием королей, погряз в трясине порока. Феодора и

Марозия по своему желанию устанавливали и низлагали мнимых Учителей Церкви Христовой и сажали на трон Петра своих любовников, своих сыновей и своих внуков. Эти скандальные разбирательства, которые, возможно, слишком правдивы, дали начало традиции папессы Иоанны.

Рим превращается в огромный театр беспорядков, на котором самые могущественные семьи Италии борются за господство — графы Тосканы обычно оказываются победителями. В 1033 году этот дом осмеливается посадить на папский престол под именем Бенедикта Девятого юношу, воспитанного в разврате. Этот двенадцатилетний ребенок, став папой, продолжает свою невыразимую распущенность. [18] Фракция избирает Сильвестра вместо него, и, наконец, папа Бенедикт, с совестью, отягощенной прелюбодеянием, и рукой, окрашенной кровью убийств, [19] продает папство неизвестному священнослужителю Рима.

Императоры Германии, возмущенные столькими беспорядками, очистили Рим мечом. Империя, пользуясь своими правами превосходства, вытщила тройную корону из трясины, в которую она попала, и спасла деградировавшее папство, поставив ему достойных людей во главе. Генрих III в 1046 году низложил трех пап, и его палец, украшенный кольцом римских патрициев, указал на епископа, которому должны были быть переданы ключи от исповеди святого Петра. Четыре папы, все немцы, назначенные императором, сменяли друг друга. Когда умер римский понтифик, представители этой Церкви явились к императорскому двору, подобно посланцам из других епархий, с просьбой назначить нового епископа. Император был даже рад видеть, что папа исправляет злоупотребления, укрепляет Церковь, проводит соборы, назначает и низлагает прелатов вопреки иностранным монархам; папство этими притязаниями только возвеличивало власть императора, своего сеньора. Но было большой опасностью позволять играть в такие игры. Сила, которую понемногу восстанавливали папы, могла внезапно обернуться против самого императора. Когда гадюка выздоравливала, она могла ужалить грудь, которая ее согревала. Именно это и произошло на самом деле.

Здесь начинается новая эпоха в папстве. Оно восстает из своего унижения, и вскоре князья земли оказываются у его ног. Превозносить его - значит возвышать Церковь, значит возвеличивать религию, значит обеспечивать разуму его победу над плотью, а Богу - его торжество над миром. Таковы его принципы, и в них честолюбие находит свою выгоду, а фанатизм - оправдание.

Вся эта новая тенденция олицетворена в одном человеке — Гильдебранде.

Гильдебранд, которого то чрезмерно превозносят, то несправедливо клеймят позором, является олицетворением римского понтификата в его могуществе и славе. Он - один из тех главных духов истории, которые содержат в себе целый ряд новых вещей, подобных тем, что были представлены в других сферах Карлом Великим, Лютером и Наполеоном.

Лев IX подобрал этого монаха, проезжая через Клуни, и привез его в Рим. С этого времени Гильдебранд был душой папства, пока не стал самим папством. Он управлял Церковью от имени нескольких понтификов до своего собственного правления при Григории VII. Этим великим гением овладела одна великая идея. Он желает основать видимую теократию, главой которой будет папа, как наместник Иисуса Христа. Воспоминание о древнем всемирном владычестве языческого Рима преследует его воображение и разжигает его рвение. Он желает вернуть

Папскому Риму все, что было утрачено Римом Императоров. "То, чего Марий и Цезарь, - говорили его льстецы, - не могли сделать потоками крови, ты совершаешь словом".

Григорий VII не был ведом Духом Господним. Этому Духу истины, смирения и кротости он был чужд. Он пожертвовал тем, что считал правдой, когда посчитал это необходимым для своих замыслов. В частности, он сделал это в деле Беренджера. Но дух, намного превосходящий дух обычных понтификов, глубокая убежденность в справедливости своего дела, несомненно, воодушевляли его. Смелый, амбициозный и непреклонный в своих замыслах, он в то же время был ловок и гибок в использовании средств для обеспечения их успеха.

Его первым трудом было создать ополчение Церкви, поскольку он должен был стать сильным, прежде чем напасть на империю. Собор, состоявшийся в Риме, разлучил пасторов с их семьями и обязал их полностью принадлежать иерархии. Закон о безбрачии, задуманный и приведенный в исполнение при папах, которые сами были монахами, превратил духовенство в своего рода монашеский орден. Григорий VII претендовал на то, что имеет над всеми епископами и священниками христианского мира такую же власть, какую аббат Ключи имел над орденом, которым он руководил. Легаты Гильдебранда, сравнивая себя с проконсулами древнего Рима, разъезжали по провинциям, чтобы лишать пасторов их законных жен, а при необходимости сам папа поднимал народ против женатых священников. [20]

Но главной целью Григория было освободить Рим от империи. Этот смелый план он никогда бы не осмелился осуществить, если бы раздоры, беспокоившие меньшинство Генриха IV, и восстание немецких князей не способствовали его осуществлению. Папа римский был тогда подобен одному из вельмож империи. Объединяясь с другими крупными вассалами, он формирует партию в интересах аристократии, а затем запрещает всем священнослужителям под страхом отлучения от церкви получать от императора инвеституру в свои бенефиции. Он разрывает древние узы, которые объединяют церкви и их пасторов под властью принца, но это делается для того, чтобы приковать их всех к папскому престолу. Его цель - могущественной рукой сковать священников, королей и народ и сделать папу вселенским монархом. Только Рима должен бояться каждый священник, только на Рим он должен надеяться. Королевства и княжества земли - его владения, и все короли должны трепетать перед громом Юпитера современного Рима. Горе тому, кто сопротивляется! Подданные лишены присяги на верность, по всей стране наложен интердикт, прекращается всякое богослужение, церкви закрыты, а их колокола немяют; таинства больше не совершаются, и слова проклятия доходят даже до мертвых, которым земля, по приказу надменного понтифика, отказывает в покое могилы.

Папа, который с первых дней своего существования подчинялся сначала римским императорам, затем франкским императорам и, наконец, германским императорам, теперь был эмансипирован и впервые стал равным им, если не сказать больше, их повелителем. Однако Григорий VII, в свою очередь, был унижен; Рим был взят, и Гильдебранд был вынужден бежать. Он умер в Салерно, сказав: "Я возлюбил праведность и возненавидел беззаконие, поэтому умираю в изгнании". [21] Слова, произнесенные таким образом у врат могилы, кто осмелится обвинить в лицемерии?

Преемники Григория, подобно солдатам, прибывающим после великой победы, бросились, как завоеватели, на покоренные церкви. Испания, спасенная от исламизма, Пруссия, избавленная от идолов, попали в руки коронованного священника. Крестовые походы, которые были предприняты по его приказу, повсюду расширили и укрепили его власть. Эти благочестивые

паломники, которые думали, что видят святых и ангелов, ведущих их армии, и которые, смиренно войдя босиком за стены Иерусалима, сожгли евреев в их синагоге и кровью тысяч сарацин затопили места, к которым они пришли, ища священные следы Князя Мира, пронесли имя папы на Восток, где его перестали знать с тех пор, как он отказался от превосходства греков в пользу франков.

С другой стороны, то, чего не смогли сделать армии Римской республики и империи, сделала власть Церкви. Немцы принесли к ногам епископа дань, в которой их предки отказывали самым могущественным генералам. Их принцы, став императорами, думали, что получили корону от пап, но папы надели на них ярмо. Королевства Христианского мира, ранее подчинявшиеся духовной власти Рима, теперь стали его данниками и крепостными.

Таким образом, все в Церкви меняется.

Сначала это была община братьев, а теперь в ее лоне установилась абсолютная монархия. Все христиане были священниками Бога живого (1 Петра, ii, 9) со смиренными пастырями в качестве своих наставников; но гордая голова поднялась среди этих пасторов, таинственные уста произносят язык, полный высокомерия, железная рука принуждает всех людей, малых и великих, богатых и бедных, рабов и невольников, принять печать его власти. Святое и первобытное равенство душ перед Богом утрачено, и христианский мир по воле человека разделен на два неравных лагеря — в одном каста священников, которые осмеливаются узурпировать название Церкви и претендуют на высокие привилегии в глазах Господа, — в другом рабские стада, доведенные до слепого и пассивного подчинения, люди с кляпом во рту и спеленутые, отданные на откуп гордой касте. Каждое племя, язык и нация христианского мира подпадают под власть этого духовного царя, получившего власть побеждать.

ГЛАВА II.

Благодать—Мертвая вера—Дела—Единство и двойственность—Пелагианство—Спасение от рук священников—Епитимьи—Бичевания—Индульгенции—Дела сверхпревращения—Чистилище—Налогообложение—Юбилей—Папство и христианство—Состояние христианского мира.

Но наряду с принципом, который должен был управлять историей христианства, был еще один, который должен был управлять его доктриной. Великой идеей христианства была идея благодати, прощения, амнистии и дара вечной жизни. Эта идея предполагала в человеке отчуждение от Бога и невозможность с его стороны вновь вступить в общение с Существом бесконечной святости. Противоположность между истинным и ложным учением, это правда, не может быть полностью сведена к вопросу о спасении по вере и спасении делами. Тем не менее, это его самая выдающаяся черта, или, скорее, спасение, рассматриваемое как исходящее от человека, является созидющим принципом всех ошибок и всех злоупотреблений. Крайности, вызванные этой фундаментальной ошибкой, привели к Реформации, и исповедание противоположного принципа привело к ее достижению. Эта черта должна быть особо выделена во введении к истории Реформации. Таким образом, спасение по благодати - это вторая характеристика, которая существенно отличала религию Бога от всех человеческих религий.

Что с ней стало? Хранила ли Церковь эту великую и изначальную идею как драгоценный залог? Давайте проследим за ее историей.

Жители Иерусалима, Азии, Греции и Рима во времена первых императоров слышали радостную весть: "Благодатью вы спасены через веру — это дар Божий". (Ефес., ii, 8.) При этом голосе мира — при этом Евангелии — при этом могущественном слове — многие верующие грешные души приблизились к Тому, Кто является источником мира, и среди существовавшего тогда развращенного поколения образовались многочисленные христианские церкви.

Но вскоре возникло большое заблуждение относительно природы спасительной веры. Вера, согласно апостолу Павлу, — это средство, с помощью которого все существо верующего — его интеллект, его сердце и его воля - вступает во владение спасением, которое приобрело для него воплощение Сына Божьего. Иисус Христос постигается верой, и отныне он становится всем для человека и в человеке. Он наделяет человеческую природу божественной жизнью; и человек, таким образом обновленный, освобожденный от власти эгоизма и греха, обретает новые привязанности и совершает новые дела. Вера (говорит Теология, чтобы выразить эти идеи) - это субъективное присвоение объективной работы Христа. Если вера не является обретением спасения, то это ничто; вся христианская экономика нарушена, источники новой жизни запечатаны, и христианство опрокинуто в своем основании.

Таков был фактический результат. Практический взгляд постепенно забывался, и вскоре вера стала не более чем тем, чем она до сих пор является для многих, — актом понимания, простым подчинением вышестоящему авторитету.

Эта первая ошибка неизбежно привела ко второй. Нельзя сказать, что вера, лишенная своего практического характера, спасает в одиночку. Дела, которые больше не следуют за этим, должны были быть поставлены рядом с ним, и учение о том, что человек оправдывается верой и делами, утвердилось в Церкви. Христианскому единству, которое включает в себя по одному и тому же принципу оправдание и дела, благодать и закон, доктрину и долг, на смену пришла печальная двойственность, которая делает религию и мораль совершенно разными, — фатальная ошибка, которая разделяет вещи, которые не могут жить, если не объединены, и которая, помещая душу с одной стороны, а тело - с другой, приводит к смерти. Слова апостола, звучащие во все века, звучат так: "Начав в Духе, теперь ли вы достигли совершенства плотью?" (Гал., iii, 3.)

Возникла еще одна великая ошибка, нарушившая учение о благодати. Это было пелагианство. Пелагий утверждал, что природа человека не является падшей — что нет наследственной испорченности — и что человеку, получившему силу творить добро, нужно только пожелать этого, чтобы совершать его. [22] Если доброта заключается в определенных внешних действиях, Пелагиус прав. Но если мы посмотрим на мотивы, из которых проистекают эти внешние действия, мы обнаружим в каждой частичке человека эгоизм, забвение Бога, осквернение и бессилие. Пелагианская доктрина, оттесненная от Церкви Августином, когда она продвигалась открытым фронтом, вскоре представила вид сбоку в форме полупелагианства и под маской августиновских формул. Эта ересь распространилась по христианскому миру с поразительной быстротой. Опасность системы проявлялась, прежде всего, в этом — помещая добро не внутри, а вовне, она придавала большое значение внешним трудам, соблюдению законов и актам покаяния. Чем больше эти люди совершали, тем святее они становились; благодаря им они завоевали небеса, и вскоре были замечены люди (конечно, очень удивительное

обстоятельство), которые продвинулись в святости дальше, чем требовалось. Пелагианство, в то же самое время, когда оно искажало доктрину, укрепляло иерархию; той же рукой, которой оно низводило благодать, оно возвышало Церковь; ибо благодать от Бога, а Церковь от человека.

Чем глубже наше убеждение в том, что весь мир виновен перед Богом, тем больше мы будем прилепляться к Иисусу Христу как единственному источнику благодати. С такой точки зрения, как мы можем поставить Церковь на один уровень с ним, если она есть не что иное, как совокупность людей, подверженных тем же естественным страданиям? Но как только мы приписываем человеку его собственную святость, все меняется, и священнослужители и монахи становятся наиболее естественным средством получения благодати Божьей. Именно это произошло после Пелагия. Спасение, вырванное из рук Бога, перешло в руки священников, которые поставили себя на место Господа. Души, жаждущие прощения, должны были больше смотреть не на небеса, а на Церковь, и, прежде всего, на ее мнимого главу. Для ослепленных умов римский понтифик был вместо Бога. Отсюда величие пап и неопишуемые злоупотребления. Зло зашло еще дальше. Пелагианство, утверждая, что человек может достичь совершенного освящения, точно так же претендовало на то, что заслуги святых и мучеников могут быть применены к Церкви. Их заступничеству даже приписывалась особая добродетель. К ним обращались в молитвах, к их помощи обращались во всех жизненных испытаниях, и настоящее идолопоклонство вытеснило поклонение истинному и живому Богу.

В то же время пелагианство множило обряды и церемонии. Человек, воображающий, что он может и что он должен добрыми делами сделать себя достойным благодати, не видел ничего более подходящего для того, чтобы заслужить ее, чем внешнее поклонение. Закон церемоний, становившийся бесконечно сложным, вскоре был приравнен, по крайней мере, к нравственному закону, и, таким образом, совесть христиан вновь была обременена ярмом, которое было объявлено невыносимым во времена апостолов. (Деяния, xv, 10.)

Но что больше всего деформировало христианство, так это система покаяния, выросшая из пелагианства. Епитимья сначала заключалась в определенных публичных знаках покаяния, которых Церковь требовала от тех, кого она исключила из-за скандала и кто желал снова быть принятым в ее лоно.

Постепенно епитимья распространялась на все грехи, даже самые тайные, и рассматривалась как своего рода наказание, которому необходимо было подвергнуться, чтобы получить прощение Бога через отпущение грехов священниками.

Таким образом, церковное покаяние было приравнено к христианскому покаянию, без которого не может быть ни оправдания, ни освящения.

Вместо того, чтобы ожидать прощения от Христа только по вере, его ожидали главным образом от Церкви в виде покаяния.

Большое значение придавалось внешним признакам покаяния, слезам, постам и истязаниям, в то время как внутреннее обновление сердца, которое единственное составляет истинное обращение, было забыто.

Поскольку исповедь и покаяние легче, чем искоренение греха и оставление порока, многие перестали бороться с похотями плоти, решив, что лучше заменить их определенным очищением.

Дела покаяния, заменяющие Божье спасение, продолжали множиться в Церкви со времен Тертуллиана в третьем веке. Теперь считалось необходимым поститься, ходить босиком, не носить белья и т.д., Или покинуть дом и уехать в далекие страны, или, что еще лучше, отречься от мира и принять монашество!

Ко всему этому в одиннадцатом веке добавились добровольные бичевания. В более поздний период это стало настоящей манией в Италии, которая в то время была сильно взбудоражена. Дворяне и крестьяне, молодые и старые, даже пятилетние дети, ходят по двое сотнями, тысячами и десятками тысяч через деревни, поселки и поселочки в фартуке, повязанном вокруг талии (их единственной одежде), и глубокой зимой совершают процессии в церквях. Вооруженные кнутом, они безжалостно бичевали себя, и улицы оглашались криками и стонами, вызывающими слезы у тех, кто их слышит.

Еще задолго до того, как зло достигло такой высоты, люди чувствовали угнетение священников и вздыхали об избавлении. Сами священники поняли, что если они не применяют лекарство, то узурпированная ими власть будет утрачена, и поэтому они изобрели систему обмена, так хорошо известную под названием Индульгенций. Вот что они сказали: "Вы, кающиеся, не способны выполнять задачи, которые вам предписаны? Что ж, тогда мы, священники Божьи, и ваши пастыри, возьмем на себя тяжелое бремя. За семинедельный пост, - говорит Реджино, аббат Прума, - богат заплатит двадцать пенсов, один человек меньше - десять пенсов, бедняк - три пенсы, и так в той же пропорции за другие вещи". [23] Против этого трафика были высказаны решительные голоса, но тщетно.

Папа вскоре обнаружил преимущества, которые он мог бы извлечь из этих индульгенций. В XIII веке Александр Хейлз, непревзойденный врач, изобрел доктрину, хорошо приспособленную для того, чтобы обеспечить папству доступ к этому огромному ресурсу, и булла Климента VII провозгласила ее догматом веры. Говорилось, что Иисус Христос сделал гораздо больше, чем было необходимо, чтобы примирить Бога с людьми; для этого было бы достаточно одной капли его крови; но он пролил много крови, чтобы основать сокровищницу для своей церкви, сокровищницу, которую не сможет исчерпать даже вечность. Дополнительные заслуги святых, то есть ценность дел, которые они совершали сверх своих обязательств, служили также увеличению этой сокровищницы, хранение и управление которой были доверены наместнику Христа на земле, который применяет к каждому грешнику за совершенные после крещения проступки эти заслуги Иисуса Христа и святых в соответствии с мерой и количеством, которые его грехи делают необходимыми. Кто осмелится напасть на практику, происхождение которой столь свято?

Это непостижимое движение вскоре расширяется и становится более сложным. Александрийские философы говорят об огне, в котором души должны очиститься. Это философское мнение, которого придерживались несколько древних врачей, Рим объявил доктриной Церкви. Папа римский буллой присоединил чистилище к своим владениям. Он постановил, что человек должен там искупить то, что он, возможно, не сможет искупить здесь, на земле, но что индульгенции могут освободить души из того промежуточного состояния, в котором в противном случае их удерживали бы грехи. Эта догма изложена Фомой Аквинским в

его знаменитой теологической "Сумме". Не было сделано ничего, чтобы наполнить разум ужасом. Муки, которым очищающий огонь подвергает тех, кто становится его жертвами, были окрашены в ужасные цвета. Даже в наши дни во многих католических странах мы видим картины, выставленные в церквях или на общественных улицах, на которых бедные души посреди горящего пламени взывают в агонии о помощи. Кто мог отказаться от выкупных денег, которые, попав в римскую казну, должны были избавить душу от таких страданий?

Чтобы придать регулярность этому движению, вскоре после этого был составлен (вероятно, Иоанном XXII) знаменитый и скандальный закон о налогообложении индульгенций, который выдержал более сорока изданий.

Самые нежные уши были бы оскорблены, если бы мы повторили все ужасные вещи, содержащиеся в нем.

Кровосмешение обойдется, если о нем не будет известно, в пять грошей, если станет известно, то в шесть; столько будет заплачено за убийство, столько-за детоубийство, прелюбодеяние, лжесвидетельство, взлом со взломом и т.д. "Позор Риму", - восклицает Клавдий Эсперсе, римский богослов, и мы добавляем: "Позор человеческой природе!" ибо мы не можем упрекнуть Рим ни в чем, что не отражается на самом человеке. Рим - это человечество, преувеличенное в некоторых своих дурных наклонностях. Мы говорим это ради правды, и мы также говорим это ради справедливости.

Бонифаций VIII, самый смелый и амбициозный из пап после Григория VII, опередил всех своих предшественников.

В 1300 году он опубликовал буллу, в которой объявил Церкви, что каждые сто лет все лица, направляющиеся в Рим, будут получать там полную индульгенцию. Толпы стекались из Италии, Сицилии, Сардинии, Корсики, Франции, Испании, Германии, Венгрии и со всех сторон. Старики шестидесяти и семидесяти лет отправились в путь, и за один месяц в Риме насчитали двести тысяч паломников. Все эти незнакомцы приносили богатые подношения, и папа и римляне видели, что их казна наполнилась.

Скупость римлян вскоре установила, что каждый юбилей приходится на пятьдесят лет, следующий - на тридцать три и, наконец, на двадцать пять. Затем, для большего удобства покупателей и большей прибыли продавцов, юбилей и связанные с ним индульгенции были перевезены из Рима во все части христианского мира. Не было необходимости покидать дом. То, за чем другие отправлялись за Альпы, каждый мог приобрести у своей двери.

Зло не могло зайти дальше.

Затем восстал Реформатор.

Ранее мы видели, что стало с принципом, который должен был управлять историей христианства, а теперь мы увидели, что стало с тем, что должно было управлять его доктриной; и то, и другое было утрачено.

Установить касту-посредника между человеком и Богом и настаивать на том, что спасение, даруемое Богом, должно быть куплено делами, покаянием и деньгами, - вот задача папства.

Дать всем Иисусом Христом без посредника-человека и без той силы, которая называется Церковью, свободный доступ к великому дару вечной жизни, который Бог дарует человеку, - это христианство и Реформация.

Папство - это огромная стена, возведенная между человеком и Богом вековым трудом. Всякий, кто хочет преодолеть ее, должен заплатить за это или пострадать. И все же разве он не будет принят?

Реформация - это сила, которая разрушила эту стену, вернула Христа человеку и проложила путь, по которому он может прийти к своему Создателю.

Папство ставит Церковь между Богом и человеком. Христианство и Реформация заставляют их встретиться лицом к лицу. Папство разделяет — Евангелие объединяет их.

Проследив таким образом историю упадка и угасания двух великих принципов, отличающих религию Бога от всех религий человека, давайте обратим внимание на некоторые результаты этого обширного изменения.

Однако сначала давайте отдадим дань уважения этой средневековой Церкви, которая пришла на смену церкви Апостолов и Отцов Церкви и предшествовала церкви реформаторов. Церковь, хотя и приходила в упадок и всегда становилась все более и более порабощенной, все еще оставалась Церковью, то есть по-прежнему оставалась самым могущественным другом, который был у человека. Ее руки, хотя и были связаны, все еще могли благословлять. В те века великие слуги Иисуса Христа, люди, которые в основных доктринах были истинными протестантами, проливали благодатный свет, и в самом скромном монастыре или самом малоизвестном приходе можно было найти бедных монахов и священников, которые утешали своих глубоких скорбящих. Католическая церковь не была папством. Последнее выступало в роли угнетателя, первое - в роли угнетенных. Реформация, объявившая войну одному, пришла, чтобы освободить другого. И все же, по правде говоря, само папство иногда было в руках Бога, который отделяет добро от зла, необходимым противовесом власти и амбициям государей.

ГЛАВА. III.

Религия—Реликвии—Пасхальное веселье—Нравы—Коррупция—Беспорядочная жизнь священников, епископов и пап —Семья священника—Образование—Невежество—Чичерониане.

Давайте теперь обратим внимание на состояние Церкви до Реформации.

Люди христианского мира больше не ожидали безвозмездного дара вечной жизни от истинного и живого Бога, и для того, чтобы получить его, было необходимо прибегнуть ко всем методам, которые только могла изобрести суеверная, робкая и напуганная совесть. Небеса полны святых и посредников, которые могут просить о милости. Земля полна благочестивых дел, жертвоприношений, обрядов и церемоний, которые могут заслужить ее. Такова картина религии того периода, нарисованная человеком, который долгое время был монахом, а впоследствии соратником Лютера.

Миконий говорит: "Страдания и заслуги Христа были как пустая сказка или как басни Гомера. Ни слова не было сказано о вере, которой обеспечиваются праведность Спасителя и наследование вечной жизни. Христос был суровым судьей, готовым осудить всех, кто не прибегал к заступничеству святых или индульгенциям пап. Вместо него там фигурировали в качестве заступниц сначала Дева Мария, подобная языческой Диане, а после нее святые, список которых папы постоянно пополняли. Эти посредники даровали пользу от своих молитв только тем, кто по заслугам принадлежал к основанным ими орденам. Для этого необходимо было делать не то, что Бог повелевает в своем слове, а огромное количество дел, которые придумали монахи и священники и которые принесли большие суммы денег. Это были "Аве-Мария", молитвы святой Урсулы и святой Бриджит. Нужно было петь и плакать день и ночь. Мест паломничества было столько же, сколько гор, лесов или долин. Но за эти труды можно было откупиться деньгами. Поэтому деньги и все, что имело хоть какую-то ценность, - кур, гусей, уток, яйца, воск, солому, масло и сыр - приносились в монастыри и священникам. Затем зазвучали песнопения, зазвонили колокола, святилище наполнилось благовониями, и были принесены жертвы; кухни были набиты битком, бокалы звенели, и завершающие мессу мессы прикрывали все эти благочестивые дела. Епископы не проповедовали, но они освящали священников, колокола, монахов, церкви, часовни, изображения, книги, кладбища - все это приносило большую отдачу. Кости, руки и ступни были представлены в золотых и серебряных коробочках. Их выдавали для поцелуя во время мессы, и это тоже приносило большую прибыль".

"Все эти люди утверждали, что папа, находясь на месте Бога (2 Фес., ii, 4), не может быть обманут, и они не хотели слышать ни о чем противоположном". [24]

В церкви Всех Святых в Виттемберге были показаны фрагмент Ноева ковчега, небольшая порция сажки из печи Трех Юношей, кусочек яслей, в которые был положен наш Спаситель, волос из бороды великого Христофора и девятнадцать тысяч других реликвий большей или меньшей ценности. В Шаффхаузене было показано дыхание святого Иосифа, которое Никодимус получил в своей перчатке. В Вюртемберге был замечен торговец индульгенциями, который продавал свои товары, и его голова была украшена большим пером, вырванным из крыла архангела Михаила. [25] Но не было повода отправляться вдаль в поисках этих драгоценных сокровищ. Нанятые люди с реликвиями путешествовали по стране и продавали их вразнос, как с тех пор поступали со Священным Писанием. Верующие, принося их таким образом в свои дома, были избавлены от хлопот и расходов, связанных с паломничеством. Реликвии с большой торжественностью выставлялись в церквях, в то время как бродячие торговцы платили владельцам фиксированную сумму, а также выделяли им такой же процент с их прибыли. Таким образом, царство небесное исчезло, и люди, чтобы занять его место на земле, открыли позорную торговлю.

Таким образом, нечестивый дух вторгся в религию, и самые священные периоды жизни Церкви, те, которые наиболее убедительно призывали верующих к самоанализу и любви, были опозорены шутовством и простыми языческими богохульствами. "Пасхальные забавы" занимали важное место в деяниях Церкви. Поскольку праздник воскресения требовалось отмечать с радостью, выискивалось все, что могло вызвать смех слушателей, и вставлялось в проповеди. Один проповедник подражал пению кукушки, в то время как другой шипел, как гусь. Один тащил к алтарю мирянина в рясе; второй рассказывал самые неприличные истории; третий рассказывал о приключениях апостола Петра, среди прочего о том, как в таверне он обманул хозяина, не заплатив по счету. [26] Низшее духовенство воспользовалось случаем,

чтобы выставить своих начальников на посмешище. Церкви, таким образом, были превращены в сцены, а священники - в шарлатанов.

Если таково было состояние религии, то каким должно было быть состояние морали? Это правда, и справедливость требует, чтобы мы не забывали, что в то время коррупция не была повсеместной. Даже когда произошла Реформация, было выявлено много благочестия, праведности и религиозной энергии. Причиной этого было простое владычество Бога; но все же, как можно отрицать, что Он заранее вложил зародыши этой новой жизни в лоно Церкви? В наши дни, если бы все безнравственности и мерзости, совершаемые в одной стране, были собраны воедино, массовая коррупция, несомненно, внушила бы нам тревогу. Тем не менее верно, что в тот период зло проявило себя в такой форме и с такой универсальностью, которых у него с тех пор никогда не было. В частности, мерзость запустения была замечена стоящей на святом месте в такой степени, которая не допускалась со времен Реформации.

Вместе с верой пришла в упадок нравственность. Благая весть о вечной жизни - это сила Божья для возрождения человека. Но отнимите спасение, которое дает Бог, и вы отнимете чистоту сердца и жизни. Это было доказано событием.

Доктрина и продажа индульгенций действовали на невежественных людей как мощный стимул ко злу. Несомненно, верно, что, согласно доктрине Церкви, индульгенции были полезны только тем, кто обещал исправиться и фактически сдержал свое обещание. Но чего можно было ожидать от доктрины, которая была изобретена с расчетом на прибыль, которую она могла бы принести? Торговцы индульгенциями, чтобы лучше распорядиться своими товарами, естественно, были склонны преподносить их в наиболее выигрышной и соблазнительной форме. Даже образованные люди были не слишком хорошо информированы на этот счет, в то время как толпа видела только то, что индульгенции давали им разрешение грешить. Торговцы не спешили разубеждать их в ошибке, столь пагубной для торговли.

Какие беспорядки и преступления, должно быть, царили в те темные века, когда безнаказанность можно было купить за деньги! Какое основание могло быть для страха, когда ничтожный вклад в строительство церкви обеспечивал освобождение от наказания в грядущем мире! Какая надежда на обновление, когда всякое прямое общение между людьми и их Богом прекратилось, когда, отчужденные от него, от своего духа и жизни, они бродили взад и вперед среди легкомысленных церемоний и грубых обрядов в атмосфере смерти!

Священники были первыми, кто поддался тлетворному влиянию. Желая возвыситься, они опустились. Они пытались украсть у Бога луч его славы, чтобы поместить его в свое собственное лоно; но вместо этого лишь вложили в него немного закваски тления, украденной у Лукавого. Анналы того периода изобилуют скандальными историями. Во многих местах людям было приятно видеть, что их священник держит любовницу, в надежде, что это уберет их жен от соблазна. [27] Какую унижительную сцену, должно быть, представлял дом такого священника! Несчастный мужчина содержал женщину и детей, которых она могла бы ему родить, на десятину и милостыню. [28] Его укоряла совесть. Он краснел перед своим народом, своими слугами и своим Богом. Женщина, опасаясь, что в случае смерти священника она может остаться без средств к существованию, иногда заранее готовила еду и изображала воровку в своем собственном доме. Ее честь была утрачена, и ее дети были живым обвинением против нее. Объекты всеобщего презрения, обе стороны погрузились в ссоры и распутство. Таков был

дом священника!... В этих страшных сценах люди извлекли урок, которым они не замедлили воспользоваться. [29]

Сельские районы стали ареной многочисленных эксцессов. Места, где проживали священники, часто были обителями распущенности. Корнель Адриан в Брюгге, [30] и аббат Тринклер в Каппеле, [31] подражали манерам Востока и имели свои гаремы. Священники общались с низшим обществом, посещали таверны и играли в кости, увенчивая свои оргии ссорами и богохульством. [32] Совет Шаффхаузена издал приказ, запрещающий священникам танцевать публично, за исключением бракосочетаний, или носить более одного вида оружия. Более того, они приказали снять рясы с тех священников, которые были найдены в домах с дурной славой. [33] В архиепископстве Майнца они по ночам перелезали через стены, а затем кричали и предавались всевозможному разврату в тавернах и постоялых дворах. Двери и замки не были защищены от их атак. [34] В нескольких местах каждый священник был обязан епископу определенным налогом за женщину, которую он содержал, и за каждого ребенка, которого она ему рожала. Однажды немецкий епископ, присутствовавший на большом празднике, открыто заявил, что за один год число священников, которые предстали перед ним с этой целью, составило одиннадцать тысяч. Этот отчет предоставлен Erasmus. [35]

Среди высших чинов священства коррупция была столь же велика. Сановники Церкви предпочитали лагерную суматоху пению у алтаря, а брать в руки копье и приводить окружающих к послушанию было одним из первых качеств епископа. Балдуин Турский, который постоянно воевал со своими вассалами и соседями, снес их замки, построил другие собственные и не думал ни о чем, кроме расширения своей территории. Рассказывают о некоем епископе Эйхштадтском, что, когда он заседал при своем дворе, под мантией у него была кольчуга, а в руке большой меч. Одно из его высказываний гласило, что в честном бою он не побоялся пятерых баварцев. [36] Епископы и жители городов, где они проживали, постоянно находились в состоянии войны. Бюргеры требовали свободы, в то время как священники настаивали на абсолютном повиновении. Когда последние одержали победу, они наказали мятежников и утопили свою месть множеством жертв; но пламя восстания вспыхнуло в тот самый момент, когда они вообразили, что подавили его. А какое зрелище представлял папский престол в период, непосредственно предшествовавший Реформации! По правде говоря, даже Рим не часто был свидетелем такого позора.

Родриго Борджиа, пожив с римлянкой, продолжил те же незаконнорожденные отношения с ее дочерью Розой Ваноцца и имел от нее пятерых детей. Этот мужчина, кардинал и архиепископ, жил в Риме с Ваноццей и другими женщинами, кроме нее, часто посещая церкви и больницы, когда папское кресло освободилось после смерти Иннокентия VIII. Борджиа добился этого, купив каждого кардинала по обычной цене. Четыре мула, нагруженных золотом, публично въехали во дворец кардинала Сфорца, самого влиятельного среди них. Борджиа стал папой под именем Александра VI и был в восторге от того, что таким образом достиг вершины наслаждения.

В день своей коронации он назначил своего сына Цезаря, юношу со свирепым нравом и распутными привычками, архиепископом Валентии и епископом Пампелуны. Затем, когда его дочь Лукреция вышла замуж, он отпраздновал это событие в Ватикане празднествами, на которых присутствовала его любовница Джулия Белла, и которые были оживлены комедиями и

непристойными песнями. "У всех священнослужителей, - говорит историк, [37] "были любовницы, и все монастыри столицы пользовались дурной славой". Цезарь Борджиа поддерживал фракцию гвельфов, и когда с их помощью он уничтожил гибеллинов, он повернулся против гвельфов и таким же образом уничтожил их. Но он не желал, чтобы кто-либо делился с ним добычей, и поэтому после того, как Александр в 1497 году сделал своего старшего сына герцогом Беневенто, герцог исчез. Джордж Скьявони, торговец деревом на берегах Тибра, однажды ночью увидел мертвое тело, брошенное в реку, но ничего не сказал; подобные случаи были обычным делом. Мертвое тело оказалось телом герцога, убитого своим братом Цезарем. [38] И этого было недостаточно. Обидевшись на своего шурина, он приказал заколоть его на лестнице папского дворца. Раненого, покрытого кровью, отнесли в его квартиру, где за ним постоянно наблюдали его жена и сестра, которые, опасаясь яда цезаря, готовили ему еду собственными руками. Александр выставил часовых у своей двери, но цезарь посмеялся над их предосторожностями, и когда папа собирался навестить своего зятя, цезарь сказал ему: "То, что не делается за обедом, будет сделано за ужином". Короче говоря, однажды он ворвался в комнату, выгнал жену и сестру и, позвав своего палача Мичилотто, единственного человека, которому он хоть немного доверял, наблюдал, как душили его шурина. [39] У Александра был фаворит по имени Перото. Пристрастие папы к нему оскорбляло молодого герцога. Он погнался за ним, и Перото, укрывшись под папской мантией, заключил папу в объятия. Цезарь ударил его ножом, и кровь его жертвы брызнула в лицо понтифику. [40] "Папа, - добавляет современный свидетель этих сцен, - любит своего сына герцога и очень его боится". Цезарь был самым красивым и могущественным человеком своего времени. Он сражался с шестью дикими быками и с легкостью расправился с ними. Каждое утро в Риме находили людей, убитых ночью, в то время как яд уносил тех, кого не мог достать меч. В Риме люди не смели ни пошевелиться, ни вздохнуть, каждый дрожал, ожидая своей очереди. Цезарь Борджиа был героем преступления. Местом на земле, где беззаконие достигло такой ужасающей высоты, был папский трон. Когда однажды человек отдает себя во власть сил тьмы, чем более высокое положение он претендует занимать в глазах Бога, тем глубже он погружается в бездны ада. Распутные празднества, которые устраивали в папском дворце папа, его сын Цезарь и его дочь Лукреция, невозможно описать или даже подумать о них без ужаса. Нечистые рощи древности, возможно, никогда не видели ничего подобного. Историки обвинили Александра и Лукрецию в кровосмешении, но доказательства кажутся неполноценными. Папа приготовил яд для богатого кардинала в маленькой коробочке с конфетами, которые должны были быть поданы после роскошной трапезы. Кардинал, будучи настороже, подкупил управляющего, и коробочка с отравлением была передана Александру, который съел ее и умер. [41] Весь город сбежался посмотреть на мертвую гадюку и не мог насытиться зрелищем. [42]

Таков был человек, занявший папский престол в начале века, в котором началась Реформация.

Духовенство, таким образом опозорившее религию и самих себя, вполне могло бы воскликнуть: "Церковное государство противостоит Богу и его славе. Люди хорошо знают это, но слишком хорошо демонстрируют это многочисленными песнями, пословицами и шутками против священников, которые распространены среди низших классов, и всеми теми карикатурами на монахов и священников, которые мы видим на всех стенах и даже на игральных картах. Каждый человек испытывает отвращение, когда видит или слышит о священнослужителе". Это слова Лютера. [43]

Зло распространилось по всем слоям общества. Дух заблуждения был послан людям, разложение нравов шло в ногу с разложением веры, и тайна беззакония, подобно инкубу, лежала на поработанной Церкви Иисуса Христа.

Было еще одно последствие, которое неизбежно вытекало из забвения, в которое впало фундаментальное учение Евангелия. Невежество было спутником растления. Священники, взявшие в свои руки распределение спасения, принадлежащего только Богу, сочли это достаточным основанием для уважения народа. Какой повод был у них изучать священную литературу? Их делом было не разъяснять Священные Писания, а выдавать дипломы о снисхождении — служение, которое не требовало кропотливого приобретения обширных знаний.

В сельских округах, говорит Уимфелинг, люди, выбранные в проповедники, были жалкими созданиями, которые ранее выросли из нищенства, брошенными поварами, музыкантами, охотниками, конюхами и даже хуже. [44]

Высшее духовенство часто пребывало в глубоком невежестве. Епископ Данфельда поздравил себя с тем, что никогда не изучал ни греческий, ни иврит, в то время как монахи утверждали, что все ереси возникли из этих языков, и особенно из греческого. "Новый Завет, - сказал один из них, - это книга, полная шиповников и змей. "Греческий, - продолжал он, - это новый язык, недавно изобретенный, и его нам следует особенно остерегаться. Что касается иврита, мои дорогие братья, то несомненно, что все, кто его изучает, в тот же миг становятся евреями ". Мы цитируем Хересбаха, друга Эразма и уважаемого писателя. Томас Линасер, образованный и прославленный священнослужитель, никогда не читал Новый Завет. В последние дни своей жизни (в 1524 году) он приказал принести копию этого послания, но тут же вырвал его у себя с клятвой, потому что, открыв его, он наткнулся на эти слова: "Говорю вам, ни в чем не клянись". Теперь он был великим сквернословом. "Либо это не Евангелие, - сказал он, - либо мы не христиане". [45] Даже Теологический факультет Парижа в это время без колебаний заявил в присутствии парламента: "С религией покончено, если разрешено изучение греческого и иврита". Если среди церковнослужителей и были отдельные люди, достигшие каких-то успехов, то не в священной литературе. Итальянские цитеронисты демонстрировали большое презрение к Библии из-за ее стиля. Люди, называющие себя священниками Церкви Иисуса Христа, перевели писания святых мужей, вдохновленных Духом Божьим, в стиль Вергилия и Горация, чтобы приспособить их для ушей хорошего общества. Кардинал Бембо вместо Святого Духа написал дыхание небесного зефира; вместо того, чтобы прощать грехи, — склонять гривы и Владычествовать над Богом; а вместо Христа, Сына Божьего, — Минерву, возникшую из чела Юпитера. Однажды, застав почтенного Садоле за переводом Послания к Римлянам, он сказал ему: "Оставь эту детскую игру; такая пустяковая болезнь подобает серьезному человеку". [46]

Таковы некоторые из последствий системы, при которой тогда стонал христианский мир. Наша картина, несомненно, доказывает как коррумпированность Церкви, так и необходимость Реформации; и именно это мы предлагали при ее наброске. Жизненно важные доктрины христианства почти полностью исчезли, а вместе с ними свет и жизнь, составляющие сущность подлинной религии. Сила Церкви была растрачена впустую, и ее тело, ослабленное и истощенное, лежало почти безжизненным на всей территории, которую занимала Римская империя.

ГЛАВА IV.

Нетленная природа христианства—Два Закона Божьих—Явная власть Рима—Скрытое противостояние—Упадок—Тройственное противостояние—Короли и подданные—Папу судили в Италии—Открытия королей и подданных—Фридрих Мудрый—Его Умеренность—Его Предвосхищение.

Зло, поразившее тогда христианский мир, а именно суеверия, неверность, невежество, тщетные домыслы и испорченность нравов — все это естественные плоды человеческого сердца, — не было чем-то новым на земле. Часто они фигурировали в истории государств. Особенно на Востоке различные религии, которые пережили свой день славы, но ослабли, подверглись их нападкам и, уступив нападению, пали под ним, чтобы никогда больше не подняться. Постигнет ли христианство та же участь? Будет ли она уничтожена, как эти древние популярные религии? Будет ли удар, который принес им смерть, достаточно сильным, чтобы лишить ее жизни? Неужели нет ничего, что могло бы спасти ее? Смогут ли те враждебные силы, которые сейчас угнетают ее и которые уже ниспровергли так много других форм богослужения, без сопротивления обосноваться на руинах Церкви Иисуса Христа?

Нет! В христианстве есть то, чего не было ни в одной из этих популярных религий. В отличие от них, она не представляет неких абстрактных идей, переплетенных с традициями и баснями, которым рано или поздно суждено пасть под ударами человеческого разума. Она содержит чистую истину, основанную на фактах, способных выдержать пристальное внимание каждого честного и просветленного ума. Христианство стремится не просто возбудить определенные смутные религиозные чувства, которые, однажды утратив свое очарование, уже не могут быть возрождены вновь. Его цель состоит в том, чтобы удовлетворить, и это, на самом деле, действительно удовлетворяет, все религиозные потребности человеческой природы, какой бы степени утонченности она ни достигла. Это не работа человека, чьи труды увядают и стираются; это работа Бога, который поддерживает то, что он создает; и залогом ее продолжительности является обещание ее божественного Главы.

Невозможно, чтобы человеческая природа когда-либо поднялась так высоко, чтобы смотреть на христианство свысока, или, если на какое-то время человеческая природа действительно думает, что способна обойтись без него, вскоре она предстает с обновленной молодостью и жизнью, как единственная пригодная для исцеления душ. Тогда вырождающиеся нации с новым пылом возвращаются к тем древним, простым и могущественным истинам, от которых они с презрением отвернулись в час своего увлечения.

Христианство, по сути, проявило в шестнадцатом веке ту же возрождающую силу, что и в первом. Спустя пятнадцать столетий те же истины привели к тем же результатам. Во времена Реформации, как и во времена Павла и Петра, Евангелие с неодолимой силой разрушало самые могущественные препятствия. Его суверенная власть проявлялась с севера на юг среди народов, наиболее сильно отличавшихся друг от друга манерами, характером и интеллектуальным развитием. Затем, как и во времена Стефана и Иакова, это зажгло огонь

энтузиазма и преданности в нациях, которые, казалось, почти угасли, и возвысило их даже до высоты мученичества.

Как было совершено это возрождение Церкви и мира?

Тогда наблюдатель мог бы увидеть действие двух законов, по которым Бог всегда управляет миром.

Во-первых, поскольку у Него впереди целая вечность, он начинает свои приготовления неторопливо и задолго до события, которое Он планирует осуществить.

Затем, когда приходит время, он добивается величайших результатов наименьшими средствами. Именно так он действует в природе и в истории. Когда он желает, чтобы выросло огромное дерево, он сажает в землю маленькое зернышко; а когда он желает обновить свою Церковь, он использует самый скромный инструмент для достижения того, чего не смогли достичь императоры и все ученые и выдающиеся представители Церкви. Постепенно мы будем искать и обнаружим это маленькое семя, которое Божественная рука бросила в землю во времена Реформации; но сейчас давайте попытаемся выяснить различные средства, с помощью которых Бог подготовил это великое событие.

В период, когда Реформация была готова разразиться, Рим, казалось, пребывал в мире и безопасности. Можно было бы даже сказать, что ничто не могло помешать ее триумфу после великих побед, которые она одержала. Генеральные советы — Верхняя и Нижние палаты католичества — были подавлены. Водуа и гуситы были подавлены. Ни один университет, за исключением, возможно, парижского, который иногда повышал свой голос, когда его короли подавали сигнал, не сомневался в непогрешимости римских оракулов. Казалось, каждый принял свою долю в ее власти. Высшее духовенство считало, что лучше отдавать отдаленному вождю десятую часть своих доходов и спокойно проехать остальные девять, чем рисковать всем ради независимости, которая стоила бы дорого и приносила мало. Низшее духовенство, обманутое перспективой богатых бенефиций, которые честолюбие заставляло их воображать и открывать на расстоянии, было готово с помощью небольшого рабства осуществить лестные надежды, которые они питали. Кроме того, они почти повсюду были настолько угнетены начальниками иерархии, что едва могли бороться под их мощной хваткой, не говоря уже о том, чтобы смело подняться и высоко поднять голову. Народ преклонил колени перед римским алтарем, и сами короли, хотя и начали втайне презирать римского епископа, не осмеливались посягать на его власть рукой, которую в те времена сочли бы кощунственной.

Но оппозиция, если внешне казалось, что она ослабла или даже прекратилась с началом Реформации, имела больше внутренней силы. Более пристальный взгляд на это здание откроет нам не один симптом, предвещавший его падение. Генеральные соборы, хотя и потерпели поражение, распространили свои принципы по всей Церкви и внесли раскол в лагерь врага. Защитники иерархии были разделены на две партии, а именно на тех, кто поддерживал систему абсолютного папского господства, основанную на принципах Гильдебранда, и тех, кто желал конституционного папского правления, предлагающего гарантии и предоставляющего свободу церквям.

И это было еще не все. Вера в непогрешимость римского епископа была сильно поколеблена среди всех партий; и если никто не поднял голоса против этого, то лишь потому, что каждый скорее всего страстно желал сохранить ту малую веру в это, которая у него еще была.

Опасались малейшего толчка, потому что он мог опрокинуть здание. Христианский мир затаил дыхание; но это было сделано для предотвращения катастрофы, которая могла поставить под угрозу его собственное существование. С того момента, как человек трепещет при мысли об отказе от давно почитаемой веры, она теряет свое влияние на него, и даже видимость уважения, которую он, возможно, хотел бы поддерживать, не будет сохраняться долго. Реформация постепенно готовилась в трех разных мирах — политическом, церковном и литературном. Политические организации, частные христиане и богословы, литераторы и ученые - все они внесли свой вклад в революцию шестнадцатого века. Давайте рассмотрим эту тройную оппозицию, завершив ее литературным классом, хотя в период, непосредственно предшествовавший революции, она была, пожалуй, самой могущественной из всех.

Во-первых, среди политических организаций Рим утратил большую часть своего древнего авторитета. Первопричиной этого была сама Церковь, ибо, собственно говоря, смертельный удар нанесли не ошибки и суеверия, которые она привнесла в христианство. Прежде чем христианский мир смог бы осудить ее на этот счет, он должен был стоять выше Церкви в отношении интеллектуального и религиозного развития. Но был ряд вещей, которые миряне хорошо понимали, и именно по ним они судили о Церкви. Она стала "земной, приземленной". Священная империя, тиранизовавшая народы, существовала исключительно за счет иллюзий своих подданных; и, имея ореол вместо короны, она забыла о своей природе и оставила небеса с их сферами света и славы, чтобы погрузиться в вульгарные интересы бюргеров и принцев. Хотя священники и представляли тех, кто рожден от Духа, они заменили Дух на плоть. Они отказались от сокровищ знания и духовной силы Слова ради грубой силы и звона века.

Это произошло достаточно естественно. Сначала Церковь делала вид, что ее целью является защита духовного порядка. Но чтобы защитить его от сопротивления и нападков народа, она прибегла к земным средствам, к вульгарному оружию, которое побудило ее взять в руки ложное благоразумие. Когда Церковь однажды начала обращаться с таким оружием, ее духовности пришел конец. Ее рука не могла стать брэнной, не сделав брэнным и ее сердце. Вскоре представший вид стал противоположностью тому, каким он был вначале. Сначала она сочла уместным использовать землю для защиты небес; теперь она использовала небеса для защиты земли. Теократические формы стали в ее руках всего лишь средством достижения мирских интересов. Приношения, которые народ возлагал к ногам суверенного понтифика христианского мира, были потрачены на поддержание роскоши его двора и солдат его армий. Его духовная сила служила ему лестницей, по которой он мог подняться, а затем положить к своим ногам царей и народы земли. Очарование рассеялось, и сила Церкви была утрачена, как только мирские люди смогли сказать: "Она стала как одна из нас".

Великие были первыми, кто изучил титулы этой воображаемой власти. [47] Этого экзамена, возможно, было бы достаточно, чтобы свергнуть Рим; но, к счастью для нее, воспитание принцев повсюду находилось в руках ее адептов. Они внушали своим августейшим ученикам чувство почтения к римскому понтифику. Правители народа росли в святилище, и князья обычных способностей никогда не могли полностью покинуть его. У некоторых даже не было никаких других амбиций, кроме как оказаться в нем в смертный час. Они предпочли умереть в рясе, а не в короне.

Италия, это яблоко раздора в Европе, возможно, больше всего способствовала тому, чтобы открыть глаза королям. Имея возможность общаться с папами по вопросам, которые касались временного князя Государств Церкви, а не Епископа епископов, они были очень удивлены, когда увидели, что те готовы пожертвовать правами, которые принадлежали понтифику, чтобы обеспечить князю определенные преимущества. Они обнаружили, что эти мнимые органы правды прибегали ко всем мелким политическим уловкам, к обману, лицемерию и лжесвидетельству. [48] Затем, наконец, повязка, которой образование повязывало глаза принцев, упала. Тогда коварный Фердинанд Арагонский применил хитрость против хитрости. Затем пылкий Людовик XII приказал отчеканить медаль с надписью "Perdam Babylonis nomen". [49] И честный Максимилиан Австрийский, глубоко опечаленный, узнав о предательстве Льва X, открыто заявил: "Отныне и этот папа для меня не более чем злодей; теперь я могу сказать, что за всю мою жизнь ни один папа не сохранил веру в меня и не сдержал своего слова. Если Богу будет угодно, я надеюсь, что этот будет последним". [50]

Более того, короли и государства начали проявлять нетерпение под тяжестью бремени, которое возложили на них папы, и требовать, чтобы Рим освободил их от контрибуций и аннат, которые растрачивали их ресурсы впустую. Франция уже выступала против Рима с прагматической санкцией, и главы империи утверждали, что разделяют ее. В 1511 году император принимал участие в Пизанском соборе, и одно время у него даже была идея захватить папство для себя. Но среди народных правителей никто не был так полезен Реформации, как князь, в чьих штатах она должна была начаться.

Из всех курфюрстов того периода самым могущественным был Фридрих Саксонский по прозвищу Мудрый. Унаследовав в 1487 году наследственные состояния своей семьи, он получил от императора избирательное звание, а в 1493 году совершил паломничество в Иерусалим, где был прозван "Рыцарем Гроба Господня". Его сила и влияние, его богатство и щедрость возвышали его над всеми равными. Бог избрал его быть деревом, под покровительством которого семя истины могло бы пустить свой первый росток, не будучи вырванным с корнем бурями извне. [51]

Ни один человек не был лучше приспособлен для этой благородной службы. Фридрих пользовался всеобщим уважением и, в частности, полным доверием императора, которого он даже представлял в его отсутствие. Его мудрость заключалась не в искусном искусстве хитрого политика, а в просвещенном и дальновидном благоразумии, первым принципом которого было никогда не прибегать из корыстных побуждений к насилию над законами чести и религии.

В то же время он чувствовал в своем сердце силу слова Божьего. Однажды, когда Штаупиц, главный викарий, был у него, разговор зашел о тех, кто развлекал народ пустыми декламациями. "Все беседы, - сказал курфюрст, - которые наполнены только тонкостями и человеческими традициями, удивительно холодны, безжизненны и немощны. Невозможно продвинуть вперед одну тонкость, которую не может разрушить другая тонкость. Одно только Священное Писание облечено такой силой и величием, что, разрушая все наши ученые логические построения, заставляет нас восклицать: "Никогда человек так не говорил". Штаупиц дал понять, что он полностью придерживается этого мнения, Курфюрст сердечно пожал ему руку и сказал: "Обещайте мне, что вы всегда будете так думать".*

Фридрих был именно тем принцем, который требовался в начале Реформации. Слишком большая слабость со стороны его друзей могла бы привести к тому, что оно было задушено, в то

время как слишком большая поспешность могла бы привести к тому, что буря, которая с самого начала начиналась с глухого ропота, собираясь вокруг него, разразилась слишком рано. Фредерик был умеренным, но сильным. У него была та христианская добродетель, которую Бог всегда требует от тех, кто поклоняется Его путям, — он уповал на Бога. Он применил на практике мудрый совет Гамалиила: "Если этот совет или это дело от людей, оно ни к чему не приведет; но если это от Бога, вы не сможете ниспровергнуть его". Деяния, v, 38, 39. "Дела, - сказал этот принц Шпенглеру из Нюрнберга, одному из самых просвещенных людей своего времени, - дела дошли до такой степени, что люди больше ничего не могут в них сделать; Действовать должен только Бог. Поэтому Его могучей руке мы вверяем эти великие события, которые слишком трудны для нас ". Провидение сделало замечательный выбор, выбрав такого принца для защиты его дела в зачаточном состоянии.

ГЛАВА V.

Народ—Империя—Провиденциальные приготовления—Импульс Реформации—Мир—Средние классы—Национальный характер—Иго Папы—Государство Империи—Оппозиция Риму—Бургеры—Швейцария—Доблесть—Свобода—Малые кантоны—Италия—Препятствия на пути реформ—Испания—Препятствия—Португалия—Франция—Приготовления—Обманутые надежды—Нидерланды—Англия—Шотландия—Север—Россия—Польша—Богемия—Венгрия.

Открытия, сделанные королями, постепенно распространились и на их подданных. Мудрецы начали привыкать к мысли, что римский епископ - всего лишь человек, и иногда даже очень плохой человек. У них было подозрение, что он был не более святым, чем епископы, репутация которых была весьма двусмысленной. Распущенность пап вызвала негодование христианского мира, и ненависть к римскому имени терзала сердца народов. [52]

Многочисленные причины способствовали освобождению различных стран Запада. Давайте взглянем на эти страны.

Империя представляла собой конфедерацию различных государств с императором во главе, каждое государство обладало верховной властью на своей собственной территории. Имперский сейм, состоящий из всех князей или суверенных государств, издавал законы для всей Германии. Императору принадлежало ратифицировать законы, декреты или резолюции собрания и следить за их применением и приведением в исполнение, в то время как семь самых могущественных принцев, носящих титул курфюрстов, располагали императорской короной.

Север Германии, населенный главным образом древней саксонской расой, приобрел наибольшую степень свободы. Император, подвергавшийся постоянным нападениям турок в своих наследственных владениях, был вынужден ухаживать за теми князьями и смелыми народами, помощь которых была ему тогда необходима. Свободные города на севере, западе и юге империи благодаря своей торговле, своим мануфактурам и всевозможным усилиям достигли высокой степени процветания и, следовательно, независимости, но могущественный

австрийский дом, облеченный тогда императорской короной, держал под своим контролем большую часть южных земель Германии и внимательно следил за их передвижениями. Она готовилась распространить свое владычество на всю империю и даже за ее пределы, когда Реформация воздвигла могучий барьер ее посягательствам и спасла независимость Европы.

Как Иудея, когда возникло христианство, находилась в центре древнего мира, так и Германия была в центре христианского Мира, обращенная одновременно к Нидерландам, Англии, Франции, Швейцарии, Италии, Венгрии, Богемии, Польше, Дании и всему Северу. Именно в сердце Европы должен был развиваться принцип жизни, и биение этого сердца должно было разогнать по всем артериям тела благородную кровь, которая должна была оживить все его члены.

Особая конституция, которую империя получила в соответствии с промыслом Провидения, благоприятствовала распространению новых идей. Если бы Германия была монархией в собственном смысле этого слова, как Франция или Англия, произвол монарха мог бы надолго остановить распространение Евангелия. Но это была конфедерация. Истина, подвергшаяся нападкам в одном государстве, может быть благосклонно воспринята в другом.

Внутренний мир, который Максимилиан только что обеспечил империи, был не менее благоприятен для Реформации. Долгое время многочисленные члены германского сообщества находили удовольствие в том, чтобы терзать друг друга. Не было видно ничего, кроме смуты и раздора, война непрерывно возобновлялась, сосед против соседа, город против города и благородный против благородного. Максимилиан заложил прочную основу для общественного порядка, построив Императорскую палату, наделенную полномочиями решать все вопросы между различными государствами. Жители Германии, после всех своих бед и беспокойств, увидели начало новой эры безопасности и покоя. Тем не менее, когда появился Лютер, Германия все еще представляла для наблюдающего взора то движение, которое волнует море после долгих штормов. Штиль был ненадежным. По мере продолжения мы увидим еще не один пример этого. Придав германским нациям совершенно новый импульс, Реформация навсегда положила конец всем прежним поводам для волнений. Разрушив систему варварства, которая до тех пор была первостепенной, она поставила Европу во владение новой системой.

В то же время христианство оказало особое влияние на Германию. Положение средних классов быстро улучшалось. В разных частях империи, и особенно в вольных городах, было множество учреждений, хорошо приспособленных для улучшения жизни огромной массы населения. В этих городах процветали искусства. Бюргеры, посвятившие себя в безопасности спокойному труду и приятным отношениям общественной жизни, становились все более и более доступными к знаниям и таким образом постоянно приобретали новое влияние и авторитет. Фундамент Реформации в Германии должен был быть заложен не магистратами, которым часто приходилось формировать свое поведение в соответствии с политическими требованиями, ни дворянами, горящими любовью к военной славе, ни жадным и амбициозным духовенством, использующим религию ради наживы, как если бы это была их исключительная собственность. Эта задача была возложена на граждан, простолюдинов, большую часть народа.

Национальный характер немцев был специально приспособлен к религиозной реформации. Никакая ложная цивилизация не ослабила его. Драгоценное семя, которое страх Божий заносит в лоно народа, не было выброшено по ветру. Древние нравы все еще существовали, проявляясь в той честности и верности, в той любви к труду, в том упорстве, в том серьезном характере,

который все еще можно увидеть и который предвещает Евангелию большой успех, чем насмешливое легкомыслие или грубый нрав некоторых других европейских народов.

Народ Германии был в долгу перед Римом за то, что великий инструмент современной цивилизации, а именно вера, лоск, ученость, законы - все, кроме мужества и оружия, пришло из священного города, и, как следствие, Германия с тех пор всегда была в тесном союзе с папством. Одно было своего рода духовным завоеванием другого, и все мы знаем, для каких целей Рим неизменно применял свои завоевания. Нации, которые обладали верой и цивилизацией до прихода римского первосвященника, всегда сохраняли по отношению к нему большую степень независимости. И все же, чем более тщательным будет порабощение немца, тем более мощной будет реакция, когда наступит период пробуждения. Когда Германия действительно откроет глаза, она с негодованием освободится от цепей, которые так долго держали ее в плену. Рабство, которое ей пришлось вынести, заставит ее лучше осознать свою потребность в освобождении; и свобода и смелые поборники истины выйдут из этого дома тяжелого труда и неволи, в котором весь ее народ веками был заключен.

В то время в Германии существовало то, что политики наших дней называют "системой качелей". Когда император обладал решительным характером, его могущество возрастало; когда же, напротив, он обладал слабым характером, увеличивались влияние и власть князей и курфюрстов. Никогда они не чувствовали себя сильнее по отношению к своему вождю, чем во времена Максимилиана, в период Реформации; и поскольку он выступил против нее, легко понять, насколько благоприятными для распространения Евангелия должны были быть обстоятельства его сравнительной слабости.

Более того, Германия устала от того, что римляне насмешливо называли "терпением германцев". Они действительно проявили много терпения со времен Людовика Баварского, когда императоры сложили оружие, и тиара была без сопротивления водружена на корону цезарей.

Конкурс, однако, сделал немногим больше, чем изменил свое место проведения, спустившись на несколько ступенек. Та же борьба, которую императоры и папы явили миру, вскоре возобновилась, но в меньшем масштабе, во всех городах Германии, между епископами и магистратами. Бюргеры подняли меч, которому императоры позволили выпасть у них из рук. Еще в 1329 году бюргеры Франкфурта на Одере бесстрашно противостояли всем своим церковным начальникам. Отлученные от церкви за то, что продолжали хранить верность маркграфу Людовику, они были оставлены на двадцать восемь лет без мессы, крещения, бракосочетания и христианских похорон; и когда монахи и священники вернулись в церковь, они смеялись над этим как над комедией или фарсом — печальными симптомами, несомненно, но симптомами, причиной которых было духовенство. В период Реформации это противостояние между магистратами и церковью усилилось. Привилегии первых и временные притязания вторых постоянно вызывали толкотню и столкновения между двумя телами.

Но бургомистры, советники и секретари городов были не единственными людьми, среди которых Рим и духовенство находили противников. В то же время в народе зрел гнев, который вспыхнул еще в 1502 году, когда крестьяне, возмущенные тяжелым гнетом своих церковных суверенов, вступили в объединение, известное под названием "Союз башмаков".

Таким образом, повсюду, как в высших, так и в низших слоях общества, раздавался рокот — предвестник грома, который вскоре должен был разразиться. Германия, казалось, созрела для работы, которую шестнадцатый век поставил перед собой в качестве задачи. Провидение, которое действует неторопливо, все подготовило, и те самые страсти, которые Бог осуждает, должны были быть побеждены его могущественной рукой для осуществления его замыслов.

Давайте посмотрим, как располагались другие народы.

В тринадцати маленьких республиках, расположенных со своими союзниками в центре Европы среди гор, образуя, так сказать, ее цитадель, жили храбрые и простые люди. Кто бы отправился в эти безвестные долины в поисках людей, которые вместе с сынами Германии могли бы стать освободителями Церкви? Кто бы мог подумать, что маленькие безвестные городки, только что вышедшие из состояния варварства, спрятанные за неприступными горами, на краю безымянных озер, с точки зрения христианства будут превосходить Иерусалим, Антиохию, Эфес, Коринф и Рим? Тем не менее, так угодно Тому, кто желает, чтобы одно место земли было орошено росой, а другое место, на которое не сошел дождь, оставалось выжженным (Амос.)

Помимо этого, можно было ожидать, что другие обстоятельства создадут многочисленные препятствия на пути Реформации в Гельветических республиках. Если в монархии следовало опасаться препятствий, создаваемых властью, то в демократии следовало опасаться опрометчивости народа.

Но Швейцария тоже подготовилась к этому. Это было дикое, но благородное дерево, которое сохранилось в глубине долин для того, чтобы однажды на нем вырос ценный плод. Провидение распространило среди этого нового народа принципы независимости и свободолюбия, которым суждено было проявить свою полную силу всякий раз, когда будет подан сигнал к соперничеству с Римом. Папа дал швейцарцам титул Защитников свободы Церкви, но они, по-видимому, восприняли это почетное наименование в совершенно ином смысле, чем понтифик. Если их солдаты охраняли папу римского в окрестностях древнего Капитолия, то их граждане в Альпах тщательно охраняли свои религиозные свободы от посягательств папы и духовенства. Священнослужителям было запрещено обращаться в иностранную юрисдикцию. "Письмо священников" (Pfaffenbrief, 1370) было энергичным протестом швейцарской свободы против злоупотреблений и власти духовенства. Среди этих государств Цюрих отличался мужественным противодействием притязаниям Рима. Женева, расположенная на другой оконечности Швейцарии, находилась в состоянии войны со своим епископом. Эти два города особенно проявили себя в великой борьбе, которую мы взялись описать.

Но если швейцарские города, доступные для всякого рода благоустройства, были одними из первых, кто присоединился к реформаторскому движению, то с жителями гор дело обстояло иначе. Свет еще не зашел так далеко. Эти кантоны, основатели свободы Швейцарии, гордившиеся той ролью, которую они сыграли в великой борьбе за независимость, не были склонны подражать своим младшим собратьям с равнин. Зачем менять веру, с которой они преследовали Австрию и которая своими алтарями освятила все сцены их триумфа? Их священники были единственными просвещенными проводниками, к которым они могли прибегнуть. Их богослужение и праздники нарушали монотонность их спокойной жизни и приятно нарушали тишину их мирных убежищ. Они оставались невосприимчивыми к религиозным новшествам.

Пересекая Альпы, мы оказываемся в той Италии, которая в глазах большинства была Святой Землей христианского мира. Откуда Европе было ожидать блага Церкви, если не от Италии, если не от Рима? Не могла бы власть, которая по очереди возводила на папский престол столько разных личностей, однажды посадить на него понтифика, который стал бы инструментом благословения наследия Господа? Или, если уж отчаиваться в понтификах, то разве не было епископов и соборов, которые могли бы реформировать Церковь? Ничего хорошего не выходит из Назарета; но из Иерусалима, из Рима!... Таковы могли быть мысли людей, но Бог думал иначе. Он сказал: "Пусть тот, кто сквернословит, остается сквернословящим" (Откр., ххii) и оставил Италию на растерзание ее беззакониям. Эта земля древней славы попеременно становилась жертвой междоусобных войн и иностранного вторжения. Уловки политики, насилие фракций, суматоха войны, казалось, имели единоличную власть и далеко уносили как Евангелие, так и его мир.

Кроме того, Италия, разбитая, расчлененная и лишенная единства, казалась мало подходящей для того, чтобы воспринять общий импульс. Каждая граница была новым барьером, за которым скрывалась истина.

И если правда должна была прийти с Севера, то как могли итальянцы, с таким утонченным вкусом и обществом, в их глазах таким изысканным, снизойти до того, чтобы принять что-либо из рук немцев-варваров? Были ли люди, восхищавшиеся ритмом сонета больше, чем величиим и простотой Священного Писания, благоприятной почвой для зарождения божественного слова? Но как бы то ни было, что касается Италии, Рим все равно должен был оставаться Римом. Мало того, что светская власть пап располагала различные итальянские фракции покупать их союз и благосклонность любой ценой, но в дополнение к этому, всеобщее господство Рима представляло различные привлекательные стороны для алчности и тщеславия ультрамонтанских государств. В тот момент, когда был бы поднят вопрос об освобождении остального мира от Рима, Италия снова стала бы Италией; внутренние распри не возобладали бы в пользу иностранной системы. Нападки на главу семьи с полуострова сразу же возродили бы привязанность и общие интересы, которые долгое время были в упадке.

Таким образом, у Реформации было мало шансов в этом квартале. И все же за горами действительно существовали люди, которые были готовы принять свет Евангелия, и Италия не была полностью лишена наследства.

В Испании было то, чего не было в Италии, — серьезный, благородный и религиозно настроенный народ. Во все времена среди своего духовенства были набожные и образованные люди, в то время как оно было достаточно далеко от Рима, чтобы легко сбросить с себя иго. Есть немного стран, где можно было бы с большим основанием надеяться на возрождение того примитивного христианства, которое Испания, возможно, получила от самого святого Павла. И все же Испания не подняла головы среди других народов. Ей было суждено исполнить изречение Божественной мудрости: "Первые будут последними". Различные обстоятельства привели к этому печальному результату.

Испания, вследствие своего изолированного положения и удаленности от Германии, должно быть, испытала лишь незначительные толчки от великого землетрясения, которое так сильно потрясло империю. Более того, он был наполнен сокровищами, очень отличными от тех, которые слово Божье тогда предлагало народам. Новый мир затмил мир вечный. Совершенно новая земля и, по-видимому, серебро и золото, воспламенили все воображение. Страстное

стремление к богатству не оставляло в сердце испанца места для более благородных мыслей. Могущественное духовенство, имевшее в своем распоряжении строительные леса и сокровища, управляло полуостровом. Испанец охотно подчинился своим священникам, которые, освободив его от прежних притязаний на духовную деятельность, предоставили ему свободу следовать своим страстям и прокладывать путь к богатству, открытиям и новым континентам. Одержав победу над маврами, Испания ценой своей благороднейшей крови сняла полумесяц со стен Гренады и многих других городов и на его месте водрузила крест Иисуса Христа. Это великое рвение к христианству, которое, казалось, вселяло радужные надежды, обернулось против истины. Почему католическая Испания, победившая неверие, не должна противостоять ереси? Как могли те, кто изгнал Магомета из своей прекрасной страны, позволить Лютеру проникнуть в нее? Их короли сделали даже больше. Они снарядили флоты против Реформации и в своем стремлении победить ее отправились искать ее в Голландию и Англию. Но эти нападения возвеличили нации, против которых они были направлены, и их мощь вскоре сокрушила Испанию. Таким образом, эти католические регионы потеряли из-за Реформации даже то временное процветание, которое было основной причиной их отказа от духовной свободы Евангелия. Тем не менее, это был храбрый и великодушный народ, живший за пределами Пиренеев. Несколько их благородных сыновей с таким же рвением, но с большим рвением, чем те, кто проливал свою кровь в мавританских застенках, пришли, чтобы принести свою жизнь в жертву инквизиции на кучах хвороста.

С Португалией было почти то же самое, что и с Испанией. Эммануил Счастливым подарил ей золотой век, который, должно быть, сделал ее непригодной для самоотречения, которого требует Евангелие. Португальцы, устремившись по недавно открытым маршрутам в Ост-Индию и Бразилию, повернулись спиной к Европе и Реформации.

Можно было бы подумать, что немногие страны более расположены, чем Франция, принять Евангелие. Почти вся интеллектуальная и духовная жизнь средневековья сосредоточилась в ней. Можно было бы сказать, что пути для великого проявления истины уже проторены. Люди, которые были наиболее враждебны друг другу и оказали наибольшее влияние на французский народ, чувствовали, что они имеют некоторое сходство с Реформацией. Святой Бернар дал пример той искренней веры, того внутреннего благочестия, которое является лучшей чертой Реформации, в то время как Абельяр ввел в изучение теологии тот принцип рассуждения, который, будучи неспособным установить истину, силен в разрушении лжи. Многочисленные так называемые еретики вновь разожгли пламя слова Божьего во французских провинциях. Парижский университет противостоял Церкви лицом к лицу и не побоялся сразиться с ней. В начале пятнадцатого века Клеманжи и Джерсоны высказались смело. Прагматическая санкция была великим актом независимости и обещала доказать ценность галликанских свобод. Французское дворянство, столь многочисленное и столь ревниво относившееся к своему старшинству и только что ставшее свидетелем постепенного подавления своих привилегий в связи с расширением влияния короны, должно было быть благосклонно настроено к религиозной революции, результатом которой могло стать восстановление части утраченной ими независимости. Этот народ, живой, интеллигентный и открытый щедрым эмоциям, был доступен истине в такой же степени, если не больше, чем любой другой народ. Реформация, возможно, обещала стать для этой нации рождением, которое должно было увенчать долгий многовековой труд. Но Французская церковь, которая, казалось, на протяжении стольких поколений двигалась в одном и том же направлении, в момент Реформации внезапно повернула вспять и приняла совершенно противоположное направление. Такова была воля Того, кто

руководит народами и их правителями. Принц, который тогда сидел в колеснице и держал поводья, и который, как любитель литературы, мог бы считаться реформатором от первого до второго, направил свой народ по другому пути. Симптомы нескольких столетий оказались ошибочными, и импульс, данный Франции, ударил по амбициям и фанатизму ее королей и истратил себя на них. Валуа заняли место, которое ей следовало занимать. Возможно, если бы она приняла Евангелие, то стала бы слишком могущественной. Богу было угодно взять самые слабые нации, нации, которые еще не были таковыми, чтобы сделать их хранителями Его истины. Франция, после того как была почти реформирована, в конечном итоге обнаружила, что снова стала римско-католической. Меч князей, брошенный на чашу весов, склонил ее в сторону Рима. Увы! другой меч, принадлежавший самим реформатам, довершил крах Реформации. Руки, привыкшие к мечу, отвыкли молиться. Евангелие торжествует кровью своих исповедников, а не кровью своих врагов.

В то время Нидерланды были одной из самых процветающих стран Европы. В нем проживало трудолюбивое население, просвещенное многочисленными связями, которые оно поддерживало с различными частями света, полное мужества и до крайности ревностное к своей независимости, своим привилегиям и своей свободе. Находясь на пороге Германии, она, должно быть, одной из первых услышала звуки Реформации. Две партии, совершенно отличные друг от друга, оккупировали эти провинции. Тот, что был южнее, пресытился богатством и покорился. Как могли все эти мануфактуры, доведенные до высочайшего совершенства, — как мог этот безграничный транспорт по суше и морю, — как мог Брюгге, главный торговый центр Севера, — как мог Антверпен, эта королева торговых городов, приспособиться к долгой и кровопролитной борьбе за точки соприкосновения? Напротив, северные провинции, защищенные своими песками, морем и внутренними водами, а еще больше простотой своих нравов и своей решимостью скорее потерять все, чем Евангелие, не только сохранили свои привилегии и свою веру, но также завоевали свою независимость и славный национальный характер.

Англия, казалось, едва ли обещала то, что она с тех пор выполнила. Изгнанная с Континента, где она так долго упрямо стремилась завоевать Францию, она начала обращать свои взоры к океану, как к владениям, которые должны были стать истинной ареной ее завоеваний и которые были зарезервированы для ее наследства. Дважды обращенная в христианство, один раз при древних бриттах, а второй раз при англосаксах, она очень набожно платила Риму ежегодную дань Святого Петра. Но она была предназначена для высоких целей. Владычица океана, присутствующая одновременно во всех уголках земного шара, она вместе с народами, которые должны были от нее произойти, должна была однажды стать рукой Божьей, проливающей семена жизни на самые отдаленные острова и самые большие континенты. Уже несколько обстоятельств дали предчувствие ее судьбы. Яркие огни засияли на Британских островах, и некоторые проблески все еще оставались. Множество иностранцев, художников, торговцев и механиков, прибывших из Нидерландов, Германии и других стран, заполнили их города и морские порты. Новые религиозные идеи, должно быть, передавались легко и быстро. Короче говоря, правящий монарх был эксцентричным принцем, который, обладая некоторыми знаниями и большим мужеством, ежеминутно менял свои проекты и идеи и поворачивался из стороны в сторону в соответствии с направлением, в котором бушевали его неистовые страсти. Вполне возможно, что одна из непоследовательностей Генриха VIII могла оказаться благоприятной для Реформации.

Шотландия в это время была взбудоражена фракциями. Король пяти лет от роду, королева-регентша, амбициозная знать и влиятельное духовенство держали эту смелую нацию в постоянном смятении. Тем не менее, однажды он занял первое место среди тех, кто принял Реформацию.

Три северных королевства - Дания, Швеция и Норвегия - были объединены под общим скипетром. Эти грубые и воинственные народы, казалось, имели мало общего с доктриной любви и мира. И все же, благодаря самой своей энергии, они были, возможно, более расположены, чем жители Юга, принять евангельское учение во всей его силе. Но, будучи потомками воинов и пиратов, они привнесли, казалось бы, слишком воинственный характер в дело протестантизма; в более поздний период их меч героически защищал его.

Россия, удалившаяся на край Европы, имела мало сношений с другими государствами и, более того, принадлежала к греческому сообществу. Реформация, осуществленная на Западе, практически не оказала влияния на Восточную Церковь.

Польша, казалось, была хорошо подготовлена к реформе. Близость христиан Богемии и Моравии располагала его к восприятию, в то время как близость Германии, должно быть, быстро передавала евангельский импульс. Еще в 1500 году знать собственно Польши потребовала чашу для мирян, апеллируя к обычаям первобытной Церкви. Свобода, которой пользовались его города, и независимость его знати сделали его безопасным убежищем для христиан, преследуемых в их собственной стране, и истина, которую они принесли туда, была принята с радостью большим числом его жителей. Однако в наши дни это одна из стран с наименьшим числом исповедников.

Пламя реформации, которое долгое время пылало в Богемии, почти погасло в крови. Тем не менее, драгоценные останки, избежавшие резни, все же дожили до того дня, о котором предчувствовал Ян Гус.

Венгрию раздирали междоусобицы под властью князей без характера и опыта, которые в конце концов связали судьбу своего народа с Австрией, предоставив этому могущественному Дому место среди наследников короны.

Таково было состояние Европы в начале шестнадцатого века, которому было суждено произвести столь сильное преобразование в христианском обществе.

ГЛАВА VI.

Римское богословие—Остатки жизни—Оправдание верой—Свидетели истины—Клод—Мистики—Водуа—Вальдо—Уиклиф—Гус—Предсказание—Протестантизм до Реформации—Арнольди—Утенхайм—Мартин—Новые свидетели в Церкви—Томас Конекте—Кардинал Крейн—Инститорис—Савонарола—Оправдание верой—Джон Витрейр—Джон Лайе—Джон Вессалийский—Джон Гох—Джон Вессел—Протестантизм до Реформации—Богемские братья—Пророчество Пролса—Пророчество францисканца Изенаха—Третья подготовительная работа—Литература.

Указав на состояние наций и князей, мы теперь переходим к подготовке Реформы, существующей в Богословии и в Церкви.

Особая система богословия, которая была установлена в Церкви, должно быть, внесла мощный вклад в то, чтобы открыть глаза подрастающему поколению. Созданный для эпохи тьмы, как будто такая эпоха должна была существовать вечно, он, казалось, был обречен устареть и стать дефектным во всех своих частях, как только эпоха должна была улучшиться. Таков был фактический результат. Папы время от времени вносили различные дополнения в христианскую доктрину. Они изменяли или убирали все, что не соответствовало их иерархии, в то время как все, что не противоречило их системе, разрешалось оставаться до дальнейших распоряжений. Эта система содержала истинные доктрины, такие как искупление и влияние Святого Духа; и их способный богослов, если бы таковой тогда существовал, мог бы использовать для борьбы со всеми остальными и ниспровержения их. Чистое золото, смешанное с ничем не стоящим свинцом в сокровищнице Ватикана, позволило легко обнаружить подделку. Это правда, что когда какой-нибудь смелый противник привлекал к этому внимание, римский земледелец немедленно выбрасывал чистое зерно. Но само это разбирательство только усилило неразбериху.

Эта путаница была безграничной, и мнимое единство было всего лишь нагромождением разногласий. В Риме существовали доктрины Двора и доктрины Церкви. Вера метрополии отличалась от веры провинций; в то время как в провинциях, опять же, вариации были бесконечными. Была вера для князей, вера для народа и вера для религиозных орденов. Мнения классифицировались как принадлежащие такому-то монастырю, такому-то району, такому-то врачу, такому-то монаху.

Истина, чтобы мирно пережить то время, когда Рим раздавил бы ее железным скипетром, поступила подобно насекомому, которое своими нитями формирует куколку, в которую оно прячется в холодное время года. И достаточно странно, что инструментами, которые божественная истина использовала для этой цели, были столь сильно осуждаемые схоласты. Эти трудолюбивые мыслители посвятили себя распутыванию всех теологических идей и из многочисленных нитей соорудили завесу, под которой самым способным из их современников, должно быть, было трудно распознать истину в ее первоначальной чистоте. Кажется печальным, что насекомое, полное жизни и иногда переливающееся самыми яркими красками, должно заключать себя, по-видимому, безжизненное, в свой темный кокон; и все же именно саван спасает его. То же самое было и с правдой. Если бы эгоистичная и зловещая политика Рима в дни его господства соответствовала истине в обнаженной простоте, она разрушила бы или, по крайней мере, попыталась уничтожить ее, но, как бы замаскирована она ни была теологами того времени под тонкости и бесконечные различия, папы либо не видели ее, либо думали, что в таком состоянии она не может причинить им вреда. Соответственно, они покровительствовали как рабочим, так и их работе. Но могла наступить весна, и тогда забытая истина могла поднять голову и сбросить свой саван. В своей кажущейся гробнице, набравшись новых сил, она могла бы теперь снова одержать победу над Римом и всеми его ошибками. Наступила весна. В тот момент, когда нелепые атрибуты схоластов спадали под натиском умелых рук и под насмешки нового поколения, истина вырвалась на свободу и вышла юной и прекрасной.

Но не только писания схоластов несут в себе мощное свидетельство в пользу истины. Христианство повсюду привносило часть своей собственной жизни в жизнь людей. Церковь Христа была подобна зданию, пришедшему в упадок; при раскопках под ее фундаментом часть твердой скалы на сооружениях, которые датировались чистыми временами существования

Церкви, все еще существовали и не могли не внушить многим умам евангельские идеи, совершенно расходящиеся с преобладающими суевериями. Более того, вдохновенные писатели и древние учителя Церкви, чьи труды сохранились во многих библиотеках, иногда издавали одинокий голос; и разве мы не можем надеяться, что к этому голосу в тишине прислушивалось не одно внимательное ухо? Давайте не будем сомневаться, (и как сладка эта мысль!) У христиан было много братьев и сестер в тех монастырях, в которых мы слишком охотно видим ничего, кроме лицемерия и распущенности.

Церковь пала вследствие того, что утратила великое учение об оправдании верой в Спасителя; и поэтому, прежде чем она смогла подняться, было необходимо восстановить это учение. Как только это было восстановлено в христианском мире, все ошибки и обряды, которые были введены, все это множество святых, благочестивых дел, епитимий, месс, индульгенций и т.д., должны были исчезнуть. Как только был признан один Посредник и его единственная жертва, со всеми другими посредниками и другими жертвоприношениями было покончено. "Этот пункт оправдания, - говорит тот, кого мы можем считать божественно просвещенным в этом вопросе, [53], - это то, что создает Церковь, питает, созидает, сохраняет и защищает ее. Ни один человек не может хорошо учить в Церкви или последовательно противостоять противнику, если он не будет твердо держаться этой истины. Это, - добавляет автор, которого мы цитируем, - пятка, которая поражает голову Змея".

Бог, готовивший свою работу, воздвиг во время смены эпох длинный ряд свидетелей истины. Но истину, о которой свидетельствовали эти благородные люди, они не знали с достаточной ясностью или, по крайней мере, были неспособны изложить с достаточной отчетливостью. Неспособные выполнить работу, они были именно такими, какими должны были быть, чтобы подготовить ее. Однако мы должны добавить, что если они не были готовы к работе, то и работа не была готова для них. Мера еще не была переполнена. Века не достигли предначертанного им пути, и потребность в настоящем лекарстве, как правило, не ощущалась.

Как только Рим узурпировал власть, против него образовалась мощная оппозиция, которая распространилась на все средние века.

В девятом веке архиепископ Клод Туринский, а в двенадцатом веке Петр Брюггский, его ученик Генрих и Арнольд Брешийский во Франции и Италии пытались установить поклонение Богу в духе и истине. Однако, как правило, в поисках этого культа они слишком сильно ограничивают его исключением изображений и внешних обрядов.

Мистики, существовавшие почти во все века и искавшие в безмолвии святости сердца, чистоты жизни и спокойного общения с Богом, бросали взгляды печали и уныния на запустение Церкви. Тщательно воздерживаясь от схоластических разборок и бесполезных дискуссий, под которыми было погребено истинное благочестие, они пытались вывести людей из тщетного механизма внешнего богослужения, из грязи и блеска церемоний, чтобы они могли привести их к внутреннему покою, которым наслаждается душа, ищущая всего своего счастья в Боге. Этого они не могли бы сделать, не сталкиваясь на каждом шагу с общепризнанными мнениями и не обнажая язвы Церкви. Тем не менее, у них не было четкого представления о доктрине оправдания верой.

Водуа, намного превосходящие мистиков чистотой учения, образуют длинную цепь свидетелей истины. Люди, пользующиеся большей свободой, чем остальная часть Церкви, по-видимому,

населяли высоты Альп в Пьемонте с древних времен; и последователи Вальдо увеличили их число и очистили их учение. Со своих горных вершин вода на протяжении долгого ряда веков протестуют против римских суеверий. [54] "Они борются за живую надежду, которую они имеют в Боге через Христа, за возрождение и внутреннее обновление верой, упованием и милосердием, за заслуги Иисуса Христа и самодостаточность Его праведности и благодати". [55]

И все же, однако, эта первичная истина об оправдании грешника, это основополагающее учение, которое должно было бы подняться из гущи их доктрин, подобно Монблану из недр Альп, не занимает должного места в их системе. Его вершина недостаточно высока.

В 1170 году Питер Во, или Вальдо, богатый лионский купец, продает все свои товары и раздает бедным. Он, как и его друзья, по-видимому, имел в виду практически реализовать совершенство первоначального христианства. Он, соответственно, аналогичным образом начинает с ветвей, а не с корня. Тем не менее, его слово обладает силой из-за его обращения к Священному Писанию и потрясает римскую иерархию до самых ее основ.

В 1360 году Уиклифф появляется в Англии и апеллирует к слову Божьему от папы Римского, но настоящая внутренняя рана Церкви, по его мнению, является лишь одним из многочисленных симптомов болезни.

Иоанн Гус возвысил свой голос в Богемии за столетие до того, как Лютер возвысил свой голос в Саксонии. Кажется, он проникает дальше, чем его предшественники, в суть христианской истины. Он просит Христа дать ему благодать прославиться только в его кресте и в неоценимой тяжести его страданий, но его внимание направлено не столько на ошибки Римской церкви, сколько на скандальную жизнь ее духовенства. Однако он был, если можно так выразиться, Иоанном Крестителем Реформации. Пламя его мученичества разожгло в Церкви пожар, который пролил огромный свет на окружающую тьму, и лучи которого было не так-то легко погасить.

Ян Гусс сделал больше; пророческие слова прозвучали из глубины его темницы. У него было предчувствие, что настоящая Реформация Церкви близка. Еще в период, когда, изгнанный из Праги, он был вынужден бродить по равнинам Богемии, где по его следам следовала огромная толпа нетерпеливых слушателей, он восклицал: "Нечестивые начали расставлять коварные сети для чешского гуся; [56] но если даже гусь, который является всего лишь домашней птицей, мирной птицей и который никогда не поднимавшийся высоко в воздух, однако разорвавший свои сети, другие птицы с более высокими крыльями разорвут их с гораздо большей силой. Вместо хилого гуся истина пошлет орлов и соколов с пронзительным взглядом". [57] Реформаторы исполнили это предсказание.

И после того, как достопочтенный священник был вызван на Констанцкий собор, после того, как он был брошен в тюрьму, Вифлеемская часовня, где он проповедовал Евангелие и будущие триумфы Иисуса Христа, занимала его больше, чем его защита. Однажды ночью святому мученику показалось, что он увидел в глубине своей темницы черты Иисуса Христа, которые по его приказу были нарисованы на стенах его кабинета и стерты папой и епископами. Сон огорчает его, но на следующий день он видит нескольких художников, занятых восстановлением картин в большем количестве и великолепии. Закончив свою задачу, художники, окруженные великой толпой, восклицают: "Теперь пусть придут папы и епископы,

они никогда больше не сотрут их". Джон Гус добавляет: "Многие люди в Вифлееме радовались, и я среди них". "Думай о своей защите, а не о снах", - сказал его верный друг шевалье де Клум, которому он рассказал этот сон. "Я не мечтатель, - ответил Гусс, - но в одном я уверен наверняка— образ Христа никогда не исчезнет. Они хотели уничтожить его, но оно будет заново нарисовано в сердцах людей гораздо более способными проповедниками, чем я. Народ, любящий Иисуса Христа, возрадуется; и я, пробудившись среди мертвых и, так сказать, восстав из гроба, буду трепетать от радости". [58]

Прошло столетие, и факел Евангелия, вновь зажженный реформаторами, действительно осветил несколько народов, которые радовались его свету.

Но в те века слово жизни звучало не только среди тех, кого Рим считает своими противниками; само католичество — скажем это для нашего утешения — содержит в своих недрах множество свидетелей истины. Примитивное здание сгорело, но благородный огонь дремлет под его пеплом, и мы видим, как он время от времени выбрасывает яркие искры.

Ошибочно полагать, что вплоть до Реформации христианство существовало только в римско-католической форме и что только в этот период часть этой церкви приняла форму протестантизма.

Среди врачей, живших до XVI века, несомненно, многие склонялись к системе, провозглашенной Тридентским собором в 1562 году, но некоторые также были склонны к доктринам, исповедуемым протестантами в Аугсбурге в 1530 году; большинство, возможно, колебалось между этими двумя.

Ансельм Кентерберийский излагает доктрины воплощения и искупления как суть христианства. [59] И в трактате, в котором он учит, как умереть, он говорит умирающему: "Смотри только на заслуги Иисуса Христа". Святой Бернард мощным голосом провозглашает тайну искупления. "Если моя вина исходит от другого, - говорит он, - то почему бы и моей праведности не быть производной? Конечно, для меня гораздо лучше, чтобы это было дано мне, чем иметь это врожденным". [60] Несколько схоластов, а за ними канцлер Герсон, яростно нападают на ошибки и злоупотребления Церкви.

Но, прежде всего, давайте подумаем о тысячах безвестных личностей, неизвестных миру, которые, однако, обладали истинной жизнью Христа.

Монах по имени Арнольди ежедневно в своей тихой келье произносит это пылкое восклицание: "О Иисус Христос, Господь мой! Я верю, что ты один - мое искупление и моя праведность". [61]

Христофор Утенгеймский, благочестивый епископ Басле, велит написать свое имя на картине, нарисованной на стекле, и окружает ее такой надписью, чтобы она всегда была у него перед глазами: "Крест Христов - моя надежда; Я ищу благодати, а не дел". [62]

Монах Мартин, бедный картезианец, написал трогательную исповедь, в которой говорит: "О самый любящий Бог! Я знаю, что нет другого способа, которым я могу спастись и удовлетворить твою справедливость, кроме как через заслуги, незапятнанную страсть и смерть твоего горячо любимого Сына. Добрый Иисус! Все мое спасение в твоих руках. Ты не можешь отвести от меня руки своей любви, ибо они создали, сформировали и искупили меня. По великой милости и невыразимым образом ты выгравировал мое имя железным пером на твоем боку, твоих руках и

твоих ногах" и т.д. Затем добрый картезианец кладет свое признание в деревянную шкатулку и опускает шкатулку в отверстие, которое он проделал в стене своей камеры. [63]

О благочестии брата Мартина никогда бы не узнали, если бы шкатулка не была найдена 21 декабря 1776 года при сносе старого многоквартирного дома, который был частью картезианского монастыря в Басле.

Но эту трогательную веру эти святые люди имели только для себя и не знали, как донести до других. Живя в уединении, они могли бы более или менее сказать, как в надписи, которую монах Мартин вложил в свою шкатулку: "Et si hæc prædicta confiteri non possim lingua, confiteor tamen corde et scripto". "И все вышесказанное, если я не могу исповедаться языком, я, однако, исповедуюсь сердцем и письменно". Слово истины находилось в святилище некоторых благочестивых душ, но, используя выражение Священного Писания, оно не имело "свободного хода" в мире. И все же, если учение о спасении не всегда исповедовалось вслух, в самом лоне Римской церкви были такие, кто, по крайней мере, боялся открыто выступить против злоупотреблений, позорящих ее.

Едва состоялись Соборы в Констанце и Базле, осудившие Гуса и его последователей, как благородный ряд свидетельств против Рима, на которые мы указывали, снова предстал с еще большим блеском. Люди благородного духа, возмущающиеся мерзостями папства, восстают подобно ветхозаветным пророкам, подобно им возвещающим голос грома, и с такой же судьбой. Их кровь обагрят эшафот, а их пепел развеян по ветру.

Кармелит Томас Конекте появляется во Фландрии и заявляет, "что в Риме творятся мерзости, что Церковь нуждается в реформации и что, служа Богу, человек не должен бояться отлучения от церкви папы". [64] Фландрия слушает его с энтузиазмом, но Рим сжигает его в 1432 году, а его современники восклицают, что Бог возвысил его до небес. [65]

Андре, архиепископ Крейнский и кардинал, находясь в Риме в качестве посла императора, поражен, когда видит, что святость папы, в которую он искренне верил, всего лишь басня; и в своей простоте он обращается с евангельскими речами к Сексту IV. Ему отвечают насмешками и преследованиями. Затем (1482 г.) он желает, чтобы в Басле был собран новый Совет. "Вся Церковь, - восклицает он, - настолько потрясена разделениями, ересями, грехами, пороками, беззакониями, заблуждениями и бесчисленными пороками, что находится накануне того, чтобы быть поглощенной всепожирающей бездной осуждения. [66] Это моя единственная причина для предложения Генерального совета по реформированию католической веры и изменению нравов". Архиепископ Базельский был брошен в тюрьму этого города и там умер. Генри Инститорис, инквизитор, который первым выступил против него, произнес следующие замечательные слова: "Весь мир вопиет и требует собора; но никакая человеческая сила не может реформировать Церковь посредством Собора. Всемогущий найдет другой метод, который сейчас нам неизвестен, хотя и находится у порога; и с помощью этого метода Церковь будет возвращена к своему первобытному состоянию". [67] Это замечательное пророчество, произнесенное инквизитором в самый период рождения Лютера, является лучшей апологией Реформации.

Доминиканец Иероним Савонарола вскоре после вступления в орден в Болонье в 1475 году посвящает себя постоянным молитвам, постам и массированию и восклицает: "О ты, кто добр, в своей благодати научи меня твоей праведности". [68] Переведенный во Флоренцию в 1489 году,

он проповедует с эффектом; его голос волнующий, черты оживленные, его действия красиво привлекательны. "Церковь, - восклицает он, - должна быть обновлена". И он исповедует великий принцип, который единственный может вернуть ей жизнь. "Бог, - говорит он, - прощает человеку его грех и оправдывает его милосердием. Для каждого оправданного человека, существующего на земле, на небесах был акт сострадания, ибо ни один человек не спасается своими делами. Никто не может хвалиться сам по себе; и если бы в присутствии Божьем всем праведникам был задан вопрос: "Были ли вы спасены своими собственными силами?" - все они в один голос воскликнули бы: "Не нам, Господи, но имени твоему слава". А потому, о Боже, я ищу твоей милости и приношу тебе не свою собственную праведность: в тот момент, когда ты оправдываешь меня благодатью, твоя праведность принадлежит мне; ибо благодать есть праведность Божья. До тех пор, о человек, пока ты не веришь, ты из-за греха лишен благодати. О Боже, спаси меня Твоей праведностью, то есть Твоим Сыном, который единственный был признан праведным среди людей". [69] Таким образом, великое и святое учение об оправдании верой радует сердце Савонаролы. Тщетно прелаты Церкви выступают против него; [70] он знал, что Божьи оракулы выше видимой церкви и что он должен проповедовать их с ней, без нее или вопреки ей.— "Лети подальше от Вавилона", - восклицает он. Таким образом, он указывает на Рим. Рим вскоре отвечает ему по-своему. В 1497 году печально известный Александр подает на него в суд, а в 1498 году пытки и педерастия делают свое дело над Реформатором.

Францисканец по имени Джон Витрейр из Турне, чей монашеский дух, кажется, не слишком возвышен, тем не менее, яростно выступает против коррупции в Церкви. "Для мужчины было бы лучше", - говорит он, [71] "перерезать горло своему ребенку, чем приобщить его к нереформированной религии. Если ваш викарий или любой другой священник держит женщин в своем доме, вы должны пойти и вытащить женщин силой или любым другим способом, скопом, из дома. Есть люди, которые возносят молитвы Деве Марии, чтобы в час смерти они могли увидеть Деву Марию. Ты увидишь дьявола, а не Деву Марию". Монаху было приказано отречься, и он сделал это в 1498 году.

Джон Лейе, доктор Сорбонны, в 1484 году выступает против тиранического господства иерархии. "Все церковники, - говорит он, - получили равную власть от Христа. Римская церковь не является главой других церквей. Вы должны соблюдать заповеди Бога и Апостолов; и, что касается повеления всех епископов и других лордов Церкви, заботьтесь об этом не больше, чем о соломинке; они разрушили Церковь своими уловками. [72] Священники Восточной Церкви не грешат, вступая в брак; и, поверьте мне, мы в Западной Церкви тоже не согрешим, если вступим в брак. Со времен святого Сильвестра Римская церковь была не церковью Христа, а церковью государства и денег. Мы обязаны верить легендам о святых не больше, чем французским хроникам".

Иоанн Вессалийский, доктор богословия из Эрфурта, человек великого духа и интеллекта, нападает на ошибки, на которых зиждется иерархия, и провозглашает Священное Писание единственным источником веры. "Не религия" (то есть монашеское состояние) спасает нас, - говорит он некоторым монахам, - "но благодать Божья. Бог всю вечность вел книгу, в которую он заносил всех своих избранных. Тот, кто не заносился туда, не будет заноситься всю вечность; и тот, кто заносился, никогда не увидит, как его имя будет стерто. Избранные спасаются исключительно по милости Божьей. Тот, кого Богу угодно спасти, даровав ему благодать, будет спасен, даже если все священники в мире осудят и отлучат его от церкви. И тот, кого Бог увидит готовящимся осудить, хотя все они должны желать спасти его, почувствует его осуждение. [73]

Как дерзко было преемникам апостолов приказывать не тому, что Христос предписал в своих священных книгах, а тому, что они сами изобрели, когда были увлечены, как они сейчас, жадой денег или жадой власти. Я презираю папу Римского, Церковь и Соборы, и я превозношу Иисуса Христа". Вессалия, который постепенно пришел к этим убеждениям, смело провозглашает их с кафедры и вступает в общение с депутатами от гуситов. Немощный, согнутый возрастом и истощенный болезнью, мужественный старик нетвердой походкой предстает перед инквизицией и в 1482 году умирает в ее застенках.

Примерно в то же время Джон де Гох, приор в Малине, превозносил христианскую свободу как воплощение всех добродетелей. Он обвинил общепринятое учение в пелагианстве и назвал Фому Аквинского "Князем заблуждения". "Одно только каноническое Писание, - сказал он, - заслуживает полной веры и обладает непререкаемым авторитетом. Писания древних отцов церкви авторитетны лишь постольку, поскольку они соответствуют канонической истине.— Есть правда в распространенной поговорке: "Сатана покраснел бы при мысли о том, на что отваживается монах".

Но самым замечательным из предшественников Реформации, несомненно, был Джон Вессел, прозванный "Светом мира", человек, полный мужества и любви к истине, который последовательно преподавал теологию в Кельне, Лувене, Париже, Гейдельберге и Гронингене. Лютер сказал о нем: "Если бы я прочитал его работы раньше, можно было бы сказать, что Лютер все почерпнул у Вессела; настолько его дух совпадает с моим". [74] "St. Павел и святой Иаков, - говорит Вессел, - говорят разные, но не противоречащие друг другу вещи. Оба считают, что праведные живут верой, но верой, действующей любовью. Тот, кто понимает Евангелие, верит, желает, надеется, доверяется благой вести и любит Того, кто оправдывает и благословляет его, полностью отдает себя Тому, кого любит, и ничего себе не приписывает, зная, что в себе у него ничего нет. [75] Овцам следует различать то, чем они питаются, и избегать вредной пищи, хотя ее должен предлагать пастух. Люди должны следовать за своими пастухами на пастбища, но когда они ведут их на то, что не является пастбищем, они больше не пастухи; и поскольку они не выполняют свои обязанности, стадо больше не обязано им повиноваться. Нет ничего более эффективного в разрушении Церкви, чем коррумпированное духовенство. Все христиане, даже самые подлые и простодушные, обязаны сопротивляться тем, кто разрушает Церковь. [76] Повеления прелатов и докторов должны выполняться только способом, предписанным Святым Павлом (1 Фес., v, 21:), а именно, поскольку, сидя на троне Моисея, они говорят согласно Моисею. Мы слуги Божьи, а не папы римского, согласно сказанному: "Ты должен поклоняться Господу Богу твоему, и ему одному ты должен служить". Святой Дух оставил за собой право развивать, оживлять, сохранять и приумножать единство Церкви, а не передал это римскому понтифику, который часто не заботится об этом вопросе. Даже секс не мешает женщине, если она верна и благоразумна и в ее сердце есть любовь, чувствовать, судить, одобрять и делать выводы на основании решения, утверждаемого Богом".

Таким образом, по мере приближения Реформации голоса, провозглашающие истину, умножаются. Можно было бы сказать, что Церковь стремится продемонстрировать, что Реформация существовала до Лютера. Протестантизм родился в Церкви в тот самый день, когда в ней появился зародыш папства, точно так же, как в политическом мире консервативные принципы начали существовать в тот самый момент, когда деспотизм великих или беспорядки фракционных проявили себя открыто. Протестантизм иногда был даже сильнее папства в века,

предшествовавшие Реформации. Что мог противопоставить Рим всем этим свидетелям истины в тот момент, когда их голос был слышен по всей земле?

Но это было еще не все. Реформация существовала не только среди учителей; она существовала также среди людей. Доктрины Уиклифа, исходившие из Оксфорда, распространились по всему христианскому миру и сохранили приверженцев в Баварии, Швабии, Франконии и Пруссии. В Богемии, из лона раздоров и войн, в конце концов возникла мирная христианская община, которая напоминала первобытную Церковь и живо свидетельствовала о великом принципе евангельской оппозиции, а именно о том, "что сам Христос, а не Петр и его преемник, является скалой, на которой построена Церковь". Принадлежа в равной степени к германской и славянской расам, эти простые христиане имели миссионеров среди разных народов, говоривших на их языках, чтобы они могли без шума приобретать приверженцев своих взглядов. В Ростохе, который они дважды посещали, Николас Кусс начал в 1511 году публично проповедовать против папы римского. [77]

Важно учитывать такое положение вещей. Когда мудрость свыше громким голосом передаст свои инструкции, повсюду найдутся разум и сердца, готовые принять их. Когда сеятель, который никогда не переставал ходить по Церкви, выйдет для нового и обширного посева, земля будет готова принять зерно. Когда труба, в которую Ангел завета никогда не переставал трубить, будет звучать все громче и громче, многие приготовятся к битве.

Церковь уже чувствует, что приближается час битвы. Если в течение прошлого столетия более одного философа намекали на революцию, которой она должна была завершиться, можем ли мы удивляться, что в конце пятнадцатого века несколько врачей предвидели надвигающуюся Реформацию, которая должна была обновить Церковь? [78]

Андре Пролес, провинциал августинцев, который более полувека возглавлял этот орган и с непоколебимым мужеством отстаивал доктрины Августина в своем ордене, собираясь со своими братьями в монастыре Химмельспорте, недалеко от Вернигероде, часто останавливался во время чтения слова Божьего и, обращаясь к слушающим монахам, говорил им: "Братья, вы слышите свидетельство святого Писания. Оно провозглашает, что по благодати мы такие, какие мы есть, — что только благодаря ей мы имеем все, что имеем. Откуда же тогда столько тьмы и столько ужасных суеверий?... О, братья, христианство нуждается в великой и смелой реформации, и я уже вижу ее приближение". Тогда монахи воскликнули: "Почему бы вам самим не начать эту реформацию и не выступить против всех их заблуждений?" "Вы видите, братья мои, - ответил старый провинциал, - что я отягощен годами и слаб телом и не обладаю знаниями, талантом и красноречием, которых требует столь важное дело. Но Бог воздвигнет героя, который по своему возрасту, силе, талантам, знаниям, гениальности и красноречию займет первое место. Он начнет реформацию, он выступит против заблуждений, и Бог даст ему такое мужество, что он осмелится противостоять великому". [79] Старый монах из Химмельспорте, который часто слышал эти слова, рассказал их Флациусу. В том самом порядке, в котором Пролес был провинциалом, должен был появиться христианский герой, объявленный им таким образом.

Во францисканском монастыре в Изенахе, в Тюрингии, жил монах по имени Джон Хилтен. Он был внимательным учеником пророка Даниила и Апокалипсиса святого Иоанна; он даже написал комментарий к этим Книгам и осудил самые вопиющие злоупотребления монашеской жизни. Разъяренные монахи бросили его в тюрьму. Из-за преклонного возраста и грязи в

темнице, вызвавшей опасную болезнь, он попросил позвать монаха-суперинтенданта, который, как только прибыл, не выслушав заключенного, начал давать волю своему гневу и сурово упрекать его за его учение, которое (добавляет хроника) расходилось с монашеской кухней. Францисканец, забыв о своей болезни и испустив глубокий вздох, восклицает: "Я спокойно смиряюсь с вашей несправедливостью из любви к Христу; ибо я не сделал ничего, что могло бы поколебать монашеское положение, а только осудил его самые отъявленные злоупотребления. Но, - продолжал он (это отчет, приведенный Меланктоном в его *Апологии за Аугсбургскую исповедь*), - в тысяча пятьсот шестнадцатом году от Рождества Христова придет другой; он уничтожит вас, и вы не сможете противостоять ему." [80] Джон Хилтен, который имел объявленный конец света в 1651 году, был не так уж сильно ошибочен в том году, в котором должен был появиться будущий Реформатор. Он родился вскоре после этого недалеко от темницы Хилтена, начал свое обучение в том же городе, где монах был узником, и публично присоединился к Реформации всего на год позже, чем упоминал францисканец.

ГЛАВА VII.

Письма—Возрождение—Воспоминание об античности в Италии—Влияние гуманистов—Христианство Данте—Валлы—Неверность в Италии—Платоническая философия—Расцвет литературы в Германии—Молодежь в школах—Книгопечатание—Характер немецкой литературы—Литераторы и схоласты—Новый мир—Рейхлин—Reuchlin в Италии—Его работы—Его влияние в Германии—Мистики—Борьба с доминиканцами.

Таким образом, князья и народ, живые члены Церкви и теологи трудились, каждый в своей сфере, чтобы подготовить работу, которую шестнадцатый век должен был вот-вот осуществить. Но было еще одно вспомогательное средство, которое должно было оказать помощь Реформации, — я имею в виду Литературу.

Человеческий разум расширился — обстоятельство, которое само по себе должно было привести к его раскрепощению. Если маленькое семечко упадет рядом со старой стеной, то по мере того, как оно вырастет в дерево, оно будет давить на стену.

Римский понтифик стал наставником народов, и его выдающийся интеллект облегчил ему эту задачу. Он долго держал их в меньшинстве, но теперь сопротивление вспыхнуло со всех сторон. Эта почтенная опека, которая была первоначально основана на принципах вечной жизни и цивилизации, которые Рим передал варварским народам, больше не могла осуществляться без сопротивления. Грозный противник встретился с ней лицом к лицу и был готов контролировать ее. Естественная тенденция человеческого разума расширяться, исследовать и приобретать знания породила эту новую силу. Человек открыл глаза и на каждом шагу задавался вопросом о действиях того давно уважаемого проводника, под руководством которого он с завязанными глазами двинулся дальше, не сказав ни слова. Что касается народов новой Европы, то период младенчества миновал и начался период возмужания. На смену детской простоте, которая верила всему, пришел дух любопытства, интеллект, который нельзя удовлетворить, не просеивая все до конца. Был задан вопрос, с какой целью Бог обратился к миру и имеют ли люди право выступать в качестве посредников между Богом и своими братьями.

Было только одно, что могло спасти Церковь, и это - подняться еще выше над людьми. Оставаться на одном уровне с ними было недостаточно. Но так далеко от этого, что даже оказалось, что она находится далеко под ними, начав спускаться в то же время, когда они начали подниматься. В тот период, когда человечество начало подниматься в области интеллекта, священство пресмыкалось внизу, среди земных занятий и мирских интересов. Это явление неоднократно появлялось в истории. Крылья орленка были полностью расправлены, и какая рука была достаточно высока, чтобы помешать ему взлететь?

Человеческий разум впервые зародился в Италии.

Схоластика и романтическая поэзия никогда не царили без сопротивления. Италия никогда полностью не теряла памяти о древности; и это воспоминание, сильно пробудившееся к концу средних веков, вскоре дало уму новый импульс.

Даже в четырнадцатом веке Данте и Петрарка восстановили честь древнеримских поэтов, в то время как первый предоставил самым могущественным папам место в их аду, а второй смело протестовал против примитивного устройства Церкви. В начале пятнадцатого века Иоанн Равеннский под аплодисменты преподавал латинскую литературу в Падуе и Флоренции, в то время как Хрисолорас во Флоренции и Павии переводил прекрасных греческих писателей.

В то время как в Европе свет, таким образом, исходил из тюрем, в которых он был заключен, Восток посылал новые лучи на Запад. Знамя османли, водруженное в 1453 году на стенах Константинополя, обратило ученых в бегство. В результате они перенесли греческую литературу в Италию, где факел древних возродил умы, которые столько веков были потушены. Георгий Требизонский, Аргирополос, Виссарион, Ласкарис, Халкондилас и многие другие вдохновили Запад своей любовью к Греции и ее благороднейшим произведениям. Таким образом, патриотические чувства итальянцев были возбуждены, и в Италии появилось большое количество ученых людей. Из них наиболее известными были Гаспарино, Аретин, Поджо и Валла, которые стремились восстановить честь римской древности и поставить ее в один ряд с Грецией. Таким образом, появился великий поток света, и Рим не мог не пострадать от него.

Страсть к античности, овладевшая *гуманистами*, оказала большое влияние на ослабление привязанности к Церкви в умах высшего порядка, ибо "ни один человек не может служить двум господам". В то же время исследования, которыми занимались образованные люди, дали им в руки новый класс инструментов, которые были неизвестны схоластам, и с помощью которых они могли проверять уроки Церкви и принимать решения по ним. Обнаружив, что красоты, которые очаровывали их в классических авторах, в изобилии существовали в Библии, а не в трудах теологов, *гуманисты* были вполне готовы отдать Библии преимущество перед Врачами. Изменив вкус, они подготовили реформацию в вере.

Литераторы, это правда, громко протестовали против того, что их занятия не расходятся с верой Церкви; но все же они нападали на схоластов задолго до того, как реформаторы начали это делать, и разыгрывали свое остроумие на этих варварах — тех "германцах, которые жили, но не жили". [81] Некоторые даже провозглашали доктрины Евангелия и нападали на Рим в отношении объектов ее самой большой привязанности. Уже Данте, придерживаясь многих римских догматов, провозгласил силу веры в терминах, сходных с теми, которые использовали первые реформаторы. "Именно истинная вера, - сказал он, - делает нас гражданами рая. [82] Вера, согласно евангельскому учению, является принципом жизни; это слабая искра, которая,

распространяясь все шире и шире, в конце концов становится живым пламенем и сияет внутри нас, как звезда на небесах. Без веры никакие добрые дела, никакая честность жизни не могут оказать нам помощи. Какими бы великими ни были наши грехи, объятия божественной благодати еще больше и достаточно широки, чтобы обнять все, что обращается к Богу. [83] Душа не потеряна из-за анафемы понтификов; и вечная любовь всегда может достичь ее, пока в ней остается хоть один цветок надежды. [84] От Бога, только от Бога, через веру приходит наша справедливость". И, говоря о Церкви, Данте восклицает: "О моя кора! как плохо ты нагружен! О Константин! какое великое зло было порождено, я не скажу, твоим обращением, но тем подношением, которое богатый отец тогда получил от тебя!"

В более поздний период Лаврентий Валла, применяя изучение античности к взглядам Церкви, отрицает подлинность переписки между Христом и царем Абгаром, отвергает традицию о происхождении Апостольского символа веры и подрывает основы мнимого наследия, которым папы владели от Константина. [85]

И все же, однако, великий свет, который изучение античности пролило в пятнадцатом веке, был предназначен только для разрушения, а не для созидания. Честь спасения Церкви не могла быть оказана ни Гомеру, ни Вергилию. Возрождение литературы, наук и искусств не привело к Реформации. Язычество поэтов, вновь появившись в Италии, скорее усилило язычество сердца. Скептицизм школы Аристотеля и презрение ко всему, что не связано с филологией, овладели многими литераторами и породили неверие, которое, хотя и предполагало подчинение Церкви, на самом деле нападало на важнейшие истины религии. Петр Помпонатий, самый известный представитель этого нечестивого течения, учил в Болонье и Падуе, что бессмертие души и провидение - это всего лишь философские проблемы. [86] Джон Фрэнсис Пика, племянник Пики де ла Мирандолы, рассказывает о папе, который не верил в Бога, [87] и о другом, который, признавшись одному из своих друзей, что он не верил в бессмертие души, явился однажды ночью после своей смерти тому же другу и сказал ему: "Ах! вечный огонь, который пожирает меня, заставляет меня слишком остро осознавать бессмертие этой души, которая, согласно моим взглядам, должна была умереть вместе с телом". Это напоминает нам знаменитые слова, которые Лев X, как утверждается, сказал своему секретарю Бембо: "Все века достаточно хорошо знают, какую пользу принесла нам эта басня о Христе". [88]... Легкомысленные суеверия подверглись нападкам, но их место заняла неверность с ее презрительным глумливым смехом. Смеяться над вещами, какими бы священными они ни были, было модно и являло собой доказательство остроумия; и если религия и ценилась как нечто ценное, то лишь как средство управления народом. "Я боюсь, - восклицал Эразм в 1516 году, - что при изучении древней литературы древнее язычество возродится".

Это правда, что тогда, как и после сарказмов эпохи Августа, и как в наши дни, после сарказмов прошлого столетия, возникла новая платоническая философия, которая атаковала это иррациональное неверие, стремясь, подобно философии наших дней, внушить некоторое уважение к христианству и возродить религиозные чувства в сердцах. Медичи во Флоренции одобряли эти усилия платоников. Но никакая философская религия не возродит Церковь и мир. Гордый, презирающий проповедь о кресте и делающий вид, что не видит в христианских доктринах ничего, кроме фигур и символов, которые большинство людей не может понять, он может запутаться в мистическом энтузиазме, но всегда окажется бессильным ни изменить, ни спасти.

Что же тогда должно было произойти, если бы истинное христианство вновь не появилось в мире и если бы вера заново не наполнила сердца людей своей силой и своей святостью? Реформация спасла религию, а вместе с ней и общество, и, следовательно, если бы Римская церковь имела в сердце славу Божью и благо народа, она с восторгом приветствовала бы Реформацию. Но что значили подобные вещи для Льва X?

Однако факел в Италии нельзя было зажечь, не направив его лучи за Альпы. Дела Церкви установили постоянные сношения между Итальянским полуостровом и другими частями христианского мира, и *варвары*, которые таким образом вскоре почувствовали превосходство и гордость итальянцев, начали краснеть за несовершенство своего языка и стиля. Несколько молодых дворян, Дальберг, Ланген, Шпигельберг, охваченные страстным желанием знаний, переехали в Италию, а по возвращении в Германию привезли с собой знания, грамматику и классику, которые теперь так востребованы, и поделились ими со своими друзьями. [89] Вскоре после этого появился Родольф Агрикола, выдающийся гениальный человек, которого так высоко почитали за его ученость и гениальность, как если бы он жил в эпоху Августа или Перикла. Пылкость его ума и школьная утомительность истощили его за несколько лет; но только после того, как благодаря близкому общению с ним благородные ученики были обучены нести огонь своего учителя по всей Германии. Часто, собираясь вокруг него, они вместе сожалели о темноте Церкви и спрашивали, почему Павел так часто повторяет, что люди оправдываются верой, а не делами. [90]

У ног этих новых учителей вскоре собрались деревенские юноши, жившие подаянием и учившиеся без книг, которые, разделившись на отряды жрецов Вакха, аркебузирова и многих других, беспорядочными группами переходили из города в город, из школы в школу. Неважно; эти странные группы положили начало литературной публике. Шедевры древности начали постепенно выходить из немецких типографий, вытесняя схоластов; а искусство книгопечатания, открытое в Майнце в 1440 году, умножило энергичные голоса, протестовавшие против коррупции Церкви, и те голоса, не менее энергичные, которые приглашали человеческий разум на новые пути.

Изучение древней литературы в Германии оказало совершенно иное воздействие, чем в Италии и Франции. Ее учеба сочеталась с верой. В новой литературной культуре Германия обратила свое внимание на преимущества, которые религия могла бы извлечь из этого. То, что произвело в одних своего рода интеллектуальную утонченность придирчивого и стерильного характера, проникло во всю жизнь других, согрело их сердца и подготовило их к лучшему освещению. Первые реставраторы писем во Франции отличались легкомыслием, а часто даже безнравственностью поведения. В Германии их преемники, воодушевленные духом серьезности, ревностно посвятили себя исследованию истины. В Италии, возносящей благоговения светской литературе и науке, возникла безбожная оппозиция. Германия, занятая глубоким богословием и внутренне обращенная к самой себе, увидела рост оппозиции, основанной на вере. Одна подрывала основы Церкви, а другая восстанавливала их. Внутри империи образовался замечательный союз свободных, образованных и благородно мыслящих людей, среди которых выделялись князья, стремившиеся сделать науку полезной для религии. Некоторые приносили в свои занятия смиренную веру детей, в то время как другие приносили просвещенный и проницательный интеллект, склонный, возможно, выходить за рамки законной

свободы и критики; однако и те, и другие внесли свой вклад в очистку тротуара храма от препятствий, создаваемых столькими суевериями.

Монашеские богословы осознали грозящую им опасность и начали протестовать против тех самых исследований, которые они терпели в Италии и Франции, потому что в этих странах они шли рука об руку с легкомыслием и распущенностью. Они вступили в заговор, направленный против изучения языка и естественных наук, потому что заметили, что вера следует за ними по пятам. Монах предостерегал кого-то от ересей Эразма. "В чем, - спросили, - они состоят?" Он признался, что не читал работу, о которой говорил, но одно он знал, а именно, что Эразм написал на слишком хорошей латыни.

Исследователи литературы и теологи-схоласты вскоре пришли к открытому разрыву. Последние были в смятении, когда увидели движение, происходившее в области интеллекта, и думали, что неподвижность и темнота были лучшими защитниками Церкви. Их целью в борьбе против возрождения письменности было спасти Рим, но они помогли разрушить его. Здесь многое было поставлено на карту. Забывшись на мгновение под властью понтификата Льва X, она бросила своих старых друзей и заключила в объятия своих юных противников. Папство и письма сформировали близость, которая, казалось, была обречена разрушить древний союз между монашеством и иерархией. С первого взгляда папы не поняли, что то, что они приняли за кнут, было мечом, способным нанести смертельную рану. Точно так же в течение прошлого столетия было замечено, что принцы получали при своем дворе политические и философские системы, которые, если бы были приведены в действие в полной мере, свергли бы их троны. Союз был недолгим. Литература продвигалась вперед, не беспокоясь о вреде, который она могла нанести могуществу своего покровителя. Монахи и схоласты понимали, что отказаться от папы - значит отказаться от самих себя; и папа, несмотря на мимолетное покровительство, которое он оказывал изящным искусствам, был не менее активен, когда увидел опасность в принятии мер, как бы сильно они ни противоречили духу времени.

Университеты защищались, как могли, от вторжения нового света. В Кельне исключили Раджиуса; в Лейпциге - Кельтеса; в Ростохе - Германа фон дем Буша. Тем не менее новые врачи, а вместе с ними и древние классики, постепенно и часто даже с помощью князей, прочно закрепились в этих государственных школах. Общества грамматиков и поэтов вскоре были учреждены вопреки схоластам, и все, даже названия Литераторов, надлежало перевести на латынь и греческий; ибо как могли друзья Софокла и Вергилия носить такие имена, как Крахенбергер или Шварцерд? В то же время во всех университетах воцарился дух независимости. Студентов больше не видели в школьной манере, с книгами под мышкой, идущими мудро и скромно, опустив глаза, позади своих учителей. Раздражительность Марциала и Овидия перешла к новым ученикам Муз. Им было приятно слышать сарказмы, которые градом сыпались на теологов-диалектиков, а руководителей литературного движения иногда обвиняли в том, что они поощряют беспорядочные выступления студентов и даже возбуждают их.

Таким образом, новый мир, возникший из античности, сформировался в самом сердце средневекового мира. Обе стороны не могли избежать столкновения, и борьба была близка. Все началось с величайшего поборника литературы, со старика, который накануне завершил свою мирную карьеру.

Чтобы обеспечить триумф истины, первым делом необходимо было извлечь оружие, с помощью которого она должна была победить, из арсеналов, где оно пролежало зарытым веками. Этим оружием были Священные Писания Ветхого и Нового Заветов. Необходимо было возродить в христианском мире любовь к священной литературе, как греческой, так и древнееврейской, и ее изучение. Джон Рейхлин был человеком, которого божественное Провидение избрало для этой цели.

В хоре церкви Пфорцхайма был замечен очень приятный мальчишеский голос, который привлек внимание маркграфа Баденского. Это был Джон Рейхлин, юноша с приятными манерами и живым нравом, сын честного местного горожанина. Вскоре маркграф полностью взял его под свое покровительство и в 1473 году выбрал его для обучения своего сына Фредерика в Парижском университете.

Сын судебного пристава Пфорцхайма прибыл вместе с принцем, его сердце переполняла радость от того, что его приняли в эту школу, самую знаменитую на всем Западе. Здесь он нашел спартанца Гермонию и Джона Вессела, прозванных "Светом мира", и получил возможность заняться под руководством искусных учителей изучением греческого и иврита, у которых в то время не было ни одного профессора в Германии и которые он однажды восстановил в стране Реформации. Бедный молодой немец делал копии поэм Гомера и речей Исократы для богатых студентов и таким образом получил средства для продолжения учебы и покупки книг.

Но то, что он слышит из уст Вессела, имеет иную природу и производит глубокое впечатление на его разум. "Папы могут ошибаться. Все человеческие удовольствия являются богохульством против Христа, который полностью примирил и оправдал человечество. Только Богу принадлежит власть давать полное отпущение грехов. Нет необходимости исповедоваться в наших грехах священнику. Чистилища не существует, по крайней мере, если это не сам Бог, который является всепожирающим огнем и очищает от всякой скверны". Рейхлину едва исполнилось двадцать, и он преподает философию, греческий и латынь в Басле, и слышно, как немец (что тогда считалось чудом) говорит по-гречески.

Римские партизаны начинают чувствовать себя неловко, видя благородных духов, творящих среди этих древних сокровищ. "Римляне, - говорит Рейхлин, - разевают рты и поднимают шум, делая вид, что все эти литературные труды враждебны римскому благочестию, поскольку греки - раскольники. О, какие труды и страдания должны быть перенесены, чтобы вернуть Германию к мудрости и знаниям!"

Вскоре после этого Эберхард Вюртембергский пригласил Рейхлина в Тюбинген, чтобы он мог стать украшением этого растущего университета, и в 1483 году взял его с собой в Италию. Во Флоренции его спутниками и друзьями были Халкондилас, Ориспа и Джон Пика де Мирандола. В Риме, когда Эберхард в окружении своих кардиналов получил торжественную аудиенцию у папы римского, Рейхлин произнес речь на такой чистой и элегантной латыни, что собрание, не ожидавшее ничего подобного от немца-варвара, исполнилось величайшего изумления, а папа воскликнул: "Несомненно, этот человек заслуживает занять свое место рядом с лучшими ораторами Франции и Италии".

Десять лет спустя Рейхлин был вынужден укрыться в Гейдельберге, при дворе курфюрста Филиппа, чтобы избежать мести преемника Эберхарда. Филипп совместно с Иоанном

Дальбергским, епископом Вормсским, своим другом и канцлером, приложил все усилия, чтобы распространить свет, который начал пробиваться из всех уголков Германии. Дальберг основал библиотеку, к которой все ученые имели свободный доступ, и Рейхлин в этой новой сфере приложил немало усилий, чтобы искоренить варварство своих соотечественников.

Будучи послан курфюрстом в Рим в 1498 году с важной миссией, он использовал все время и все деньги, которые мог выделить, чтобы добиться новых успехов в изучении иврита под руководством ученого израильтянина Абдиаса Сфорна и купил все греческие и еврейские рукописи, которые смог найти, с целью использовать их как факелы, чтобы усилить свет, который начинал загораться в его родной стране.

Аргирополос, выдающийся грек, находился в это время в столице, рассказывая многочисленной аудитории о древних чудесах литературы своей страны. Ученый посол направляется со своей свитой в зал, где учитель читал лекцию, и, поклонившись ему, сожалеет о страданиях Греции, погибающей под ударами османов. Изумленный эллинист спрашивает немца: "Кто вы? Вы понимаете по-гречески?" Рейхлин отвечает: "Я немец и кое-что знаю о вашем языке". По просьбе Аргирополоса он читает и объясняет отрывок из Фукидида, который в данный момент был перед профессором. Тогда Аргирополос, исполненный изумления и скорби, восклицает: "Увы! Увы! Греция, угнетенная и вынужденная бежать, ушла и спряталась за Альпами!"

Так сыны грубой Германии и сыны древней ученой Греции встретились во дворцах Рима, и Восток и Запад пожали друг другу руки на этом всемирном свидании — один изливал в руки другого те интеллектуальные сокровища, которые с трудом удалось спасти от варварства османов. Бог, когда того требуют его замыслы, прибегает к какой-нибудь великой катастрофе, чтобы разрушить барьер и мгновенно объединить тех, кто, казалось, был разлучен навсегда.

Рейхлин по возвращении в Германию смог вернуться в Вюртемберг и приступил, особенно в это время, к выполнению тех работ, которые оказались столь полезными для Лютера и Реформации. Этот человек, который в качестве графа Палатина занимал выдающееся положение в империи, и который как философ способствовал унижению Аристотеля и возвеличиванию Платона, составил латинский словарь, заменивший словари схоластов, составил греческую грамматику, что значительно облегчило изучение этого языка, перевел и разъяснил покаянные Псалмы, исправил Вульгату и был первым в Германии (это составляет его высшую заслугу и славу), опубликовавшим грамматику и словарь иврита. Этой работой Рейхлин открыл давно запечатанные книги Ветхого Завета и воздвиг "памятник", как он сам выражается, "более прочный, чем медь".

Рейхлин стремился утвердить царство истины не только своими трудами, но и всей своей жизнью. Высокого роста, с внушительной внешностью и приветливым обращением, он мгновенно завоевал доверие всех, с кем имел какое-либо общение. Его жажда знаний могла сравниться только с его рвением в их распространении. Он не жалел ни денег, ни труда, чтобы представить в Германии издания классиков в том виде, в каком они выходили из типографий Италии; и таким образом сын судебного пристава сделал больше для просвещения своих соотечественников, чем богатые муниципалитеты или могущественные князья. Его влияние на молодежь было велико; и в этом отношении, кто может подсчитать, насколько Реформация обязана ему? Мы приведем только один пример. Его двоюродный брат, молодой человек по имени Шварцерд, сын ремесленника, прославившегося как оружейник, приехал жить к своей

сестре Элизабет, чтобы учиться под его руководством. Рейхлин, восхищенный талантом и прилежанием своего юного ученика, усыновил его. Советы, подарки книгами, примеры - словом, ничего не жалел, чтобы сделать своего родственника полезным Церкви и своей стране. Он радовался, видя, что его работа процветает у него на глазах, и, сочтя имя Шварцерд слишком варварским, перевел его на греческий и назвал молодого студента Меланхтон. Это был знаменитый друг Лютера.

Но изучение грамматики не удовлетворяло Рейхлина. Подобно своим учителям, еврейским врачам, он начал изучать скрытое значение Этого Слова; "Бог, - сказал он, - это Дух, Слово — это дыхание, человек дышит, Бог - это Слово. Имена, которые он дал себе, - это эхо вечности".

[91] Подобно каббалистам, он надеялся "переходить от символа к символу, от формы к форме, пока не достигнет последней и чистейшей из всех форм — той, которая регулирует силу Духа".

[92]

В то время как Рейхлин терялся в этих тихих и заумных изысканиях, вражда схоластов внезапно вынудила его, и во многом против его воли, к ожесточенной войне, которая стала одной из прелюдий Реформации.

В Кельне жил крещеный раввин по имени Пфефферкорн, который был тесно связан с инквизитором Хохстратеном. Этот человек и доминиканцы запросили и добились от императора Максимилиана (возможно, с благими намерениями) распоряжения, в силу которого евреи должны были приносить все свои книги на иврите (за исключением Библии) в городской дом того места, где они проживали. Там книги должны были быть сожжены. Предполагаемым мотивом было то, что они были полны богохульств против Иисуса Христа. Следует признать, что они были, по крайней мере, полны абсурда и что сами евреи не много потеряли бы от предполагаемой казни.

Император пожелал, чтобы Рейхлин высказал свое мнение об этих книгах. Ученый врач специально выделил все книги, написанные против христианства, предоставив их предначертанной судьбе, но он попытался спасти остальные. "Лучшим методом обращения израильтян, - добавил он, - было бы учредить по два профессора иврита в каждом университете, которые могли бы учить теологов читать Библию на иврите и таким образом опровергать еврейских докторов". Евреи, следуя этому совету, добились возвращения своих книг.

Прозелиты и инквизиторы, подобно голодным воронам, которые видят, что их добыча ускользает, издавали крики ярости. Выбирая различные отрывки из сочинений Рейхлина и искажая их смысл, они объявляли автора еретиком, обвиняли его в тайной склонности к иудаизму и угрожали ему оковами инквизиции. Рейхлин сначала был застигнут врасплох; но эти люди становились все более и более высокомерными и предписывали бесчестные условия, и в 1513 году он опубликовал "Защиту Кельна от своих недоброжелателей", в которой он нарисовал всю партию в ярких красках.

Доминиканцы поклялись отомстить и надеялись с помощью акта власти восстановить свою пошатнувшуюся власть. Хохстратен в Майнце выдвинул обвинение против Рейхлина, и научные труды этого образованного человека были преданы огню. Новаторы, мастера и ученики новой школы, чувствуя, что все они подверглись нападкам в лице Рейхлина, восстали как один человек. Времена изменились — Германия и литература сильно отличались от Испании и инквизиции.

Великое литературное движение сформировало общественное мнение. Даже почтенное духовенство находилось под некоторым влиянием этого. Рейхлин апеллирует ко Льву X, и этот папа, который не питал особой симпатии к невежественным монахам и фанатикам, передает все дело епископу Спайрса, который объявляет Рейхлина невиновным и обвиняет монахов в судебных издержках. Доминиканцы, эти опоры папства, охваченные яростью, ссылаются на непогрешимое решение Рима, и Лев, не зная, как вести себя между двумя враждебными державами, издает мандат, отменяющий процесс.

Союз букв с верой является одной из характерных черт Реформации и отличает ее как от введения христианства, так и от религиозного возрождения наших дней. Христиане, которые были современниками Апостолов, имели против них утонченность своего времени, и, за некоторыми исключениями, то же самое происходит и сейчас; но большинство литераторов были на стороне реформаторов. Даже общественное мнение было благосклонно к ним. Таким образом, работа увеличилась в объеме, но, возможно, потеряла в глубине.

Лютер, понимая все, что сделал Рейхлин, написал ему вскоре после своей победы над доминиканцами: "Господь действовал через вас, чтобы свет Святого Писания снова засиял в этой Германии, где на протяжении многих веков, увы! он был не только задушен, но и почти потушен". [93]

ГЛАВА. VIII.

Эразм—Эразм Каноник—В Париже—Его гений—Его репутация—Его влияние—Популярная атака—Восхваление Безумия—Разлетается в клочья—Церковные люди—Святые—Безумие и папы—Атака на науку—Принцип—Греческий Новый Завет—Его исповедание веры—Его Труды и влияние—Его недостатки—Реформа без потрясений—Возможно ли это—Церковь без реформы—Его робость—Его нерешительность—Эразм теряет себя со всеми Партиями.

Но теперь появился человек, который считал великим делом своей жизни нападки на схоластику университетов и монастырей и был великим оппозиционером начала шестнадцатого века.

Рейхлину не было и двенадцати лет, когда родился этот первый гений эпохи. Человек большой жизнерадостности и таланта по имени Жерар, уроженец Гауды в Нидерландах, любил дочь врача по имени Маргарита. Принципы христианства не регулировали его жизнь, или, по крайней мере, страсть заставляла их замолчать. Его родители и девять братьев заставили бы его принять монашество. Он бежал, оставив объект своей привязанности, который вот-вот должен был стать матерью, и отправился в Рим. Хрупкая Маргарита родила сына. Джерард ничего не слышал об этом, и через некоторое время после того, как родители сообщили ему, что объекта его привязанности больше нет, он в приступе горя стал священником и навсегда посвятил себя служению Богу. Когда он вернулся в Голландию, она была все еще жива! Маргарита не хотела выходить замуж за другого, и Джерард, оставаясь верным своим священническим обетам, сосредоточил их любовь на маленьком сыне. Мать ухаживала за ним с величайшей заботой, а отец, после его возвращения, отправил его в школу, хотя ему было всего четыре года. Ему не было и тринадцати, когда его учитель Синтемиус из Девентера, восторженно заключив его в

объятия, воскликнул: "Этот ребенок достигнет высочайших вершин науки". Это был Эразм Роттердамский. [94]

Примерно в это же время умерла его мать, и отец с разбитым сердцем вскоре последовал за ней в могилу.

Юный Эразм, оставшись один в этом мире, проявлял величайшее отвращение к монашеству - образу жизни, который его опекуны заставляли его принять, но которому, судя по обстоятельствам его рождения, он, можно сказать, всегда был против. В конце концов его уговорили поступить в монастырь постоянных каноников, но не успел он этого сделать, как почувствовал, что его как бы придавливает тяжесть его обетов. Получив небольшую свободу, он вскоре был замечен сначала при дворе архиепископа Камбрейского, а затем в Парижском университете, где занимался своими исследованиями в крайней бедности, но с самым неутомимым усердием. Как только у него появились какие-то деньги, он потратил первую их часть на покупку греческих книг, а оставшуюся - на покупку одежды. Бедный голландец часто обращался к своим опекунам с бесплодными просьбами, и, вероятно, именно этим он был обязан тому, что в последующей жизни одним из его величайших удовольствий было оказывать помощь бедным студентам. Постоянно занятый поиском истины и знаний, он неохотно присутствовал на схоластических диспутах и отказался от изучения теологии, опасаясь, что может обнаружить в ней какие-нибудь ошибки и, как следствие, быть объявленным еретиком.

Именно в это время Эразм начал ощущать свою силу. Изучая древних, он приобрел проницательность и элегантность стиля, которые ставили его намного выше самых выдающихся парижских литераторов. Работа учителем принесла ему влиятельных друзей, а опубликованные им работы вызвали всеобщее восхищение и аплодисменты. Он хорошо знал, как понравиться публике, и, отбросив последние остатки школы и монастыря, полностью посвятил себя литературе, демонстрируя во всех своих произведениях те остроумные наблюдения и тот правильный, живой и просвещенный дух, которые одновременно забавляют и поучают.

Привычки к труду, которые он приобрел в этот период, он сохранил на всю жизнь. Даже в своих путешествиях, которые обычно совершались верхом, он никогда не сидел сложа руки. Он сочинял, бродя по полям, и, добравшись до своей гостиницы, посвящал свои мысли написанию. Именно таким образом, путешествуя из Италии в Англию, он сочинил свою Похвалу Безумию. [95]

Эразм в раннем возрасте приобрел высокую репутацию среди ученых, но разъяренные монахи затаили на него злобу и поклялись отомстить. За ним много ухаживали принцы, и он был неистощим в поиске предлогов, чтобы уклониться от их приглашений, предпочитая зарабатывать на жизнь исправлением книг у печатника Фробениуса, чем жить в окружении роскоши и почестей при великолепных дворах Карла V, Генриха VIII и Франциска I или надевать на голову кардинальскую шапку, которую ему предлагали. [96]

Он преподавал в Оксфорде с 1509 по 1516 год, а затем уехал в Басль, где обосновался в 1521 году.

Каково было его влияние на Реформацию?

Одни переоценивали это, другие недооценивали. Эразм никогда не был и не мог быть реформатором, но он проложил путь для других. Он не только распространял среди своих

современников любовь к науке и дух исследования, который вел других гораздо дальше, чем он сам, но и был способен, благодаря покровительству выдающихся прелатов и могущественных князей, разоблачать пороки Церкви и обрушиваться на них с самой резкой сатирой.

Фактически, Эразм нападал на монахов и злоупотребления двумя способами. Во-первых, это была его популярная атака. Этот маленький светловолосый человечек, чьи пронизательные голубые глаза зорко наблюдали за всем, что происходило перед ним, и на губах которого всегда играла несколько саркастическая улыбка, хотя походка его была робкой и смущенной, и он казался таким слабым, что глоток воздуха мог сбить его с ног, постоянно изливал эlegantные и едкие сарказмы против теологии и суеверий своего времени. Его природный характер и события его жизни сделали это для него привычным. Даже в произведениях, где ничего подобного нельзя было ожидать, его саркастический юмор постоянно прорывается наружу и, словно остриями игл, пронзает тех схоластов и невежественных монахов, против которых он объявил войну. Между Эразмом и Вольтером есть много общего. Предыдущие авторы придавали популярное значение тому элементу безумия, который присутствует во всех мыслях и поступках человека. Эразм подхватил эту идею и, олицетворяя Безумие, представляет ее под именем Мории, дочери Плута, родившейся на Счастливых островах, вскормленной опьянением и дерзостью и размахивающей скипетром могущественной империи. Описывая это, она последовательно описывает все состояния мира, которые ей принадлежат, останавливаясь, в особенности, на церковных людях, которые отказываются принимать ее доброту, хотя она осыпает их своими милостями. Она направляет свои насмешки против лабиринта диалектики, в котором сбитые с толку богословы блуждают, и гротескных силлогизмов, с помощью которых они притворяются, что поддерживают Церковь. Она также раскрывает беспорядки, невежество, нечистоплотность и абсурдное поведение монахов.

"Они все мои, - говорит она, - эти люди, для которых нет большего удовольствия, чем рассказывать о чудесах или слушать чудовищную ложь, и которые используют их, чтобы рассеять скуку других и в то же время наполнить свои кошельки (я имею в виду, в частности, священников и проповедников).) Рядом с ними находятся те, кто принял глупое, но приятное убеждение, что если они бросят взгляд на кусок дерева или картину, изображающую Полифема или Христофора, они, по крайней мере, переживут этот день ". — "Увы! какие глупости, - продолжает Мориа, - глупости, от которых даже я сам едва могу не покраснеть! Разве мы не видим, что каждая страна претендует на своего особого *святого*? У каждого несчастья есть свой святой и своя свеча. Этот избавляет вас от зубной боли, тот оказывает помощь при родах, третий возвращает вам украденное имущество, четвертый спасает вас при кораблекрушении, а пятый присматривает за вашими стадами. Некоторые из них всемогущи во многих вещах одновременно. Особенно это относится к Пресвятой Деве, матери Божьей, которой вульгарные приписывают едва ли не больше, чем ее Сыну. [97] Посреди всех этих безумств, если какой-нибудь одиозный мудрец поднимется и, возразив, воскликнет (как на самом деле он может): "Вы не погибнете жалкой смертью, если будете жить как христиане. [98] Вы искупите свои грехи, если к деньгам, которые вы даете, добавите ненависть к самим грехам, слезы, бдения, молитвы, посты и основательную перемену в своем образе жизни. Этот святой станет вашим другом, если вы будете подражать его жизни". — Если какой-нибудь мудрец, говорю я, милосердно шепнет им такие слова в уши, о! какого блаженства не лишает он их души и в какую беду, в какое уныние не ввергает их! Разум человека устроен так, что обман оказывает на него гораздо более сильное влияние, чем истина. [99] Если есть какой-нибудь святой, более сказочный, чем другой, например, святой Георгий, святой Христофор или святая Барбара, вы увидите, что им

поклоняются с гораздо большей преданностью, чем святому Петру, святому Павлу или самому Христу". [100]

Однако безумие на этом не заканчивается; она обрушивает свою плеть на самих епископов, "которые больше гонятся за золотом, чем за душами, и думают, что сделали достаточно, когда они театрально выставляют себя Святыми Отцами, которым подобает поклоняться, и когда они благословляют или предают анафеме". Дочь "Счастливых островов" обладает смелостью даже нападать на Римский двор и самого папу римского, который, проводя свое время в развлечениях, оставляет Петра и Павла выполнять свой долг. "Есть ли, - говорит она, - более грозные враги Церкви, чем эти нечестивые понтифики, которые своим молчанием позволяют уничтожить Иисуса Христа, которые связывают его своими корыстными законами, фальсифицируют его своими принудительными толкованиями и душат его своей пагубной жизнью?" [101]

Гольбейн приложил к "Восхвалению безумия" самые гротескные гравюры, среди которых изображен папа римский со своей тройной короной. Пожалуй, никогда еще произведение не было так хорошо приспособлено к нуждам определенного периода. Невозможно описать впечатление, которое оно произвело на весь христианский мир. При жизни Эразма вышло двадцать семь изданий; он был переведен на все языки и больше, чем любой другой, способствовал утверждению антисемитских тенденций эпохи.

Но к этой атаке популярного сарказма Эразм добавил атаку науки и эрудиции. Изучение греческой и латинской литературы открыло новые перспективы для современного гения, который начал пробуждаться в Европе. Эразм всем сердцем поддержал идею итальянцев о том, что школа древних - это та школа, в которой следует изучать науки, что, отказавшись от неадекватных и абсурдных книг, которыми пользовались до сих пор, необходимо обратиться к Страбону для изучения географии, к Гиппократу для изучения медицины, к Платону для изучения философии, к Овидию для изучения мифологии и к Плинию для изучения естественной истории. Но он сделал еще один шаг, шаг гиганта, которому суждено было привести к открытию нового мира, более важного для человечества, чем тот, который Колумб только что добавил к старому свету. Следуя своему принципу, Эразм настаивал на том, что люди больше не должны изучать богословие по Скотту и Фоме Аквинскому, а должны учиться этому у Отцов Церкви и, прежде всего, у Нового Завета. Он показал, что нет необходимости даже близко подходить к Вульгате, которая изобиловала ошибками, и он оказал огромную услугу истине, опубликовав свое критическое издание греческого текста Нового Завета, текста, столь же малоизвестного на Западе, как если бы его никогда не существовало. Это издание появилось в Басле в 1516 году, за год до Реформации. Таким образом, Эразм сделал для Нового Завета то, что Рейхлин сделал для Ветхого. С тех пор богословы могли читать слово Божье на языках оригинала, а в более поздний период признавать чистоту доктрины, которой учили реформаторы.

"Я хочу, - сказал Эразмус, публикуя свой Новый Завет, - довести до его уровня ту холодную, многословную, вызывающую споры вещь, которая называется Теологией. Молю Бога, чтобы христианский мир извлек выгоду из этой работы, пропорциональную боли и трудолюбию, которых она стоила". Желание было исполнено. Напрасно монахи восклицали: "Он пытается исправить Святого Духа". Новый Завет Эразма излучал живой свет. Его пересказы Посланий и Евангелий от Матфея и Иоанна; его издания Киприана и Иеронима; его переводы Оригена,

Афанасия и Златоуста; его "Истинное богословие"; [102] его "Проповедник"; [103] его комментарии к нескольким Псалмам внесли большой вклад в распространение вкуса к слову Божьему и чистому богословию. Результаты его трудов превзошли даже его намерения. Рейхлин и Эразм вернули Библию ученым; Лютер вернул ее людям. Мы еще не описали всего, что сделал Эразм. Когда он восстанавливал Библию, он привлек внимание к ее содержанию. "Высшей целью возрождения философских исследований, - сказал он, - должно быть ознакомление с чистым и простым христианством Библии". Восхитительное чувство! Если бы, моля Бога, органы философии в наши дни были так же хорошо знакомы со своим призванием! "Я твердо решил, - продолжал он, - умереть, изучая Священные Писания; это моя радость и мой покой". [104] "Сумма всей христианской философии, - говорит он в другом месте, - сводится к следующему: возложить всю нашу надежду на Бога, который по благодати, без наших заслуг, дает нам все через Иисуса Христа: Знать, что мы искуплены смертью Его Сына: Умереть для мирских похотей и поступать в соответствии с его учением и его примером, не только никому не причиняя вреда, но, наоборот, делая добро всем: Терпеливо переносить испытания в надежде на будущее воздаяние; в конце концов, не ставить себе в заслугу наши добродетели, но благодарить Бога за все наши способности и все наши дела. Это те чувства, которые должны пронизывать всего человека, пока они не станут его второй натурой". [105]

Затем, возвышая свой голос против огромной массы церковных предписаний, касающихся одежды, постов, праздничных дней, обетов, брака и исповеди, которыми люди угнетались, а священник обогащался, Эразм восклицает: "В церквях едва ли задумываются об истолковании Евангелия. [106] Большая часть проповедей должна соответствовать пожеланиям торговцев индульгенциями. Святое учение Христа должно быть замалчиваемо или истолковано вопреки его смыслу и в их интересах. Излечение теперь безнадежно, если только сам Христос не обратит сердца королей и понтификов и не пробудит в них стремление к истинному благочестию".

Работы Эразма быстро сменяли друг друга. Он неустанно трудился, и его труды читались так же, как они выходили из-под его пера. Этот дух, эта родная жизнь, этот богатый, утонченный, сверкающий и смелый интеллект, который, не сдерживаясь, изливал свои сокровища перед современниками, увлек и очаровал огромное количество читателей, которые жадно поглощали труды роттердамского философа. Таким образом, вскоре он стал самым влиятельным человеком в христианском мире и стал свидетелем того, как пенсии и короны сыпались на него со всех сторон.

Когда мы размышляем о великой революции, которая в более поздний период обновила Церковь, невозможно не признать, что Эразмус использовался многими как своего рода мост, по которому они переходили. Многие, кого встревожили бы евангельские истины, если бы они были представлены во всей их силе и чистоте, поддались очарованию его писаний и в конечном итоге оказались среди самых ревностных сторонников Реформации.

Но само то обстоятельство, что он хорошо готовился, мешало ему хорошо выступать. "Эразм очень хорошо знает, как разоблачать заблуждения, - говорит Лютер, - но он не знает, как учить истине". Евангелие не было огнем, который согревал и поддерживал его жизнь, центром, вокруг которого распространялась его деятельность. Он был, прежде всего, ученым и только во вторую очередь, христианином. Он был слишком сильно во власти тщеславия, чтобы оказывать решительное влияние на свой возраст. Он с тревогой подсчитывал, какое влияние каждый его шаг может оказать на его репутацию, и ни о чем так не любил говорить, как о себе и своей славе.

"Папа, - писал он своему близкому другу с ребяческим тщеславием в тот период, когда он стал объявленным противником Лютера, - папа прислал мне письмо, полное доброты и выражений уважения. Его секретарь торжественно клянется, что о подобном никогда не слышали и что это было написано слово в слово под диктовку самого папы".

Эразм и Лютер - представители двух великих идей о реформе и двух великих партий своего времени и всех эпох. Первая состоит из людей, главной чертой которых является благоразумная робость; другая - из людей мужественных и решительных. В тот период эти две партии олицетворялись в этих двух выдающихся личностях. Люди благоразумия считали, что развитие богословской науки может постепенно и без сбоев привести к реформированию Церкви. Деятели считали, что распространение более правильных идей среди образованных людей не положит конец народным суевериям и что исправление отдельных злоупотреблений мало что даст, если не будет обновлена вся жизнь Церкви.

"Невыгодный мир, - сказал Эразм, - гораздо лучше самой справедливой войны". [107] Он подумал (а сколько Erasmuses было и остается в мире?) что реформация, потрясая Церковь, может подвергнуться риску опрокинуть ее; и поэтому он пришел в ужас, когда, заглянув вперед, увидел, как возбуждаются страсти людей, как зло повсюду смешивается с любым малым добром, которое можно было совершить, существующие институты разрушены из-за отсутствия других, которые могли бы заменить их, а сосуд Церкви дает течь во всех частях и, наконец, охвачен бурей. "Те, кто приносит море в новые лагуны, - сказал он, - , часто обманываются в результате; грозная стихия, однажды введенная, принимает не то направление, которое они хотели ей придать, а устремляется, куда ей заблагорассудится, и причиняет большие разрушения. [108] "Как бы то ни было, - продолжал он, - давайте всеми средствами избегать беспорядков. Лучше мириться со злыми князьями, чем с помощью нововведений возводить на престол зло". [109]

Но самые смелые из его современников были готовы к ответу. История достаточно ясно показала, что только откровенное изложение истины и смертельная борьба с ложью могут обеспечить победу. Если бы были применены выжидательные и политические уловки, козни папского двора погасили бы свет при его первых проблесках. Разве не были испробованы все виды мягких методов на протяжении веков? Разве Собор не проводился за Собором с целью реформирования Церкви? И все же все было бесполезно. Зачем притворяться, что повторяешь эксперимент, который так часто терпел неудачу?

Несомненно, фундаментальная реформа может быть проведена без сбоев. Но когда что-либо великое и благое появлялось среди людей, не вызывая волнения? Этот страх увидеть, как зло смешивается с добром, будь он законным, остановил бы самые благородные и святые начинания. Мы не должны бояться зла, которое может возникнуть в ходе большого волнения, но быть сильными в борьбе с ним и уничтожении его.

Кроме того, разве нет полной разницы между волнением, которое производят человеческие страсти, и тем, которое исходит от Духа Божьего? Первое потрясает общество, другое укрепляет его. Как ошибочно воображать, подобно Эразму, что в том состоянии, в котором тогда находилось христианство, при таком смешении противоположных элементов, истины и лжи, жизни и смерти, насильственные потрясения все еще можно предотвратить! С таким же успехом вы могли бы попытаться закрыть кратер Везувия, когда разгневанные стихии на самом деле воюют в его недрах! Средние века были свидетелями не одного сильного волнения в

атмосфере, менее насыщенной штормами, чем в период Реформации. В такое время требуется не арестовывать и подавлять, а направлять.

Если бы Реформация не разразилась, кто может сказать, какие ужасные разрушения могли бы прийти ей на смену? Общество, ставшее жертвой тысячи элементов разрушения и лишенное возрождающих и консервативных элементов, было бы ужасно потрясено. Несомненно, это не была бы реформа по вкусу Эразма или такая, о какой мечтают многие умеренные, но робкие люди в наши дни, которая тогда охватила бы общество. Народ, лишенный того света и благочестия, которые Реформация принесла в самые скромные ряды, отдавшийся буйству своих страстей и беспокойному духу восстания, вырвался бы наружу подобно дикому зверю, сорвавшемуся с цепи после того, как был доведен до безумия.

Реформация была не чем иным, как вмешательством Духа Божьего среди людей, наведением порядка в мире рукой Бога. Без сомнения, это могло бы пробудить бродящие элементы, скрытые в человеческом сердце; но Бог был там, чтобы подавить их. Евангельское учение, небесная истина, проникнув в массы населения, уничтожили то, что заслуживало гибели, но, в то же время, придали новые силы всему, что заслуживало остаться. Реформация приложила усилия для созидания, и было бы простым предубеждением утверждать, что она разрушила. "И лемех плуга, - справедливо сказано о Реформации, - может подумать, что он вредит земле, потому что разрезает ее на части, тогда как он только делает ее плодородной".

Великий принцип Эразма гласил: "Дайте свет, и тьма исчезнет сама собой". Принцип хорош, и Лютер действовал в соответствии с ним. Но когда враги света пытаются погасить его или вырвать факел из руки, которая его несет, необходимо ли из любви к миру позволять им это делать? разве не следует оказывать сопротивление нечестивым?

Эразмусу не хватало мужества. Теперь мужество необходимо, будь то для проведения Реформации или для штурма города. В его характере было много робости. С детства само имя смерти приводило его в трепет. Он чрезмерно беспокоился о своем здоровье и не поскупился бы ни на какие жертвы, лишь бы сбежать из места, где царила какая-нибудь заразная болезнь. Его любовь к жизненным удобствам была даже больше, чем тщеславие, и поэтому он не раз отвергал самые блестящие предложения.

Соответственно, он не претендовал на роль Реформатора. "Если коррупция Римского двора требует какого-то серьезного и быстрого исправления, - сказал он, - то это не мое дело или таких, как я". [110] У него не было той твердой веры, которая воодушевляла Лютера. В то время как последний всегда был готов отдать свою жизнь за истину, Эразм откровенно заявил: "Другие могут стремиться к мученичеству; что касается меня, я считаю себя недостойным этой чести. Если бы поднялась какая-нибудь суматоха, боюсь, я бы сыграл роль Питера. [111]"

Эразм своими трудами и высказываниями сделал больше, чем кто-либо другой, для подготовки Реформации; но когда он увидел, что буря, которую он сам вызвал, действительно разразилась, он задрожал. Он бы все отдал, чтобы вернуть спокойствие прежних дней, пусть и сопровождаемое густыми туманами. Времени больше не было. Насыпь прорвало, и было невозможно остановить наводнение, которому суждено было сразу очистить и оплодотворить мир. Эразм был могущественным орудием Бога, но когда он перестал быть таковым, он превратился в ничто.

В конечном счете, Эразмус не знал, от чьей партии выступать. Ни одна из них ему не понравилась, и у него были свои опасения по поводу всех. "Опасно говорить, - сказал он, - и опасно молчать". Во всех великих религиозных движениях мы встречаемся с теми нерешительными персонажами, которые, хотя и респектабельны с некоторых точек зрения, наносят ущерб истине и, не желая вызывать недовольства никого, вызывают недовольство всех.

Что стало бы с истиной, если бы Бог не воздвиг более смелых защитников для ее защиты? Ниже приводится совет, который Эразм дал Вильюсу Зуйхему (впоследствии председателю Верховного суда в Брюсселе) относительно того, как ему следует вести себя по отношению к сектантам (это было название, которым он уже начал обозначать реформаторов): "Моя дружба с вами заставляет меня желать, чтобы вы держались подальше от распространения сект и не давали им никакого повода говорить: "Зуйхем наш". Если вы одобряете их доктрину, по крайней мере, замаскируйте ее, и, прежде всего, не вступайте с ними в дискуссию. Юрист должен обращаться с этими людьми так же деликатно, как умирающий когда-то обращался с дьяволом. Дьявол спросил его: "Во что ты веришь?" Умирающий, боясь, что, если он исповедует свою веру, его могут втянуть в какую-нибудь ересь, ответил: "Во что верит Церковь". Дьявол возразил: "Во что верит Церковь?" Человек снова ответил: "Во что я верю". Дьявол, еще раз: "И во что ты веришь?" — "Во что верит Церковь". [112] Герцог Георг Саксонский, смертельный враг Лютера, получив двусмысленный ответ от Эразма на вопрос, который он ему задал, сказал: "Мой дорогой Эразм, вымой мех Лютера". для меня, а не просто мочите его". Секундус Курио в одной из своих работ описывает два рая — папистский и христианский. Он не находит Эразма ни в том, ни в другом, но обнаруживает, что тот постоянно перемещается между ними по бесконечным кругам.

Таким был Эразм. Он хотел той внутренней свободы, которая делает человека по-настоящему свободным. Насколько другим он был бы, если бы отказался от себя и пожертвовал всем ради истины! Но после попытки провести некоторые реформы с одобрения Церкви и из-за того, что Рим отказался от Реформации, когда увидел, что эти две идеи несовместимы, он потерял себя во всех партиях. С одной стороны, его палиноды не могли подавить ярость фанатичных приверженцев папства. Они почувствовали зло, которое он им причинил, и не простили этого. Пылкие монахи осыпали его упреками с кафедры, называя вторым Лукианом, лисой, опустошившей виноградник Господень. Врач из Констанца приказал повесить портрет Эразма в своем кабинете, чтобы в любой момент иметь возможность плюнуть ему в лицо. С другой стороны, Эразм, отступив от евангельских стандартов, лишил себя любви и уважения благороднейших людей того периода, в который он жил, и, несомненно, должен был лишиться тех небесных утешений, которые Бог изливает в сердца тех, кто ведет себя как хорошие воины Иисуса Христа. По крайней мере, у нас есть некоторые указания на это в его горьких слезах, в его мучительных бдениях и беспокойном сне, в его неприязни к еде, в его отвращении к изучению муз, которые когда-то были его единственным утешением, в его морщинистом челе, в его бледных щеках, в его печальных и запавших глазах, в его ненависти к жизни, к которой он применяет эпитет "жестокая", и в том стремлении к смерти, которое он раскрывает своим друзьям. [113] Бедный Эразмус!

Мы думаем, что враги Эразма зашли несколько дальше истины, когда воскликнули при появлении Лютера: "Эразм снес яйцо, а Лютер его высидел". [114]

ГЛАВА IX.

Дворяне—Разные мотивы—Хюттен—Литературная лига—Письма некоторых неизвестных людей—Их влияние—Мнение Лютера—Хюттен в Брюсселе—Его письма—Секинген—Война—Его смерть—Кронберг—Ганс Сакс—Всеобщее брожение.

Те же симптомы возрождения, которые мы видели у принцев, епископов и ученых, существовали и среди людей мирских, среди знати, рыцарей и воинов. Немецкое дворянство сыграло важную роль в Реформации. Несколько наиболее прославленных сынов Германии вступили в тесный союз с Литераторами и, воспламененные горячим, иногда даже чрезмерным рвением, трудились над освобождением своих соотечественников от римского ига.

Различные причины, должно быть, способствовали приобретению сторонников Реформации среди знати. Некоторые из них, посещая университеты, были согреты тем же пламенем, которое воодушевляло ученых. Другие, чье образование приучило их к великодушным чувствам, были предрасположены к восприятию прекрасных доктрин Евангелия. Некоторым Реформация казалась чем-то вроде рыцарского характера, который очаровывал их и увлекал за собой. Наконец, следует признать, что немало людей затаили злобу на духовенство, которое в правление Максимилиана внесло значительный вклад в то, чтобы лишить дворян их древней независимости и подчинить их своим суверенам. Они, в своем энтузиазме, рассматривали Реформацию как прелюдию к великому политическому обновлению. Они думали, что видят империю, выходящую из этого кризиса с новым блеском, и приветствовали лучшее государство, блистающее чистейшей славой, которое было накануне утверждения в мире рыцарскими мечами не меньше, чем словом Божиим.

Ульрих де Хюттен, [115] которого за его филиппики против папства прозвали Демосфеном Германии, образует, так сказать, связующее звено, объединявшее кавалеров и литераторов. Он отличился своими трудами не меньше, чем своим мечом. Происходивший из старинной семьи во Франконии, он был отправлен в одиннадцатилетнем возрасте в монастырь Фульда с целью пострижения в монахи. Но Ульрих, у которого не было склонности к этому состоянию, сбежал из монастыря, когда ему было шестнадцать, и поступил в Кельнский университет, где посвятил себя изучению языков. Впоследствии, ведя неустроенную жизнь, он был рядовым при осаде Падуи в 1513 году, видел Рим во всем его беспорядке и там затачивал стрелы, которыми впоследствии пускал в нее.

По возвращении в Германию Хюттен написал памфлет против Рима, озаглавленный "Римская троица", в котором он раскрывает все беспорядки этого двора и показывает необходимость свержения его тирании главными силами. Путешественник по имени Вадискус, который занимает видное место в этой статье, говорит: "Есть три вещи, которые обычно привозят из Рима: больную совесть, расстроенный желудок и пустой кошелек. Есть три вещи, в которые Рим не верит: бессмертие души, воскресение мертвых и ад. Есть три вещи, которыми занимается Рим: благодать Христова, церковные пособия и женщины". Публикация этого труда вынудила Хюттена покинуть двор архиепископа Майнца, где он проживал, когда писал его.

Дело Рейхлина с доминиканцами стало сигналом, который вывел вперед всех литераторов, магистратов и дворян, выступавших против монахов. Поражение инквизиторов, которые, как говорили, только деньгами и интригами спасли себя от регулярного и абсолютного осуждения,

ободрило всех их противников. Советники империи и магистраты самых значительных городов — Пиркхаймер из Нюрнберга, Пейтингер из Аугсбурга, Стусс из Кельна, выдающиеся проповедники, такие как Капитон и Колампадий, доктора медицины, историки, все литераторы, ораторы и поэты, во главе которых стоял Ульрих де Хюттен, - составляли *армию рейхлинистов*, список которых был даже опубликован. [116] Самым замечательным произведением этой лиги была знаменитая популярная сатира под названием "Письма некоторых безвестных людей". Эта постановка была написана в основном Хюттеном и одним из его университетских друзей, Кротусом Робрианусом, но трудно сказать, у кого из них двоих возникла идея, если, конечно, это не было у ученого печатника Ангста. Даже сомнительно, приложил ли Хюттен какую-либо руку к первой части работы. Несколько *гуманистов*, которые встретились в крепости Эбернбург, по-видимому, внесли свой вклад во вторую часть. Это изображение, написанное жирными буквами, карикатура, иногда грубо нарисованная, но полная правды и энергии, поразительное сходство в огненных тонах. Эффект был огромен. Монахи, которые являются противниками Рейхлина и предполагаемых авторов писем, рассуждают о событиях того времени и на богословские темы в своей собственной манере и на своей варварской латыни. Они обращаются к своему корреспонденту Ортуину Грациусу, профессору из Кельна и другу Пфефферкорна, с самыми глупыми и бесполезными вопросами. Они дают самое забавное доказательство своего чрезмерного невежества и недоверия, своего суеверия, своего низкого и вульгарного духа, своего грубого обжорства в создании бога из своего живота и, в то же время, своей гордыни, своего фанатичного и преследующего рвения. Они сообщают ему о нескольких своих забавных приключениях, своих побегах, своей распущенности и множестве скандалов в жизни Хохстратена, Пфефферкорна и других лидеров их партии. Тон этих писем, иногда лицемерный, а иногда ребяческий, придает им очень комичный эффект, и все же в целом они настолько естественны, что доминиканцы и францисканцы Англии приняли это произведение с большим одобрением, полагая, что оно действительно написано на принципах их ордена и в их защиту. Приор Брабанта в своей доверчивой простоте приобрел большое количество экземпляров и подарил их самым выдающимся среди доминиканцев. Монахи, раздражаясь все больше и больше, обратились к папе с просьбой издать строгую буллу против всех, кто осмелится прочесть эти послания, но Лев X отказался удовлетворить ее. Соответственно, они были вынуждены мириться со всеобщим смехом и сдерживать свой гнев. Ни одно произведение не нанесло более сильного удара этим столпам папизма. Но Евангелие должно было восторжествовать не благодаря шуткам и сатире. Если бы этот курс был продолжен; если бы реформаторы, вместо того чтобы атаковать Реформацию оружием Божиим, обратились к насмешливому духу мира сего, дело было бы проиграно. Лютер громко осудил эти сатиры. Друг прислал ему одно из них, озаглавленное "*Содержание "Мольбы Пасквина"*", - написал он в ответ: "Глупости, которые вы прислали мне, похоже, написаны разумом, который не находится под контролем. Я представил их на собрании друзей, и все они высказали одинаковое мнение". [117] И, говоря об этой же работе, он пишет другому своему корреспонденту: "Мне кажется, что это Прощение написано той же рукой, что и *Письма некоторых Неизвестных Людей*. Я одобряю его желания, но не одобряю его работу, поскольку он не воздерживается от травм и оскорблений". [118] Это предложение суровое, но оно показывает, какой дух был в Лютере и насколько он превосходил своих современников. Следует, однако, добавить, что он не всегда соблюдал эти мудрые принципы.

Ульрих, вынужденный отказаться от покровительства архиепископа Майнцского, обратился за покровительством к Карлу V, который в это время поссорился с папой, и соответственно

отправился в Брюссель, где Карл держал свой двор. Но так и не добившись ничего, он узнал, что папа потребовал от императора отправить его в Рим связанным по рукам и ногам. Инквизитор Хохстратен, преследователь Рейхлина, был одним из тех, кому Рим поручил преследовать его. Ульрих, возмущенный тем, что такое требование было предъявлено императору, покинул Брабант. Недалеко от Брюсселя он встретил Хохстратена на большой дороге. Инквизитор, перепуганный до полусмерти, падает на колени и вверяет свою душу Богу и святым. "Нет, - сказал рыцарь, - я не стану пачкать свой меч такой кровью, как твоя!" - и, нанеся ему несколько ударов плоской стороной меча, отпустил его.

Хюттен укрылся в замке Эбернбург, где Франциск де Секинген предложил убежище всем, кто подвергался преследованиям ультрамонтанистов. Именно здесь его горячее рвение к освобождению своей страны продиктовало замечательные письма, которые он адресовал Карлу V, Фридриху курфюрсту Саксонскому, Альберту, архиепископу Майнцскому, а также принцам и знати и которые дают ему право на место среди самых выдающихся авторов. Здесь же он сочинил все те произведения [119] которые, будучи прочитанными и понятыми народом, внушили Германии ненависть к Риму и любовь к свободе. Преданный делу реформаторов, он стремился побудить дворянство взяться за оружие в защиту Евангелия и обрушиться с мечом на Рим, который Лютер хотел разрушить только Словом и непобедимой силой истины.

Тем не менее, несмотря на всю эту любовь к войне, нам приятно находить в Хюттене нежность и деликатность чувств. После смерти своих родителей, хотя он был старшим сыном, он передал все семейное имущество своим братьям и умолял их не писать ему и не присылать денег, чтобы, несмотря на их невиновность, они не попали в беду от его врагов и не упали в канаву вместе с ним.

Если истина не может признать Хюттена одним из своих детей (ибо ее спутниками всегда были святость жизни и чистота сердца), она, по крайней мере, с уважением упомянет о нем как об одном из самых грозных противников заблуждения.

Аналогичное свидетельство можно привести и в отношении Франсуа де Секингена, его знаменитого друга и покровителя. Этот благородный шевалье, которого некоторые из его современников считали достойным императорской короны, занимает первое место среди воинов, которые были противниками Рима. Наслаждаясь шумом оружия, он испытывал горячую любовь к науке и глубокое почтение к ее профессорам. Находясь во главе армии, угрожавшей Вюртембергу, он отдал приказ, в случае взятия Штутгарда штурмом, пощадить имущество и дом знаменитого ученого Джона Рейхлина. Впоследствии он пригласил его в свой лагерь и, обняв, предложил помочь ему в его ссоре с кельнскими монахами. Долгое время рыцарство гордилось тем, что презирало литературу, но этот период представляет нам иное зрелище. Под массивной броней секкингенов и хюттенов мы ощущаем интеллектуальное движение, которое начинает ощущаться повсюду. Первые плоды, которые дает миру Реформация, - это воины, влюбленные в искусство мира.

Хюттен, который по возвращении из Брюсселя укрылся в замке Секинген, пригласил доблестного рыцаря изучить евангелическое учение и познакомил его с основами, на которых оно покоится. "И есть ли кто-нибудь, - воскликнул Секкинген в изумлении, - кто осмелится опрокинуть такое сооружение? Кто мог это сделать?"

Несколько человек, впоследствии прославившихся как реформаторы, нашли убежище в этом замке; среди прочих, Мартин Бучер, Аквила, Швебель и СЕКолампадий, так что Хюттен справедливо назвал Эбернбург "отелем праведников". Колампадию приходилось ежедневно проповедовать в замке, но собравшиеся там воины начали уставать, слушая так много о кротких добродетелях христианства, и проповеди Колампадия, хотя он и старался сократить их, казались слишком длинными. Они, действительно, ходили в церковь почти каждый день, но, по большей части, только для того, чтобы услышать благословение и вознести короткую молитву. Поэтому СЕКолампадий воскликнул: "Увы! слово здесь посеяно на каменистой почве".

Секинген, страстно желая служить делу истины по-своему, объявил войну архиепископу Тревскому, "чтобы, - как он сказал, - открыть дверь для евангелия". Напрасно Лютер, который к этому времени появился, пытался отговорить его; он атаковал Трев с пятью тысячами рыцарей и тысячей простых солдат, но отважный архиепископ, которому помогали курфюрст Палатинский и ландграф Гессенский, заставил его отступить. Следующей весной союзные принцы напали на него в его замке Ландштейн. После кровопролитного штурма Секкинген, получив смертельное ранение, был вынужден сдаться. Соответственно, три принца пробираются в крепость и, обыскав ее, наконец находят неукротимого рыцаря на смертном одре, в подземном склепе.

Он протягивает руку курфюрсту Палатинскому, по-видимому, не обращая никакого внимания на других принцев, которые осыпают его вопросами и упреками: "Оставьте меня в покое", - сказал он им; "Сейчас я готовлюсь ответить более могущественному, чем ты!..." Когда Лютер услышал о его смерти, он воскликнул: "Господь справедлив, но прекрасен! Он намерен распространять Евангелие не мечом!"

Таков был печальный конец воина, который в качестве императора или курфюрста, возможно, мог бы возвысить Германию до высокой славы, но который, будучи ограничен ограниченным кругом, растратил великие силы, которыми был наделен. Не в буйном духе этих воинов заключалась Божественная истина, сошедшая с небес, чтобы занять свою обитель. Они не были тем оружием, с помощью которого она должна была победить; Бог, уничтожив безумные планы Секингена, дал новую иллюстрацию высказыванию святого Павла: "Оружие нашей брани не плотское, но могущественное через Бога".

Другой кавалер, Хармут из Кронберга, друг Хюттена и Секингена, по-видимому, обладал большей мудростью и большим знанием истины. Он с большой сдержанностью написал Льву X, умоляя его передать свою светскую власть ее законному обладателю, а именно императору. Обращаясь к своим подопечным как отец, он старался дать им понять доктрины Евангелия и призывал их к вере, послушанию и доверию к Иисусу Христу, "который, - добавил он, - является верховным Господом всего сущего". Он передал пенсию в двести дукатов в руки императора, "потому что не желал", как он выразился, "продолжать служить тому, кто прислушивался к врагам истины". Я где-то встречал его прекрасное высказывание, которое, кажется, ставит его намного выше Хюттена и Секкингена. "Святой Дух, наш Небесный Учитель, способен, когда ему заблагорассудится, научить нас большему о вере Христовой за один час, чем мы могли бы выучить за десять лет в Парижском университете".

Те, кто ищет друзей реформации только на ступенях тронов, [\[120\]](#) или в соборах и академиях, и утверждают, что таких друзей среди людей не существует, совершают серьезную ошибку. Бог, подготавливая сердца мудрых и могущественных, также готовил в уединении многих простых и смиренных мудрых людей, которым однажды предстояло стать послушными Слову. История того

периода свидетельствует о брожении, которое тогда происходило среди низших классов. Популярная литература, предшествовавшая Реформации, имела тенденцию, прямо противоположную духу, господствовавшему в Церкви. В "Уленшпигеле", знаменитом популярном поэтическом сборнике того периода, постоянно смеются над священниками, животными и обжорами, у которых полные погреба, прекрасные лошади и богато обставленные кладовые. В "Ренарде Райнеке" семьи священников с их маленькими детьми играют важную роль. Другой популярный писатель из всех сил громит тех служителей Христа, которые ездят на великолепных лошадях, но не хотят сражаться с неверными; а Джон Розенблют в одной из своих карнавальных игр выводит Великого турка на сцену, чтобы тот произнес уместную проповедь всем государствам христианского мира.

Несомненно, в недрах народа зрела Реформация, которая вскоре должна была разразиться. Не только из этого класса выходили молодые люди, которым впоследствии предстояло занять первые посты в Церкви, но даже отдельные люди, которые всю свою жизнь продолжали трудиться в самых скромных профессиях, внесли значительный вклад в великое пробуждение христианского мира. Возможно, будет уместно рассказать о некоторых чертах из жизни одного из них.

5 ноября 1494 года у нюрнбергского портного по имени Ганс Сакс родился сын. Сын, которого звали Ганс (Джон), как и его отца, получив некоторое образование, был отдан в подмастерья сапожнику. Юный Ганс воспользовался свободой мысли, которую давала эта скромная профессия, чтобы проникнуть в высший мир, к которому стремилась его душа. Песни, после того как они смолкли в рыцарских замках, по-видимому, искали и нашли убежище среди бюргеров веселых городов Германии. В церкви Нюрнберга была открыта школа пения. Представления, которые там проходили и к которым привык присоединяться юный Ганс, открыли его сердце для религиозных впечатлений и помогли пробудить вкус к поэзии и музыке. Гениальный юноша не мог долго выносить заточения в стенах своей мастерской. Он хотел увидеть собственными глазами тот мир, о котором он так много читал и слышал так много историй от своих товарищей, и который его воображение населило чудесами. В 1511 году он собирает свои пожитки и отправляется в южном направлении. Молодой путешественник, знакомящийся с товарищами-геями, студентами, бродящими по стране, и многими опасными искушениями, вскоре ощущает серьезную внутреннюю борьбу. Похоти мира сего и его благочестивые решения борются друг с другом. Трепеща за результат, он пускается в бегство и в 1513 году скрывается в маленьком городке Вельс в Австрии, где живет на пенсии, посвящая себя изучению изящных искусств. Император Максимилиан случайно проезжает через город с блестящей свитой, и молодой поэт совершенно очарован великолепием двора. Принц принимает его в свой охотничий кортеж, и Ганс снова забывается под шумными сводами дворца Инспрух. Но его совесть снова бьет тревогу, и молодой егерь, немедленно сбросив свой блестящий мундир, уезжает и прибывает в Швац под Мюнхеном. Там, в 1514 году, в возрасте двадцати лет, он сочинил свой первый гимн "В честь Бога", придав ему замечательный вид. Он был встречен бурными аплодисментами. Во время своих путешествий он был свидетелем многих печальных свидетельств злоупотреблений, от которых стонала религия.

По возвращении в Нюрнберг Ханс открывает бизнес, женится и становится отцом семейства. Когда начинается Реформация, он внимательно прислушивается. Он сердечно приветствует Священное Писание, которое уже успело расположить его к себе как поэта, и ищет в нем больше не образов и гимнов, а света истины. Этой истине он посвящает свою лиру. Из

скромного ларька перед одними из ворот имперского города Нюрнберга доносятся ноты, которые эхом разносятся по Германии и повсюду возбуждают глубокий интерес к великой революции, которая продвигается вперед. Духовные песни Ганса Сакса и его Библия, переведенная в стихи, очень помогли этой работе. Действительно, было бы трудно сказать, кто из двоих сделал для этого больше всего — курфюрст Саксонии, наместник империи, или сапожник из Нюрнберга.

Таким образом, во всех классах было нечто, возвещавшее о Реформации. Со всех сторон появлялись знамения, и события продвигались вперед, угрожая свергнуть дело темных веков и ввести людей в период, в который "все должно было стать новым". Иерархическая форма, которая несколько веков использовалась для того, чтобы насаждать ее на земле, была близка к тому, чтобы быть стертой. Свет, который только что был открыт, с непостижимой быстротой привнес ряд новых идей во все страны, и все классы общества подали признаки новой жизни. "О век! - восклицает Хюттен. - Учеба процветает, а умы пробуждаются: сама жизнь - это радость!"... Человеческий интеллект, который дремал на протяжении стольких поколений, казалось, желал своей деятельностью возместить упущенное время. Оставить его в праздности, без питания или дать ему пищу не лучше той, которая долгое время поддерживала его вялое существование, значило бы неправильно истолковать природу человека. Человеческий разум, наконец осознав, что это такое и каким оно должно быть, смело взглянул на эти два состояния и осмотрел огромную пропасть, лежащую между ними. Великие князья восседали на троне, древний колосс Рима шатался под собственной тяжестью, и старый дух рыцарства покидал землю, чтобы уступить место новому духу, который веял одновременно и на святилища знания, и на жилища бедняков. Печатное слово окрылилось и было унесено, как ветер уносит семена, в самые отдаленные регионы. Открытие двух Индий расширило мир.... Все говорило о том, что великая революция близка.

Но откуда придет удар, который разрушит древнее здание, чтобы из его руин могло возникнуть новое здание? Никто не мог сказать. У кого было больше мудрости, чем у Фредерика? Больше науки, чем у Рейхлина? Больше таланта, чем у Эразма? Больше духа и разносторонности, чем у Хюттена? Больше доблести, чем у Секингена? Больше добродетели, чем у Кронберга? И все же ни Фредерик, ни Рейхлин, ни Эразмус, ни Секинген, ни Хюттен, ни Кронберг.... Ученые мужи, князья, воины, сама Церковь подорвали некоторые устои, но на этом они остановились. Могущественной руки, предназначенной для использования Богом, нигде не было видно.

Все, однако, чувствовали, что он должен скоро появиться, в то время как некоторые даже делали вид, что видели признаки его появления в звездах. Один класс, видя плачевное состояние религии, предсказывал близкое приближение Антихриста. Другой класс, напротив, предсказывал скорую Реформацию. Мир ждал.... Появился Лютер.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

ЮНОСТЬ, ОБРАЩЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ ЛЮТЕРА.

1483-1517.

Происхождение Лютера—Его родители—Его Рождение—Бедность—Родительский кров—Строгая дисциплина—Первые уроки—Магдебургская школа—Нищета—Изенах—Сунамитянка—Дом Котта—Искусство—Память о тех временах—Его учеба—Требоний—Университет.

Все было готово. Богу требуются века, чтобы подготовить свою работу, но когда приходит час, он завершает ее самыми слабыми инструментами. Совершать великие дела малыми средствами - это закон Божий. Этот закон, который проявляется во всех областях природы, обнаруживается также в истории. Бог взял Реформаторов Церкви, как он взял Апостолов. Он избрал их из того скромного класса, который, не включая самых ничтожных людей, едва ли является гражданством. Каждая вещь должна демонстрировать миру, что это дело рук не человека, а Бога. Реформатор Зинглий выходит из хижины альпийского пастуха, Меланхтон, богослов Реформации, - из мастерской оружейника, а Лютер - из хижины бедного рудокопа.

Первый этап в жизни человека, тот, на котором он формируется под рукой Бога, всегда важен, и это было особенно важно в случае с Лютером. Там, даже в тот период, существовала целая Реформация. Различные фазы этой великой работы сменяли друг друга в душе того, кто был инструментом ее выполнения, прежде чем она была действительно завершена. Знание о Реформации, которая произошла в сердце Лютера, является единственным ключом к Реформации Церкви. Мы должны изучать конкретную работу, если хотим достичь знания общей работы. Те, кто пренебрегает одной, никогда не узнают больше, чем форму и внешний вид другой. Они могут приобрести знание об определенных событиях и определенных результатах, но внутренней природы пробуждения они знать не могут, потому что живой принцип, который сформировал его душу, скрыт от них. Давайте тогда изучим Реформацию у Лютера, прежде чем рассматривать ее в контексте событий, изменивших лицо христианского мира.

В деревне Мора, по направлению к лесам Тюрингии, недалеко от того места, где Бонифаций, апостол Германии, начал проповедовать Евангелие, существовала, и, несомненно, существовала веками, древняя и многочисленная семья по имени Лютер. [121] Старший сын, как обычно у крестьян Тюрингии, всегда наследовал дом и отцовский участок, в то время как младшие члены семьи отправлялись на поиски средств к существованию. Джон Лютер женился на Маргарет Линдемманн, дочери жителя Нойштадта в епископстве Варцбург, супружеская пара покинула равнины Изенаха и поселилась в маленьком городке Айсleben в Саксонии, чтобы в поте лица добывать себе хлеб.

Секендорф рассказывает, основываясь на свидетельстве Робана, суперинтенданта Изенаха в 1601 году, что мать Лютера, думая, что она еще далека от своего времени, отправилась на ярмарку в Айслебене и там неожиданно родила сына. Несмотря на заслуги такого человека, как Секендорф, этот рассказ, по-видимому, неверен. Фактически, ни один из старших биографов

Лютера об этом не упоминает. Кроме того, Мора находится более чем в двадцати четырех лье от Эйслебена, и люди в тех обстоятельствах, в которых тогда находилась мать Лютера, редко бывают расположены совершать такие длительные путешествия, *чтобы побывать на ярмарке*. В целом, этот рассказ, похоже, сильно расходится с собственным утверждением Лютера. [122]

Джон Лютер был честным, прямолинейным, трудолюбивым человеком с твердостью характера, граничащей с упрямством. Обладая более развитым умом, чем обычно у людей его класса, он был большим читателем. Книги тогда были редкостью. Но он никогда не упускал ни одной возможности приобрести их. Они служили ему отдыхом в промежутках между тяжелым и продолжительным трудом. Маргарет обладала добродетелями, которые украшают честных и набожных женщин. Ее отмечали, в частности, за ее скромность, ее страх Божий и ее дух молитвы. Местные матери считали ее образцом, которому они должны подражать. [123]

Точно неизвестно, как долго эта пара прожила в Айслебене, когда 10 ноября, за час до полуночи, Маргарет родила сына. Меланхтон часто расспрашивал мать своего друга о периоде его рождения. "Я очень хорошо помню день и час, - отвечала она, - но насчет года я не уверена". Брат Лютера, Джеймс, честный и прямолинейный человек, заявил, что, по мнению всей семьи, Мартин родился в 1483 году от Рождества Христова, 10 ноября, в канун дня Святого Мартина. [124] Первой мыслью благочестивых родителей было взять младенца, которого дал им Бог, и посвятить его Богу в святом крещении. На следующий день, который пришелся на вторник, отец с благодарностью и радостью отнес своего сына в церковь Святого Петра, где тот получил печать своего посвящения Господу. В честь этого дня его называли Мартином.

Юному Мартину не исполнилось и шести месяцев, когда его родители переехали из Айслебена в Мансфельд, расположенный всего в пяти лье отсюда. Шахты Мансфельда в то время пользовались большой славой, и Джон Лютер, труженик, чувствуя, что его, возможно, призовут растить многочисленную семью, надеялся, что там ему будет легче добыть средства к существованию. Именно в этом городе интеллект и силы молодого Лютера получили свое первое развитие; здесь начала проявляться его активность и его склонность проявляться в том, что он говорил и делал. Равнины Мансфельда, берега реки Виппер, были местами его первых занятий спортом с товарищами по играм.

Начало их пребывания в Мансфельде сопровождалось для честного Джона и его жены мучительными лишениями, ибо некоторое время они жили в большой бедности. "Мои родители, - говорит Реформатор, - были очень бедны. Мой отец был бедным дровосеком, и моя мать часто носила его дрова на спине, чтобы прокормить нас, детей. Труд, который они переносили ради нас, был суровым, вплоть до кровопролития". Пример родителей, которых он уважал, и привычки, которым они его воспитали, рано приучили Лютера к трудолюбию и бережливости. Несомненно, он часто сопровождал свою мать в лес и тоже мастерил свой маленький хворостинчик.

Труду праведного человека даны обещания, и Джон Лютер на собственном опыте убедился в их реальности. Став несколько более легким в своих обстоятельствах, он установил две плавильные печи в Мансфельде. Вокруг этих печей вырос юный Мартин, и отдача, которую они приносили, позволила его отцу в более поздний период обеспечить его учебу. "Духовный основатель христианского мира, - говорит достойный Матезиус, - должен был произойти из семьи рудокопов, олицетворяя то, что задумал Бог, когда он нанял его, чтобы очистить сыновей Левия и переплавить их в своих печах подобно золоту". [125] Всеми уважаемый за свою

честность, безупречную жизнь и здравый смысл, Джон Лютер был назначен советником Мансфельда, столицы одноименного графства. Слишком большое несчастье могло бы угнетать дух ребенка, но комфортные условия отцовского крова расширили его сердце и возвысили характер.

Джон воспользовался своим новым положением, чтобы поддерживать общество, которое он предпочитал. Он придавал большое значение образованным людям и часто приглашал местных священнослужителей и учителей к своему столу. Его дом представлял собой пример одного из тех обществ простых граждан, которые делали честь Германии в начале шестнадцатого века, и, как зеркало, отражал многочисленные образы, сменявшие друг друга на беспокойной сцене того времени. Это не ускользнуло от внимания ребенка. Вид людей, к которым в доме его отца относились с таким уважением, несомненно, не раз пробуждал в сердце юного Мартина честолюбивое желание когда-нибудь стать школьным учителем или образованным человеком.

Как только он достиг того возраста, когда можно было получать какие-либо наставления, его родители стремились дать ему знания, внушить страх Божий и воспитать в христианских добродетелях. Они изо всех сил заботились о его начальном домашнем образовании. [\[126\]](#) Это, однако, было не единственным предметом их нежной заботы.

Его отец, желая видеть, как он овладевает элементами знаний, которые он сам так высоко ценил, призвал Божественное благословение на его голову и отправил его в школу. Поскольку Мартин был еще совсем маленьким мальчиком, его отец или Николас Эмлер, молодой человек из Мансфельда, часто относили его на руках в дом Георга Эмилиуса и снова приходили за ним. Впоследствии Эмлер женился на одной из сестер Лютера.

Благочестие родителей, их активность и строгая добродетель придали мальчику радостный импульс, сделав его серьезным и внимательным духом. Господствовавшая тогда система воспитания использовала страх и наказание в качестве основных стимуляторов. Маргарет, хотя иногда и одобряла слишком строгую дисциплину своего мужа, часто раскрывала Мартину свои материнские объятия, чтобы утешить его в слезах. Она сама иногда доводила до крайности заповедь Божественной мудрости, которая гласит: "Жалеющий розгу ненавидит сына своего". Вспыльчивый характер ребенка часто приводил к частым упрекам и исправлениям. "Мои родители, - говорит Лютер в книге "После жизни", - обращались со мной сурово и сделали меня очень робким. Однажды моя мать до крови отчитала меня за фундук. Они всем сердцем верили, что поступают правильно, но не могли различать диспозиции, хотя это необходимо для того, чтобы знать, когда и как следует применять наказания ". [\[127\]](#)

Обращение с бедным ребенком в школе было не менее суровым. Однажды утром учитель избил его пятнадцать раз подряд. "Необходимо, - сказал Лютер, упоминая этот факт, - необходимо наказывать детей; но в то же время необходимо любить их". Получив такое образование, Лютер рано научился презирать соблазны чувственной жизни. "Тот, кто хочет стать великим, должен начинать с малого", [\[128\]](#) справедливо замечает один из его первых биографов; "и если детей воспитывают со слишком большой деликатностью и нежностью, это вредит им всю оставшуюся жизнь".

Мартин кое-чему научился в школе. Его обучили главам Катехизиса, Десяти заповедям, Апостольскому символу веры, Молитве Господней, гимнам, формам молитвы и

Пожертвованию. Эта последняя была латинской грамматикой, составленной в четвертом веке Донатом, учителем святого Иеронима; будучи усовершенствована в одиннадцатом веке французским монахом по имени Ремигий, она долгое время пользовалась высокой репутацией школьного учебника. Более того, он подделал "Цизео-Янус", очень необычный альманах, составленный в десятом или одиннадцатом веке. Короче говоря, он выучил все, чему учили в латинской школе Мансфельда.

Но ребенок, по-видимому, не был приведен к Богу. Единственным религиозным чувством, которое в нем можно было обнаружить, был страх. Всякий раз, когда он слышал упоминание об Иисусе Христе, он бледнел от ужаса, ибо Спаситель был представлен ему как разгневанный Судья. Этот рабский страх, столь чуждый истинной религии, возможно, предрасполагал его к благой вести Евангелия, и к радости, которую он впоследствии испытал, познакомившись с тем, кто кроток и смирен сердцем.

Джон Лютер страстно желал сделать из своего сына ученого человека. Новый свет, который начал разливаться во все стороны, проник даже в коттедж шахтера из Мэнсфилда, и там пробудились честолюбивые мысли. Замечательный характер и настойчивое прилежание его сына внушали Джону самые блестящие надежды. Соответственно, в 1497 году, когда Мартину исполнилось четырнадцать лет, его отец решил расстаться с ним и отправить его в школу францисканцев в Магдебурге. Маргарет, конечно, следовало согласиться, и Мартин приготовился покинуть отцовский кров.

Магдебург был для Мартина как новый мир. Среди многочисленных лишений (поскольку у него едва хватало средств к существованию) он читал и посещал лекции; Андре Пролес, провинциал ордена августинцев, в то время с большим пылом проповедовал о необходимости реформирования религии и Церкви. Однако не он был тем человеком, который вложил в душу молодого человека первый зародыш тех идей, которые впоследствии в ней разрослись.

Этот период был своего рода суровым ученичеством для Лютера. Отправленный в странствия по миру в четырнадцать лет, без друга или покровителя, он трепетал в присутствии своих хозяев, а в часы отдыха мучительно выпрашивал еду у таких же бедных детей, как и он сам. "Я и мои товарищи, - говорит он, - выпросили немного еды для нашего пропитания. Однажды, в то время, когда Церковь празднует рождение Иисуса Христа, мы всей группой прочесывали соседние деревни, переходя от дома к дому, и в четырех частях пели обычные гимны о Младенце в Вифлееме. Мы остановились перед крестьянской хижинкой, стоявшей особняком на окраине деревни. Крестьянин, услышав, как мы поем рождественские гимны, вышел с какой-то провизией, которую он собирался нам передать, и спросил грубым голосом и хриплым тоном: "Где вы, мальчики?" Его тон напугал нас, и мы бросились наутек. У нас не было причин для страха, ибо крестьянин был искренен в своем предложении помощи; но наши сердца, без сомнения, были охвачены робостью из-за угроз и тирании, с которыми учителя в то время притесняли своих учеников; отсюда внезапный испуг, охвативший нас. Наконец, однако, поскольку крестьянин все еще продолжал звать нас, мы остановились, отбросили свой страх и, подбежав к нему, получили еду, которую он нам предназначал". "Точно так же, - добавляет Лютер, - мы привыкли трепетать и убегать, когда наша совесть виновата и встревожена. Тогда мы боимся даже помощи, которую нам предлагают, и тех, кто дружелюбен к нам и хотел бы сделать нам все возможное". [129]

Едва прошел год, как Джон и Маргарет, узнав о трудностях, с которыми столкнулся их сын, живя в Магдебурге, отправили его в Изенах, где была знаменитая школа и у них было много родственников. [130] У них были другие дети; и хотя их положение улучшилось, они были не в состоянии содержать своего сына в незнакомом городе. Кузницы и поздние часы Джона Лютера лишь удерживали семью в Мэнсфилде. Была надежда, что Мартину легче будет найти средства к существованию в Изенахе, но он не добился большего успеха. Его родственники в городе не беспокоились о нем. Возможно, их собственная бедность лишила их возможности оказать ему какую-либо помощь.

Когда ученого начинал грызть голод, ему ничего не оставалось, как поступить, как в Магдебурге, — присоединиться к своим товарищам-студентам и есть вместе с ними перед домами за кусочек хлеба. Этот обычай времен Лютера сохранился даже до наших дней в нескольких городах Германии, где голоса мальчиков иногда издают очень гармоничное песнопение. Вместо хлеба бедный скромный Мартин часто получал только грубые слова. Тогда, охваченный печалью, он тайне пролил много слез, не в силах думать о будущем без трепета.

В частности, однажды его выгнали из трех домов, и он собирался, не позавтракав, вернуться к себе на квартиру, как вдруг, дойдя до площади Святого Георгия, он остановился и, погруженный в мрачные мысли, неподвижно остановился перед домом честного горожанина.

Придется ли ему из-за нехватки хлеба бросить учебу и пойти работать с отцом на шахты Мансфельда? Внезапно открывается дверь, и на пороге появляется женщина — это была жена Конрада Котты, дочь бургомистра Илефельда. [131] Ее звали Урсула. Хроники Исенаха называют ее "благочестивой сунамитянской", намекая на нее, которая так настойчиво уговаривала пророка Елисея есть с ней хлеб. До этого христианка-сунамитянка не раз наблюдала молодого Мартина на собраниях верующих и была тронута сладостью его голоса и благочестивым поведением. [132] Она только что услышала грубую брань в адрес бедного ученого и, увидев его в печали перед своей дверью, пришла ему на помощь, поманила его войти и поставила перед ним еду, чтобы утолить его голод.

Конрад одобрял доброжелательность своей жены и был даже настолько доволен обществом молодого Лютера, что через несколько дней забрал его к себе домой. С этого момента его учеба была обеспечена. Ему не придется возвращаться на рудники Мансфельда и зарывать талант, который доверил ему Бог. Когда он уже не знал, что с ним будет дальше, Бог открыл ему сердце и дом христианской семьи. Это событие помогло ему обрести ту уверенность в Боге, которую в загробной жизни не могли поколебать самые сильные бури.

В доме Котта Лютер познакомился с образом жизни, сильно отличавшимся от того, который он знал до сих пор. Там он вел легкое существование, свободный от нужды и забот. Его ум стал более безмятежным, характер — более живым, а сердце — более открытым. Все его существо расширилось до мягких лучей милосердия и начало биться жизнью, радостью и счастьем. Его молитвы были более пылкими, а жажда знаний — более интенсивной. Он быстро прогрессировал.

К литературе и науке он добавил очарование искусства. Те, кому Богом предназначено воздействовать на своих современников, сами, в первую очередь, захвачены и увлекаемы всеми тенденциями своего времени. Лютер научился играть на флейте и лютне. Последнему инструменту он часто аккомпанировал своим прекрасным контраргументальным голосом, тем

самым оживляя свое сердце в моменты грусти. Он также получал удовольствие от использования своих нот, чтобы выразить благодарность своей приемной матери, которая очень любила музыку. Его собственная любовь к этому продолжалась до глубокой старости, и слова и музыка некоторых из лучших гимнов, которыми обладает Германия, принадлежат его перу. Некоторые из них даже переведены на наш язык.

Счастлиное время для молодого человека! Лютер всегда вспоминал об этом с волнением. Много лет спустя, когда сын Конрада приехал учиться в Виттемберг, когда бедный ученый из Изенаха стал врачом своего времени, он с радостью принял его за своим столом и под своей крышей. Он хотел вернуть сыну часть того, что тот получил от родителей. Именно думая о женщине-христианке, которая дала ему поесть, когда все вокруг вызывало у него отвращение, он произнес это прекрасное выражение: "На земле нет ничего нежнее женского сердца, в котором обитает благочестие".

Лютер никогда не стыдился тех дней, когда, измученный голодом, он был вынужден просить милостыню на учебу и содержание. Будучи так далек от этого, он, напротив, с благодарностью размышлял о великой бедности своей юности. Он считал это одним из средств, которые Бог использовал, чтобы сделать его тем, кем он впоследствии стал, и был благодарен за это. Бедные юноши, вынужденные следовать тем же путем, тронули его сердце. "Не надо, - сказал он, - презирать мальчиков, которые поют перед вашими домами, и просить "panem propter Deum", хлеба ради Бога; я сам это делал. Это правда, что в более поздний период мой отец с большой любовью и добротой оставил меня в Эрфуртском университете, содержа в поте лица своего; и все же когда-то я был бедняком. И теперь с помощью своего пера я зашел так далеко, что не стал бы менять ситуацию с самим Великим турком. Более того, если бы все блага мира громоздились одно на другое, я бы не взял их в обмен на то, что у меня есть. И все же я не был бы там, где я есть, если бы не ходил в школу и не научился писать ". Таким образом, в этих первых скромных начинаниях этот великий человек проследил истоки своей славы. Он не боится напомнить нам, что этот голос, чей акцент заставил содрогнуться империю и весь мир, когда-то просил милостыню о куске хлеба на улицах бедного города. Христианин получает удовольствие от таких воспоминаний, как напоминание ему о том, что именно в Боге он должен прославляться.

Сила его интеллекта и живость воображения вскоре позволили ему превзойти всех своих сокурсников. [133] Особенно быстрыми были его успехи в древних языках, красноречии и поэзии. Он писал эссе и слагал стихи. Живой, покладистый и, что называется, добросердечный, он был большим любимцем своих хозяев и товарищей.

Среди профессоров он особенно привязался к Джону Требониусу, ученому человеку с приятными манерами, который оказывал молодежи то внимание, которое так хорошо подходит для их поощрения. Мартин заметил, что, когда Требоний вошел в класс, он снял шляпу и поклонился студентам; большая снисходительность в те педантичные времена! Это понравилось молодому человеку и заставило его почувствовать, что он не просто шифр. Уважение учителя заставило ученика подняться в собственных глазах. Коллеги Требония, у которых не было такого же обычая снимать шляпы, однажды выразили свое удивление его чрезвычайной снисходительностью, на что он ответил (и этот ответ произвел не меньшее впечатление на молодого Лютера): "Среди этих юношей есть люди, которых Бог однажды сделает бургомистрами, канцлерами, докторами и магистратами; и хотя вы еще не видите их со

знаками отличия, будет правильным, однако, проявить к ним уважение". Без сомнения, молодой студент с удовольствием слушал эти слова и уже тогда, возможно, видел себя с докторской шапочкой на голове.

ГЛАВА II.

Схоластика и классика—Благочестие Лютера—Открытие—Библия—Болезнь—Магистр искусств—Совесть—Смерть Алексиса—Гроза—Провидение—Прощай—Уход в монастырь.

Лютеру шел восемнадцатый год. Он вкусил прелести литературы и, сгорая от желания учиться, вздыхал об университете и страстно желал отправиться к одному из тех источников науки, у которых он мог бы утолить свою жажду знаний. [134] Его отец хотел, чтобы он изучал юриспруденцию, и уже видел, как он занимает почетное положение среди своих сограждан, завоевывает благосклонность принцев и становится фигурой на мировом театре. Было решено, что молодой студент должен отправиться в Эрфурт.

Лютер прибыл в этот университет в 1501 году. Ядокус, прозванный доктором Изенаха, в то время с большим успехом преподавал схоластическую философию. Меланхтон сожалеет, что единственным предметом, которому тогда преподавали в Эрфурте, должна была быть диалектика, изобилующая трудностями. Он думает, что если бы Лютер нашел там других профессоров, если бы он был обучен более мягкой дисциплине истинной философии, это могло бы умерить и смягчить пылкость его натуры. [135] Новый ученый начал изучать философию средневековья в трудах Оккама, Скотта, Бонавентуры и Фомы Аквинского. В более поздний период он испытал глубокое отвращение ко всей этой схолистике. Само имя Аристотеля, произнесенное в его присутствии, наполнило его негодованием; и он даже дошел до того, что заявил, что если бы Аристотель не был человеком, он бы без колебаний принял его за дьявола. Но его ум, жаждущий знаний, нуждался в лучшей подпитке, и он начал изучать великолепные памятники античности, труды Цицерона, Вергилия и других классиков. Он не был удовлетворен, как обычные студенты, сохранением произведений этих писателей в памяти. Прежде всего, он стремился проникнуться их мыслями; проникнуться духом, который их воодушевлял; перенять их мудрость; постичь смысл их произведений; и обогатить свое понимание их весомыми чувствами и блестящими образами. Он часто задавал вопросы своим профессорам и вскоре опередил своих сокурсников. [136] Обладая цепкой памятью и богатым воображением, все, что он прочитал или услышал, навсегда осталось в его памяти, как будто он действительно это видел. "Таким блистал Лютер в юности. Весь университет, - говорит Меланхтон, - восхищался его гением". [137]

Но даже в тот период этот восемнадцатилетний молодой человек не ограничивал свои труды развитием своего интеллекта. У него были те серьезные мысли, то возвышенное сердце, которые Бог дарует тем, кому он предназначает быть его самыми верными слугами. Лютер чувствовал, что зависит от Бога — простое, но могущественное убеждение - источник одновременно глубокого смирения и великих достижений. Он горячо призывал Божественное благословение на свои труды. Каждое утро он начинал день с молитвы, затем отправлялся в церковь, а по возвращении принимался за учебу, не теряя ни минуты в течение дня. "Хорошо молиться, - обычно говорил он, - это больше половины моего занятия". [138]

Каждую минуту, которую молодой студент мог уделить своим академическим трудам, он проводил в библиотеке университета. Книги по-прежнему были редкостью, и он считал большой привилегией иметь возможность воспользоваться сокровищами, собранными в этой обширной коллекции. Однажды (к тому времени он прожил два года в Эрфурте, и ему было двадцать лет) он открывает одну за другой несколько книг в библиотеке, чтобы посмотреть, кто их авторы. Один из томов, который он открывает, в свою очередь, привлекает его внимание. Он никогда раньше не видел ничего подобного. Он читает название: " ... это Библия!" редкая книга, в то время неизвестная. [139] Его интерес сильно возбужден; он совершенно поражен, обнаружив в этом томе нечто большее, чем те фрагменты Евангелий и посланий, которые Церковь выбрала для публичного чтения в церквях каждую субботу. До сих пор он верил, что они составляют все слово Божье. Но здесь так много страниц, глав и книг, о которых он понятия не имел! Его сердце бьется, когда он держит в руке все это богодухновенное Писание, и он переворачивает все эти божественные листы с чувствами, которые невозможно описать. Первая страница, на которой он фиксирует свое внимание, рассказывает ему историю Ханны и юного Сэмюэля. Он читает, и его душа переполняется радостью. Ребенок, которого его родители отдают Иегове на все дни его жизни; песня Ханны, в которой она провозглашает, что Господь поднимает бедных из праха и нуждающихся из навозной кучи, чтобы он мог поставить его с князьями; юный Самуил, растущий в присутствии Господа; вся эта история, весь том, который он открыл, заставляют его чувствовать себя так, как он никогда раньше. Он возвращается домой с переполненным сердцем. "О! - думает он, - будет ли угодно Богу однажды подарить мне такую книгу для моей собственной!" [140] Лютер тогда еще не знал ни греческого, ни иврита; поскольку маловероятно, что он изучал эти языки в течение первых двух или трех лет своего пребывания в университете. Библия, которая так обрадовала его, была на латыни. Вскоре, вернувшись к своему сокровищу в библиотеке, он читает и перечитывает, и в своем изумлении и радости возвращается к чтению снова. Тогда его озарили первые лучи новой истины.

Таким образом, Бог наделил его Своим словом. Он открыл книгу, из которой однажды передаст своим соотечественникам тот замечательный перевод, в котором Германия вот уже три столетия изучает Божьи оракулы. Возможно, это был первый случай, когда чья-либо рука сняла этот драгоценный том с того места, которое он занимал в библиотеке Эрфурта. Эта книга, лежащая на неизвестных полках в темной комнате, должна стать книгой жизни для целого народа. Реформация была скрыта в этой Библии.

Это произошло в тот же год, когда Лютер получил свою первую академическую степень, а именно степень бакалавра. Чрезмерная усталость, которой он подвергся, готовясь к своим испытаниям, привела к опасной болезни. Казалось, что смерть приближается, и его ум занимали мрачные мысли. Он верил, что его земной путь близок к завершению. Все оплакивали молодого человека. Как жаль, что так скоро погибло столько надежд! Несколько друзей пришли навестить его во время болезни; среди прочих священник, почтенный старец, который с интересом следил за учеником Мансфельда в его трудах и академической жизни. Лютер не смог скрыть взволновавшую его мысль. "Скоро, - сказал он, - меня призовут покинуть этот мир". Но старик любезно ответил: "Мой дорогой холостяк, наберись мужества; ты не умрешь от этой болезни. Наш Бог еще сделает тебя мужчиной, который, в свою очередь, утешит многих других мужчин. Ибо Бог возлагает свой крест на того, кого он любит, и те, кто терпеливо несет его, обретают много мудрости". [141] Эти слова произвели глубокое впечатление на больного юношу. Находясь так близко к смерти, он слышит уста священника, напоминающего ему, что

Бог, как сказала мать Самуила, возвышает несчастных. Старик излил сладкое утешение в его сердце и оживил его дух; он никогда его не забудет. "Это было первое предсказание, которое услышал Доктор", - говорит Матезиус, друг Лютера, который рассказывает об этом факте; "и он часто упоминал об этом". Легко понять, что Матезиус имеет в виду, называя это предсказанием.

Когда Лютер выздоровел, что-то внутри него претерпело изменения. Библия, его болезнь и слова старого священника, казалось, по-новому привлекли его. Однако пока в его голове ничего не было решено. Он продолжил учебу и в 1505 году получил степень магистра искусств, или доктора философии. Эрфуртский университет был тогда самым знаменитым в Германии, остальные по сравнению с ним были всего лишь низшими учебными заведениями. Церемония, как обычно, прошла с большой помпой. Процессия с факелами пришла отдать дань уважения Лютеру. [142] Праздник был превосходным, и все радовались. Лютер, возможно, воодушевленный этими почестями, был склонен полностью посвятить себя юриспруденции, согласно желанию своего отца.

Но Бог пожелал иного. Пока Лютер был занят другими исследованиями, пока он начал преподавать физику и этику Аристотеля и другие разделы философии, его сердце не переставало вызывать к нему о том, что благочестие - это единственное, что необходимо, и что он должен прежде всего позаботиться о своем спасении. Он сознавал неудовольствие, с которым Бог свидетельствует против греха; он помнил о наказаниях, которые он обличает против грешника; и он в страхе спрашивал себя, уверен ли он в том, что обладает Божественным благоволением. Его совесть ответила: Нет! Его характер был быстрым и решительным; он решил сделать все, что может оказаться необходимым, чтобы дать ему верную надежду на бессмертие. Два события, произошедшие подряд, потрясли его душу и укрепили в решимости.

Среди его университетских друзей был человек по имени Алексис, с которым он был очень близок. Однажды утром по Эрфурту разнесся слух, что Алексис был убит. Глубоко тронутый внезапной потерей своего друга, он задает себе вопрос — что стало бы со мной, если бы меня призвали так внезапно? Этот вопрос приводит его в величайшее смятение. [143]

Это было летом 1505 года. Лютер, оставшийся на свободе из-за обычных университетских каникул, решил отправиться в Мансфельд, чтобы вновь посетить любимые места своего детства и обнять своих родителей. Возможно, он также хотел открыть свое сердце отцу и расспросить его о замысле, который начинал формироваться в его уме, и получить согласие на то, чтобы он выбрал другое призвание. Он предвидел все трудности, которые его ожидали. Ленивые привычки большинства священников вызывали недовольство активного шахтера Мансфельда. Кроме того, духовенство мало почиталось в мире; у большинства из них были весьма скудные доходы, и отец, который многим пожертвовал, чтобы содержать сына в университете, и который видел его в двадцать лет преподавателем в знаменитой школе, не был расположен отказываться от надежд, которые лелеяла его гордость.

Мы не знаем, что происходило во время визита Лютера в Мансфельд. Возможно, решительное желание его отца заставило его побояться открыть ему свое сердце. Он снова покинул родительский кров, чтобы занять свое место на университетских скамьях, и уже был недалеко от Эрфурта, когда его застигла одна из тех жестоких бурь, которые нередки в этих горах. Гром разражается совсем рядом с ним. Лютер бросается на колени. Возможно, настал его час, Смерть, суд и вечность окружают его всеми своими ужасами и говорят с ним голосом, которому он больше не может сопротивляться. "Охваченный агонией и ужасом смерти", как он сам это

описывает, [144] он дает обет, если будет избавлен от этой опасности, покинуть мир и всецело отдать себя Богу. После того, как он поднялся с земли, все еще продолжая видеть смерть, которая однажды должна настигнуть его, он серьезно рассматривает себя и спрашивает, что ему следует делать. [145] Мысли, которые раньше волновали его, возвращаются с полной силой. Он, правда, старался выполнять все свои обязанности. Но в каком состоянии его душа? Может ли он предстать с оскверненным сердцем перед судом Бога, которого так сильно боятся? Он должен стать святым, и, соответственно, теперь он жаждет святости, как прежде жаждал науки. Но где ее найти? Как он ее приобретет? Университет предоставил ему средства для удовлетворения его жажды знаний. Кто погасит агонию, пламя, пожирающее его? В какую школу святости он должен направить свои стопы? Он уйдет в монастырь; монашеская жизнь спасет его. Как часто он слышал рассказы о ее силе преображать сердце, освящать грешника, делать человека совершенным! Он вступит в монашеский орден. Затем он станет святым и таким образом обеспечит себе вечную жизнь. [146]

Таково было событие, изменившее призвание и все судьбы Лютера. Здесь мы узнаем перст Божий. Именно его могучая рука выбросила на большую дорогу этого молодого магистра искусств, этого кандидата в коллегию адвокатов, этого будущего юриста, чтобы придать совершенно новое направление его жизни. Рубиан, один из друзей Лютера, писал ему позже: "Божественное Провидение предвидело, кем ты однажды станешь, когда, когда ты возвращался от своих родителей, небесный огонь поверг тебя на землю, как другого Павла, недалеко от города Эрфурт, и, унеся тебя из нашего общества, бросил в орден августинцев". Аналогичные обстоятельства, таким образом, ознаменовали обращение Павла и Лютера, двух величайших инструментов, которые Божественное Провидение использовало в двух величайших революциях, произошедших на земле. [147]

Лютер снова въезжает в Эрфурт. Его решение непоколебимо, и все же не без боли он собирается разорвать дорогие ему узы. Он никому и намеком не выдает своих намерений. Но однажды вечером он приглашает своих друзей по университету на веселую и скромную трапезу. Музыка снова оживляет их общение. Это прощание Лютера с миром. Отныне вместо этих любимых спутников удовольствий и тяжелого труда — монахи; вместо этих веселых и интеллектуальных бесед - тишина монастыря; вместо этой чарующей музыки — серьезные ноты тихой часовни. Бог требует этого; все должно быть принесено в жертву. И все же, в этот последний раз, еще раз радости юности. Его друзья полны ликования. Лютер даже ведет их за собой. Но в тот момент, когда они предаются веселью и резвости, молодой человек становится не в силах больше сдерживать серьезные мысли, занимающие его сердце. Он говорит.... Он сообщает о своем намерении своим изумленным друзьям, которые тщетно пытаются воспротивиться этому. В ту же ночь Лютер, возможно, опасаясь назойливых домогательств, покидает свое жилище, оставляя все свои пожитки и все свои книги, за исключением Вергилия и Плавта (тогда у него еще не было Библии.) Вергилий и Плавт! Эпос и комедия! уникальное представление об уме Лютера. На самом деле, в нем была целая эпопея, прекрасная, блистательная и возвышенная поэма; но, будучи от природы склонным к веселью, шутливости и широкому юмору, он привнес в торжественную и великолепную основу своей жизни не одну знакомую черту.

Вооруженный этими двумя книгами, он отправляется один, в темноте, в монастырь отшельников Святого Августина и просит принять его. Дверь открывается и закрывается, и он навсегда

разлучается со своими родителями, сокурсниками и всем миром. Это произошло 17 августа 1505 года, когда Лютеру было двадцать один год и девять месяцев.

ГЛАВА. III.

Гнев его отца—Прощение—Рабские занятия—Мешок и камера—Мужество—Св. Августин—Д'Айи—Оккам—Жерсон—Библия—Иврит и греческий—Часы—Аскетизм—Агония—Лютер во время мессы—Агония—Бесполезные обряды—Лютер в обмороке.

Наконец-то он был с Богом. Его душа была в безопасности. Теперь ему предстояло обрести эту святость, к которой он так страстно стремился. При виде этого молодого врача монахи пришли в восхищение и превозносили его за мужество и презрение к миру. [148] Тем временем Лютер не забывал своих друзей. Он написал, чтобы проститься с ними и со всем миром, и на следующий день отправил эти письма вместе с одеждой, которую он до сих пор носил, и своим дипломом магистра искусств, который он вернул университету, чтобы ничто в будущем не напоминало ему о мире, который он покинул.

Его друзья в Эрфурте были поражены как громом. Должен ли столь выдающийся гений уйти и укрыться в этой монашеской жизни — точнее, своего рода смерти? [149] В глубокой скорби они поспешили в монастырь в надежде побудить Лютера повторить тот печальный шаг, который он предпринял; но все было бесполезно. Ворота были закрыты, и прошел месяц, прежде чем кому-либо разрешили увидеть нового монаха или поговорить с ним.

Лютер поспешил сообщить своим родителям о большой перемене, которая только что произошла в его жизни. Его отец был как громом поражен. Он дрожал за своего сына, — так сообщает нам сам Лютер в своей книге о монашеских обетах, которую он посвятил своему отцу. Его слабость, его молодость, пылкость его страстей, короче говоря, все заставляло его опасаться, что после первого мгновения энтузиазма монастырская праздность повергнет юношу либо в отчаяние, либо в тяжкие проступки. Он знал, что такой образ жизни оказался фатальным для многих. Кроме того, у советника-шахтера из Мэнсфилда были другие взгляды на своего сына. Он предлагал ему богатый и почетный брак — и, о чудо! все его амбициозные проекты в одну ночь рушатся из-за этого опрометчивого поступка.

Джон написал своему сыну очень гневное письмо, в котором, как говорит нам сам Лютер, он *ненавидел* его, тогда как он *ненавидел тебя* с тех пор, как получил степень магистра искусств. Он лишил его всех своих благосклонностей и объявил, что тот лишен отцовской привязанности. Напрасно друзья Джона Лютера и, несомненно, также его жена пытались успокоить его; напрасно они говорили ему: "Если ты готов принести какую-то жертву Богу, пусть это будет лучшее и дорогое, что у тебя есть, — твой сын, твой Исаак". Неумолимый советник Мансфельда ничего не хотел слышать.

Некоторое время спустя (это утверждение приводится Лютером в проповеди, которую он произнес в Виттемберге 20 января 1544 года) разразилась чума, лишившая Джона Лютера двух его сыновей. На фоне этих тяжелых утрат, в то время как сердце отца разрывалось от горя, кто-то пришел и сказал ему: "Монах из Эрфурта тоже умер!" Его друзья воспользовались этим обстоятельством, чтобы вернуть послушнику сердце отца. "Если это ложная тревога, - сказали они, - по крайней мере, утешьте свое горе, искренне согласившись на то, чтобы ваш сын стал

монахом". "Хорошо, хорошо! - ответил Джон Лютер с разбитым сердцем, все еще наполовину бунтующий. - и да дарует ему Бог всяческий успех". Позже, когда Лютер, примирившийся со своим отцом, рассказал ему о событии, побудившем его принять монашество, "Дай Бог, — ответил честный рудокоп, - чтобы то, что вы приняли за знамение с небес, не было всего лишь призраком дьявола!" [150]

В то время Лютер не обладал тем, что впоследствии сделало его Реформатором Церкви. Его поступление в монастырь доказывает это. Это был поступок, совершенный в духе эпохи, из которой ему вскоре предстояло сыграть важную роль в возвышении Церкви. Хотя ему было суждено стать учителем мира, он все еще оставался его раболепным подражателем. Новый камень был положен на здание суеверия той самой рукой, которая вскоре должна была его опрокинуть. Лютер искал спасения в себе, в человеческих поступках и обрядах, не зная, что спасение всецело от Бога. Он искал свою собственную праведность и свою собственную славу, не обращая внимания на праведность и славу Господа. Но то, чего он еще не знал, он вскоре узнал впоследствии. Та огромная перемена, которая заменила мир и его традиции Богом и Его мудростью в его сердце и подготовила могучую революцию, самым прославленным орудием которой он был, произошла в Эрфуртском монастыре.

Мартин Лютер, поступив в монастырь, сменил свое имя на Августин.

Монахи приняли его с радостью. Для их самолюбия было немалым удовлетворением видеть, что университет заброшен ради дома их ордена, и это сделал один из самых выдающихся преподавателей. Тем не менее, они обращались с ним сурово и поручали ему самые подлые задания. Они хотели унижить доктора философии и научить его, что его наука не возвышает его над собратьями. Более того, они думали, что таким образом помешают ему проводить время за занятиями, от которых монастырь не мог извлечь никакой пользы. *Бывший* магистр искусств обязан был выполнять функции сторожа, открывать и закрывать ворота, заводить часы, подметать церковь и убирать помещения. [151] Затем, когда бедный монах, который был одновременно привратником, ризничим и домашним слугой монастыря, выполнил свою задачу - "*Cum sacco per civitatem*" — "В город с мешком", — воскликнули монахи; и затем, с мешком для хлеба на плечах, он прошелся взад и вперед по всем улицам города. Эрфурт, прося милостыню от дома к дому, был, возможно, вынужден предстать перед дверями тех, кто был его друзьями или подчиненными. По возвращении ему предстояло либо запереться в низкой узкой камере, окна которой выходили на участок площадью всего в несколько ярдов, либо вернуться к своим черным обязанностям. Но он подчинялся всему. По темпераменту склонный полностью отдавать себя тому, за что бы он ни брался, когда он стал монахом, он делал это всей душой. Более того, как он мог думать о том, чтобы щадить свое тело или заботиться о том, что могло бы удовлетворить плоть? Это был не тот способ обрести смирение и святость, в поисках которых он пришел в стены монастыря.

Бедный монах, измученный усталостью, стремился воспользоваться любой минутой, которую он мог украсть у своих рабских занятий, и посвятить ее приобретению знаний. Он с радостью удалился в уголок и предался своим любимым занятиям. Но монахи вскоре узнали его, собрались вокруг него, поворчали на него и оттолкнули его к его трудам, говоря: "Вперед! вперед! монах приносит пользу своему монастырю не учебой, а выпрашиванием хлеба, кукурузы, яиц, рыбы, мяса и денег". [152] Лютер подчинился, отложил книги и снова взялся за свою сумку. Он был далек от того, чтобы раскаиваться в том, что подверг себя такому игу, его

желанием было привести это к успешному результату. В этот период начала проявляться непреклонная настойчивость, с которой он всегда следовал однажды принятым решениям. Сопротивление, которое он оказывал грубым нападкам, придавало сильную энергию его воле. Бог упражнял его в малом, чтобы он мог твердо стоять в великом. Кроме того, готовясь избавиться свой век от жалких суеверий, под которыми он стонал, необходимо было, чтобы он почувствовал их тяжесть. Чтобы опустошить чашу, он должен был выпить ее до дна.

Однако это суровое ученичество длилось не так долго, как мог опасаться Лютер. Настоятель монастыря, по заступничеству университета, членом которого был Лютер, освободил его от возложенных на него низменных обязанностей, и молодой монах с новым рвением возобновил свои занятия. Писания Отцов Церкви, особенно Августина, привлекли его внимание; его особыми фаворитами были Комментарии этого прославленного врача к Псалмам и его трактат "О букве и духе". Ничто так не поразило его, как мнение этого Отца о порочности человеческой воли и о Божественной благодати. Его собственный опыт убедил его в реальности этого развращения и необходимости этой благодати, слова Августина нашли живой отклик в его сердце; и если бы он принадлежал к какой-либо другой школе, кроме школы Иисуса Христа, это, несомненно, была школа гиппонского доктора. Работы Питера Д'Айи и Габриэля Била он знал почти наизусть. Его поразило замечание первого: если бы Церковь не решила иначе, было бы гораздо лучше признать, что на Вечере Господней хлеб и вино принимаются по—настоящему, а не случайно.

Он также тщательно изучал теологов, Оккама и Герсона, которые оба так свободно выражаются, опираясь на авторитет пап. К этому чтению он присоединил другие упражнения. В публичных дискуссиях было слышно, как он распутывает самые сложные рассуждения и прокладывает свой путь по лабиринтам, из которых другие не могли найти выхода. Все, кто его слушал, были преисполнены восхищения. [153]

Но он ушел в монастырь не для того, чтобы приобрести репутацию великого гения, а в поисках пищи благочестия. [154] Соответственно, эти работы он рассматривал как нештатные.

Но то, чему он восхищался больше всего, заключалось в том, чтобы черпать мудрость из чистого источника слова Божьего. В монастыре он нашел Библию, прикрепленную к цепочке, и постоянно возвращался к этой Библии. Он очень несовершенно понимал Слово, но все же это было его самым приятным чтением. Иногда он проводил целый день в размышлениях над одним отрывком; в другое время он заучивал отрывки из Пророков наизусть. Его великим желанием было, чтобы писания апостолов и пророков помогли ему познать волю Божью, усилили страх, который он испытывал перед его именем, и укрепили его веру надежным свидетельством Слова. [155]

Очевидно, в этот период он начал изучать Священные Писания на языках оригинала и тем самым заложил основу самого совершенного и полезного из своих трудов - перевода Библии. Он использовал Словарь иврита, который Рейхлин только что опубликовал. Его первым гидом, вероятно, был Джон Ланге, монах монастыря, знавший греческий и иврит, с которым он всегда поддерживал тесные отношения. [156] Он также широко использовал ученые комментарии Николаса Лира, который умер в 1340 году, и, следовательно, высказывание Пфлюга, впоследствии епископа Наумбургского: "Если бы Лира не играла на лире, Лютер никогда бы не танцевал. *Si Lyra non lyrasset, Lutherus non saltasset.*"

Молодой монах учился так внимательно и усердно, что часто не указывал свои Часы в течение двух или трех недель. Затем, встревоженный мыслью о нарушении правил своего ордена, он заперся, чтобы загладить свою небрежность, и начал добросовестно повторять все пропущенные Часы, не думая ни о еде, ни о питье. Однажды сон покинул его на семь недель.

Искренне намереваясь обрести святость, в поисках которой он пришел в монастырь, Лютер посвятил себя аскетической жизни во всей ее строгости, стремясь распять плоть постами, истреблением и бдениями. [157] Запертый в своей камере, как в тюрьме, он без перерыва боролся со злыми мыслями и порочными наклонностями своего сердца. Немного хлеба и селедка часто были всей его едой. Действительно, от природы он был очень умеренным. Часто, когда у него и в мыслях не было приобрести рай воздержанием, его друзья видели, как он довольствовался самыми грубыми продуктами и даже оставался четыре дня подряд без еды и питья. [158] У нас есть это на основании показаний очень заслуживающего доверия свидетеля, Меланхтона, и мы можем судить из этого, какое мнение сформировать о баснях, которые невежество и предрассудки распространили относительно невоздержанности Лютера. В тот период, о котором мы рассказываем, нет такой жертвы, от которой он отказался бы ради того, чтобы стать святым и купить небеса. [159] Когда Лютер, после того как он стал реформатором, говорит, что небеса не покупаются, он хорошо знал, что имел в виду. "Поистине, - писал он Георгу, герцогу Саксонии, - поистине я был благочестивым монахом и следовал правилам своего ордена строже, чем могу сказать. Если когда-либо монах попадал на небеса через монашество, то этим монахом был я. В этом все мои знакомые монахи будут мне свидетелями. Если бы это продолжалось дольше, я стал бы мучеником до смерти благодаря бдениям, молитве, чтению и другим трудам". [160]

Мы касаемся периода, который сделал Лютера новым человеком и который, открыв ему безграничность Божественной любви, подготовил его к провозглашению ее миру.

Покой, за которым пришел Лютер, он не нашел ни в спокойствии монастыря, ни в монашеском совершенстве. Он хотел быть уверенным в своем спасении; это было великим желанием его души, и без этого он не мог иметь покоя. Но страхи, которые волновали его в миру, последовали за ним в келью. Нет, они даже усилились; малейший крик его сердца отдавался громким эхом под безмолвными сводами монастыря. Бог привел его туда, чтобы он мог научиться познавать самого себя и не отчаиваться в своей собственной силе и добродетели. Его совесть, просвещенная Божественным словом, подсказала ему, что значит быть святым; но он был полон тревоги из-за того, что не нашел ни в своем сердце, ни в своей жизни того образа святости, который он с восхищением созерцал в слове Божьем; печальное открытие, сделанное каждым серьезным человеком! Нет праведности внутри, нет праведности вовне, везде упущение, грех, осквернение.... Чем более пылким был природный настрой Лютера, тем сильнее он ощущал тайное и непрестанное сопротивление, которое человеческая природа противопоставляет добру. Это повергло его в отчаяние.

Монахи и богословы того времени приглашали его совершать дела, чтобы удовлетворить Божественную справедливость. Но какие дела, думал он, могут исходить из такого сердца, как мое! Как я должен быть способен с делами, оскверненными по самому своему принципу, предстать перед моим святым Судьей? "Я чувствовал себя, - говорит он, - великим грешником перед Богом и считал невозможным умиливать его своими заслугами".

Он был взволнован и в то же время мрачен, избегал глупых и грубых разговоров монахов, которые, неспособные постичь бури его души, смотрели на него с удивлением, [161] и упрекал его в мрачности и неразговорчивости. Кохлус рассказывает, что однажды, когда они служили мессу в часовне, Лютер пришел со своими вздохами и встал среди монахов в печали и страдании. Священник уже пал ниц, благовония были возложены на алтарь, *Gloria* была пропета, и они читали Евангелие, когда бедный монах, не в силах больше сдерживать свою агонию, воскликнул пронзительным голосом, бросаясь на колени: "Не я! не я!" [162] Все были в изумлении, и служба была на мгновение прервана. Возможно, Лютеру показалось, что он услышал упрек в чем-то, в чем, как он знал, он был невиновен; возможно, он хотел выразить свое недостойнство быть одним из тех, кому смерть Христа принесла вечную жизнь. Кохлус говорит, что они читали отрывок из Священного Писания, в котором говорится о немом человеке, из которого Христос изгнал беса. Если этот отчет верен, крик Лютера мог иметь отношение к этому обстоятельству. Возможно, он хотел намекнуть, что, хотя он и был нем, как этот человек, это было вызвано другой причиной, а не одержимостью демоном. Фактически, Кохлус сообщает нам, что монахи иногда приписывали агонию своего брата оккультной торговле с дьяволом, [163] и он сам придерживается того же мнения.

Нежная совесть заставляла Лютера рассматривать малейшую провинность как великий грех. Едва он обнаружил это, как попытался искупить ее самым суровым умерщвлением плоти. Это, однако, не произвело никакого другого эффекта, кроме как убедило его в полной неэффективности всех человеческих средств правовой защиты. "Я замучил себя до смерти, - говорит он, - чтобы обрести мир с Богом для моего встревоженного сердца и взволнованной совести; но, окруженный страшной тьмой, я нигде не нашел его".

Акты монашеской святости, которые усыпляли совесть стольких людей и к которым он сам прибегал в своей агонии, вскоре показались Лютеру всего лишь ложными лекарствами эмпирической и шарлатанской религии. "В то время, когда я был монахом, если я чувствовал, что на меня нападает какое-то искушение, я погиб! сказал я себе и немедленно прибегнул к тысяче методов, чтобы подавить крики своего сердца. Я исповедовался каждый день, но это не приносило мне пользы. Таким образом, подавленный печалью, я был измучен множеством мыслей. "Смотрите! - воскликнул я. - вы все еще завистливы, нетерпеливы, страстны! Тогда тебе, о негодяй, бесполезно вступать в этот священный орден".

И все же Лютер, проникнутый предрассудками своего времени, с юности считал действия, бессилие которых он теперь испытывал, верным лекарством для больных душ. Что он должен был думать о странном открытии, которое он только что сделал в уединении монастыря? Значит, возможно жить в святыне и все еще носить в себе человека греха! Он получил другую одежду, но не другое сердце. Его надежды обмануты. На чем ему остановиться? Может ли быть так, что все эти правила и обряды - всего лишь человеческие изобретения? Такое предположение кажется ему в одно время внушением дьявола, а в другое время непререкаемой истиной. Борясь попеременно со святым голосом, обращавшимся к его сердцу, и с почтенными институтами, получившими одобрение веков, жизнь Лютера была непрерывной борьбой. Молодой монах, подобно тени, скользил по длинным коридорам монастыря, заставляя их отдаваться эхом от его печальных стонов. Его тело изнывало, силы покидали его; в разных случаях он оставался как мертвый. [164]

Однажды, охваченный печалью, он заперся в своей келье и в течение нескольких дней и ночей никому не позволял приближаться к себе. Лукас Эдембергер, один из его друзей, чувствуя себя неловко из-за несчастного монаха и предчувствуя, в каком состоянии он на самом деле находился, взяв с собой нескольких мальчиков, которые привыкли петь хором, пошел и постучал в дверь его кельи. Никто не открывает и не отвечает. Добрый Эдембергер, еще более встревоженный, взламывает дверь. Лютер распростерт на полу без чувств и не подает признаков жизни. Его друг тщетно пытается привести его в чувство, но он по-прежнему остается неподвижным. Мальчики начинают негромко напевать гимн. Их чистые голоса действуют как чары на бедного монаха, который всегда получал величайшее наслаждение от музыки, и к нему постепенно возвращаются ощущения, сознание и жизнь. [165] Но если музыка могла на несколько мгновений придать ему легкую степень безмятежности, то для эффективного излечения требовалось другое, более мощное средство — этот мягкий и проникающий звук Евангелия, который является голосом самого Бога. Он хорошо осознал это, и, соответственно, его печали и тревоги побудили его с удвоенным рвением изучать писания апостолов и пророков. [166]

ГЛАВА IV.

Благочестивые люди в монастырях—Штаупиц—Его благочестие—Его посещение—Беседа—Благодать Христа—Покаяние—Сила греха—Сладость покаяния—Избрание—Провидение—Библия—Старый монах—Отпущение грехов—Обед в честь освящения—Праздник Смерти—Визит в Виттемберг.

Лютер был не первым монахом, прошедшим через подобную борьбу. Монастыри часто скрывали во мраке своих стен отвратительные пороки, от которых, если бы они были вынесены на свет, содрогнулся бы каждый честный человек; но они часто также скрывали христианские добродетели, которые там раскрывались в тишине и которые, будь они представлены взорам мира, вызвали бы восхищение. Эти добродетели, которыми обладали те, кто жил только с самими собой и с Богом, не привлекали к себе внимания и часто были даже неизвестны скромному монастырю, в котором они содержались. Ведя жизнь, известную только Богу, эти смиренные отшельники время от времени впадали в ту мистическую теологию, печальную болезнь благороднейших умов, которая некогда составляла отраду первых монахов на берегах Нила и которая бесполезно поглощает тех, кто попадает под ее влияние.

Тем не менее, когда одному из этих людей случилось занять выдающееся положение, он проявил там добродетели, благотворное влияние которых ощущалось давно и широко. Свеча, поставленная на подсвечник, давала свет всему дому. Некоторые были пробуждены этим светом, и поэтому эти благочестивые души, передаваясь из поколения в поколение, продолжали сиять, как одинокие факелы, в то самое время, когда монастыри часто были немногим лучше нечистых вместилищ глубочайшей тьмы.

Таким образом молодой человек привлек к себе внимание в одном из женских монастырей Германии. Его звали Джон Штаупиц, и он происходил из знатной семьи из Миснии. С самой ранней юности, имея вкус к науке и любовь к добродетели, он мечтал уйти на пенсию, чтобы посвятить себя литературе; [167] но вскоре обнаружил, что философия и изучение природы мало что могут сделать для вечного спасения, он начал изучать теологию, сделав своей особой

целью соединение практики со знанием. Ибо, говорит один из его биографов, тщетно присваивать себе имя богослова, если мы не докажем свое право на это почетное имя своей жизнью. [168] Изучение Библии и теологии св. Августин, познание самого себя и война, которую ему, подобно Лютеру, пришлось вести против козней и похотей своего сердца, привели его к Искупителю, через веру в которого он обрел мир для своей души. Учение об избрании благодатью, в частности, прочно овладело его умом. Честность жизни, глубокие познания и красноречие в сочетании с благородной внешностью и достойным обращением рекомендовали его современникам. [169] Курфюрст Саксонии Фридрих Мудрый подружился с ним, нанимал его в различные посольства и под его руководством основал Виттембергский университет. Этот ученик святого Павла и святого Августина был первым деканом теологического факультета в той школе, которая однажды пролила свет, чтобы просветить школы и церкви стольких народов. Он присутствовал на Латеранском соборе в качестве заместителя архиепископа Зальцбурга, стал провинциалом своего ордена в Тюрингии и Саксонии и, в конечном счете, генеральным викарием августинцев по всей Германии.

Штаупиц сетовал на испорченность нравов и ошибки в доктрине, которые опустошали Церковь. Это доказывается его писаниями о любви к Богу, о христианской вере, о сходстве с Христом в его смерти и свидетельством Лютера. Но он считал первое из этих зол гораздо худшим из двух. Кроме того, мягкость и нерешительность его характера и желание не выходить за рамки сферы деятельности, которая, по его мнению, была ему отведена, делали его более пригодным для восстановления монастыря, чем для Реформатора Церкви. Он мог бы пожелать наделять важными должностями только выдающихся людей, но, не найдя их, он довольствовался тем, что нанимал других. "Мы должны пахать на лошадях, - сказал он, - если сможем их найти; но если у нас нет лошадей, мы должны пахать на волах". [170]

Мы видели страдания и внутреннюю борьбу, жертвой которых стал Лютер в Эрфуртском монастыре. В это время было объявлено о визите главного викария, и Штаупиц, соответственно, прибыл для своей обычной инспекции. Друг Фридриха, основатель Виттембергского университета, глава августинцев, проявлял добрый интерес к монахам, находившимся под его началом. Вскоре его внимание привлек один из монахов монастыря. Это был молодой человек среднего роста, которого учеба, воздержание и бдения так истощили, что можно было пересчитать его кости. [171] Его глаза, которые в более поздний период сравнивались с глазами сокола, были запавшими, походка печальной, а внешность выдавала беспокойную душу, жертву многочисленных схваток, но все еще сильную и настроенную на сопротивление. Во всем его облике было что-то серьезное, меланхоличное и торжественное. Штаупиц, чья проницательность была усовершенствована долгим опытом, легко распознал, что происходило в душе молодого монаха, и выделил его из окружающих. Он чувствовал влечение к нему, предчувствовал его высокое предназначение и испытывал родительский интерес к своему подчиненному. Он тоже боролся, как Лютер, и поэтому мог понять его ситуацию. Прежде всего, он мог показать ему путь к миру, который он сам нашел. Полученная им информация об обстоятельствах, приведших молодого Августина в монастырь, усилила его симпатию. Он попросил приора обращаться с ним с большой мягкостью и воспользовался возможностями, которые давала ему его должность, чтобы завоевать доверие молодого монаха. Любезно подойдя к нему, он использовал все средства, чтобы избавиться от его робости, которая, кроме того, усиливалась уважением и почтением, которые, естественно, внушал высокий ранг Штаупица.

Сердце Лютера, до тех пор замкнутое жестоким обращением, наконец открылось и расширилось навстречу мягким лучам милосердия. "Как в воде лицо отвечает лицу, так и сердце человека человеку". [172] Сердце Штаупица откликнулось сердцу Лютера. Главный викарий понял его, а монах, в свою очередь, проникся доверием к Штаупицу, которого до сих пор никто не внушал. Он открыл ему причину своей печали, обрисовал тревожащие его мысли, а затем в Эрфуртском монастыре завел беседу, полную мудрости и наставлений.

"Напрасно, - уныло сказал Лютер Штаупицу, - напрасно я даю обещания Богу; грех всегда одерживает верх".

"О друг мой, - ответил главный викарий, думая о том, как это было с ним самим, - более тысячи раз я клялся нашему святому Богу жить благочестиво, и я никогда этого не делал. Теперь я больше не клянусь, потому что знаю, что не должен этого делать. Если Богу не будет угодно проявить милость ко мне из любви ко Христу и даровать мне счастливый уход, когда я покину этот мир, я не смогу со всеми моими обетами и всеми моими добрыми делами предстать перед ним. Я должен погибнуть". [173]

Молодой монах приходит в ужас при мысли о Божественном правосудии и излагает все свои опасения главному викарию. Невыразимая святость Бога и его суверенное величие вселяют в него тревогу. Кто сможет поддержать день его пришествия — кто устоит, когда он явится?

Штаупиц продолжает. Он знает, где обрел покой, и его юный друг услышит это. "Зачем мучить себя, - сказал он ему, - всеми этими рассуждениями и высокими мыслями? Взгляни на раны Иисуса Христа, на кровь, которую он пролил за тебя; тогда ты увидишь благодать Божью. Вместо того, чтобы строить из себя мученика за свои ошибки, бросься в объятия Искупителя. Доверься ему, праведности его жизни и искуплению его смерти. Не отступай; Бог не сердится на тебя; это ты сердись на Бога. Послушай Сына Божьего, который стал человеком, чтобы заверить тебя в Божественном благоволении. Он говорит тебе: "Ты моя овца; ты слышишь мой голос; никто не вырвет тебя из моей руки". [174]

Но Лютер не находит здесь покаяния, которое, по его мнению, необходимо для спасения. Он отвечает, и это обычный ответ измученных и напуганных душ: "Как я смею верить в милость Божью, в то время как во мне нет ничего похожего на истинное обращение? Я должна измениться, прежде чем он сможет принять меня".

Его почтенный наставник показывает ему, что не может быть истинного обращения, пока Бога боятся как сурового Судьи. "Что же вы тогда скажете, - восклицает Лютер, - о множестве сознаний, которым предписаны тысячи неприемлемых обрядов как средство достижения небес?"

Затем он слышит этот ответ от главного викария, или, скорее, он верит, что он исходит не от человека, а от голоса, звучащего с небес. [175] "Никакое покаяние, - говорит Штаупиц, - не является истинным, за исключением того, что начинается с любви к Богу и праведности. [176] То, что другие считают концом и завершением покаяния, напротив, является только его началом. Чтобы иметь глубокую любовь к добру, ты должен, прежде всего, иметь глубокую любовь к Богу. Если ты хочешь обратиться, не зацкливайся на всех этих истязаниях; "Возлюби того, кто первым возлюбил тебя".

Лютер слушает и снова слушает. Эти утешительные слова наполняют его неизведанной радостью и озаряют новым светом. "Это Иисус Христос", - думает он в глубине души. "Да, это сам Иисус Христос так чудесно утешает меня этими сладкими и спасительными словами". [177]

Эти слова, действительно, проникли в самую глубину сердца молодого монаха, подобно острой стреле могучего человека. [178] Для того, чтобы покаяться, необходимо любить Бога. Озаренный этим новым светом, он приступает к изучению Священных Писаний, выискивая все отрывки, в которых говорится о покаянии и обращении. Эти слова, которых до сих пор так боялись, становятся, по его собственному выражению, "приятным занятием и самым восхитительным развлечением". Все отрывки Священного Писания, которые пугали его, кажется, теперь восстают со всех сторон, улыбаясь, прыгая и забавляясь с ним". [179]

"До сих пор, - восклицает он, - хотя я тщательно скрывал состояние своего сердца и старался выразить любовь, которая была лишь сдержанной и фиктивной, в Священном Писании не было слова, которое показалось бы мне более горьким, чем *покаяние*. Однако сейчас нет ничего слаще и приятнее. [180] О! как приятны заповеди Божьи, когда мы читаем их не только в книгах, но и в драгоценных ранах Спасителя". [181]

Между тем Лютер, хотя и был утешен словами Штаупица, все еще был подвержен приступам депрессии. Грех вновь проявился перед его робкой совестью, и тогда радость спасения сменилась его прежним отчаянием. "О мой грех! мой грех! мой грех!" - однажды воскликнул молодой монах в присутствии главного викария с выражением глубочайшей скорби. "Ах! - ответил он. - неужели вы были бы грешником только на словах и имели бы Спасителя только на словах?" Затем Штаупиц серьезно добавил: "Знайте, что Иисус Христос - Спаситель даже тех, кто является великими, настоящими грешниками и во всех отношениях заслуживает осуждения".

То, что волновало Лютера, было не просто грехом, который он ощущал в своем сердце. Упреки его совести подтверждались доводами, почерпнутыми из разума. Если священные заповеди Библии пугали его, то некоторые из ее доктрин точно так же усиливали его ужас. Истина, которая является великим средством, с помощью которого Бог дает мир человеку, обязательно должна начинаться с устранения ложной уверенности, которая разрушает его. Доктрина избрания, в частности, встревожила молодого человека и бросила его в поле, по которому трудно пройти. Должен ли он верить, что именно человек, со своей стороны, первым избрал Бога? или что это был Бог, который первым избрал человека? Библия, история, повседневный опыт и труды Августина показали ему, что всегда и во всем, в поисках первопричины необходимо восходить к суверенной воле, по которой все существует и от которой все зависит. Но его пылкий дух пошел бы дальше. Он проник бы в тайный замысел Божий, раскрыл бы его тайны, увидел невидимое, и постиг непостижимое. Штаупиц вмешался, посоветовав ему не притворяться, что он понимает скрытые замыслы Бога, а ограничиться теми из них, которые были явлены во Христе. "Взгляни на раны Христа, - сказал он ему, - и там увидишь яркое проявление намерений Бога по отношению к человеку. Невозможно постичь Бога вне Иисуса Христа. Во Христе ты найдешь то, кто Я есть, и то, чего я требую, говорит Господь. Ты не найдешь Его нигде больше, ни на небесах, ни на земле". [182]

Главный викарий пошел дальше. Он убедил Лютера в отеческих замыслах Провидения, допускающего различные искушения и битвы, которые приходится выдерживать душе. Он показал их ему при свете, который придавал ему мужества. Такими испытаниями Бог готовит тех, кому он предназначает, к какой-то важной работе. Корабль должен быть испытан, прежде чем его спустят на воду в бескрайних глубинах. Если это образование необходимо для каждого человека, то особенно для тех, кто должен оказывать влияние на свое поколение. Это Штаупиц представил монаху из Эрфурта; "Неспроста, - сказал он ему, - Бог упражняет вас в стольких битвах; будьте уверены, он использует вас в великих делах в качестве своего служителя".

Эти слова, которые Лютер слышит с удивлением и смирением, наполняют его мужеством и дают ему осознание сил, о существовании которых он даже не подозревал. Мудрость и осмотрительность просвещенного друга постепенно раскрывают сильного человека перед самим собой. Штаупиц и здесь не успокаивается. Он дает ему ценные указания относительно его учебы, увещевая его в будущем отказаться от школьных систем и черпать все свое богословие из Библии. "Пусть изучение Священных Писаний, - сказал он, - станет вашим любимым занятием". Никогда еще хорошему совету не следовали лучше. Но что больше всего обрадовало Лютера, так это подарок Библии от Штаупица. Возможно, это была латинская Библия в красном кожаном переплете, принадлежавшая монастырю, и завладеть которой было вершиной его желания, чтобы он мог носить ее с собой, куда бы ни пошел, потому что все ее страницы были ему знакомы, и он знал, где искать каждый отрывок. [183] В конце концов, это сокровище принадлежит ему. С того времени он изучает Священное Писание, и особенно Послания святого Павла, со все возрастающим рвением. Единственный автор, которого он признает наряду с Библией, - это св. Августин. Все, что он читает, глубоко запечатлевается в его душе, ибо его борьба подготовила его к пониманию этого. Почва была глубоко вспахана, и нетленное семя проникает в нее далеко. Когда Штаупиц покинул Эрфурт, для Лютера наступил новый день.

Тем не менее, работа не была закончена. Генеральный викарий подготовил ее, но ее завершение было зарезервировано для более скромного инструмента. Совесть молодого Огюстена еще не обрела покоя, и благодаря его усилиям и тому напряжению, на котором держалась его душа, его тело в конце концов сдалось. На него напала болезнь, которая привела его к вратам смерти. Это было на второй год его пребывания в монастыре. Все его муки и ужасы пробудились при приближении смерти. Его собственное осквернение и святость Бога вновь смутили его душу. Однажды, когда он был охвачен отчаянием, в его келью вошел старый монах и обратился к нему с утешительными словами. Лютер открыл ему свое сердце и дал ему понять, какие страхи его тревожат. Почтенный старик был неспособен следовать за ним во всех его сомнениях, как это делал Штаупиц; но он знал его *Кредои*, найдя в нем средство утешить свое собственное сердце, мог применить то же средство к молодому монаху. Возвращая его к Апостольскому символу веры, который Лютер выучил в младенчестве в школе Мэнсфилда, старый монах добродушно повторил статью: "*Я верю в прощение грехов*". Эти простые слова, которые благочестивый монах спокойно повторил в этот решающий момент, влили великое утешение в душу Лютера. "Я верю, - часто повторял он себе на постели больного, - я верю в прощение грехов". "Ах! - сказал монах. - нужно верить не только в то, что грехи Давида или Петра прощены; в это верят дьяволы: Божья заповедь состоит в том, чтобы верить, что прощены наши собственные грехи". [184] Каким восхитительным показалось бедному Лютеру это повеление! "Посмотрите, что говорит святой Бернар в своей проповеди на Благовещение, - добавил старый

монах. - свидетельство, которое Святой Дух свидетельствует нашему духу, звучит так: "Прощаются тебе грехи твои".

С этого момента в сердце молодого монаха из Эрфурта загорелся свет. Милостивое слово было произнесено, и он верит ему. Он отказывается от идеи заслужить спасение и безоговорочно доверяет благодати Божьей через Иисуса Христа. Он не видит всех последствий принципа, который он признал; он все еще искренен в своей привязанности к Церкви, и все же он больше не нуждается в ней. Он немедленно получил спасение от самого Бога; и с этого момента римский католицизм в нем практически уничтожен. Он идет вперед и исследует писания апостолов и пророков в поисках всего, что может укрепить надежду, наполняющую его сердце. Каждый день он взывает к помощи свыше, и с каждым днем свет в его душе увеличивается.

Здоровье, обретенное его духом, вскоре восстанавливает здоровье его тела, и он поднимается с постели болезни, получив, в двояком смысле, новую жизнь. Во время праздника Ноэля, который наступил вскоре после этого, он в изобилии вкушал все утешения веры. С нежным волнением он принимал участие в святых торжествах, и когда в середине великолепного богослужения того дня он подошел, чтобы пропеть эти слова: *"О беата преступная, квест меруисти Редемптором!"* [185] все его существо говорило *Аминь* трепетало от радости.

Лютер пробыл в монастыре два года и теперь должен был быть рукоположен в сан священника. Он многое получил и с восторгом предвкушал перспективу, которую представляло священство, позволяющее ему свободно отдавать то, что он добровольно получил. Желая воспользоваться случаем, чтобы полностью примириться со своим отцом, он пригласил его присутствовать и даже попросил назначить день. Джон Лютер, хотя и не совсем успокоился, тем не менее принял приглашение и назначил субботу на 2 мая 1507 года.

В списке друзей Лютера был викарий Изенаха Джон Браун, который был его верным советником, когда он жил в этом городе. Лютер написал ему 22 апреля. Это самое раннее письмо Реформатора, на нем следующий адрес: "Джону Брауну, святому и достопочтенному священнику церкви Христа и Марии". Имя Мария встречается только в двух первых буквах Лютера.

"Бог, который славен и свят во всех своих делах, — говорит кандидат в священники, - задумав чрезвычайно возвысить меня, жалкого и во всех отношениях недостойного грешника, и призвать меня исключительно по своей обильной милости к своему возвышенному служению, я считаю своим долгом засвидетельствовать свою благодарность за благость, столь божественную и столь величественную, (насколько это возможно, по крайней мере, для праха) исполнять от всего сердца порученное мне служение".

Наконец этот день настал. Шахтер из Мэнсфилда не смог не присутствовать на посвящении своего сына.... Он даже недвусмысленно выразил ему свою привязанность и щедрость, подарив по этому случаю двадцать флоринов.

Церемония состоялась, ее возглавлял Иероним, епископ Брандебургский. В момент предоставления Лютеру права служить мессу он вложил чашу ему в руку, произнеся эти торжественные слова: *"Accipe potestatem sacrificandi pro vivis et mortuis"* — "Прими силу жертвовать за живых и мертвых". Затем Лютер самодовольно выслушал эти слова, которые дали ему силу выполнять ту самую работу, которая предназначена Сыну Божьему; но впоследствии они заставили его содрогнуться. "То, что земля не поглотила нас обоих, - сказал он, - было

большим, чем мы заслуживали, и произошло благодаря великому терпению и долготерпению Господа". [186]

После этого отец обедал в монастыре со своим сыном, друзьями молодого священника и монахами. Разговор зашел о вступлении Мартина в монастырь, монахи громко превозносили это как одно из самых достойных деяний. Тогда непреклонный Иоанн, повернувшись к своему сыну, сказал ему: "Разве ты не читал в Писании, что нужно повиноваться отцу твоему и матери твоей?" [187] Эти слова поразили Лютера; они заставили его совершенно по-иному взглянуть на поступок, который привел его в монастырь, и долгое время продолжали отдаваться эхом в его сердце.

По совету Штаупица Лютер вскоре после своего рукоположения совершал короткие пешие экскурсии в соседние приходы и монастыри - как для отдыха, так и для того, чтобы дать своему телу необходимую физическую нагрузку и приучить себя к проповеди.

Праздник должен был быть с блеском отпразднован в Айслебене, где должен был присутствовать главный викарий. Лютер отправился туда. Он по-прежнему нуждался в Штаупице и не упускал возможности встретиться с этим просвещенным дирижером, который наставлял его на жизненный путь. Процессия была многочисленной и блестящей. Штаупиц сам нес святое причастие, а Лютер следовал за ним в своем священническом облачении. Мысль о том, что главный викарий действительно нес Иисуса Христа — мысль о том, что Христос был там лично, на самом деле перед ним, — внезапно поразила воображение Лютера и наполнила его таким изумлением, что он едва мог двигаться вперед. Пот стекал с него каплями; он дрожал и думал, что умрет от агонии и ужаса. Наконец процессия остановилась. Это воинство, которое так напугало монаха, было торжественно перенесено в святилище, и Лютер, как только остался наедине со Штаупицем, бросился к нему в объятия и рассказал о своем ужасе. Тогда достойный главный викарий, давно знавший Спасителя, который не ломает надломленной трости, мягко сказал ему: "Это был не Иисус Христос, брат мой. Иисус Христос не тревожит — он просто утешает". [188]

Лютеру не суждено было оставаться спрятанным в малоизвестном монастыре. Пришло время перевезти его в театр побольше. Штаупиц, с которым он находился в постоянной переписке, хорошо понимал, что душа молодого монаха была слишком активна, чтобы замыкаться в столь узком кругу. Он упомянул о нем Фридриху Саксонскому, и этот просвещенный принц в 1508 году, вероятно, ближе к концу года, пригласил его занять кафедру в Виттембергском университете. Виттемберг был полем, на котором ему предстояло вести тяжелые бои, и Лютер чувствовал, что именно там находится его призвание. Поскольку от него требовалось срочно отправиться на свою новую должность, он без промедления откликнулся на призыв; и в спешке своего смещения у него даже не было времени написать тому, кого он называл своим учителем и любимым отцом, — Джону Брауну, викарию Изенаха. Несколько месяцев спустя он написал — "Мой отъезд был настолько внезапным, что те, с кем я жил, едва ли знали об этом. Признаюсь, я далеко, но лучшая часть меня все еще с тобой". [189] Лютер провел три года в Эрфуртском монастыре.

ГЛАВА V

Виттембергский университет—Первое трудоустройство—Библейские лекции—Сенсация—Проповедь в Виттемберге—Старая часовня—Впечатление.

В 1502 году курфюрст Фридрих основал новый университет в Виттемберге, заявив в акте, которым он подтвердил это, что он и его народ обратятся к нему как к оракулу. В то время он не думал, что эти слова будут так великолепно реализованы. Два человека, принадлежавшие к оппозиции, сформировавшейся против схоластической системы, а именно Поллих из Меллерштадта, доктор медицины, права и философии, и Штаупиц, оказали большое влияние на основание этой школы. Университет объявил святого Августина своим покровителем; и даже этот выбор был предзнаменованием добра. Обладая большой свободой и считаясь трибуналом, которому в трудных случаях принадлежало верховное решение, это новое учреждение, которое во всех отношениях подходило для того, чтобы стать колыбелью Реформации, внесло значительный вклад в развитие Лютера и его творчества.

По прибытии в Виттемберг Лютер отправился в монастырь августинцев, где ему выделили келью; ибо, хотя он и был профессором, он не перестал быть монахом. Он был назначен преподавать философию и диалектику. При назначении ему этих кафедр, несомненно, учитывались исследования, которые он вел в Эрфурте, и его степень магистра искусств. Таким образом, Лютер, алкавший слова жизни, считал себя обязанным уделить свое почти исключительное внимание схоластической философии Аристотеля. Он нуждался в хлебе жизни, который Бог дает миру, и он должен был заниматься человеческими тонкостями. Как обидно! Как сильно он вздыхал! "Милостью Божьей я здоров, - писал он Брауну, - если бы мне не приходилось изо всех сил изучать философию. С тех пор как я прибыл в Виттемберг, я страстно желал сменить это изучение на изучение теологии, но, - добавил он, чтобы не подумали, что он имеет в виду теологию того времени, - теология, которую я имею в виду, - это та, которая ищет ядро ореха, сердцевину пшеницы и костный мозг. [190] Однако Бог есть Бог, - продолжает он с той уверенностью, которая была душой его жизни, - человек почти всегда обманывается в своих суждениях; но он наш Бог и будет вести нас по своей благодати во веки веков". Исследования, которыми Лютер был вынужден заниматься в то время, впоследствии оказали ему большую услугу в борьбе с ошибками схоластов.

Здесь, однако, он не мог остановиться. Желание его сердца должно быть исполнено. Та же сила, которая раньше толкала его из адвокатуры в монашескую жизнь, теперь толкала его от философии к Библии. Он ревностно приступил к изучению древних языков, особенно греческого и иврита, чтобы иметь возможность черпать знания у истоков науки. Всю свою жизнь он был неутомимым учеником. [191] Через несколько месяцев после своего прибытия в университет он подал заявление на получение степени бакалавра богословия и получил ее в конце марта 1509 года со специальным предписанием посвятить себя библейскому богословию, *ad Biblia*.

Каждый день в час Лютер читал лекции по Библии — драгоценное занятие как для профессора, так и для его учеников, — давая им лучшее представление о божественном значении тех оракулов, которые так давно были утеряны как для людей, так и для школы.

Он начал свои лекции с изложения Псалмов, а вскоре после этого перешел к Посланию к Римлянам. Именно при размышлении об этом свет истины проник в его сердце. Удалившись в

свою тихую келью, он провел часы за изучением Божественного Слова — Послания святого Павла, лежащего открытым перед ним. Однажды, дойдя до семнадцатого стиха первой главы, он прочитал эти слова пророка Аввакума: *"Праведный верою жив будет"*. Его поражает это выражение. Итак, у праведника жизнь, отличная от жизни других людей, и эта жизнь дается верой. Эти слова, которые он принимает в свое сердце, как если бы сам Бог вложил их туда, раскрывают ему тайну христианской жизни и дают ему приумножение этой жизни. Много времени спустя, в разгар своих многочисленных трудов, ему казалось, что он все еще слышит голос, говорящий ему: *"Праведный верою жив будет"*. [192]

Лекции Лютера, подготовленные таким образом, имели мало общего с теми, которые читались до сих пор. Говорил не напыщенный ритор или педантичный школяр; это был христианин, почувствовавший силу открытой истины — истины, которую он почерпнул из Библии и представил своим изумленным слушателям, полной жизни, поскольку она исходила из сокровищницы его сердца. Это был урок не от человека, а от Бога.

Об этом новом изложении истины много говорили. Новость распространилась повсюду и привлекла большое количество иностранных студентов в недавно основанный университет. Даже некоторые профессора посещали лекции Лютера, в том числе Меллерштадт, которого часто называли *"Светом мира"*. Он был первым ректором университета, а до этого побывал в Лейпциге, где яростно боролся с нелепыми уроками схоластов и, отрицая, что *"светом первого дня творения могла быть теология"*, утверждал, что эта наука должна основываться на изучении литературы. *"Этот монах, - сказал он, - отправит всех врачей куда глаза глядят. Он введет новое учение и реформирует всю Церковь, ибо он основывается на слове Божьем; и ни один человек в мире не может ни бороться, ни ниспровергнуть это слово, даже если он должен атаковать его всем оружием философии, софистов, скотистов, альбертистов, томистов и всего братства"*. [193]

Штаупиц, который был орудием в руках Провидения, раскрывшим дары и сокровища, скрытые в Лютере, пригласил его проповедовать в этой церкви августинцев. Молодой профессор отшатнулся от этого предложения. Он хотел ограничиться своими академическими обязанностями и дрожал при мысли о том, чтобы добавить к ним обязанности проповедника. Напрасно Штаупиц уговаривал его. *"Нет, нет, - ответил он, - нелегко говорить с людьми вместо Бога"*. [194] Трогательное смирение в этом великом Реформаторе Церкви! Штаупиц настаивал; но изобретательный Лютер, говорит один из его биографов, нашел пятнадцать аргументов, предлогов и уверток, чтобы уклониться от этого призвания. Вождь августинцев, все еще продолжавший свою атаку, Лютер воскликнул: *"Ах! доктор, делая это, вы лишаете меня жизни. Я не смог бы продержаться и трех месяцев"*. *"Очень хорошо, - ответил главный викарий, - да будет так во имя Господа. Ибо и там, наверху, наш Господь нуждается в способных и преданных людях"*. Лютеру следовало уступить.

Посреди городской площади Виттемберга стояла деревянная часовня тридцати футов в длину и двадцати в ширину, стены которой, подпиравшиеся со всех сторон, приходили в упадок. Проповедника приняла старая кафедра, сделанная из ели, высотой в три фута. В этой жалкой часовне началась проповедь Реформации. Богу было угодно, чтобы то, что должно было утвердить его славу, имело самое скромное происхождение. Только что был заложен фундамент церкви Августинцев, и до его завершения использовалась эта скромная церковь. *"Это здание, - добавляет современник Лютера, рассказывающий об этих обстоятельствах, - вполне можно*

сравнить с хлебом, в котором родился Христос. Именно в этой жалкой замкнутости Богу было угодно, так сказать, чтобы его возлюбленный Сын родился во второй раз. Среди тысяч соборов и приходских церквей, которыми изобилдовал мир, был тогда только один, который Бог избрал для славной проповеди вечной жизни". [195]

Лютер проповедует, и в новом проповеднике поражает все. Его выразительное лицо, благородный вид, чистый и звучный голос пленяют слушателей.

Большая часть проповедников до него стремились скорее развлечь свою аудиторию, чем обратить ее в свою веру. Великая серьезность, преобладающая в проповеди Лютера, и радость, которой знание Евангелия наполнило его сердце, придают его красноречию одновременно авторитет, пылкость и соборность, которых не было ни у кого из его предшественников. "Наделенный, - говорит один из его оппонентов, [196] "острым интеллектом и цепкой памятью", и обладавший замечательной легкостью в использовании своего родного языка, Лютер в красноречии не уступал никому из своих сверстников. Выступая с кафедры так, словно его обуревала какая-то сильная страсть, и сообразуя свои действия со словами, он производил удивительное впечатление на умы своих слушателей и, подобно бурному потоку, уносил их туда, куда ему хотелось. Столько силы, грации и красноречия редко встретишь у людей севера". "У него было, - говорит Боссюэ, - живое и стремительное красноречие, которое увлекало людей и приводило их в восторг". [197]

Вскоре маленькая часовня уже не могла вместить толпившихся в ней слушателей. Затем совет Виттемберга избрал Лютера своим проповедником и назначил его проповедовать в городской церкви. Впечатление, которое он произвел здесь, было еще большим. Сила его гения, красноречие его речи и превосходство доктрин, которые он провозглашал, в равной степени поражали его слушателей. Его слава распространилась повсюду, и однажды сам Фридрих Мудрый приехал в Виттемберг, чтобы послушать его.

Лютер начал новую жизнь. Бесплезность монастыря сменилась большой активностью. Свобода, труд, постоянная деятельность, которой он мог посвятить себя в Виттемберге, полностью восстановили его внутреннюю гармонию и покой. Теперь он был на своем месте, и дело Божье вскоре должно было проявить свое величие.

ГЛАВА VI.

Путешествие в Рим—Монастырь на По—Болезнь в Болонье—Воспоминания в Риме—Суеверная набожность—Сквернословие духовенства—Беседы—Беспорядки в Риме—Изучение Библии—Лестница Пилата—Влияние на его веру и Реформацию—Врата рая—Исповедь Лютера.

Лютер преподавал как на своей академической кафедре, так и в церкви, когда его труды были прерваны. В 1510 году, или, по некоторым данным, не раньше 1511 или 1512 года, он был отправлен в Рим. Семь монастырей его ордена разошлись во мнениях с генеральным викарием по некоторым пунктам, [198] активность ума Лютера, сила его красноречия и талант к дискуссиям сделали его избранным защищать интересы этих семи монастырей перед папой. [199] Это Божественное устройство было необходимо Лютеру, поскольку требовалось, чтобы он

знал Рим. Полный предрассудков и иллюзий монастыря, он всегда представлял его себе обителью святости.

Поэтому он отправился в путь и пересек Альпы, но едва он спустился на равнины богатой и пышной Италии, как на каждом шагу встречал предметы удивления и скандала. Бедный немецкий монах был принят в богатом монастыре бенедиктинцев, расположенном на реке По в Ломбардии. Доход этого монастыря составлял тридцать шесть тысяч дукатов. Из них двенадцать тысяч были потрачены на стол, двенадцать тысяч - на постройки и двенадцать тысяч - на другие нужды монахов. [200] Великолепие апартаментов, красота платьев и раритетный стол - все это поразило Лютера. Мрамор, шелк и роскошь во всех ее проявлениях! Как ново это зрелище для скромного монаха из бедного Виттембергского монастыря! Он был поражен и ничего не сказал, но когда наступила пятница, каково же было его удивление, когда он увидел изобилие мяса, все еще стоящего на столе бенедиктинцев! Тогда он решил высказаться. "Церковь и папа римский, - сказал он им, - запрещают подобные вещи". Бенедиктинцы были возмущены таким выговором грубого немца, но Лютер настаивал и, возможно, угрожал обнародовать их беспорядки, и некоторые из них решили, что самый простой план - избавиться от их надоедливой гостьи. Привратник монастыря предупредил его, что он рискует оставаться дольше, и он сбежал из этого эпикурейского монастыря и прибыл в Болонью, где опасно заболел. [201] Некоторые видели в этой болезни действие яда, но проще предположить, что это был эффект, который изменение образа жизни произвело на скромного монаха из Виттемберга, основной пищей которого были хлеб и селедка. Эта болезнь должна была привести не к смерти, а во славу Божию. Врожденная печаль и депрессия снова овладели Лютером. Умереть так далеко от Германии, под этим пылающим небом в чужой стране - что за судьба! Муки, которые он испытал в Эрфурте, вернулись со всей своей силой. Осознание своих грехов тревожило его, в то время как перспектива предстать перед Божиим судом приводила его в ужас. Но в тот момент, когда эти ужасы были наихудшими, отрывок святого Павла, поразивший его в Виттемберге: "Праведный верою жив будет" (Рим., i, 17), - пришел ему на ум и озарил его душу, как луч света с небес. Оживленный и утешенный, он вскоре поправил свое здоровье и возобновил свое путешествие в Рим, ожидая, что там он найдет жизнь, совершенно отличную от жизни в ломбардских монастырях, и ему не терпелось при виде римской святости избавиться от печальных впечатлений, которые оставило в его душе пребывание на По.

Наконец, после мучительного путешествия под палящим небом Италии в начале лета, он приблизился к городу семи холмов. Его сердце было тронут, и его глаза искали царицу мира и Церкви. Как только он увидел вдалеке вечный город, город Святых Петра и Павла и столицу католицизма, он бросился на землю, восклицая: "Святой Рим, я приветствую тебя".

Лютер в Риме; виттембергский профессор находится посреди красноречивых руин Рима консулов и императоров - Рима исповедников и мучеников. Здесь жили Плавт и Вергилий, чьи произведения он взял с собой в монастырь, и все те великие люди, чьи подвиги всегда заставляли биться его сердце. Он видит их статуи и обломки памятников, свидетельствующих об их славе. Но вся эта слава и вся эта мощь в прошлом, и его нога ступает по их праху. На каждом шагу он вспоминает печальные предчувствия Сципиона, проливающего слезы при виде лежащего в руинах Карфагена, его сожженных дворцов и разрушенных стен и восклицаящего: "Так будет и с Римом!" "И в самом деле, - говорит Лютер, - Рим Сципионов и Цезарей превратился в труп. Руин так много, что фундаменты современных домов покоятся на крышах старых. "Там, - добавил он, бросив меланхолический взгляд на руины, - были богатства мира".

[202] Весь этот мусор, который он отбрасывает ногой, говорит Лютеру в стенах самого Рима, что то, что является самым сильным в глазах людей, легко разрушается дыханием Господа.

Но он помнит, что к мирскому пеплу примешивается святой. Место захоронения мучеников находится недалеко от захоронения полководцев и торжествующих героев Рима, и христианский Рим с его страданиями имеет больше власти над сердцем саксонского монаха, чем языческий Рим с его славой. Именно сюда пришло письмо, в котором Павел писал: *"Праведный оправдывается верой"*, а неподалеку находится Аппиев форум и Три таверны. Там был дом Нарцисса — здесь дворец Кесаря, где Господь избавил апостола из пасти льва. О, какую силу духа придают эти воспоминания сердцу виттембергского монаха!

Тогда Рим представлял собой совсем другой аспект. Папское кресло занял воинственный Юлий II, а не Лев X, как утверждали некоторые выдающиеся историки Германии, без сомнения, по недосмотру. Лютер часто рассказывал анекдот об этом папе. Когда ему принесли известие о поражении его армии французами под Равенной, он читал свои Часы. Он швырнул книгу на землю и сказал со страшным ругательством: "Очень хорошо, значит, ты стал французом. Это тот способ, которым ты защищаешь свою Церковь?" Затем, повернувшись в сторону страны, к помощи которой он намеревался прибегнуть, он воскликнул: "Святой Швейцария, помолись за нас". [203] Невежество, легкомыслие и распущенность, нечестивый дух, презрение ко всему священному и постыдная торговля божественными вещами - таково было зрелище, которое представлял этот несчастный город, и все же благочестивый монах еще некоторое время пребывал в своих иллюзиях.

Прибыв туда накануне праздника святого Иоанна, он слышит, как римляне по его поводу повторяют пословицу, которая была тогда распространена в народе: "Счастлива, - говорили они, - мать, чей сын отслужит мессу накануне дня святого Иоанна". "О! как бы я хотел сделать свою маму счастливой!" - сказал Лютер. Соответственно, благочестивый сын Маргарет хотел отслужить мессу в этот день, но не смог: было слишком много народу. [204]

Пылкий и простодушный, он ходил взад и вперед, посещая все церкви и часовни, веря всей лжи, которую ему говорили, и благочестиво совершая необходимые акты святости; счастливый оттого, что мог совершать так много благочестивых дел, в которых было отказано его соотечественникам. "О! как я сожалею, - сказал себе благочестивый немец, - что мои отец и мать все еще живы. С каким восторгом я бы избавил их от огня чистилища своими мессами, молитвами и многими другими замечательными делами". [205] Он нашел свет, но тьма все еще была далека от полного изгнания из его понимания. Его сердце изменилось, но его разум не был полностью просветленным. Он обладал верой и любовью, но не знанием. Спаситься от темной ночи, которая на протяжении стольких веков покрывала землю, было делом немалой трудности.

Лютер неоднократно служил мессу в Риме, стараясь делать это со всем елеосвящением и достоинством, которых, как ему казалось, требовала эта служба. Но как же опечалилось сердце саксонского монаха, увидев нечестивую формальность римских священников при совершении таинства у алтаря! Священники, со своей стороны, смеялись над его простотой. Однажды, совершая богослужение, он обнаружил, что у алтаря рядом с ним было прочитано семь месс, прежде чем он успел отслужить одну. "Давай, давай", - крикнул ему один из священников. "Поспеш и верни Богоматери ее Сына", делая нечестивый намек на пресуществление хлеба в тело и кровь Иисуса Христа. В другой раз Лютер добрался до Евангелия только тогда, когда

священник рядом с ним закончил всю мессу. "Вперед, вперед, - сказал его спутник, - поторопись, поторопись; ты когда-нибудь закончишь?" [206]

Его удивление было еще больше, когда в высокопоставленных лицах Церкви он обнаружил то же самое, что находил в обычных священниках. Он надеялся на лучшее от них.

При папском дворе было модно нападать на христианство, и, чтобы прослыть настоящим джентльменом, абсолютно необходимо было придерживаться какого-то ошибочного или еретического мнения о доктринах Церкви. [207] Когда Эразм был в Риме, они пытались доказать ему отрывками из Плиния, что нет разницы между душой человека и душой животных; [208] и молодые придворные папы утверждали, что ортодоксальная вера была всего лишь результатом хитрых изобретений некоторых святых. [209]

Работа Лютера в качестве посланника августинцев в Германии привела к тому, что его пригласили на несколько собраний выдающихся священнослужителей. В частности, однажды ему случилось оказаться за столом с несколькими прелатами, которые откровенно демонстрировали ему свои шарлатанские манеры и светскую беседу и не стеснялись совершать тысячи глупостей в его присутствии, без сомнения, полагая, что он того же духа, что и они сами. Среди прочего, они рассказали в присутствии монаха, смеясь и хвастаясь этим, как, когда они служили мессу, вместо сакраментальных слов, которые должны были превратить хлеб и вино в плоть и кровь Спасителя, они пародировали их и говорили: "*Panis es, et panis manebis; vinum es, et vinum manebis*: "Хлебом ты являешься, и хлебом останешься; вином ты являешься, и вино останется". Затем, продолжали они, мы воздвигаем *остенсориум*, и все люди поклоняются ему. Лютер едва мог поверить своим ушам. Его дух, который был живым и даже веселым в обществе его друзей, был само серьезность, когда речь шла о священных вещах. Он был шокирован непристойными шутками Рима. "Я был, - сказал он, - молодым монахом, серьезным и набожным, и эти слова сильно огорчили меня. "Если они так говорят в Риме за столом, свободно и публично, - подумал я про себя, - что будет, если их действия будут соответствовать их словам и если все - папа, кардиналы, придворные - отслужат мессу в одном стиле?" И я, искренне слушающий, как читает такое большое количество книг, как, должно быть, я был обманут!" [210]

Лютер часто общался с монахами и гражданами Рима. Если некоторые превозносили папу и его двор, то подавляющее большинство свободно высказывало свои жалобы и сарказмы. Какие истории они рассказывали о правящем папе, об Александре VI и о многих других! Однажды его римские друзья рассказали ему, как Цезарь Борджиа, бежавший из Рима, был схвачен в Испании. Когда его собирались судить, он признал себя виновным в тюрьме и попросил духовника. Когда был послан монах, он убил его и, завернувшись в его плащ, сбежал. "Я слышал это в Риме, и это совершенно точно", [211] сказал Лютер. Однажды, проходя по людной улице, ведущей к собору Святого Петра, он в изумлении остановился перед статуей, изображавшей папу римского в виде женщины, держащей скипетр, облаченной в папскую мантию и несущей на руках младенца. "Это девочка из Менца, - сказали они ему, - которую кардиналы выбрали папой римским и у которой на этом месте родился ребенок". Следовательно, ни один папа никогда не проходит по этой улице. "Я поражен, - сказал Лютер, - как папы позволяют статуе оставаться". [212]

Лютер ожидал увидеть здание церкви в силе и великолепии, но ее ворота были взломаны, а стены охвачены огнем. Он увидел запустение в святилище и в смятении попятился. Он не мечтал ни о чем, кроме святости, а не обнаружил ничего, кроме профанации.

Не меньше его поразили беспорядки у церквей. "Римская полиция, - говорит он, - строга и безжалостна. Судья или капитан каждую ночь объезжает город верхом в сопровождении трехсот слуг и арестовывает каждого, кого встречает на улицах. Если он встречает кого-нибудь вооруженного, он вешает его или бросает в Тибр; и все же город полон беспорядков и убийств, тогда как, когда слово Божье проповедуется чисто и праведно, царят мир и порядок, и нет необходимости в законе и его суровости ". [213] "Почти невероятно, какие грехи и позорные деяния совершаются в Риме", - говорит он по другому поводу; "нужно было бы увидеть это и услышать, чтобы поверить в это. Следовательно, это обычная поговорка, что если ад существует, то Рим построен на нем. Это бездна, из которой исходят все грехи". [214]

Это зрелище произвело сильное впечатление на Лютера в то время, и это впечатление усилилось в более поздний период. "Чем ближе мы подходим к Риму, тем больше плохих христиан мы находим", - сказал он несколько лет спустя. "Есть распространенная поговорка, что тот, кто отправляется в Рим, в первый раз ищет мошенника, во второй раз находит его, а в третий раз уводит его с собой лично; но теперь люди стали настолько искусными, что совершают все три путешествия за одно". Гений, один из самых печально прославленных, но также и один из самых глубоких в Италии, Макиавелли, который жил во Флоренции, когда Лютер проезжал через нее по пути в Рим, сделал то же самое замечание: "Самый сильный симптом, - говорит он, - приближающегося крушения христианства (он имеет в виду римский католицизм) заключается в том, что чем ближе вы подъезжаете к столице христианского мира, тем меньше вы обнаруживаете христианского духа. Скандальные примеры и преступления Римского суда являются причиной того, что Италия утратила все принципы благочестия и все религиозные чувства. Мы, итальянцы, - продолжает великий историк, - в основном обязаны Церкви и священникам за то, что превратились в сборище нечестивых негодяев". [215] Позднее Лютер полностью осознал, как много он приобрел в результате своего путешествия. "Я бы не взял и ста тысяч флоринов, - сказал он, - чтобы не увидеть Рим". [216]

Это путешествие также принесло ему величайшее преимущество с литературной точки зрения. Как и Рейхлин, Лютер воспользовался своим пребыванием в Италии, чтобы глубже проникнуть в знание Священного Писания. Он брал уроки иврита у знаменитого раввина по имени Элиас Левита и, таким образом, в Риме частично приобрел знание того Божественного слова, под ударами которого Риму было суждено пасть.

Но было и другое обстоятельство, в котором это путешествие имело большое значение для Лютера. Будущему Реформатору открылись не только сорванная вуаль, сардоническая улыбка и безбожие шарлатана, скрывавшиеся за римскими суевериями, но, более того, живая вера, которую вложил в него Бог, была сильно укреплена.

Мы видели, как он поначалу преданно соблюдал все суетные обряды, к которым Церковь в качестве платы присоединила искупление грехов. Однажды, среди прочих, желая получить индульгенцию, которую папа пообещал каждому, кто на коленях взберется по так называемой Лестнице Пилата, саксонский монах смиренно полз вверх по ступеням, которые, как ему сказали, были чудесным образом перенесены в Рим из Иерусалима. Но когда он совершал этот достойный поступок, ему показалось, что он услышал голос грома, который воскликнул в

глубине его сердца, как в Виттемберге и Болонье: *"Праведный верою жив будет"*. Эти слова, которые уже дважды в разных случаях поражали его, как глас ангела Божьего, громко и непрестанно звучали в нем. Он в изумлении поднимается со ступенек, по которым тащил свое тело. Ужасаясь самому себе и стыдясь того, как низко пало его суеверие, он убегает подальше от места своего безумия. [217]

Что касается этого могущественного слова, то в жизни Лютера есть нечто таинственное. Оно оказалось созидающим словом как для Реформатора, так и для Реформации. Именно этим Бог тогда сказал: *"Да будет свет, и свет был"*.

Часто бывает необходимо, чтобы истина, для того чтобы произвести должное воздействие на разум, неоднократно представлялась ему. Лютер внимательно изучил Послание к Римлянам, и все же, хотя там говорится об оправдании верой, он никогда не видел его так ясно. Теперь он постигает праведность, которая одна может устоять в присутствии Бога; теперь он получает от самого Бога, рукой Христа, то послушание, которое он свободно вменяет грешнику, как только тот смиренно обращает свой взор на распятого Богочеловека. Это решающий период во внутренней жизни Лютера. Вера, которая спасла его от ужасов смерти, становится душой его теологии, его крепостью во всех опасностях, стойкостью его речи, стимулом его любви, основой его мира, стимулом его трудов, его утешением в жизни и в смерти.

Но это великое учение о спасении, исходящем от Бога, а не от человека, было не только силой Божьей для спасения души Лютера, оно также стало силой Божьей для реформирования Церкви; мощным оружием, которым владели апостолы, оружием, которым слишком долго пренебрегали, но, наконец, проявилось в своем первобытном блеске из арсенала могущественного Бога. В тот момент, когда Лютер встал в Риме, взволнованный и трепещущий словами, которые Павел пятнадцать веков назад обратился к жителям этой столицы, истина, до тех пор скованная пленница внутри Церкви, тоже восстала, чтобы никогда больше не пасть.

Здесь мы должны позволить Лютеру говорить самому за себя. *"Хотя я был святым и безупречным монахом, моя совесть была полна беспокойства и тоски. Я не мог вынести слов "Правосудие Божье". Я не любил справедливого и святого Бога, который наказывает грешников. Я был полон тайной ярости против него и ненавидел его, потому что, не удовлетворившись запугиванием нас, своих жалких созданий, уже погибших из-за первородного греха, своим законом и невзгодами жизни, он еще больше усилил наши мучения Евангелием.... Но когда Духом Божиим я понял эти слова; когда я узнал, как оправдание грешника происходит по чистой милости Господа посредством веры, [218] тогда я почувствовал, что возрождаюсь, как новый человек, и вошел в открытые двери в самый рай Божий. [219] С того времени я также взглянул на драгоценный священный том новыми глазами. Я просмотрел всю Библию и собрал огромное количество отрывков, которые научили меня тому, в чем заключалась работа Божья. И как раньше я всем сердцем ненавидел слова "Правосудие Божье", так с того времени я начал уважать и любить их как самые сладкие и утешительные слова. По правде говоря, эти слова были для меня истинными вратами рая"*.

Соответственно, когда Лютера призывали в торжественных случаях исповедовать это учение, он всегда проявлял свой энтузиазм и грубую энергию. *"Я вижу, - сказал он в критический момент, - что дьявол постоянно атакует эту фундаментальную статью [220] с помощью своих врачей, и что в этом отношении он не может успокоиться. Очень хорошо, я, доктор Мартин Лютер, недостойный евангелист Господа нашего Иисуса Христа, придерживаюсь этой статьи —*

что одна вера, без дел, оправдывает в глазах Бога; и я заявляю, что император римлян, император турок, император татар, император персов, папа римский, все кардиналы, епископы, священники, монахи, монахини, принцы и знать, все люди и все дьяволы должны оставить это в силе и позволить этому оставаться вечно. Если они возьмутся бороться с этой истиной, то обрушат адское пламя на свои головы. Это истинное и святое Евангелие и мое заявление, доктор Лютер, согласно свету Святого Духа.... Никто, - продолжает он, - не умер за наши грехи, кроме Иисуса Христа, Сына Божьего. Я повторяю это еще раз; если мир и все дьяволы будут рвать друг друга и взрываться от ярости, это, тем не менее, правда. И если Он один забирает грех, то это не можем быть мы сами с нашими делами; но добрые дела следуют за искуплением, как плод появляется на дереве. Это наше учение; и это учение, которому Святой Дух учит всех истинных христиан. Мы поддерживаем его во имя Бога. Аминь".

Таким образом, Лютер обнаружил то, чего не смогли обнаружить все врачи и реформаторы, даже самые выдающиеся, по крайней мере в определенной степени. Именно в Риме Бог дал ему это ясное представление о фундаментальном учении христианства. Он приехал в город понтификов в поисках решения некоторых трудностей, связанных с монашеским орденом, и в своем сердце он унес с собой безопасность Церкви.

ГЛАВА VII.

Возвращение—Докторская степень—Карлштадт—Клятва Лютера—Принцип реформы—Мужество Лютера—Первые взгляды на реформацию—Схоласты—Спалатин—Дело Рейхлина.

Лютер покинул Рим и вернулся в Виттемберг с сердцем, полным печали и негодования. С отвращением отведя глаза от папского города, он с надеждой обратил их к Священному Писанию и к тому новому свету, который, казалось тогда, слово Божье обещало миру. Это слово обрело в его сердце все, что Церковь потеряла в нем. Он отделился от одного и повернулся к другому. Вся Реформация заключалась в этом движении. Это поставило Бога на то место, где до сих пор находился священник.

Штаупиц и курфюрст не упускали из виду монаха, которого они призвали в Виттембергский университет. По-видимому, главный викарий предчувствовал работу, которая должна была быть совершена в мире, и, слишком сильно переживая за себя, хотел подтолкнуть Лютера. Нет ничего более примечательного и, возможно, более таинственного, чем этот персонаж, который всегда сопровождает монаха на пути, к которому призывает его Бог; и который сам в конце концов уходит и печально заканчивает свои дни в монастыре. Проповедь молодого профессора произвела впечатление на принца. Он восхищался силой его интеллекта, нервозностью его красноречия и совершенством его изложений. [221] Курфюрст и его друг, желая продвинуть человека, подававшего такие большие надежды, решили присвоить ему почетную степень доктора богословия. Штаупиц, направляясь в монастырь, повел Лютера в сад, и там наедине с ним, под деревом, которое Лютер впоследствии любил показывать своим ученикам, [222] достопочтенный отец сказал ему— "Теперь необходимо, мой друг, чтобы ты стал доктором Священного Писания". Лютер отшатнулся при этой мысли; высокая честь напугала его. "Ищите, - ответил он, - более достойного человека; что касается меня, то я не могу согласиться на это". Главный викарий настаивал: "У Господа Бога много дел в Церкви, и в настоящее время он

нуждается в молодых и энергичных врачах". Эти слова, добавляет Меланхтон, возможно, были сказаны полушутя, и все же событие воплотило их в жизнь. Многие предзнаменования обычно предшествуют великим революциям. [223] Нет необходимости предполагать, что Меланхтон говорит здесь о чудесных предсказаниях. Самая недоверчивая эпоха — та, что предшествовала нашей — подтвердила это предположение. Чуда не произошло; и все же сколько предзнаменований предвещало революцию, которой все закончилось?

"Но я слаб и болезнен, - ответил Лютер, - и мне недолго осталось жить. Ищите сильного мужчину". "У Господа, - ответил главный викарий, - есть работа как на небесах, так и на земле; мертвый или живой, Бог нуждается в вашем совете". [224]

"Никто, кроме Святого Духа, не может стать доктором богословия", [225] воскликнул монах, еще более встревоженный. "Делайте то, что просит ваш монастырь, - сказал Штаупиц, - и что я, ваш главный викарий, приказываю. Вы обещали повиноваться нам". "Но моя бедность", - ответил монах. "У меня нет средств оплатить расходы, связанные с таким продвижением по службе". "Не беспокойтесь об этом", - сказал его друг. "Принцу было милостиво угодно взять все расходы на себя". Лютер, побуждаемый таким образом, счел своим долгом уступить.

Это было ближе к концу лета 1512 года. Лютер отправился в Лейпциг, чтобы получить из сокровищницы курфюрста деньги, необходимые для его продвижения по службе. Но, согласно обычаям судов, деньги не поступили. Монах, потеряв терпение, хотел уйти, но монашеское послушание задержало его. Наконец, 4 октября, он получил пятьдесят флоринов от Пфеффингера и Джона Дольцига и дал им расписку в получении, в которой он называет себя просто монахом. "Я, Мартин, - говорит он, - монах ордена отшельников". [226] Лютер поспешил обратно в Виттемберг.

Эндрю Боденштайн в то время был деканом теологического факультета и наиболее известен под именем Карлштадт, так как это название его родного города. Его также звали А. В. С. Именно Меланхтон первым дал ему это прозвище, которое образовано от трех начальных букв его имени. Боденштайн приобрел первые элементы литературы у себя на родине. Он обладал серьезным и мрачным характером, возможно, склонным к ревности, и беспокойным умом, однако страстно стремился к приобретению знаний и был наделен большими способностями. Он посещал разные университеты, чтобы расширить свои знания, и изучал теологию даже в Риме. По возвращении из Италии в Германию он обосновался в Виттемберге и стал доктором богословия. "В то время, - говорит он сам впоследствии, - я не читал Священного Писания". [227] Этот отчет дает очень точное представление о том, какой была теология того времени. Карлштадт, помимо того, что был профессором, был каноником и архидьяконом. Это человек, который в более поздний период зарабатывал ренту во время Реформации. В Лютере в то время он видел только низшего, но Августин вскоре стал для него объектом ревности. "Я не желаю, - сказал он однажды, - быть меньшим человеком, чем Лютер". [228] Когда Карлштадт присуждал своему будущему сопернику высшую университетскую степень, он был далек от предвидения славы, которую суждено было получить молодому профессору.

18 октября 1512 года Лютер получил степень лиценциата богословия и принес следующую клятву: "Клянусь защищать евангельскую истину всеми средствами, которые в моих силах". [229] На следующий день Боденштайн в присутствии многочисленного собрания официально вручил ему знаки отличия доктора богословия. Он стал доктором библейских наук, а не доктором приговоров, и таким образом был призван посвятить себя изучению Библии, а не

человеческой традиции. [230] Таким образом, клятва, которую он дал, была, по его словам, [231] на его любимое Священное Писание. Он пообещал верно проповедовать это, преподавать это в чистоте, изучать это в течение всей своей жизни, и защищать это в дискуссиях и письменно, насколько Бог позволит ему это делать.

Эта торжественная клятва была призывом Лютера стать Реформатором. Возложив на его совесть право свободно искать и смело провозглашать христианскую истину, эта клятва подняла нового врача над узкими рамками, к которым, возможно, мог бы приковать его монашеский обет. Призванный университетом и своим сувереном от имени императора и самого Римского престола и связанный перед Богом самой торжественной клятвой, он отныне был бесстрашным глашатаем слова жизни. В этот памятный день Лютера окрестили рыцарем Библии.

Соответственно, эта клятва, данная Священному Писанию, может рассматриваться как одна из причин обновления Церкви. Непогрешимый авторитет только слова Божьего был первым и фундаментальным принципом Реформации. Все преобразования в деталях, которые произошли в более поздний период, как преобразования в доктрине, в манерах, в управлении Церковью и в богослужении, были лишь следствиями этого первичного принципа. В настоящее время едва ли можно составить представление об ощущении, производимом этим элементарным принципом, который сам по себе так прост, но который был упущен из виду на протяжении стольких веков. Одни только отдельные люди с более широкими взглядами, чем у всего общества, предвидели его огромные результаты. Смелые голоса всех реформаторов вскоре провозгласили этот могущественный принцип, при звуке которого Риму суждено рухнуть: "Христиане, не принимайте никаких других доктрин, кроме тех, которые основаны на ясных словах Иисуса Христа, его апостолов и пророков. Ни один человек, ни одно собрание врачей не имеют права предписывать новые доктрины".

Положение Лютера изменилось. Призыв, который получил Реформатор, стал для него подобен одному из тех необычных призывов, с которыми Господь обращался к пророкам при Старом Устроении и к апостолам при Новом. Торжественное обязательство, которое он дал, произвело на него такое глубокое впечатление, что впоследствии воспоминания об этой клятве было достаточно, чтобы утешить его среди величайших опасностей и острейших конфликтов. И когда он увидел, что вся Европа взволнована и потрясена словом, которое он провозгласил; когда ему показалось, что обвинения Рима, упреки многих благочестивых людей, а также сомнения и страхи его собственного легко взволнованного сердца заставят его колебаться, бояться и впасть в отчаяние, он вспомнил о данной им клятве и остался тверд, спокоен и полон радости. "Я продвигался вперед во имя Господа, - сказал он в критический момент, - и я отдал себя в его руки. Да будет воля Его. Кто просил его сделать меня врачом? Если Он сделал меня, пусть он поддержит меня; или если он раскаивается в том, что сделал меня, пусть Он низложит меня!.... Это несчастье не ужасает меня. Я стремлюсь только к одному, и это иметь благосклонность Господа ко мне во всем, к чему он призывает меня". В другой раз он сказал: "Тот, кто берется за что-либо без божественного призвания, стремится к собственной славе; но я, доктор Мартин Лютер, был вынужден стать врачом. Папизм пытался помешать мне исполнить свой долг, и вы видите, что с ним случилось; и случится еще хуже. Они не смогут защититься от меня. Я желаю, во имя Господа, наступить на львов и растоптать ногами драконов и гадюк. Это начнется при моей жизни и завершится после моей смерти". [232]

С того часа, когда он принес присягу, Лютер искал истину исключительно для себя и для Церкви. Все еще находясь под глубоким впечатлением от воспоминаний о Риме, он смутно видел перед собой курс, которому твердо решил следовать со всей энергией своей души. Духовная жизнь, которая до сих пор проявлялась в нем, теперь проявлялась вовне. Это был третий период его развития. Поступление в монастырь обратило его мысли к Богу: знание о прощении грехов и праведности веры освободило его душу; и клятва врача дала ему то боевое крещение, благодаря которому он стал Реформатором Церкви.

Вскоре его мысли в общих чертах обратились к теме реформации. В речи, которую он написал, очевидно, с расчетом на то, чтобы ее огласил ректор Лицкана на Латеранском соборе, он утверждал, что растление мира было вызвано священниками, которые, вместо того чтобы проповедовать чистое слово Божье, учили стольким басням и традициям. Согласно ему, только слово жизни обладало силой осуществить духовное возрождение человека. Следовательно, даже в этот период он ставил спасение мира в зависимость от восстановления здорового учения, а не просто от изменения нравов. Лютер не был полностью последователен сам с собой; он придерживался противоречивых мнений; но мощный интеллект проявлялся во всех его трудах. Он смело разорвал звенья, которыми системы школ сковывали человеческую мысль, вышел за пределы, которых достигли прошлые века, и проложил для себя новые пути. Бог был в нем.

Первыми противниками, на которых он напал, были те знаменитые ученые, которых он так тщательно изучил и которые затем правили как монархи во всех университетах. Он обвинил их в пелагианстве и, яростно нападая на Аристотеля, отца школы, и Фому Аквинского, попытался свергнуть их обоих с трона, на котором они восседали, причем один правил философией, а другой теологией. [233] "Аристотель, Порфирий, теологи предложений" (схоласты), - писал он Ланге, - "являются утраченными исследованиями нашего века. [234] Нет ничего, чего бы я так страстно желал, как разоблачить этого игрока, который заигрывал с Церковью, надев греческую маску, и сделать его позор очевидным для всех ". Во всех публичных диспутах было слышно, как он говорил: "писания апостолов и пророков более достоверны и возвышенны, чем все софизмы и все школьное богословие". Такие высказывания были новыми, но люди постепенно привыкли к ним. Примерно через год после этого он смог торжествующе написать— "Бог действует. Наше богословие и св. Августин добивается замечательных успехов и царствует в нашем университете. Аристотель находится в упадке и уже приближается к своему скорому и вечному низвержению. Уроки, посвященные предложениям, достойны восхищения, поскольку вызывают зевоту. Ни один человек не может надеяться на аудиторию, если он не исповедует библейское богословие ". [235] Счастлив университет, которому можно дать такое свидетельство.

В то же самое время, когда Лютер атаковал Аристотеля, он встал на сторону Эразма и Рейхлина против их врагов. Он вступил в общение с этими великими людьми и другими учеными, такими как Пиркхаймер, Мутиан и Хюттен, которые принадлежали более или менее к той же партии. В этот период у него завязалась и другая дружба, которая имела для него большое значение на протяжении всей его жизни.

В то время при дворе курфюрста находился человек, отличавшийся мудростью и прямоотой, по имени Джордж Спалатин. Родившийся в Спалатусе или Шпальте, в епископстве Эйхштадт, он сначала был викарием деревни Хоэнкирх, недалеко от Тюрингского леса, а затем был выбран Фридрихом Мудрым своим секретарем и капелланом, а также наставником своего племянника

Джона Фридриха, которому однажды предстояло надеть корону выборщика. Спалатин сохранял свою простоту и посреди двора. Он казался робким накануне великих событий, осмотнительным и благоразумным, как и его учитель, [236] по сравнению с порывистым Лютером, с которым он состоял в ежедневной переписке. Как и Штаупиц, он был создан для мирных времен. Такие мужчины необходимы, они чем-то напоминают те деликатные субстанции, в которые мы заворачиваем украшения и безделушки, чтобы защитить их от травм в путешествиях. Они кажутся бесполезными, и все же без них драгоценные камни были бы разбиты и уничтожены. Спалатин не был способен на великие дела, но он добросовестно и ненавязчиво справился с возложенной на него задачей. [237] Сначала он был одним из главных помощников своего хозяина в собирании тех мощей святых, любителем которых Фредерик долгое время был, но постепенно, вместе с принцем, повернулся к истине. Вера, которая тогда вновь появилась в Церкви, не овладела им так крепко, как это было с Лютером. Он продвигался медленнее. Он стал другом Лютера при дворе, министром, через которого велись все дела между Реформатором и князьями, посредником между Церковью и государством. Курфюрст оказал честь Спалатину своей дружбой; отправляясь в путешествие, они всегда ехали в одном экипаже. [238] В других отношениях воздух двора часто почти душил доброго капеллана. На него нападали приступы меланхолии, и он хотел бы оставить все свои почести и снова стать простым пастором в лесах Тюрингии; но Лютер утешал его и увещевал твердо стоять на своем посту. Спалатин снискал всеобщее уважение; князья и ученые его времени свидетельствовали о самом искреннем уважении к нему. Эразмус сказал: "Я вписываю имя Спалатина не только в список моих главных друзей, но и в список моих самых почитаемых покровителей; и это не на бумаге, а в моем сердце". [239]

Дело Рейхлина и монахов тогда наделало много шума в Германии. Самые благочестивые люди часто терялись в догадках, к какой партии им следует присоединиться, ибо монахи хотели уничтожить еврейские книги, содержавшие богохульства против Христа. Поскольку виттембергский врач теперь пользовался высокой репутацией, курфюрст приказал своему капеллану проконсультироваться с ним по этому вопросу. Ниже приводится ответ Лютера. Это первое письмо, которое он адресовал придворному проповеднику.

Что мне сказать? Эти монахи притворяются, что изгоняют Вельзевула, но не перстом Божиим. Из-за этого я не перестаю сокрушаться и стенать. Мы, христиане, начинаем быть мудрыми за границей, а дома мы лишены здравого смысла. [240] Во всех местах Иерусалима богохульствуют в сто раз хуже, чем евреи. Мир наполнен духовными идолами. Вдохновленные святым рвением, мы должны устранить этих внутренних врагов, в то время как мы оставляем самое неотложное дело; сам дьявол убеждает нас отказаться от наших собственных дел и в то же время мешает нам вносить изменения в то, что принадлежит другим".

ГЛАВА. VIII.

Вера—Популярные декламации—Академические наставления—Моральная чистота Лютера—Немецкое богословие или мистицизм—Монах Шпенлейн—Оправдание верой—Лютер об Эразме—Вера и дела—Эразм—Необходимость дел—Практика дел.

Лютер не потерял себя в этой ссоре. Живая вера во Христа наполнила его сердце и его жизнь. "В моем сердце, - сказал он, - единолично царит вера в Господа моего Иисуса Христа, и единолично должно царствовать. Он один - начало, середина и конец всех мыслей, которые занимают мой разум днем и ночью". [241] Его всегда слушали с восхищением, когда он говорил об этой вере во Христа, будь то в профессорской кафедре или в церкви. Его уроки рассеивали свет, и люди были поражены тем, что раньше не поняли истин, которые в его устах казались такими очевидными. "Желание оправдать себя, - сказал он, - является источником всех сердечных страданий, тогда как тот, кто принимает Иисуса Христа как Спасителя, имеет мир, и не только мир, но и чистоту сердца. Освящение сердца - это всецело плод веры; ибо вера - это в нас Божественная работа, которая изменяет нас и дает нам новое рождение, исходящее от самого Бога. Она убивает в нас Адама Святым Духом, которого она сообщает нам, давая нам новое сердце и делая нас новыми людьми. "Не путем пустых рассуждений, - снова воскликнул он, - а с помощью этого практического метода мы получаем спасительное знание об Иисусе Христе". [242]

В это время Лютер читал лекции о Десяти заповедях, которые дошли до нас под названием *Популярных декламаций*. Несомненно, в них есть ошибки; ибо сам Лютер был просвещен лишь постепенно. "Путь праведных подобен сияющему свету, который сияет все больше и больше до совершенного дня". Но какая истина в этих речах! какая простота! какое красноречие! Как легко представить себе эффект, который новый проповедник должен был произвести на свою аудиторию и на свое время! Мы процитируем только один отрывок, взятый из начала.

Лютер поднимается на кафедру в Виттемберге и произносит такие слова: "Да не будет у тебя другого бога передо мной". Затем, обращаясь к людям, заполнившим церковь, он говорит: "Все сыны Адама - идолопоклонники и виновны в нарушении этой Первой заповеди". [243] Это странное утверждение, несомненно, удивляет его слушателей. Следовательно, он должен оправдать это и соответственно продолжает: "Есть два вида идолопоклонства: одно внешнее, другое внутреннее.

"Тот, что снаружи, - это когда человек поклоняется дереву и камню, зверям и звездам.

"Внутренний - это когда человек, боясь наказания или стремясь облегчить себе жизнь, не поклоняется существу, но внутренне любит его и доверяет ему.

"Что это за религия? Ты не преклоняешь колена перед богатством и почестями, но ты предлагаешь им свое сердце, самую благородную часть себя. Ах, вы поклоняетесь Богу телом, а духом вы поклоняетесь творению.

"Это идолопоклонство царит в каждом человеке до тех пор, пока он добровольно не излечится от него верой в Иисуса Христа.

"И как проводится это лечение?

"Таким образом. Вера во Христа лишает вас всякой уверенности в вашей собственной мудрости, вашей собственной праведности, вашей собственной силе. Это говорит вам, что если бы Христос не умер за вас и таким образом не спас вас, ни вы сами, ни какое-либо другое существо не смогли бы этого сделать. [244] Тогда вы научитесь презирать все те вещи, которые остались для вас бесполезными.

"Теперь у тебя остается только Иисус; только Иисус; Иисуса, полностью достаточного для твоей души. У вас больше нет никаких надежд на творения, теперь у вас есть только Христос, на которого вы надеетесь всеми и которого вы любите больше всего. Теперь Иисус - единственный, неповторимый, истинный Бог. Когда он становится для вас Богом, у вас больше нет других богов". [245]

Таким образом, Лютер показывает, как посредством Евангелия душа возвращает Богу свое суверенное благо, в соответствии со словами Иисуса Христа: "Я есмь путь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня". Человек, который так обращается к своему веку, не просто желает свергнуть некоторые злоупотребления; он прежде всего желает установить истинную религию. Его работа не просто негативна — она в первую очередь позитивна.

Впоследствии Лютер направляет свою речь против суеверий, которыми тогда изобилует христианский мир, против знаков и таинственных персонажей, наблюдений за определенными днями и месяцами, знакомых демонов, призраков, влияния звезд и волшебников, метаморфоз, инкубов и суккубов, покровительства святых и т.д., и т.п. Он нападает на этих идолов одного за другим и энергично низвергает этих ложных богов.

Но именно в университете, в присутствии просвещенной молодежи, жаждущей истины, Лютер раскрыл все сокровища слова Божьего. "Его способ объяснения Священных Писаний, - говорит его прославленный друг Меланхтон, - был таков, что в глазах всех благочестивых и просвещенных людей это было так, как если бы после долгой темной ночи над доктриной вззошел новый свет. Он указал на разницу между Законом и Евангелием. Он опроверг распространенное тогда в церквях и школах заблуждение, что люди заслуживают прощения грехов своими собственными делами и становятся праведными перед Богом посредством внешней дисциплины. Таким образом, Он вернул сердца людей к Сыну Божьему. [246] Подобно Иоанну Крестителю, он указывал на Агнца Божьего, который взял на себя грехи мира. Он объяснил, как грехи даром прощаются ради Сына Божьего и как человек получает благословение через веру. Он не внес никаких изменений в церемонии; напротив, установившаяся дисциплина не имела в его ордене более верного наблюдателя и защитника. Но он все больше и больше трудился, чтобы все поняли великие и существенные доктрины обращения, прощения грехов, веры и истинного утешения, которое можно найти на кресте. Благочестивые были очарованы и проникнуты сладостью этого учения, в то время как ученые приняли его с радостью. [247] Можно было бы сказать, что Христос, апостолы и пророки вышли из тьмы и отвратительного подземелья". [248]

Твердость, с которой Лютер подкреплял себя Священным Писанием, придавала большой авторитет его учению, в то время как другие обстоятельства усиливали его силу. Его жизнь соответствовала его словам — его речи были не просто из жизни, [249] они шли от сердца и были примером всего его поведения. И когда разразилась Реформация, многие влиятельные люди, которые были очень опечалены, увидев, какие прорехи произошли в Церкви, привлеченные чистотой поведения Реформатора и его замечательными талантами, не только не выступили против него, но даже приняли доктрину, о которой свидетельствовали его труды. [250] Чем больше они любили христианскую добродетель, тем больше склонялись к Реформатору. Все честные богословы были на его стороне. [251] Таковы свидетельства тех, кто его знал, в частности Меланхтона, мудрейшего человека своего времени, и Эразма, знаменитого оппонента Лютера. И все же предрассудки осмелились говорить о его распутстве.

Виттемберг был изменен этой проповедью веры и стал средоточием света, который вскоре должен был осветить Германию и распространиться по всей Церкви.

В 1516 году Лютер опубликовал трактат анонимного теолога-мистика (вероятно, Эбланда, священника во Франкфурте) под названием *Немецкое богословие*, в котором автор показывает, как человек может достичь совершенства с помощью трех методов очищения, просветления и причащения. Лютер никогда не погружался в мистическое богословие, но оно произвело на него благотворное впечатление. Это укрепило его в отвращении, которое он испытывал к сухой схоластике, в его презрении к делам и обрядам, на которых так много внимания уделяла Церковь, в его убежденности в духовном бессилии человека, в необходимости благодати и в его привязанности к Библии. "Для схоластов", [252] писал он Штаупицу: "Я предпочитаю мистиков и Библию"; таким образом, ставя мистиков рядом с вдохновенными писателями. Возможно, *немецкое богословие* также помогло ему сформировать более здоровое представление о таинствах, и особенно о мессе. Ибо автор этой работы настаивает на том, что Евхаристия дает Христа человеку, но не предлагает Христа Богу. Лютер сопроводил это издание предисловием, в котором заявил, что рядом с Библией и св. Августин, не было ни одной книги, с которой он когда-либо встречался, из которой он узнал бы больше о Боге, Христе, человеке и обо всем остальном. Уже несколько врачей начали выступать против виттембергских профессоров и обвинять их в новаторстве. "Можно было бы предположить, - продолжает Лютер, - что до нас никогда не было людей, которые учили бы так, как мы; да, воистину, были. Но гнев Божий, который заслужили наши грехи, не позволил нам увидеть и услышать их. Долгое время университеты держали слово Божье в тайне. Пусть они прочтут эту книгу, а потом скажут мне, нова ли наша теология, потому что эта книга не нова". [253] Но если Лютер взял все хорошее, что было в мистической теологии, он не взял то плохое, что было в ней. Великая ошибка мистицизма состоит в том, чтобы не замечать бесплатного спасения. Мы увидим замечательный пример чистоты веры Лютера.

Лютер, обладавший нежным и преданным сердцем, желал видеть тех, кого он любил, во владении светом, который вел его по путям мира; и воспользовался всеми возможностями, которые у него были как у профессора, проповедника и монаха, а также своей обширной перепиской, чтобы поделиться своим сокровищем с другими. Один из его старых братьев по Эрфуртскому монастырю, монах Георг Шпенляйн, находился тогда в монастыре Мемминген. Проведя некоторое время в Виттемберге, Шпенляйн попросил доктора продать разные вещи, которые у него остались, а именно тунику из брюссельского сукна, работу врача из Изенаха и монашеское одеяние. Лютер тщательно выполнил это поручение. "Я получил, - сообщил он Спенлейну в письме от 7 апреля 1516 года, - флорин за тунику, полфларина за книгу и флорин за платье и перевел все отцу-викарию", которому Спенлейн был должен три флорина. Но Лютер быстро переходит от этого рассказа о монастырских трофеях к более важной теме.

"Я бы очень хотел, - говорит он брату Джорджу, - узнать, что с твоей душой. Не устала ли она от собственной праведности? разве это не помогает глубоко вздохнуть и поверить в праведность Христа? В наши дни гордыня соблазняет многих, особенно тех, кто делает все возможное, чтобы стать праведными. Не понимая праведности, которая даром дана нам Богом во Христе Иисусе, они устояли бы перед Ним своими заслугами. Но этого не может быть. Когда ты жил с нами, ты был в этом заблуждении, как и я. Я все еще постоянно борюсь с этим и еще не одержал полной победы.

"О мой дорогой брат, учись познавать Христа и Христа распятого. Научись петь ему новую песню; прийти в отчаяние от самого себя и сказать: "Ты, о Господь Иисус! ты - моя праведность, а я - твой грех! Ты взял то, что принадлежит мне, и отдал мне то, что принадлежит тебе. [254] Тем, кем ты не был, ты стал, чтобы я мог стать тем, кем я не был." Будь осторожен, о мой дорогой Джордж, не претендуй на такую чистоту, которая заставит тебя не желать признавать себя грешником; ибо Христос обитает только в грешниках. Он сошел с небес, где обитал среди праведников, чтобы обитать и среди грешников. Тщательно размышляй об этой любви Христовой, и ты получишь от нее невыразимое благословение. Если бы наши труды и наши невзгоды могли дать нам мир совести, почему Христос должен был умереть? Ты найдешь покой только в нем, отчаявшись в себе и в своих делах и узнав, с какой любовью он раскрывает тебе свои объятия, берет на себя все твои грехи и отдает тебе всю свою праведность".

Таким образом, могущественное учение, которое уже спасло мир во времена Апостолов и которому предстояло спасти его во второй раз во времена реформаторов, было изложено Лютером с силой и ясностью. Пережив многочисленные века невежества и суеверий, он здесь пожал руку святому Павлу.

Шпенлейн был не единственным человеком, которого он стремился обучить этому фундаментальному учению. Он чувствовал себя неловко из-за той малой правды, которую обнаружил на этот счет в трудах Эразма. Было важно просветить человека, чей авторитет был так велик, а гений так восхитителен. Но как ему было это сделать? Эразм уважал своего друга при дворе, капеллана курфюрста, и именно к нему Лютер обращается сам. "Мой дорогой Спалатин, что мне не нравится в Эразме, этом человеке огромной эрудиции, так это то, что под праведностью дел или закона, о которых говорит апостол, он понимает исполнение церемониального закона. Оправдание закона заключается не только в церемониях, но и во всех произведениях Декалога. Когда эти дела совершаются без веры во Христа, они, это правда, могут сделать Фабрициусов, Регулусов и других людей строгой честности в глазах мира, но тогда они так же мало заслуживают называться праведными, как плод мушмулы - называться смоковницей. Ибо мы не становимся праведными, как утверждает Аристотель, совершая праведные дела; но когда мы становимся праведными, мы совершаем такие дела. [255] Сначала нужно изменить человека, а потом уже работать. Сначала Авель был угоден Богу, а затем он принес себя в жертву". Лютер продолжает: "Я молю тебя, исполни долг друга и христианина, ознакомив Эразма с этими вещами". Это письмо датировано "В спешке, из-за угла нашего монастыря, 19 октября 1516 года". Это дает истинное представление о том, на какой основе Лютер стоял с Эразмом, и показывает искренний интерес, который он испытывал ко всему, что, по его мнению, действительно приносило пользу этому выдающемуся писателю. Несомненно, в более поздний период противодействие Эразма истине вынудило Лютера открыто выступить против него, но это было только после того, как он попытался просветить своего оппонента.

Наконец, были выдвинуты те взгляды на природу добра, которые были одновременно ясными и глубокими, и была отчетливо провозглашена великая истина, что истинное добро работы заключается не в ее внешней форме, а в духе, в котором она выполнена. Таким образом, был нанесен смертельный удар всем суеверным обрядам, которые веками душили Церковь и препятствовали росту и процветанию в ней христианских добродетелей.

"Я читаю Эразма, - снова пишет Лютер, - но он с каждым днем теряет свой авторитет у меня. Мне нравится видеть, как он с таким мастерством и твердостью упрекает священников и монахов в

их отвратительном невежестве, но я боюсь, что он не окажет большой услуги учению Иисуса Христа. То, что от человека, больше занимает его сердце, чем то, что от Бога. [256] Мы живем в опасные времена. Человек не является хорошим и рассудительным христианином, потому что он понимает греческий и иврит. Иероним, знавший пять языков, уступает Августину, знавшему только один, хотя Эразм думает иначе. Я очень тщательно скрываю свои чувства по отношению к Эразму, чтобы не дать преимущества его противникам. Возможно, Господь даст ему понимание в свое время ". [257]

Бессилие человека и всемогущество Бога были двумя истинами, которые Лютер хотел восстановить. Это печальная религия и печальная философия, которые отбрасывают человека назад, к его природным силам. Века подвергали испытанию эти хваленые способности, и хотя человек сам по себе чудесно преуспел в вещах, касающихся его земного существования, он так и не смог рассеять тьму, которая скрывает от его разума истинное знание о Боге, или изменить хотя бы одно склонение своего сердца. Высшая степень мудрости, достигнутая амбициозными интеллектами или умами, воспламененными горячим стремлением к совершенству, лишь повергла их в отчаяние. [258] Следовательно, доктрина, которая раскрывает нам наше бессилие, чтобы познакомить нас с Божественной силой, которая позволит нам делать все, является щедрой, утешительной и совершенно истинной доктриной; и реформация, которая являет славу небес на земле и отстаивает права Всемогущего Бога перед людьми, является великой реформацией.

Но никто лучше Лютера не осознавал тесных и неразрывных уз, соединяющих безвозмездное спасение Бога со свободными делами человека. Никто лучше него не показал, что только получая все от Христа, человек может многое дать своим братьям. Он всегда представлял два действия, Божье и человеческое, в одной и той же картине. Таким образом, после того, как он объяснил брату Спенлейну, в чем состоит спасительная праведность, он добавляет: "Если ты твердо веришь в эти вещи, как тебе следует поступать (ибо проклят тот, кто не верит), прими своих все еще невежественных и заблуждающихся братьев, как Иисус Христос принял тебя. Терпеливо относись к ним, возьми их грехи на себя, и если у тебя есть что-нибудь доброе, сообщи это им. Примите друг друга, говорит Апостол, как Христос принял нас во славу Божью. Это печальная праведность, которая не терпит других, потому что считает их порочными, и которая думает только о том, чтобы искать уединения в пустыне, вместо того чтобы делать им добро терпением, молитвой и примером. Если ты - лилия и роза Христа, знай, что твое жилище находится среди терний. Только будь осторожен, чтобы из-за своего нетерпения, опрометчивых суждений и скрытой гордыни не стать самому себе занозой. Христос царствует среди своих врагов. Если бы ему было угодно жить только среди хороших и умереть только за тех, кто любил его, за кого, я спрашиваю, он умер бы и среди кого жил бы?"

Трогательно видеть, как сам Лютер применял эти принципы милосердия на практике. Августин из Эрфурта по имени Георг Лейффер подвергся суровым испытаниям. Лютер узнал об этом и через восемь дней после того, как он написал письмо Спенлейну, любезно подошел к нему и сказал— "Я узнал, что вы взволнованы многими бурями и что ваш дух носится вверх и вниз по волнам.... Крест Христов распределен по всей земле, и каждый получает свою долю. Итак, не отвергайте того, что выпало вам. Лучше примите его как святыню, не в сосуде из золота и серебра, но, что гораздо лучше, в золотом сердце — сердце, полном кротости. Если древо креста было настолько освящено кровью и плотью Христа, что мы считаем его самой почитаемой реликвией, то насколько в большей степени мы должны рассматривать обиды,

преследования, оскорбления и ненависть людей как святые реликвии, поскольку к ним не только прикасалась плоть Христа, но и обнимала, целовала и благословляла его безграничная любовь?" [259]

ГЛАВА IX.

Первые тезисы—Старец и Грейс—Посещение монастырей—Дрезден—Эрфурт—Торнатор—Мир и Крест—Результаты путешествия—Труды—Чума.

Наставления Лютера принесли свои плоды. Некоторые из его учеников уже чувствовали себя обязанными публично исповедовать истины, которые им открыли уроки их учителя. Среди его слушателей был ученый юноша по имени Бернард из Фельдкирхена, профессор физики Аристотеля в университете, который пять лет спустя был первым из евангельских священнослужителей, вступивших в узы брака.

Лютер, будучи председателем, пожелал, чтобы Фельдкирхен сохранил тезисы, в которых излагались его принципы. Таким образом, доктрины, исповедуемые Лютером, получили новую огласку. Диспут состоялся в 1516 году и был первым нападением Лютера на правление софистов и папство. Каким бы слабым оно ни было, оно доставило ему значительное беспокойство. "Я разрешаю печатать эти положения, - сказал он много лет спустя, публикуя их в своих трудах, - главным образом для того, чтобы величие моего дела и успех, которым Бог увенчал его, не превозносили меня. Ибо они в полной мере демонстрируют мой позор, то есть немощь и невежество, страх и трепет, с которыми я начал эту борьбу. Я был один и неосмотрительно ввязался в это дело. Не имея возможности отступить, я уступил папе несколько важных очков и даже обожал его". [260]

Ниже приведены некоторые из этих предложений: [261]—

"Старый человек — суета сует - он сам по себе тщеславен и делает тщетными всех других созданий, какими бы хорошими они ни были.

"Ветхий человек называется *плотью* не только потому, что им руководят чувственные похоти, но и потому, что, хотя он и был целомудрен, благоразумен и справедлив, он не рожден заново от Бога Духом.

"Человек, лишенный благодати Божьей, не может ни соблюдать заповеди Божьи, ни подготовить себя, полностью или частично, к получению благодати, но неизбежно остается во власти греха.

"Воля человека без благодати не свободна, а порабощена, и то добровольно.

"Иисус Христос, наша сила и наша праведность, который испытывает сердца и узды, - единственный Исследователь и Судья наших достоинств.

"Поскольку верующему все возможно через Христа, суеверно искать другой помощи, будь то в воле человека или в святых". [262]

Этот спор наделал много шума и был расценен как начало Реформации.

Приближался момент, когда должна была разразиться эта реформация. Бог спешил подготовить инструмент, который он намеревался использовать. Курфюрст, построивший в Виттемберге новую церковь, которой он дал название "Всех Святых", отправил Штаупица в Нидерланды за реликвиями, которыми он хотел обогатить ее. Генеральный викарий приказал Лютеру занять его место на время его отсутствия и, в частности, посетить сорок монастырей в Миснии и Тюрингии.

Лютер отправился сначала в Гримму, а оттуда в Дрезден, повсюду трудясь над утверждением истин, которые он установил, и над просвещением членов своего собственного ордена. "Не привязывайтесь к Аристотелю или другим учителям лживой философии, - сказал он монахам, - но прилежно читайте слово Божье. Ищите своего спасения не в своей собственной силе и своих собственных добрых делах, но в заслугах Христа и в Божественной благодати". [263]

Монах-августинец из Дрездена сбежал из своего монастыря и жил в Майнце, где его принял приор августинцев. Лютер написал предыдущему [264], чтобы потребовать возвращения заблудшей овцы, и добавил эти слова, которые полны истины и милосердия: "Я знаю, что обиды неизбежны. Неудивительно, что человек падает; но это чудо, что он поднимается снова и стоит прямо. Петр пал, чтобы узнать, что он был человеком; и мы все еще видим, как падает ливанский кедр. Даже ангелы (что превосходит наше понимание) пали на небесах, и Адам пал в раю. Почему же тогда удивляться, когда ветер колышет тростинку, а дымящийся лен гаснет?" Из Дрездена Лютер отправился в Эрфурт, чтобы исполнять обязанности главного викария в том самом монастыре, где одиннадцать лет назад он завел часы, открыл дверь и подмел церковь. Он назначил своего друга, холостяка Джона Ланге, ученого и благочестивого, но сурового человека, настоятелем монастыря, призывая его к приветливости и терпению. Вскоре после этого он написал ему: "Прояви дух кротости по отношению к настоятелю Нюрнберга. Это уместно, поскольку настоятель напустил на себя кислый и ожесточенный вид. Горькое не изгоняется горьким, то есть дьявол дьяволом; но сладкое изгоняет горькое, то есть перст Божий изгоняет демонов". [265]

Возможно, следует сожалеть, что в разных случаях Лютер не вспоминал об этом превосходном совете.

В Нойштадте на Орле не было ничего, кроме раскола. В монастыре царили ссоры и беспорядки. Все монахи были в состоянии войны с настоятелем и обрушились на Лютера со своими жалобами. Приор Майкл Дрессель, или Торнатор, как называет его Лютер, переводя его имя на латынь, со своей стороны, изложил доктору все свои жалобы. "Мир! мира!" - сказал он. "Вы ищете мира, - ответил Лютер, - но вы ищете мира для всего мира, а не для Христа. Разве ты не знаешь, что наш Бог поместил свой мир посреди войны? Тот, кого никто не беспокоит, не имеет мира. Но тот, кто, обеспокоенный всеми людьми и всеми жизненными обстоятельствами, переносит все спокойно и радостно, обладает истинным миром. Вы говорите: с Израилем мир, мир, а мира нет. Скажи лучше со Христом: Крест, распятие; и креста не будет. Ибо крест перестает быть крестом, как только мы можем искренне, с радостью сказать: "О благословенный крест, нет дерева, подобного твоему!" [266] После своего возвращения в Виттемберг Лютер, желая положить конец этим разделением, позволил монахам избрать другого настоятеля.

Лютер вернулся в Виттемберг после шестинедельного отсутствия. Он был опечален всем, что увидел, но путешествие дало ему лучшее знакомство с Церковью и миром; придало ему больше

уверенности в общении с людьми и предоставило ему многочисленные возможности основывать школы и настаивать на той фундаментальной истине, что "только Священное Писание указывает нам путь на небеса", и призывать братьев жить вместе свято, целомудренно и в мире. [267] Несомненно, много семян было посеяно в различных монастырях Августина во время этого путешествия Реформатора. Монашеские ордена, которые долгое время были опорой Рима, возможно, сделали больше для Реформации, чем против нее. Особенно это верно в отношении ордена августинцев. Почти все благочестивые люди свободного и возвышенного духа, жившие в монастырях, обратились к Евангелию, и вскоре в их орденах, которые были в некотором роде артериями немецкого католицизма, заструилась новая и благородная кровь. Мир ничего не знал о новых идеях Августина Виттембергского после того, как они стали главной темой разговоров в капитулах и монастырях. Таким образом, не один монастырь был семинарией реформаторов. В тот момент, когда был нанесен великий удар, благочестивые и храбрые люди вышли из своей безвестности и оставили уединение монашеской жизни ради активной карьеры служителей слова Божьего. Даже во время инспекции 1516 года Лютер своими словами пробудил многие дремлющие души, и поэтому этот год был назван "утренней звездой евангельского дня".

Лютер вернулся к своим обычным занятиям. В этот период его угнетала работа; мало того, что он был профессором, проповедником и исповедником; более того, у него было множество мирских дел, связанных с его орденом и его монастырем. "Мне почти постоянно требуются два клерка, - писал он, - потому что весь день я только и делаю, что пишу письма. Я проповедник в монастыре, капеллан за столом, пастор и приходской священник, директор по учебной работе, вице-приор, что означает "одиннадцать раз приор", инспектор прудов Лицау, защитник постоянных дворов Герцберга в Торгау, чтец Святого Павла, комментатор Псалмов.... У меня редко бывает время отслужить положенные Часы и произнести заклинание, не говоря уже о моей борьбе с плотью и кровью, дьяволом и миром.... Видишь, какой я ленивый человек". [268]

Примерно в это же время в Виттемберге вспыхнула чума, и большая часть студентов и преподавателей покинула город. Лютер остался. "Я не очень хорошо знаю, - писал он своему другу в Эрфурт, - позволит ли мне чума закончить Послание к Галатам. Стремительный и энергичный, он производит большие разрушения, особенно среди молодежи. Вы советуете мне бежать. Куда мне бежать? Я надеюсь, что мир не потерпит крушения, хотя монах Мартин падет. [269] Если чума будет прогрессировать, я разгоню монахов во всех направлениях, но что касается меня, то я нахожусь здесь, и послушание позволяет мне не бежать, пока тот, кто призвал меня, не отзовет меня. Не то чтобы я не боялся смерти (ибо я не апостол Павел, я всего лишь его комментатор), но я надеюсь, что Господь избавит меня от страха". Такова была твердость доктора Виттембергского. Отступит ли он перед Римом, которого чума не смогла заставить отступить ни на шаг? Уступит ли он власти эшафота?

ГЛАВА X.

Отношения Лютера с курфюрстом—Лютер и курфюрст—Советы капеллана—Герцог Георг—Его персонаж—Лютер перед двором—Обед при дворе—Ужин Эмсера.

То же самое мужество, которое Лютер проявлял перед лицом самого страшного зла, он проявлял и перед великими. Курфюрст был очень доволен генеральным викарием, который

собрал хорошую коллекцию реликвий в Нидерландах. Лютер рассказывает об этом Спалатину. Есть что-то любопытное в этом деле с реликвиями, происходящем в тот момент, когда Реформация вот-вот начнется. Несомненно, реформаторы имели слабое представление о том, к чему им предстояло прийти. Епископство казалось курфюрсту лишь достойным вознаграждением генеральному викарию. Лютер, которому Спалатин писал по этому поводу, решительно не одобрял его. "Многое, - ответил он, - нравится вашему принцу, что, однако, неугодно Богу. Я не отрицаю его способностей в мирских делах, но в том, что касается Бога и спасения душ, я считаю его семикратно слепым, так же как и его советника Пфепфингера. Я не говорю этого за их спинами, как клеветник; не скрывайте этого от них, ибо я готов сказать это лично обоим. Почему, - продолжает он, - вы окружаете этого человека всеми вихрями епископских забот?" [270]

Курфюрст не воспринял откровенность Лютера плохо. "Принц, - пишет Спалатин в письме к нему, - часто говорит о вас, и с большим уважением". Фредерик прислал монаху материал для пошива сутаны из очень тонкой ткани. "Это было бы слишком прекрасно, - сказал Лютер, - если бы не дар принца. Я недостойн того, чтобы какой-либо мужчина думал обо мне, тем более что принц должен думать, и такой великий принц. Самые полезные люди для меня - это те, кто думает обо мне самое дурное. [271] Верните благодарность нашему принцу за его милость; но знайте, что я не желаю, чтобы меня восхваляли вы или кто—либо другой - вся похвала человека тщетна, а хвала, исходящая только от Бога, истинна".

Превосходный капеллан не желал ограничиваться своими придворными обязанностями. Он хотел быть полезным людям, но, как и во многие другие времена, он хотел сделать это, не нанося оскорблений. Он не только хотел никого не раздражать, но, напротив, снискать всеобщее расположение. "Укажи, - говорит он Лютеру, - какую-нибудь работу, которую я мог бы перевести на наш родной язык, работу, которая понравится всем и в то же время будет полезна". "Приятно и полезно!" - отвечает Лютер. "Эта просьба выше моих сил. Чем лучше вещи, тем меньше они доставляют удовольствия. Что может быть полезнее Иисуса Христа? И все же для большинства он - привкус смерти. Ты скажешь мне, что хочешь быть полезным тем, кто любит добро. В таком случае просто позволь услышать голос Христа. Вы будете приятны и полезны, будьте уверены; но это будет для очень небольшого числа людей, потому что овцы редки в этом краю волков". [272]

Лютер, однако, рекомендовал своему другу проповеди Таулера. "Я никогда не видел, - сказал он, - ни на латыни, ни на нашем родном языке более здорового богословия, более соответствующего Евангелию. Вкусите и увидите, как сладок Господь; но будьте таковыми после того, как вы отведаете и увидите, насколько горько все, что принадлежит нам". [273]

В течение 1517 года Лютер вступил в сношения с герцогом Георгом Саксонским. В то время в Саксонском доме было два главы. Принцы Эрнест и Альберт, увезенные в юности Кунцем Кауфунгенским из замка Альтенбург, по Лейпцигскому мирному договору стали основателями двух домов, которые до сих пор носят их имя. Курфюрст Фредерик, сын Эрнеста, в период, о котором мы пишем, был главой эрнестинской ветви, в то время как его брат, герцог Георг, был главой альбертинской ветви. Дрезден и Лейпциг находились в владениях герцога, резиденция которого находилась в первом из этих городов. Его мать, Сидония, была дочерью Георга Подьебрада, короля Богемии. Долгая борьба, которую Богемия вела с Римом со времен Яна Гуса, оказала некоторое влияние на принца Саксонского, и он часто проявлял стремление к

реформации. "Он унаследовал это от своей матери", - было сказано: "он по рождению враг духовенства". [274] Он различными способами раздражал епископов, аббатов, каноников и монахов настолько, что его двоюродный брат, курфюрст, не раз был вынужден вступаться за них. Можно было бы предположить, что герцог Георг будет горячим сторонником Реформации. Напротив, благочестивый Фридрих, некогда надевший шпоры Григория у Гроба Господня, опоясавшийся огромным тяжелым мечом завоевателя Иерусалима и давший клятву сражаться за Церковь, как отважный рыцарь, мог бы оказаться одним из самых ревностных защитников Рима. Но когда речь заходит о Евангелии, ожидания человеческой мудрости часто оказываются ошибочными. Результат оказался противоположным тому, что можно было предположить. Герцогу доставило бы удовольствие унижить Церковь и тех, кто с ней связан, и унижить епископов, чья княжеская свита намного превосходила его собственную; но принять в свое сердце евангельское учение, которое должно было унижить ее, признать себя виновным грешником, неспособным спастись иначе, как по благодати, - это было совсем другое дело. Он охотно исправил бы других, но у него не было никакого желания исправлять себя. Он, возможно, помог бы обязать епископа Менца довольствоваться одним епископством и иметь в своей конюшне не более четырнадцати лошадей, как он сам неоднократно выражался; [275] но когда он увидел, что реформатором выступает не он, а другой, — когда он увидел, что за работу берется простой монах, — и реформация приобрела многочисленных приверженцев среди надменный внук гуситского короля стал самым яростным противником реформы, сторонником которой он поначалу обещал быть.

В июле 1517 года герцог Георг попросил Штаупица прислать ему ученого и красноречивого проповедника. Штаупиц прислал Лютера, представляя его как человека большой образованности и безукоризненного характера. Принц пригласил его проповедовать в Дрездене, в замковой часовне, в праздник святого Иакова Старшего.

В назначенный день герцог и его придворные отправились в часовню, чтобы послушать виттембергского проповедника.

Лютер с радостью воспользовался случаем, чтобы засвидетельствовать истину перед таким собранием. Он взял для своего текста Евангелие того времени: "И пришла к нему мать детей Зеведеевых со своими сыновьями". (Матф., хх, 20-25). Он проповедовал о желаниях и опрометчивых молитвах людей; затем сильно остановился на уверенности в спасении, опираясь на это основание, а именно на то, что те, кто слушает слово Божье с верой, являются истинными учениками, которых Иисус Христос избрал для вечной жизни. Затем Он говорил о вечном избрании, показывая, что это учение, когда оно проявляется в связи с делом Христа, хорошо подходит для успокоения страхов совести, и поэтому, вместо того, чтобы склонять людей бежать от Бога, оно побуждает их искать прибежища в Нем. В заключение он привел притчу о трех девах и извлек из нее очень поучительное улучшение.

Слово истины произвело глубокое впечатление на слушателей. Двое, в частности, проявили серьезное внимание к беседе монаха из Виттемберга. Одна из них была респектабельного вида дама, сидевшая на одной из придворных скамей, и черты ее лица свидетельствовали о глубоком волнении. Это была мадам де ла Саль, старшая любовница герцогини. Другим был Джером Эмсер, лицензиат канонического права, секретарь и советник герцога. Эмсер был талантливым человеком и обладал обширной информацией. Придворный и способный политик, он хотел бы понравиться обеим партиям сразу; прослыть в Риме защитником папства и в то же

время фигурировать в Германии среди ученых людей того времени. Но под этим гибким духом скрывался буйный нрав. Так Лютер и Эмсер, которым впоследствии неоднократно приходилось ломать копья, впервые встретились в часовне Дрезденского замка.

После того, как прозвенел колокол к обеду для обитателей замка, герцогская семья и придворные вскоре уселись за стол. Разговор, естественно, зашел об утреннем проповеднике. "Как вам понравилась проповедь?" - спросил герцог мадам де ла Саль. "Если бы я снова услышала подобную речь, - ответила она, - я могла бы умереть спокойно". "А я, - сердито ответил Джордж, - дорого бы дал, чтобы не слышать этого. Такие беседы хороши только для того, чтобы заставить людей грешить с уверенностью".

Мастер высказал таким образом свое мнение, и придворные принялись без стеснения выражать свое недовольство. У каждого было готово замечание. Некоторые утверждали, что в притче о трех девах Лютер привлек внимание трех придворных дам. Об этом можно было говорить бесконечно. Они собрали трех дам, которых, по их утверждению, имел в виду Лютер. [276] Он невежественный болван, сказал один. "Он гордый монах", - сказал другой. У каждого был свой комментарий к проповеди, заставляющий проповедника говорить все, что ему заблагорассудится. Истина открылась суду, плохо подготовленному к ее восприятию. Каждый рвал его с удовольствием. Но в то время как слово Божье было для многих поводом для преткновения, для великой хозяйки это был камень "избранный и драгоценный". Заболев примерно через месяц после этого, она уверенно приняла благодать Спасителя и умерла с радостью. [277]

Что касается герцога, то, возможно, показания, которые, как он слышал, свидетельствовали об истине, были не напрасны. Как бы сильно он ни выступал против Реформации при жизни, известно, что в свои последние минуты он заявил, что его единственная надежда - в заслугах Иисуса Христа.

Естественно, Эмсера выпало оказать честь Лютеру от имени своего учителя. Соответственно, он пригласил его на ужин. Лютер отказался; но Эмсер настаивал и заставил его прийти. Лютер ожидал встретить лишь нескольких друзей, но вскоре понял, что для него приготовлена ловушка. [278] С секретарем принца были магистр искусств из Лейпцига и несколько доминиканцев. Магистр искусств, который был слишком высокого мнения о себе и глубоко ненавидел Лютера, обратился к нему с вежливым и дружелюбным видом; но вскоре он не выдержал и заорал во всю глотку. [279] Битва началась. "Дискуссия, - говорит Лютер, - развернулась вокруг абсурдностей Аристотеля и святого Фомы". [280] Наконец, Лютер бросил вызов магистру искусств, со всей эрудицией томистов, определить, что значит исполнять заповеди Божьи. Магистр искусств, хотя и был смущен, принял добродушный вид. "Заплатите мне мои гонорары, - говорит он, протягивая руку, - *da pastum*". Можно было бы сказать, что он собирался провести урок по форме, приняв гостей за своих учеников. "Услышав этот глупый ответ, - добавляет Реформатор, - мы все расхохотались, и вечеринка разошлась".

Во время разговора доминиканец подслушивал под дверью и охотно вошел бы, чтобы плюнуть Лютеру в лицо. [281] Однако он воздержался, хотя впоследствии хвастался этим. Эмсер, который был в восторге от того, что его гости сражались, в то время как он, казалось, держался должным образом, поспешил извиниться перед Лютером за то, как закончилась вечеринка. [282] Лютер вернулся в Виттемберг.

ГЛАВА XI

Возвращение в Виттемберг—Тезисы—Природа человека—Рационализм—Требование в Эрфурте—Экк—Урбан Региус—Скромность Лютера.

Лютер ревностно возобновил свои труды. Он готовил шесть или семь молодых теологов, которые должны были немедленно сдать экзамен, чтобы получить лицензию на преподавание. И что больше всего обрадовало его, так это то, что их продвижение по службе должно было обернуться позором для Аристотеля. "Я бы хотел, - сказал он, - чтобы число его врагов увеличилось как можно быстрее". [283] С этой точки зрения он в настоящее время опубликовал тезисы, которые заслуживают внимания.

Главной темой, которую он обсуждал, была *свобода*. Он уже обращал на это внимание в тезисах Фельдкирхена, но теперь углубился в них. С тех пор как зародилось христианство, шла борьба, более или менее острая, между противоположными доктринами свободы и рабства человека. Некоторые схоласты, такие как Пелагий и другие, учили, что человек сам по себе обладает свободой или силой любить Бога и творить добро. Лютер отрицал эту свободу не для того, чтобы лишить человека ее, а, напротив, чтобы заставить его обрести ее. Таким образом, борьба в этом великом вопросе идет не между свободой и порабощением, как обычно говорят, а между свободой, исходящей от человека, и свободой, исходящей от Бога. Некоторые, называющие себя защитниками свободы, говорят человеку: "У тебя есть сила творить добро, и тебе нужна большая свобода". Другие, которых называли защитниками рабства, напротив, говорят ему: "У вас нет истинной свободы, но Бог предлагает ее вам в Евангелии". Одна сторона говорит о свободе, но свободе, которая должна закончиться рабством; в то время как другая говорит о рабстве, чтобы дать свободу. Такова была борьба во времена святого Павла, во времена Августина и во времена Лютера. Те, кто говорит: "Ничего не меняйте!" - поборники рабства. Те, кто говорит: "Пусть ваши оковы упадут!" - поборники свободы.

Однако было бы ошибкой полагать, что вся Реформация может быть сведена к этому конкретному вопросу. Это одна из многих доктрин, которых придерживался виттембергский доктор, вот и все. Прежде всего, было бы странной иллюзией считать, что Реформация была фатализмом или противодействием свободе. Это было великолепное освобождение человеческого разума. Разрывая многочисленные узы, которыми мысль была связана иерархией, и возрождая идеи свободы, права и экспертизы, она освободила свою эпоху, а вместе с ней и нашу, а также самых отдаленных потомков. И пусть никто не говорит, что Реформация, хотя и освободила человека от человеческого деспотизма, поработила его, провозгласив верховенство благодати. Без сомнения, оно хотело вернуть человеческую волю Божественной, подчинить одну и полностью слить ее с другой; но какой философ не знает, что полное подчинение воле только Бога составляет суверенную, совершенную свободу; и что человек никогда не будет по-настоящему свободным, пока высшая праведность и истина не будут единолично властвовать над ним?

Ниже приведены некоторые из девяноста девяти Положений, которые Лютер выдвинул в Церкви в противовес пелагианскому рационализму схоластического богословия.

"Это правда, что человек, превратившийся в испорченное дерево, может желать и совершать только то, что является злом.

"Неверно, что воля, предоставленная самой себе, может творить как добро, так и зло; ибо она не свободна, а порабощена.

"Не во власти воли человека выбирать или отвергать все, что ему предлагается.

"Человек не может естественным образом желать, чтобы Бог был Богом. Его желание состоит в том, чтобы он сам был Богом, а Бог не был Богом.

"Превосходное, непогрешимое и единственное приготовление к благодати - это вечное избрание и предопределение Бога. [284]

"Неверно говорить, что когда человек делает все, что в его силах, он устраняет препятствия на пути к благодати.

"Одним словом, природа не обладает ни чистым разумом, ни доброй волей. [285]

"Со стороны человека нет ничего, что предшествовало бы благодати, если только это не бессилие и даже бунт.

"Нет моральной добродетели без гордыни или угрюмости, то есть без греха.

"От начала и до конца мы не хозяева своих действий, а их рабы.

"Мы не становимся праведными, делая то, что праведно, но, став праведными, мы делаем то, что праведно.

"Тот, кто говорит, что теолог, который не является логиком, является еретиком и авантюристом, придерживается авантюрного и еретического положения.

"Нет такой формы рассуждения (силлогизма), которая соответствовала бы Божьим истинам. [286]

"Если бы форма силлогизма могла быть применена к божественным вещам, мы должны были бы знать артикль Святой Троицы и не должны были бы в это верить.

"Одним словом, Аристотель относится к теологии как тьма к свету.

"Человек более враждебен Божьей благодати, чем самому закону.

"Тот, кто лишен благодати Божьей, непрестанно грешит, хотя он не убивает, не крадет и не прелюбодействует.

"Он грешит, потому что не исполняет закон духовно.

"Не убивать и не прелюбодействовать внешне и просто в отношении действий - вот праведность лицемеров.

"Закон Божий и воля человеческая - это два противника, которые без милости Божьей никогда не смогут прийти к согласию. [287]

"Воля никогда не желает того, чего желает закон; только из страха она может демонстрировать свое желание.

"Закон - это палач воли, и ему подчиняется только Ребенок, который родился у нас. [288] (Исаия, ix, 6.)

"Закон умножает грех, ибо он раздражает и отталкивает волю.

"Но благодать Божья умножает праведность через Иисуса Христа, который заставляет нас любить закон.

"Каждое дело закона внешне кажется добрым, но внутренне является грехом.

"Воля, когда она обращается к закону без милости Божьей, делает это только в своих собственных интересах.

"Прокляты те, кто творит дела закона.

"Блаженны все, кто творит дела благодати Божьей.

"Закон, который добр и в котором мы имеем жизнь, есть закон любви Божьей, излитой в наши сердца Духом Святым" (Рим., v, 5.)

"Благодать дается не для того, чтобы дела совершались чаще и легче, а потому, что без благодати не может быть никакого дела любви.

"Любить Бога - значит ненавидеть себя и ничего не знать о Боге". [289]

Таким образом, Лютер приписывает Богу все хорошее, что может сделать человек. Дело не в том, чтобы исправить или, так сказать, подлатать волю человека; ему должна быть дана совершенно новая воля. Только Бог мог это сказать; ибо только Бог мог это осуществить. Это одна из величайших и наиболее важных истин, которые может признать воля человека.

Но Лютер, провозглашая бессилие человека, не впадал в противоположную крайность. В восьмом тезисе он говорит: "Из этого не следует, что воля по природе дурна, то есть что ее природа является сущностью зла, как учили манихеи". [290] Первоначально природа человека была по существу доброй; но он отвернулся от добра, то есть Бога, и склонен ко злу. И все же его происхождение остается святым и славным и способно силой Божьей восстановить свой первоначальный вид. Цель христианства - восстановить его. Евангелие, это правда, показывает человека в состоянии деградации и бессилия, но как находящегося между двумя славами и двумя величиями — прошлой славой, из которой он был изгнан, и будущей славой, к которой он призван. Это правда, и человек знает, что это правда; и как бы мало он ни думал об этом, он легко обнаруживает, что все, что ему говорят о его действительной чистоте, силе и славе, - всего лишь ложь, призванная убаюкать его гордыню и усыпить ее.

Лютер в своих тезисах нападал не только на мнимую доброту человеческой воли, но и на мнимый свет его понимания божественных вещей. Фактически, схоластика возвышала разум так же, как и волю. Эта теология в руках некоторых из ее учителей была, по сути, всего лишь разновидностью рационализма. Положения, которые мы перечислили, указывают на это, поскольку они выглядят так, как будто направлены против рационализма наших дней. В тезисах, ставших сигналом Реформации, Лютер атаковал Церковь и народные суеверия, которые к

Евангелию добавили индульгенции, чистилище и бесчисленные злоупотребления. В тех, которые мы только что привели, он атаковал школу и рационализм, которые лишили Евангелие доктрины о верховенстве Бога, его откровении и его благодати. Реформация атаковала рационализм, прежде чем напасть на суеверия. Она провозгласила права Бога, прежде чем отрезать человеческие наросты. Она была позитивной, прежде чем стала негативной. Этому уделялось недостаточно внимания, и все же, не уделяя этому внимания, невозможно должным образом оценить характер этой религиозной революции.

Как бы то ни было, истины, которые Лютер выражал с такой энергией, были совершенно новыми. Отстаивать эти тезисы в Виттемберге было делом несложным. Там его влияние было первостепенным, и можно было бы сказать, что он выбрал поле битвы, где, как он знал, не мог появиться ни один воин. Предложив им битву в другом университете, он придал им большую огласку; и именно благодаря огласке была осуществлена Реформация. Он обратил свой взор на Эрфурт, где богословы проявили такое раздражение по отношению к нему.

Он, соответственно, отправил свои тезисы Джону Ланге, приору Эрфурта, и написал ему следующее: "Мое беспокойство по поводу решения, которое вы вынесете относительно этих тезисов, велико, возможно, чрезмерно велико и держит меня на дыбе. Я сильно подозреваю, что ваши богословы сочтут парадоксальной и *какодоксичной*, [291] то, что я отныне должен считать наиболее ортодоксальным. Расскажи мне, как обстоят дела, и как можно скорее. Будьте добры сообщить теологическому факультету и всем остальным, что я готов приехать и публично поддержать эти положения либо в университете, либо в монастыре". Не похоже, что вызов Лютера был принят. Монахи Эрфурта ограничились намеком на то, что его тезисы вызвали их крайнее неудовольствие.

Но ему хотелось отправить их в какую-нибудь другую часть Германии; и с этой целью он вспомнил о человеке, который сыграл важную роль в истории Реформации и с которым читатель должен быть знаком.

Выдающийся профессор по имени Джон Мейер в то время преподавал в университете Ингольштадта в Баварии. Он был уроженцем Эка, деревни в Швабии, и его обычно называли доктор Эк. Он был другом Лютера, который уважал его таланты и знания. Полный интеллекта, он много читал и обладал очень цепкой памятью. К эрудиции он добавил красноречие. Его голос и жесты свидетельствовали о живости его гения. Что касается таланта, Экк был на юге Германии тем, кем Лютер был на севере. Они были двумя самыми выдающимися теологами того периода, хотя и придерживались совершенно разных взглядов. Ингольштадт был почти соперником Виттемберга. Репутация этих двух врачей привлекала толпы нетерпеливых студентов со всех сторон в университеты, в которых они преподавали; их личные качества вызывали у учеников не меньшую симпатию, чем их способности. Характер доктора Эка подвергся нападкам, но анекдот из его биографии покажет, что, по крайней мере, в этот период его сердце не было закрыто от щедрых впечатлений.

Среди студентов, которых его слава привлекла в Ингольштадт, был молодой человек по имени Урбан Региус с берегов альпийского озера. Сначала он учился во Фрибургском университете в Брисгау. По прибытии в Ингольштадт, куда его привлекла слава доктора Экка, Урбан занялся своим курсом философии и завоевал расположение своего учителя. Требуя обеспечить свое содержание, он был вынужден взять на себя заботу о некоторых молодых дворянах и должен был не только следить за их учебой и поведением, но и покупать за свой счет все книги и

одежду, которые им требовались. Молодые люди одевались со вкусом и накрыли хороший стол. Региус, смутившись, взмолился, чтобы родители отозвали своих сыновей. "Не бойся", - был ответ. Его долги росли, кредиторы становились все настойчивее, и он был на грани срыва. Император собирал армию против турок, и когда в Ингольштадт прибыл вербовочный отряд, Урбан в отчаянии записался в армию. Одетый в военную форму, он появился в строю в то время, когда происходил смотр, предшествующий их отъезду. Доктор Эрк, подошедший в этот момент с несколькими своими коллегами, был очень удивлен, обнаружив своего ученика среди новобранцев. - Урбан Региус! - сказал он, устремив на него острый взгляд. "Здесь", - ответил новобранец. "Скажите на милость, в чем причина этого?" Молодой человек рассказал свою историю. "Я беру это дело на себя", - ответил Эрк и, отложив свою алебарду в сторону, откупился от вербовочной партии. Родители, которым Доктор пригрозил неудовольствием принца, прислали необходимые средства для покрытия расходов своих детей, и Урбан Региус был спасен, чтобы в более поздний период стать одним из столпов Реформации.

Доктор Эрк показался Лютеру подходящим человеком для публикации своих тезисов о пелагианстве и схоластическом рационализме на юге империи. Однако он не отправил их профессору из Ингольштадта напрямую, а нанял общего друга, превосходного Кристофера Шерла, секретаря в городе Нюрнберге, умоляя его отправить их в Эрк в Ингольштадте, который находится недалеко от Нюрнберга. "Я посылаю вам, - говорит он, - свои парадоксальные и даже какистодоксальные (какιστοδοξας) предложения, как многие их считают. Передайте их нашему дорогому другу, очень образованному и талантливому Эрку, чтобы я мог узнать, что он о них думает". [292] Вот в каких выражениях Лютер тогда отзывался о докторе Эрке; такова была дружба, существовавшая тогда между ними. Не Лютер порвал ее.

Однако Ингольштадт был не тем полем, на котором предстояло разыграть сражение. Доктрины, на которых основывались эти тезисы, были, возможно, более важными, чем те, которые два месяца спустя подожгли Церковь; и все же, несмотря на вызовы Лютера, они остались незамеченными. В лучшем случае они читались в школьном кругу и не производили никакой сенсации за его пределами. Причина заключалась в том, что это были всего лишь университетские положения и теологические доктрины, тогда как последующие тезисы относились к злу, которое выросло в среде народа и затем вызывало опустошение во всех частях Германии. Пока Лютер довольствовался возрождением забытых доктрин, все было тихо; но когда он обрушился на злоупотребления, которые ощущались повсеместно, все повернулось послушать.

Тем не менее, все, что предлагал Лютер в любом случае, заключалось в проведении одной из тех теологических дискуссий, которые были тогда столь распространены в университетах. Этим кругом были ограничены его взгляды. Он был скромен, и его смирение доходило даже до недоверия и тревоги. "Учитывая мое невежество, - сказал он, - все, чего я заслуживаю, - это прятаться в углу, чтобы никто под солнцем не узнал меня". [293] Но могучая рука вытащила его из этого угла, в котором он хотел остаться неизвестным миру. Обстоятельства, не зависящие от воли Лютера, бросили его на поле битвы, и война началась. Об этом providенциальном обстоятельстве мы сейчас призваны рассказать.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

ИНДУЛЬГЕНЦИИ И ТЕЗИСЫ.

1517, 1518.

Кортеж—Тезель—Речь Тезеля—Исповедь—Четыре грации—Продажа—Публичное покаяние—Письмо об индульгенции—Исключения—Пиршество и разврат.

В этот период весь народ Германии был в движении. Церковь открыла огромный рынок на земле. Судя по толпе покупателей, шуму и любезностям продавцов, можно было подумать, что это ярмарка, только ярмарка, проводимая монахами. Товаром, которым они хвастались и продавали по выгодной цене, было, по их словам, спасение душ.

Купцы путешествовали по стране в прекрасной карете в сопровождении трех верховых слуг, путешествовали с размахом и жили в больших расходах. Можно было бы сказать, что это был какой-то высокопоставленный человек со своей свитой и офицерами, а не вульгарный торговец или нищенствующий монах. Когда кортеж приближался к городу, к магистрату отправляли гонца с сообщением: "Милость Божья и святого Петра у ваших ворот". Все это немедленно приходило в движение. Духовенство, священники, монахини, совет, школьные учителя и их ученики, инкорпорации со своими знаменами, мужчины и женщины, старые и молодые, вышли навстречу торговцу с зажженными свечами в руках, под звуки музыки и звон колоколов, "настолько, - говорит историк, - что сам Бог не мог быть принят с большей честью". После завершения формальностей вся процессия проследовала в церковь. Буллу Благодати понтифика несли впереди на бархатной подушке или золотой ткани. Следующим шел глава торговцев индульгенциями, неся большой деревянный крест, выкрашенный в красный цвет. Вся процессия двинулась вперед, окруженная гимнами, молитвами и дымом благовоний. Монах-купец и его слуги были встречены в церкви звоном органа и волнующей музыкой. Крест был установлен перед алтарем, и над ним были подвешены руки папы римского. Все время, пока он оставался там, духовенство этого места, пенитенциарные учреждения и заместители комиссаров, приходили каждый день после вечерни или перед *салютом*, чтобы поклониться ему с белыми жезлами в руках. [294] Это грандиозное событие произвело живую сенсацию в тихих городах Германии.

На этих распродажах один персонаж особенно привлек внимание зрителей. Именно он нес большой красный крест и сыграл главного героя. Он был одет в платье доминиканца и имел высокомерный вид. Его голос звучал зычно, и, хотя ему было уже шестьдесят третий год, [295] он, казалось, все еще был полон сил. Этого человека, сына некоего Дица, ювелира из Лейпцига, звали Джон Дизель, или Тезель. Он учился в своем родном городе, стал бакалавром в 1487 году, а через два года вступил в доминиканский орден. На его голову свалилось множество почестей. Бакалавр теологии, приор доминиканцев, апостольский комиссар, инквизитор, *hæreticæ pravitatis inquisitor*, он исполнял обязанности комиссара по индульгенциям без перерыва с 1502 года. Навыки, которые он приобрел в качестве младшего офицера, вскоре повысили его до должности главного комиссара. У него было восемьдесят флоринов в месяц, и все его расходы были оплачены вместе с экипажем и тройкой лошадей; но его доходы (легко понять, каковы они были) намного превышали его жалованье. В 1507 году во Фрейберге он заработал две тысячи

флоринов за два дня. Если он и выполнял свои обязанности, то имел также манеры шарлатана. Осужденный за супружескую измену и постыдное поведение в Инспруке, его пороки едва не стоили ему жизни. Император Максимилиан приказал засунуть его в мешок и бросить в реку, но случайно прибывший курфюрст Фридрих добился его помилования. [296] Урок, который он получил таким образом, не прибавил ему скромности, потому что с ним были двое его детей.

Мильтиц, папский легат, упоминает этот факт в одном из своих писем. [297] Трудно было бы найти во всех монастырях Германии человека, лучше приспособленного к тому делу, которое ему было доверено. С теологией монаха, с рвением и темпераментом инквизитора он сочетал величайшее бесстыдство; но то, что, прежде всего, облегчало ему задачу, было его умение придумывать необычные истории, чтобы пленять умы людей. Для него были хороши все средства, которые наполняли его казну. Повышая голос, и давая волю своему вульгарному красноречию, он предлагал свои поблажки каждому встречному и лучше любого торговца на ярмарке знал, как выставить свой товар напоказ. [298]

После того, как крест был установлен и над ним повисли руки папы римского, Тезель вззошел на кафедру и уверенным тоном начал превозносить ценность индульгенций в присутствии толпы, которую церемония привлекла в церковь. Люди слушали и изумлялись, услышав о чудесных добродетелях, о которых он им рассказывал. Историк-иезуит, говоря о доминиканцах, с которыми был связан Тезель, говорит: "Некоторые из этих проповедников, как обычно, не преминули оскорбить тему, которую они обсуждали, и таким образом преувеличить ценность индульгенций, чтобы заставить людей думать, что они уверены в своем собственном спасении и в освобождении душ из чистилища, как только деньги будут выплачены". [299] Если таковы были ученые, мы можем судить, кем был учитель. Давайте послушаем одну из его речей после водружения креста.

"Индульгенции - самый драгоценный и возвышенный дар Божий.

"Этот крест (указывает на красный крест) обладает той же эффективностью, что и настоящий крест Иисуса Христа. [300]

"Приходите, и я дам вам письма за печатью, которыми будут прощены даже те грехи, которые вы, возможно, захотите совершить в будущем.

"Я бы не променял свои привилегии на привилегии святого Петра на небесах, ибо своими индульгенциями я спас больше душ, чем апостол своими проповедями.

"Нет греха слишком великого, чтобы его можно было отпустить; и даже если кто-то (что, без сомнения, невозможно) совершил насилие над Святой Девой Марией, матерью Божьей, пусть он заплатит, пусть он только хорошо заплатит, и это будет ему прощено. [301]

"Тогда подумай, что за каждый смертный грех ты должен после исповеди и раскаяния нести епитимью в течение семи лет, либо в этой жизни, либо в чистилище. Итак, сколько смертных грехов совершается за один день, за одну неделю? Сколько за месяц, год, за всю жизнь? [302] Ах! эти грехи почти неисчислимы, и неисчисляемые страдания должны быть перенесены за них в чистилище. И теперь, с помощью этих писем-индульгенций, вы можете сразу, пожизненно, во всех случаях, кроме четырех, которые принадлежат Апостольскому престолу, а впоследствии, в час смерти, получить полное отпущение всех ваших страданий и всех ваших грехов".

Тезель даже произвел финансовые расчеты на этот счет.

"Разве вы не знаете, - сказал он, - что когда человек собирается отправиться в Рим или в любую другую страну, где путешественники подвергаются опасности, он отправляет свои деньги в банк и на каждые пятьсот флоринов, которые он намеревается получить, отдает пять, самое большее шесть, чтобы посредством писем из банка он мог безопасно получить деньги в Риме или где-либо еще.... И вы, ни за четверть флорина, не получите этих индульгенционных писем, с помощью которых вы могли бы ввести в райскую страну не ничего не стоящие деньги, а божественную и бессмертную душу, не подвергая ее ни малейшему риску". [303]

Затем Тезель перешел к другой теме.

"Более того, - сказал он, - индульгенции спасают не только живых, но и мертвых.

"Для этого даже не нужно раскаяния.

- Священник! дворянин! купец! жена! молодые девушки! юноши! услышь своих ушедших родителей и других своих друзей, взывающих к тебе со дна пропасти: "Мы терпим ужасные муки! Небольшая милостыня избавила бы нас; ты можешь подать ее, но не станешь!"

Эти слова, произнесенные грозным голосом монаха-шарлатана, заставили его слушателей содрогнуться.

"В тот самый момент, - продолжал Тезель, - когда монета со звоном опускается на дно сейфа, душа выходит из чистилища и, освобожденная, улетает на небеса". [304]

"О глупые и грубые люди, которые не воспринимают благодать, которая так обильно предлагается вам!... Теперь небеса повсюду открыты!... Неужели вы отказываетесь войти в этот час? Когда же вы войдете? Теперь вы можете выкупить так много душ! Жестокосердный и легкомысленный человек, за двенадцать пенсов ты можешь выволить своего отца из чистилища, и ты настолько неблагодарен, что не спасаешь его! Я буду оправдан в судный день, но вы, вы будете наказаны гораздо строже за то, что пренебрегли столь великим спасением. Я заявляю вам, что, если бы у вас было только одно пальто, вы были бы обязаны снять его и продать, чтобы получить эту благодать.... Господь, наш Бог, больше не Бог. Он передал всю власть папе римскому".

Затем, все еще пытаясь воспользоваться другим оружием, он добавил: "Знаешь ли ты, почему наш пресвятейший Господь раздает такую великую благодать? Его цель - восстановить разрушенную церковь святых Петра и Павла, чтобы ей не было равных во вселенной. В этой церкви хранятся тела святых апостолов Петра и Павла, а также множества мучеников. Из-за фактического состояния здания эти святые тела сейчас, увы! избитый, затопленный, запачканный, обесчещенный, и доведенный до гниения дождем и градом.... Неужели этот священный прах еще долго будет лежать в грязи и позоре?" [305]

Эта картина не смогла не произвести впечатления на многих, кто испытывал горячее желание прийти на помощь бедному Льву X, у которого не было возможности укрыть тела святых Петра и Павла от дождя.

Затем оратор обратился к спорщикам и предателям, которые выступали против его работы. "Я объявляю их отлученными от церкви", - воскликнул он.

Впоследствии, обращаясь к послушным душам и нечестиво используя Священное Писание, он говорил: "Счастливы глаза, которые видят то, что видите вы; ибо я говорю вам, что многие пророки и многие цари желали увидеть то, что видите вы, и не видели этого; и услышать то, что слышите вы, и не слышали этого". И, наконец, показывая сейф, в котором были получены деньги, он обычно завершал свою патетическую речь этим тройным призывом к народу: "Принесите! принеси! принеси!" "Эти слова, - говорит Лютер, - он произнес с таким ужасным ревом, что можно было подумать, что это бешеный бык бросается на людей и бьет их своими рогами". [306] Когда его речь закончилась, он спустился с кафедры, подбежал к сундуку и в присутствии людей бросил в него монету, позаботившись о том, чтобы она очень громко звякнула. [307]

Таковы были речи, поразившие Германию, услышанные в те дни, когда Бог готовил Лютера.

По окончании беседы было понято, что индульгенция "установила свой трон на этом месте в должной форме". Были установлены исповедальни, украшенные гербом папы римского. Считалось, что заместители комиссара и выбранные ими исповедники представляли апостольские пенитенциарные учреждения Рима на юбилее, и на каждой из этих исповедальен крупными буквами были написаны их имена, фамилии и обозначения.

Затем толпа устремила к исповеднику, каждый шел с монетой в руке. Мужчины, женщины и дети, бедняки, даже те, кто жил на подаяние, - все находили способы добывать деньги. Пенитенциарные учреждения, заново объяснив каждому человеку величие индульгенции, спросили: "С какой суммой денег вы можете позволить себе расстаться, чтобы получить столь полное прощение?" "Этот вопрос, - говорится в Инструкции архиепископа Менца комиссарам, - этот вопрос следует задать в данный момент, чтобы кающиеся были тем самым более расположены внести свой вклад". [308]

Четыре ценные милости были обещаны тем, кто помогал в строительстве ватикана Святого Петра. "Первая милость, которую мы объявляем вам, - сказали комиссары в соответствии со своим Инструктивным Письмом, - это полное прощение всех грехов". [309] После этого пришли три другие милости, — *первая*, право выбора исповедника, который, когда, казалось бы, приблизится смертный час, даст отпущение всех грехов и даже величайших преступлений, предназначенных для Апостольского Престола; [310] *во-вторых*, участие во всех благословениях, делах и заслугах Католической Церкви, в молитвах, постах, подаяниях и паломничествах; и, *в-третьих*, искупление душ, находящихся в чистилище. [311]

Чтобы обрести первую из этих милостей, необходимо было иметь раскаяние сердца и исповедь уст или, по крайней мере, намерение исповедоваться. Но что касается трех других, то их можно было получить без раскаяния или исповеди, просто заплатив. До этого Христофор Колумб, превознося ценность золота, довольно серьезно сказал: "Тот, кто обладает им, может ввести души в рай". Такова была доктрина, проповедуемая архиепископом-кардиналом Менца и комиссарами папы римского. "Что касается тех, - сказали они, - кто хотел бы освободить души из чистилища и добиться для них прощения всех их проступков, пусть они бросят деньги в сундук. Им не обязательно иметь раскаяние в сердце или исповедь на устах. [312] Пусть они только поторопятся со своими деньгами; ибо таким образом они совершат работу, наиболее

полезную для душ усопших и для возведения церкви Святого Петра". Более великие благословения не могли быть предложены по более низкой цене.

Когда исповедь закончилась, а это не заняло много времени, верующие поспешили к продавцу. Только один отвечал за продажу и держал свой прилавок рядом с крестом. Он внимательно оглядывал тех, кто подходил к нему, изучая их вид, осанку и одежду, и просил сумму, пропорциональную внешности каждого из них. Короли, королевы, принцы, архиепископы, епископы, согласно постановлению, должны были платить двадцать пять дукатов за обычную индульгенцию. Аббаты, графы и бароны платили десять. Другие представители знати, ректоры и все, у кого доход составлял пятьсот флоринов, платили шесть. Те, у кого было двести флоринов в год, платили один; другие - только половину. Более того, когда налог не мог быть собран в точности, все полномочия были переданы комиссару-апостолу, который должен был организовать все в соответствии с требованиями "здорового смысла" и щедрости жертвователя. [313] За особые грехи у Тезеля был особый налог. За многоженство платили шесть дукатов; за кражу в церкви и лжесвидетельство - девять дукатов; за убийство - восемь дукатов; за колдовство - два дуката. У Самсона, который занимался теми же перевозками в Швейцарии, что и Тезель в Германии, был несколько иной налог. За детоубийство он брал четыре *турнских* ливра; за отцеубийство или братоубийство - дукат. [314]

Апостольские комиссары иногда сталкивались с трудностями в ведении своей торговли. Часто случалось, как в городах, так и в деревнях, что мужья были против всего этого предприятия и запрещали своим женам дарить что-либо этим торговцам. Что же тогда оставалось делать набожным супругам? "Разве у вас нет своего приданого или какого-нибудь другого имущества в вашем собственном распоряжении?" - спросили торговцы. - В таком случае мы можем распорядиться частью для столь священной цели, даже против воли ваших мужей. [315]

Рука, давшая индульгенцию, не могла получить деньги. Это было запрещено под страхом самых суровых наказаний, поскольку могли быть веские основания подозревать, что эта рука не была бы верной. Кающийся сам счел своим долгом положить в сундук плату за свое прощение. [316] Сердитые взгляды были брошены на тех, у кого хватило смелости не открывать свои кошельки. [317]

Если среди тех, кто настаивал на исповеди, оказывался кто-либо, чье преступление было общеизвестно, хотя и такого рода, которого не мог достичь гражданский закон, ему надлежало, прежде всего, публично покаяться. Для этой цели они сначала отвели его в часовню или ризницу, где раздели его догола и сняли обувь, оставив ему только рубашку. Его руки были скрещены на груди, в одной руке он держал фонарь, а в другой - жезл. Затем кающийся шел во главе процессии, которая направлялась к красному кресту. Он оставался на коленях до окончания песнопения и сбора пожертвований. Затем комиссар прочитал псалом "*Miserere mei*". Исповедники немедленно подошли к кающемуся и повели его через церковь к комиссару, который, взяв жезл из его руки и трижды легонько ударив его им по спине, [318] сказал ему: "Да сжалится над тобой Господь и простит твой грех". Затем он выдал *имя Кайри Элейсон*. Кающегося подводили обратно к кресту, и исповедник давал ему апостольское отпущение грехов и объявлял, что он возвращен в общество верующих. Печальный балаган, завершающийся священным выражением лица, которое в такой момент было просто профанацией!

Стоит ознакомиться с содержанием одного из тех дипломов об отпущении грехов, которые привели к Реформации Церкви. Ниже приводится пример: "Пусть Господь наш Иисус Христос

сжалится над тобой, Н.Н., и отпустит тебе грехи по заслугам своих самых святых страстей. И я, в силу вверенной мне апостольской власти, освобождаю тебя от всех церковных порицаний, суждений и наказаний, которые ты, возможно, заслужил; более того, от всех излишеств, грехов и преступлений, которые ты, возможно, совершил, какими бы великими они ни были и по какой бы причине, даже если бы они были зарезервированы за нашим святейшим Отцом папой римским и апостольским престолом. Я стираю все следы инвалидности и все следы позора, которые ты, возможно, навлек на себя в этом случае. Я освобождаю тебя от страданий, которые тебе пришлось бы вынести в чистилище. Я вновь делаю тебя причастником таинств церкви. Я снова включаю тебя в общение святых и восстанавливаю тебя в той невинности и чистоте, в которой ты был в час своего крещения; так что в момент твоей смерти врата, ведущие в место страданий, будут закрыты для тебя, и, напротив, врата, ведущие в небесный рай, будут открыты для тебя. Если тебе не суждено умереть в ближайшее время, эта благодать останется неизменной до тех пор, пока не наступит твой последний час. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

- Монах Джон Тезел, комиссар, подписал это собственной рукой.

Как ловко самонадеянные и лживые слова перемешаны здесь со святыми христианскими выражениями!

Все верующие должны были прийти и исповедаться на месте, где был установлен красный крест. Единственными исключениями были больные, пожилые люди и беременные женщины. Однако, если по соседству оказывался какой-нибудь дворянин в своем замке или какая-нибудь важная персона в своем дворце, для него делалось исключение; [319] поскольку он мог не захотеть смешиваться с толпой, и его деньги того стоили.

Если случалось, что существовал монастырь, главы которого выступали против движения по Тезелю и запрещали своим монахам посещать места, где индульгенция воздвигла свой трон, все равно находили средства исправить зло, посылая к ним исповедников, которым поручалось отпустить им грехи вопреки воле их ордена и воле их глав. [320] В шахте не было ни одной жилы, какой бы маленькой она ни была, которую они не нашли бы для разработки.

Наконец они добрались до цели и конца всего дела - подсчета наличных. Для большей безопасности у сейфа было три ключа — один в руках Тезеля, второй - у казначея, назначенного фирмой Фуггера из Аугсбурга, которые были назначены агентами в этом обширном предприятии, в то время как третий был доверен гражданским властям. Когда настал нужный момент, счетчики были вскрыты в присутствии государственного нотариуса, и все было должным образом подсчитано и зарегистрировано. Разве Христос не должен восстать и изгнать этих нечестивых продавцов из храма?

Поскольку представительство было закрыто, дилеры расслабились от своих трудов. Это правда, инструкции генерального комиссара запрещали им посещать таверны и подозрительные места; [321] но их мало заботил этот запрет. Грех, должно быть, казался очень тривиальным делом людям, которые так легко им занимались. "Нищенствующие, - говорит римско-католический историк, - вели скверную жизнь, тратя в тавернах, игорных домах и местах позора то, что люди откладывали на свои нужды". [322] Даже утверждается, что в тавернах иногда играли в кости для спасения душ. [323]

ГЛАВА II.

Францисканский исповедник—Душа в могиле-Сапожник из Хагенау—Студенты—Миконий—Беседа с Тезелем—Хитрость джентльмена—Беседа мудреца с народом—Шахтер из Шнееберга.

Но давайте взглянем на некоторые сцены, которые тогда происходили в Германии во время продажи "прощения грехов"; ибо здесь мы встречаемся с анекдотами, которые сами по себе дают представление о том времени. Продолжая наше повествование, мы считаем, что лучше всего предоставить мужчинам говорить самим за себя.

В Магдебурге Тезель отказался отпустить грехи богатой женщине, если она не заплатит ему сто флоринов вперед. Она посоветовалась со своим обычным духовником, который был францисканцем. "Бог, - ответил он, - дарует отпущение грехов даром, а не продает его". Однако он умолял ее не рассказывать Тезелю, какой совет он ей дал. Но купец, каким-то образом услышав о словах, столь пагубных для его интересов, воскликнул: "Такой советник заслуживает изгнания или сожжения". [324]

Тезелю редко попадались достаточно просвещенные люди, и еще реже - достаточно смелые, чтобы противостоять ему. По большей части у него был хороший рынок сбыта среди суеверной толпы. Он воздвиг красный крест индульгенций в Цвиккау, и добрые прихожане поспешили внести деньги, которые должны были доставить им чинк на дне сундука. Он уезжал с туго набитым кошельком. Вечером накануне его отъезда капелланы и их сопровождающие попросили его устроить прощальный прием. Просьба была разумной; но как можно было ее удовлетворить? деньги были уже пересчитаны и запечатаны. На следующее утро он приказывает позвонить в большой колокол. Толпы людей поспешили к церкви, каждый думал, что, должно быть, произошло что-то экстраординарное, раз станция была закрыта. "Я решил, - сказал он, - уехать сегодня утром, но прошлой ночью был разбужен стонами. Прислушавшись, я обнаружил, что они доносятся с места захоронения. Увы! это была бедная душа, которая звонила и умоляла меня немедленно избавить ее от мучений, которым она подверглась. Поэтому я остался еще на один день, чтобы пробудить сострадание в христианских сердцах к этой несчастной душе. Я желаю сам быть первым, кто отдаст, и тот, кто не последует моему примеру, заслужит проклятие". Какое сердце не откликнулось бы на такой призыв? Более того, кто знал, чья это была душа, которая плакала на могиле? Люди вносили пожертвования добровольно, и Тезель устроил капелланам и их сопровождающим веселое развлечение, покрыв расходы пожертвованиями, которые он получил в пользу души Цвиккау. [325]

Торговцы индульгенциями обосновались в Хагенау в 1517 году. Жена сапожника, пользуясь авторитетом инструкции генерального комиссара, вопреки воле своего мужа раздобыла письмо о снисхождении и заплатила за него золотой флорин. Вскоре после этого она умерла. Поскольку муж не отслужил мессу за упокой ее души, викарий обвинил его в неуважении к религии, и судья Хагенау вызвал его на допрос. Сапожник положил индульгенцию своей жены в карман и отправился в суд. "Ваша жена умерла?" - спросил судья. "Да", - ответил он. "Что вы для нее сделали?" "Я похоронил ее тело и вверил ее душу Богу". "Но вы приказали отслужить мессу за спасение ее души?" Я этого не делал; в этом не было необходимости. Она попала на небеса в момент своей смерти". "Откуда ты это знаешь?" "Вот доказательство". С этими словами он достает индульгенцию из кармана, и судья в присутствии викария зачитывает в двух словах, что женщина, получившая ее, не попадет в чистилище, а отправится напрямик на небеса. "Если

преподобный викарий утверждает, что месса все еще необходима, значит, моя жена была обманута нашим святейшим отцом папой римским. Если ее не обманули, то это преподобный викарий обманывает меня ". На это не было ответа, и обвиняемый был оправдан. Таким образом, здравый смысл народа воздал должное этим благочестивым мошенникам. [326]

Однажды, когда Тезель проповедовал в Лейпциге и включил в свои проповеди некоторые из тех историй, образец которых мы привели, два студента, испытывая крайнее возмущение, встали и покинули церковь, восклицая: "Для нас невозможно больше слушать забавы и ребячество этого монаха". [327] Говорят, что одним из них был молодой Камерарий, впоследствии близкий друг Меланхтона и его биограф.

Но из всех молодых людей того периода самым сильным впечатлением, несомненно, был Миконий, на которого Тезел произвел наибольшее впечатление, впоследствии прославившийся как реформатор и историк Реформации. Он получил христианское образование. Его отец, благочестивый человек из Франконии, имел обыкновение говорить ему: "Сын мой, молись почаще, ибо все даровано нам одним Богом. Кровь Христа, - добавил он, - это единственный выкуп за грехи всего мира. О, сын мой! если бы было только три человека, которые могли бы быть спасены кровью Христа, верь, и верь с уверенностью, что ты один из этих троих. Сомневаться в том, что это спасает, - оскорбление крови Спасителя". [328] Затем, предостерегая своего сына от торговли, которая начинала налаживаться в Германии: "Римские индульгенции, - сказал он ему, - это сети, которые выуживают деньги и обманывают простых людей. Прощение грехов и вечная жизнь - это не то, что продается".

В возрасте тринадцати лет Фредерика Микониуса отправили заканчивать учебу в школу Аннаберга. Вскоре после этого Тезель прибыл в город и оставался в нем два года. Люди толпами стекались на его проповедь. "Нет другого способа, - воскликнул Тезель своим громовым голосом. - нет другого способа обрести вечную жизнь, кроме удовлетворения делами; но это удовлетворение невозможно для человека, и поэтому все, что он может сделать, это купить его у римского понтифика". [329] Когда Тезель собирался уволиться из Аннаберга, его обращения стали более срочными. "Скоро, - воскликнул он угрожающим тоном, - скоро я сниму крест, закрою врата рая", [330] и погасну блеск того солнца благодати, которое сейчас сияет в твоих глазах". Затем, возобновив мягкий тон убеждения, он сказал: "Сейчас, - сказал он, - подходящее время, сейчас день спасения". Затем, снова повысив голос, понтификальный стентор, [331] который обращался к жителям богатого минеральными ресурсами района, громко воскликнул: "Приносите свои деньги, бюргеры Аннаберга, вносите значительный вклад в индульгенции, и ваши рудники и ваши горы наполнятся чистым серебром". В заключение он объявил, что в день Пятидесятницы раздаст свои письма бедным безвозмездно и из любви к Богу.

Юный Миконий, входивший в число слушателей Тезела, почувствовал горячее желание воспользоваться этим предложением. Подойдя к комиссарам, он сказал им по-латыни: "Я бедный грешник и нуждаюсь в безвозмездном прощении!" Торговцы ответили: "Только те могут принять участие в заслугах Иисуса Христа, кто протягивает руку помощи Церкви, другими словами, кто дает деньги". "Что же тогда означают, - спросил Миконий, - эти обещания безвозмездного дарения, которые вывешены на стенах и дверях церквей?" "Дайте хотя бы шиллинг", - сказали люди Тезеля, которые пошли к своему хозяину и ходатайствовали перед ним за молодого человека, но безуспешно. "Я не могу". "Всего шесть пенсов". "У меня и столько нет". Тогда доминиканцы начали опасаться, что он хочет заманить их в ловушку. "Послушай, -

сказали они ему, - мы сделаем тебе подарок в виде шестипенсовика". Молодой человек, повысив голос от негодования, ответил: "Я не хочу покупных поблажек. Если бы я захотел купить, мне нужно было бы продать только один из моих школьных учебников. Я хочу бесплатного помилования, данного исключительно из любви к Богу, и вам придется отчитаться перед Богом за то, что вы позволили потерять спасение души из-за шестипенсовика". "Кто послал вас заманить нас в ловушку?" воскликнули торговцы. "Ничто, кроме желания обрести милость Божью, не могло побудить меня предстать перед такими могущественными лордами", - ответил молодой человек и удалился.

"Я был очень опечален, - сказал он, - тем, что меня так безжалостно отослали; но я все еще чувствовал в себе Утешителя, который говорил мне, что на небесах есть Бог, который без денег и задатков прощает кающихся грешников из любви к Своему Сыну Иисусу Христу. Прощаясь с этими людьми, я залилась слезами и, рыдая, молилась: "О Боже! поскольку эти люди отказали мне в прощении моих грехов, потому что у меня не было денег, чтобы заплатить за это, ты, о Господь, сжался надо мной и прости мои грехи в чистом милосердии!" Я пошел к себе домой и, взяв распятие, лежавшее на моем письменном столе, положил его на стул и пал ниц перед ним. Я не могу описать, что я почувствовал. Я просил Бога быть моим Отцом и делать со мной все, что ему заблагорассудится. Я почувствовал, что моя природа изменилась, преобразилась. То, что раньше восхищало меня, теперь вызвало во мне отвращение. Жить с Богом и угождать ему было моим самым сильным, моим единственным желанием". [332] Таким образом, Тезель сам внес свой вклад в Реформацию. Крича о злоупотреблениях, он проложил путь к более чистому учению, и возмущение, которое он возбудил в великодушном юноше, однажды должно было сильно разразиться. Мы можем судить об этом по следующему анекдоту.

Саксонский дворянин, который слышал Тезеля в Лейпциге, почувствовал, что его ложь вызвала его негодование, и, подойдя к монаху, спросил его, имеет ли он власть прощать грехи, которые намеревался совершить? "Несомненно", - ответил Тезель. "У меня есть на это все полномочия от папы римского". "Ну что ж, - продолжал рыцарь, - есть один из моих врагов, которому я хотел бы слегка отомстить, не нанося ему смертельного вреда, и я дам вам десять крон в обмен на письмо об индульгенции, которое полностью оправдает меня". Тезель выдвинул несколько возражений; в конце концов, однако, они пришли к соглашению за тридцать крон. Вскоре после этого монах покидает Лейпциг. Джентльмен в сопровождении своих слуг поджидал его в лесу между Ютербохом и Треблином, набросился на него и, нанеся ему несколько ударов палкой, унес богатый сундук с индульгенциями, который был у инквизитора с собой. Тезель кричит о грабеже и подает жалобу судьям, но джентльмен показывает письмо с собственноручной подписью Тезеля, заранее освобождающее его от всякого наказания. Герцог Георг, который поначалу был очень разгневан, увидев документ, приказал оправдать обвиняемого. [333]

Это движение повсюду занимало мысли людей, и о нем повсюду говорили. Это было предметом разговоров в замках, академиях и у очагов горожан, а также на постоянных дворах, в тавернах и во всех общественных местах. [334] Мнения разделились, одни поверили, другие выразили возмущение. Разумная часть общества с отвращением отвергла всю систему индульгенций. Это было настолько вопреки Писанию и морали, что все, кто имел хоть какое-то представление о Библии или о каком-либо естественном свете, в глубине души осуждали это и только ждали сигнала, чтобы заявить о своем несогласии с этим. С другой стороны, насмешники нашли

достаточно материалов для насмешек. Народ, который в течение многих лет был раздражен проступками священников и которого ничто, кроме страха наказания, не заставляло проявлять определенное уважение, дал волю своей ненависти. Повсюду слышались жалобы и сарказмы на алчность духовенства.

И на этом они не остановились. Они даже атаковали силу ключей и авторитет суверенного понтифика. "Почему, - сказали они, - папа не избавляет все души из чистилища сразу из святой благотворительности и принимая во внимание печальное положение этих душ, видя, что он избавляет так много из любви к тленным деньгам и собору Святого Петра? Почему продолжают отмечаться праздники и годовщины умерших? Почему папа не восстанавливает или не позволяет другим возобновить бенефиции и пребенды, которые были учреждены в пользу умерших, поскольку теперь бесполезно и даже предосудительно молиться за тех, кого индульгенции навсегда освободили?" "Что это за новая святость в Боге и папе римском — из любви к деньгам позволить нечестивому профану освободить благочестивую душу, возлюбленную Господом, из чистилища, вместо того, чтобы самим освободить ее безвозмездно из любви и из-за ее великого несчастья". [335]

Много говорили о грубом и аморальном поведении торговцев индульгенциями. "Платя носильщикам за перевозку их товаров, хозяевам гостиниц, у которых они останавливаются, или любому, кто выполняет для них какую-либо работу, они дают индульгенцию на четыре, пять или любое количество душ, в зависимости от обстоятельств". Таким образом, дипломы о спасении были в ходу в гостиницах и на рынках подобно банковским векселям или бумажным деньгам. "Принеси! Принеси!" - сказали простые люди. "Это голова, брюхо, хвост и все тело проповеди". [336]

Шахтер из Шнееберга, встретив продавца индульгенций, спросил: "Должны ли мы действительно верить тому, что вы часто говорили о силе индульгенций и авторитете папы римского, и верить, что можно, бросив пенни в коробку, выкупить душу из чистилища?" Торговец заверил его, что это правда. - Ах! - продолжал рудокоп. - Каким, должно быть, безжалостным человеком был папа римский, если за жалкий пенни оставил несчастную душу так долго плакать в огне. Если у него нет свободных денег, пусть он займет несколько сотен тысяч крон и немедленно освободит всех этих людей. Мы, бедняки, охотно заплатим ему и проценты, и капитал ". Таким образом, Германия устала от позорной торговли, которая происходила в ее среде, и больше не могла терпеть обманы этих римских мошенников, как называет их Лютер. [337] Однако ни один епископ, ни один богослов не осмелился выступить против их шарлатанства и мошенничества. Умы людей были в напряжении и спрашивали, не воздвигнет ли Бог какого-нибудь могущественного человека для работы, которая должна быть выполнена? Этот человек нигде не появлялся.

ГЛАВА. III.

Лев X — Потребности папы Римского—Альберт — Его характер—Одобрение Индульгенции — францисканцев и доминиканцев.

Тогдашним папой на папском престоле был не Борджиа, а Лев X из прославленного дома Медичи. Он был способным, откровенным, добрым и кротким. Его обращение было

приветливым, его безграничная щедрость и нравственность превосходили нравы его двора. Кардинал Паллавичини, однако, признает, что они не были полностью безупречны. К этому дружелюбному характеру он присоединил несколько качеств великого князя. Он показал себя дружелюбным к науке и искусству. В его присутствии были представлены первые итальянские комедии; и в его время было мало таких, которые он не видел в исполнении. Он страстно любил музыку. Каждый день в его дворце звучали музыкальные инструменты, и часто было слышно, как он напевает арии, которые исполнялись до него. Он любил великолепие и ничего не жалел, когда речь шла о праздниках, играх, театрализованных представлениях, подарках или наградах. Ни один двор не превосходил по великолепию и веселью двор суверенного понтифика. Соответственно, когда стало известно, что Джулиан Медичи собирается поселиться в Риме со своей молодой невестой, "Хвала Господу, - воскликнул кардинал Библиена, самый влиятельный советник Льва X, - единственное, чего мы хотели, - это женского двора". [338] Женский суд был необходим для завершения суда папы римского. Религиозным чувствам Лео был совершенно чужд. "Его манеры были настолько приятными, - говорит Сарпи, - что он был бы совершенен, если бы немного разбирался в религиозных вопросах и был несколько более склонен к благочестию, которое редко, если вообще когда-либо, вызывало у него беспокойство". [339]

Лео сильно нуждался в деньгах. Он должен был покрывать свои огромные расходы, обеспечивать все свои щедрости, набивать кошелек золотом, которое он ежедневно бросал народу, поддерживать распушенные выставки в Ватикане, удовлетворять многочисленные запросы своих родственников и сладострастных придворных, давать приданое своей сестре, которая была замужем за принцем Сибо, побочным сыном папы Иннокентия VIII, и покрывать расходы, вызванные его пристрастием к литературе, искусству и удовольствиям. Его двоюродный брат, кардинал Пуччи, столь же искусный в искусстве накопления, как Лео в искусстве расточительства, посоветовал ему прибегнуть к индульгенциям. Соответственно, папа опубликовал буллу, объявляющую всеобщую индульгенцию, доходы от которой, по его словам, должны были быть использованы на возведение церкви Святого Петра, этого памятника священного великолепия. В письме, датированном Римом и заверенном печатью Рыбака в ноябре 1517 года, Лев просит в своем комиссариате индульгенций сто сорок семь золотых дукатов в уплату за рукопись тридцать третьей книги Ливия. Из всех применений, на которые он использовал деньги немцев, это было, несомненно, лучшее. И все же было странно освобождать души из чистилища ради того, чтобы приобрести рукописную историю войн римского народа.

В то время в Германии жил молодой принц, которого во многих отношениях можно было рассматривать как живой образ Льва X. Это был Альберт, младший брат курфюрста Иоахима Бранденбургского. В двадцать четыре года он был назначен архиепископом и курфюрстом Менца и Магдебурга, а два года спустя стал кардиналом. Альберт не обладал ни теми добродетелями, ни теми пороками, которые часто встречаются у высших сановников церкви. Молодой, непостоянный, светский, но не лишенный некоторых великодушных чувств, он прекрасно осознавал многие злоупотребления католицизма и мало заботился о фанатичных монахах, которыми был окружен. Его справедливость побудила его, по крайней мере частично, признать справедливость того, чего требовали друзья Евангелия. В глубине души он не был сильно настроен против Лютера. Капитон, один из самых выдающихся реформаторов, долгое время был его капелланом, советником и доверенным лицом. Альберт регулярно посещал его проповеди. "Он не презирал Евангелие, - говорит Капитон, - напротив, он высоко ценил его и долгое время не позволял монахам нападать на Лютера". Но ему бы хотелось, чтобы Лютер не

компрометировал его и проявил должную осторожность, разоблачая доктринальные ошибки и пороки низшего духовенства, не раскрывая недостатков епископов и князей. В частности, он больше всего беспокоился о том, чтобы его имя не было связано с этим делом. Его доверенное лицо, Капитон, который наложил на себя руки, как это часто делают люди в ситуациях, подобных его собственной, так обратился к Лютеру: "Взгляни на пример Иисуса Христа и апостолов; они обличали фарисеев и кровосмесителя из Коринфа, но никогда прямо не называли их по именам. Вы не знаете, что творится в сердцах епископов; и, возможно, в них больше хорошего, чем вы предполагаете". Но непостоянный и нечестивый дух Альберта еще больше, чем восприимчивость и страхи, вызванные его самолюбием, отдалили его от Реформации. Приветливый, умный, красивый, экстравагантный и расточительный, наслаждавшийся застольными удовольствиями, богатыми экипажами, великолепными зданиями, распущенными удовольствиями и литературным обществом, этот молодой архиепископ-курфюрст был в Германии тем же, чем Лев X был в Риме. Его двор был одним из самых великолепных в империи, и он был готов пожертвовать удовольствиями и величием всеми чувствами правды, которые, возможно, могли бы проникнуть в его сердце. Тем не менее, его лучшие убеждения продолжали даже до последнего оказывать на него некоторое влияние, и он неоднократно проявлял умеренность и справедливость.

Альберт, как и Лео, нуждался в деньгах. Фуггеры, богатые купцы из Аугсбурга, предоставили ему авансы, которые он обязан был вернуть, и поэтому, хотя ему удалось заполучить два архиепископства и епископство, он не смог заплатить Риму за свой Паллий. Это украшение из белой шерсти, украшенное черными крестами и благословленное папой, который послал его архиепископам в знак их достоинства, обошлось им в двадцать шесть, а некоторые говорят, и в тридцать тысяч флоринов. Чтобы раздобыть деньги, Альберт, что вполне естественно, решил прибегнуть к тем же методам, что и папа римский. Соответственно, он обратился к нему с просьбой о распространении индульгенций, или, как выражались в Риме, "грехов германцев".

Папы иногда держали индульгенции в своих руках, а иногда раздавали их на откуп, точно так же, как некоторые правительства до сих пор распоряжаются игорными домами. Альберт предложил Лео разделить с ним прибыль, и Лео, согласившись на сделку, оговорил немедленную выплату Паллиума. Альберт рассчитывал выплатить его из индульгенций и поэтому снова обратился к Фуггерам, которые, посчитав гарантию надежной, согласились на определенных условиях внести требуемый аванс и были назначены банкирами концерна. Они были банкирами князей того периода и впоследствии были возведены в графское достоинство в обмен на оказанные услуги.

Поскольку папа и архиепископ, таким образом, заранее разделили добычу добрых душ Германии, следующим вопросом было выбрать лиц, которые должны были привести это дело в исполнение. Сначала это было предложено францисканскому ордену, хранителем которого был объединенный Альберт. Но, поскольку это уже имело дурной запах среди честных людей, эти монахи не стремились иметь с этим ничего общего. Августинцы, которые были более просвещенными, чем другие религиозные ордена, были бы менее склонны браться за это. Однако францисканцы, боясь оскорбить папу, который только что прислал их главе Де Форли кардинальскую шапку, шляпу, которая обошлась этому бедному нищенствующему ордену в тридцать тысяч флоринов, the guardian сочли более благоразумным не отказываться открыто, но в то же время чинили всевозможные трудности на пути Альберта. Они никогда не могли понять друг друга, и, соответственно, когда курфюрсту было сделано предложение взять на себя всю

ответственность, он с готовностью согласился. Доминиканцы, с другой стороны, жаждали принять участие в общем сборе, который вот-вот должен был начаться. Тезель, который уже был известен в своем ремесле, поспешил в Менц, чтобы предложить свои услуги курфюрсту. Принимая во внимание талант, который он проявил при издании индульгенций для рыцарей Тевтонского ордена в Пруссии и Ливонии, его предложения были приняты, и таким образом вся торговля перешла в руки его ордена. [340]

ГЛАВА IV.

Приближение Тезеля—Лютер на исповеди—Гнев Тезеля—Лютер без плана—Зависть среди Орденов—Речь Лютера—Мечта курфюрста.

Насколько нам известно, Лютер впервые услышал о Тезеле в Гримме в 1516 году, когда он был накануне начала своего посещения церквей. Когда Штаупиц все еще был с Лютером, ему сказали, что торговец индульгенциями поднял большой шум в Вюрцене. Цитировались даже некоторые из его экстравагантных высказываний. Возмущение Лютера возросло, и он воскликнул: "Пожалуйста, Боже, я проделаю дырку в его барабане". [341]

Тезель по возвращении из Берлина, где он встретил самый дружеский прием у курфюрста Иоахима, брата генерального фермера, разместился в Ютербохе. Штаупиц, пользуясь своим влиянием на курфюрста Фридриха, часто рассказывал ему о злоупотреблениях индульгенциями и скандальных действиях нищенствующих, [342] и принцы Саксонии, возмущенные позорной торговлей, запретили торговцу въезжать на их территорию. Соответственно, он был вынужден оставаться на службе у архиепископа Магдебургского, но в то же время приблизился к Саксонии настолько, насколько мог, поскольку Ютербох находился всего в четырех милях от Виттемберга. "Этот великий молотильщик кошельков, - говорит Лютер, - принялся с размахом молотить [343] по стране, так что деньги начали прыгать, кувыркаться и позвякивать в его груди". Жители Виттемберга толпами ходили на рынок сладостей в Ютербохе.

В этот период Лютер испытывал величайшее уважение к церкви и папе римскому. "Я был тогда, - сказал он, - монахом, самым фанатичным папистом, настолько опьяненным и проникнутым римскими доктринами, что, если бы я мог, я бы охотно приложил руку к убийству любого, кто осмелился отказаться повиноваться папе в малейшем вопросе. [344] Я был настоящим Саулом, как и многие до сих пор". Но в то же время его сердце было готово выступить за все, что он считал истиной, и против всего, что он считал заблуждением. "Я был молодым врачом, только что родившимся, пылким и радующимся слову Господню". [345]

Однажды, когда Лютер занял свое место в исповедальне в Виттемберге, несколько жителей города предстали перед ним и один за другим признались в самых вопиющих безнравственных поступках. Прелюбодеяние, распутство, ростовщичество, несправедливо нажитое богатство были преступлениями, с которыми служителю слова приходилось сталкиваться со стороны людей, за души которых ему однажды предстояло отчитаться. Он упрекает, исправляет и наставляет их; но каково же его удивление, когда эти люди говорят ему, что они не решают оставить свои грехи?... Весьма удивленный, благочестивый монах заявляет, что, поскольку они отказываются обещать исправление, он не может дать им отпущение грехов. Затем несчастные существа обратились к

их письмам о снисхождении, демонстрируя их и превознося их добродетели. Но Лютер ответил, что его мало интересует бумага, которую они ему показали, и добавил: *если вы не покаетесь, вы все погибнете*. Они кричали и упрекали, но доктор был непреклонен: "они должны перестать творить зло и научиться творить добро... иначе никакого отпущения грехов". "Остерегайтесь, - добавил он, - прислушиваться к разглагольствованиям продавцов индульгенций; вы могли бы найти себе занятие получше, чем покупать лицензии, которые вам продают за самую ничтожную сумму". [346]

Сильно встревоженные жители Виттемберга поспешили обратно к Тезелю, чтобы рассказать ему, как монах-августинец пренебрег его письмами. Тезель, услышав это, побагровела от ярости, плакала, топала ногами и проклинала кафедру. [347] Чтобы вселить в людей еще больший ужас, он неоднократно разжигал костер на рыночной площади, заявляя, что получил приказ от папы сжечь всех еретиков, которые посмеют выступить против его святых индульгенций.

Таково обстоятельство, которое было не причиной, а первым поводом Реформации. Пастор, видящий овец своего стада на пути, который должен привести их к гибели, прилагает усилия для их освобождения. Пока у него нет мысли о реформировании церкви и мира. Он видел Рим и его развращенность, но он не выступает против Рима. Он видит некоторые злоупотребления, от которых стонет христианство, но не думает об исправлении этих злоупотреблений. У него нет желания становиться Реформатором. [348] У него нет плана реформирования Церкви, как и у него самого. Бог намеревается провести реформу, и для проведения реформы выбирает Лютера. То же самое средство, которое оказалось столь действенным в излечении его собственного ничтожества, рука Божья применит им для излечения страданий христианского мира. Он остается спокойным в той сфере, которая ему поручена, ходит только туда, куда зовет его Учитель, и выполняет свои обязанности профессора, проповедника и пастора в Виттемберге. Когда он сидит в церкви, его слушатели приходят и открывают ему свои сердца. Зло нападает на него, и ошибка ищет его по своей собственной воле. Ему мешают исполнять свой долг, и его совесть, связанная со словом Божиим, сопротивляется. Разве не Бог призывает его? Сопротивляться - это долг, а быть долгом - это еще и право. У него нет другого выхода, кроме как заговорить. Таким образом, события были упорядочены тем Богом, которому было угодно, говорит Матезиус, "восстановить христианский мир с помощью сына кузнечного мастера и очистить нечистое учение церкви, пропустив его через свои печи". [349]

После приведения этой детали, должно быть, нет необходимости опровергать ложное обвинение, придуманное некоторыми врагами Лютера, но только после его смерти. Как было сказано, ревность к своему ордену, скорбь при виде позорной и осуждаемой торговли, доверенной доминиканцам в ущерб августинцам, которым до сих пор это нравилось, побудили виттембергского доктора напасть на Тезеля и его доктрины. Хорошо известного факта, что эта торговля была впервые предложена августинцам, которые отказались от нее, достаточно, чтобы опровергнуть эту басню, которую повторяли авторы, копировавшие друг друга; даже кардинал Паллавичини утверждает, что августинцы никогда не исполняли эту должность. [350] Кроме того, мы видели страдания души Лютера. Его поведение не нуждается в другом объяснении. Для него было невозможно не открыто исповедовать доктрину, которой он был обязан своим счастьем. В христианстве каждый человек, нашедший благословение, стремится сделать других участниками этого. В наши дни пришло время отказаться от этих ребяческих объяснений, которые недостойны великой революции шестнадцатого века. Чтобы поднять мир,

требовался более мощный рычаг. Реформация существовала не только при Лютере; она была порождением его эпохи.

Лютер, движимый в равной степени послушанием истине Божьей и милосердием к людям, взошел на кафедру. Он предупредил своих слушателей, но, как он сам говорит, сделал это мягко. [351] Его принц получил от папы особые индульгенции для церкви Виттембергского замка, и вполне возможно, что некоторые из ударов, которые он собирался нанести по этим индульгенциям, могли обрушиться на курфюрста. Неважно; он пойдет на риск. Если бы он стремился угодить людям, он не был бы слугой Христа.

"Ни один человек не может доказать с помощью Священного Писания, - говорит верный служитель Слова народу Виттемберга, - что правосудие Божье взыскивает с грешника наказание или удовлетворение; единственная обязанность, которую оно налагает на него, - это истинное покаяние, искреннее обращение, решимость нести крест Иисуса Христа и быть усердным в добрых делах. Большая ошибка думать, что мы сами можем удовлетворить правосудие Божье за наши грехи. Он всегда прощает их безвозмездно по своей неоценимой благодати.

"Христианская церковь, это правда, требует чего-то от грешника и, следовательно, имеет право отпустить то, чего она так требует, но это все. Даже эти поблажки Церкви терпимы только из-за ленивых и несовершенных христиан, которые не будут ревностно упражнять себя в добрых делах. Ибо они никого не побуждают к освящению, но оставляют всех в несовершенстве".

Затем, обращаясь к предлогу, под которым были опубликованы индульгенции, он продолжает: "Было бы гораздо лучше внести свой вклад в возведение церкви Святого Петра из любви к Богу, чем покупать индульгенции с этой целью.... Но вы спрашиваете, должны ли мы тогда никогда их не покупать? Я уже говорил и повторяю это; мой совет - не покупайте. Предоставьте это сонным христианам, а сами идите своим путем. Верующих нужно отвлечь от индульгенций и побудить совершать дела, которыми они пренебрегают".

Наконец, взглянув на своих противников, Лютер заключает так: "Если некоторые кричат, что я еретик (ибо истина, которую я проповедую, очень вредит их сильной ложе), их крики меня мало волнуют. Это тупые и болезненные мозги, люди, которые никогда не чувствовали Библии, никогда не читали христианского учения, никогда не понимали своих собственных учителей и которые обращаются к гниению, завернувшись в лохмотья своих тщеславных мнений, [352] ... Дай Бог им и нам здравого рассудка. Аминь". После этих слов доктор сошел с кафедры, оставив слушателей в изумлении от его смелых высказываний.

Эта проповедь была напечатана и произвела глубокое впечатление на всех, кто ее читал. Тезель ответил на это, и Лютер ответил; но эти дискуссии состоялись только в более поздний период (1518 г.).

Приближался праздник Всех Святых. Хроники того времени рассказывают здесь об обстоятельстве, которое, хотя и не имеет значения для истории того периода, может, однако, послужить его характеристикой. Это сон Избирателя, который по существу, несомненно, достоверен, хотя те, кто его рассказывал, могли добавить несколько обстоятельств. Об этом упоминает Секендорф, [353] который отмечает, что страх дать своим противникам основание утверждать, что доктрина Лютера была основана на снах, помешал нескольким историкам говорить об этом.

Курфюрст Фридрих Саксонский, как гласят хроники того времени, находился в своем замке Швейниц, в шести лье от Виттемберга. Утром 31 октября, находясь в обществе своего брата герцога Джона, который в то время был соправителем, а после его смерти стал единственным курфюрстом, и своего канцлера, курфюрст сказал герцогу:

"Брат, я должен рассказать тебе сон, который приснился мне прошлой ночью и значение которого я очень хотел бы узнать. Это так глубоко запечатлелось в моем сознании, что я никогда не забуду этого, даже проживи я тысячу лет. Ибо я видел это во сне трижды, и каждый раз при новых обстоятельствах".

Герцог Джон.— Это хороший или плохой сон?

Избиратель.— "Я не знаю; Бог знает".

Герцог Джон.— Не беспокойтесь об этом, но будьте так добры, расскажите это мне.

Избиратель.— "Легши спать прошлой ночью усталый и не в духе, я заснул вскоре после своей молитвы и спокойно проспал около двух с половиной часов; затем я проснулся и продолжал бодрствовать до полуночи, в моей голове проносились всевозможные мысли. Среди прочего, я думал о том, как мне отмечать праздник Всех Святых. Я молился за бедные души в чистилище и умолял Бога направлять меня, мои советы и мой народ в соответствии с истиной. Я снова заснул, и тут мне приснилось, что Всемогущий Бог послал мне монаха, который был истинным сыном апостола Павла. Все святые сопровождали его по повелению Божьему, чтобы засвидетельствовать передо мной и заявить, что он пришел не для того, чтобы замышлять какой-либо заговор, но что все, что он делал, было по воле Божьей. Они попросили меня оказать им любезность и разрешить написать что-нибудь на двери церкви Виттембергского замка. Я предоставил это через моего канцлера. После этого монах пошел в церковь и начал писать такими крупными буквами, что я мог прочесть надпись в Швайнице. Ручка, которой он пользовался, была такой большой, что ее конец достигал аж Рима, где она проткнула уши лежащего там льва, [354] и заставила покачнуться тройную корону на голове папы римского. Всекардиналы и принцы, поспешно подбежав, пытались помешать ему упасть. Мы с тобой, брат, тоже хотели помочь, и я протянул руку... но в этот момент я проснулся с поднятой рукой, совершенно пораженный и очень разгневанный на монаха за то, что он не справился со своим пером лучше. Я немного пришел в себя: это был всего лишь сон.

Я все еще был в полусне и снова закрыл глаза. Сон вернулся. Лев, все еще раздраженный загоном, начал рычать изо всех сил, да так, что весь город Рим и все государства священной империи сбегались посмотреть, в чем дело. Папа просил их выступить против этого монаха и особенно обращался ко мне, поскольку он находится в моей стране. Я снова проснулся, повторил Молитву Господню, взмолился Богу сохранить его Святость и снова заснул.

Затем мне приснилось, что все принцы империи, и мы среди них, поспешили в Рим и один за другим пытались сломать перо; но чем больше мы старались, тем жестче оно становилось, звучало так, словно было сделано из железа. Наконец мы прекратили. Затем я спросил монаха (поскольку я иногда бывал в Риме, а иногда в Виттемберге), где он взял это перо и почему оно такое прочное. "Перо, - ответил он, - принадлежало старому гусю из Богемии, ему было сто лет. [355] Я получил это от одного из моих старых школьных учителей. Что касается его силы, то она объясняется невозможностью извлечь из него сердцевину, и я сам этому весьма удивлен".

Внезапно я услышал громкий шум; из длинного пера монаха выскочило большое количество других ручек.... Я проснулся в третий раз; было светло..."

Герцог Джон.— Канцлер, каково ваше мнение? Если бы у нас был Иосиф или Даниил, просвещенные Богом!"

Канцлер.— Вашим высочествам известна распространенная пословица о том, что мечты юных девушек, ученых мужей и знатных лордов обычно имеют какой-то скрытый смысл. Однако значение этого сна мы сможем узнать только через некоторое время; по крайней мере, до тех пор, пока не произойдут события, к которым оно относится. А потому предоставьте это достижение Богу и полностью отдайте его в его руки".

Герцог Джон."Я разделяю ваше мнение, канцлер; нам не подобает утруждать себя, пытаюсь разгадать смысл; Бог все отменит во славу свою".

Курфюрст.— "Пусть так сделает наш верный Бог; и все же я никогда не забуду этот сон. Я действительно придумал толкование, но держу его при себе. Возможно, время покажет, был ли я хорошим прорицателем".

Таким образом, согласно веймарской рукописи, утро 31 октября было проведено в Швайнице. Давайте посмотрим, как прошел вечер в Виттемберге. Мы снова возвращаемся в область истории.

ГЛАВА V.

Праздник Всех Святых—Тезисы—Их сила—Умеренность—Провидение—Письмо Альберту—Безразличие епископов—Распространение тезисов.

Слова Лютера не произвели особого эффекта. Тезель, не утруждая себя, продолжал свою торговлю и нечестивые разглагольствования. [356] Подчинится ли Лютер этим вопиющим оскорблениям и сохранит ли молчание? Как пастор, он искренне увещевал тех, кто прибегал к его служению, и, как проповедник, возвысил свой предостерегающий голос с кафедры. Ему все еще остается говорить как богослову — обращаться не к отдельным лицам в исповедальне, не к собранию верующих в Виттембергской церкви, но ко всем, кто, как и он сам, является учителями слова Божьего. Его решение принято.

У него и в мыслях нет нападать на Церковь или привлекать папу к своей защите. Напротив, именно его уважение к папе римскому не позволит ему больше молчать в отношении претензий, которыми он пострадал. Он должен встать на сторону папы римского против дерзких людей, которые осмеливаются связывать его почтенное имя со своей позорной торговлей. Далекий от мысли о революции, которая должна уничтожить главенство Рима, Лютер ожидает, что папа и католицизм станут его союзниками в борьбе с дерзкими монахами. [357]

Праздник Всех Святых был важным днем для Виттемберга, и особенно для церкви, которую курфюрст приказал там воздвигнуть и наполнить реликвиями. В тот день эти реликвии, украшенные серебром, золотом и драгоценными камнями, были вынесены наружу и выставлены на обозрение людей, которые были поражены и ослеплены их великолепием. [358]

Тот, кто в тот день посещал церковь и исповедовался в ней, получал ценную индульгенцию. Соответственно, по этому великому случаю паломники толпами прибывали в Виттемберг.

31 октября 1517 года Лютер, уже принявший решение, смело идет к церкви, куда направлялись суеверные толпы паломников, и вывешивает на дверях этой церкви девяносто пять Тезисов, или предложений, направленных против доктрины индульгенций. Ни Курфюрст, ни Штаупиц, ни Спалатин, ни кто-либо, даже самый близкий из его друзей, не были предварительно проинформированы об этом шаге. [359] В этих тезисах Лютер заявляет, в своего рода преамбуле, что он написал их с явным желанием выставить истину на всеобщее обозрение. Он заявляет, что готов защищать их завтра в университете против всех и вся. Внимание, которое они вызывают, велико; их читают и повторяют. За короткое время паломники, университет, весь город наполнился ими. Ниже приводятся некоторые из этих высказываний, написанные пером монаха и прикрепленные к дверям Виттембергской церкви.

1. "Когда наш Господь и Наставник Иисус Христос говорит "покайтесь", он имеет в виду, что вся жизнь его последователей на земле - это постоянное покаяние.

2. "Это выражение не может быть понято в отношении таинства покаяния (то есть исповеди и удовлетворения), совершаемого священником.

3. "И все же Господь намеревается говорить не только о внутреннем покаянии. Внутреннее покаяние ничтожно, если оно не проявляется внешне через умерщвление плоти.

4. "Раскаяние и печаль, то есть истинное раскаяние, продолжаются до тех пор, пока человек недоволен собой, то есть до тех пор, пока он не перейдет из этой жизни в жизнь вечную.

5. "Папа не может и не желает применять никакого другого наказания, кроме того, которое он наложил по собственному желанию или в соответствии с канонами, то есть папскими постановлениями.

6. "Папа не может отменить никакого осуждения, а только объявить и подтвердить прощение, данное самим Богом. По крайней мере, он может делать это только в тех случаях, которые принадлежат ему. Если он поступит иначе, осуждение останется точно таким же, как и раньше.

8. "Законы церковного покаяния должны налагаться только на живых и не иметь никакого отношения к мертвым.

21. "Уполномоченные по индульгенциям ошибаются, когда говорят, что индульгенция папы избавляет от всякого наказания и спасает.

25. "Той же властью, которой папа обладает над чистилищем во всей Церкви, обладает каждый епископ индивидуально в своей епархии и каждый викарий в своем приходе.

27. "Притворяться, что в тот самый момент, когда деньги звенят в сейфе, душа улетает из чистилища, - это проповедь человеческой глупости.

28. "Несомненно одно: как только зазвенят деньги, алчность и любовь к наживе прибывают, возрастают и множатся. Но помощь и молитвы Церкви зависят только от воли и благоволения Божьего.

32. "Те, кто воображают, что уверены в спасении посредством индульгенций, отправятся к дьяволу вместе с теми, кто их этому учит.
35. "Это антихристианская доктрина - делать вид, что для освобождения души из чистилища или для покупки индульгенции нет необходимости ни в печали, ни в покаянии.
36. "Каждый христианин, который искренне раскаивается в своих грехах, получает полное прощение наказания и вины и пока не нуждается в снисхождении.
37. "Каждый истинный христианин, живой или мертвый, участвует во всех благословениях Христа и Церкви даром Божиим и без индульгенционного письма.
38. "И все же не следует пренебрегать устройением и помилованием папы, ибо его помилование - это провозглашение Божьего помилования.
40. "Подлинная печаль и раскаяние ищут наказания и любят его; но мягкость снисхождения устраняет страх наказания и порождает ненависть к нему.
42. "Христианам следует сказать, что папа римский не желает и не намеревается, чтобы они в каком-либо отношении сравнивали акт покупки индульгенций с каким-либо делом милосердия.
43. "Христианам следует сказать, что тот, кто дает бедным или дает займы нуждающимся, поступает лучше, чем тот, кто покупает индульгенцию:
44. "Ибо дело милосердия увеличивает милосердие и делает человека более благочестивым; тогда как снисходительность не делает его лучше, а только придает ему больше уверенности в себе и делает его более защищенным от наказания.
45. "Христианам следует сказать, что тот, кто видит, что его ближний чего-то хочет, и вместо того, чтобы помочь ему, покупает индульгенцию, покупает не индульгенцию папы римского, а навлекает на себя Божественное неудовольствие.
46. "Христианам следует сказать, что если у них нет излишеств, они обязаны сохранять то, что у них есть, чтобы обеспечить свои семьи всем необходимым, а не расточать это на индульгенции.
47. "Христианам следует сказать, что покупка индульгенции необязательна.
48. "Христианам следует сказать, что папа, больше нуждающийся в молитве, возносимой с верой, чем в деньгах, желает молитвы больше, чем денег, когда раздает индульгенции.
49. "Христианам следует сказать, что снисходительность папы хороша при условии, что они не возлагают на нее своих надежд, но что нет ничего более пагубного, если это умаляет благочестие.
50. "Христианам следует сказать, что если бы папа знал о вымогательствах проповедников индульгенций, он предпочел бы, чтобы митрополия Святого Петра была сожжена и превращена в пепел, чем видеть, как она строится из кожи, плоти и костей его овец.
51. "Христианам следует сказать, что папа, согласно своему долгу, раздал бы свои собственные деньги бедным людям, у которых проповедники индульгенций сейчас отнимают последний пенни, если бы он для этой цели даже продал митрополию Святого Петра.

52. "Надеяться спастись индульгенциями - пустая и лживая надежда, даже если комиссионеру по индульгенциям, более того, самому папе римскому, будет угодно поручиться за это своей собственной душой.

53. "Те, кто из-за проповеди индульгенций запрещают проповедовать слово Божье, являются врагами папы римского и Иисуса Христа.

55. "У папы не может быть никакой другой мысли, кроме этой: если индульгенция, которая имеет меньшее значение, празднуется с колоколами, помпой и церемониями, то необходимо, *тем* более, чтить и прославлять Евангелие, которое имеет большее значение, сотней колоколов, сотней помпезностей и сотней церемоний.

62. "Истинным и драгоценным сокровищем Церкви является святое Евангелие славы и благодати Божьей.

65. "Сокровища Евангелия - это сети, которыми некогда ловили богатых и тех, кто был спокоен в своих обстоятельствах:

66. "Но сокровища снисходительности - это сети, в которые теперь ловят не богатых людей, а богатства людей.

67. "Долг епископов и пасторов - принимать посланников апостольских индульгенций со всем уважением:

68. "Но в еще большей степени их долг - использовать свои глаза и уши, чтобы следить за тем, чтобы упомянутые комиссары не проповедовали мечты своего собственного воображения вместо приказов папы.

71. "Проклят тот, кто выступает против снисхождения папы.

72. "Но благословен тот, кто выступает против глупых и дерзких слов проповедников индульгенций.

76. "Снисходительность папы римского не может устранить ни малейшего ежедневного греха, связанного с ошибкой или правонарушением.

79. "Говорить, что крест, украшенный гербом папы римского, столь же силен, как крест Христа, - это богохульство.

80. "Епископы, пасторы и богословы, которые позволяют говорить такие вещи людям, будут призваны к ответу за это.

81. "Эта позорная проповедь, эти дерзкие восхваления индульгенций затрудняют ученым защиту достоинства и чести папы от клеветы проповедников и тонких и озадачивающих вопросов простых людей.

86. "Почему, - говорят они, - папа, чье богатство больше, чем у богатого Креза, не построит митрополию Святого Петра на свои собственные деньги, а не на деньги бедных христиан?"

92. "Тогда хотелось бы, чтобы мы были избавлены от всех проповедников, которые говорят церкви Христовой: мир! Мир! когда мира нет!

94. "Христиан следует призывать к усердию в следовании за Христом, возглавляющим их, через кресты, смерть и ад.

95. "Ибо гораздо лучше войти в царствие небесное через многие скорби, нежели приобрести плотскую безопасность лестью ложного мира".

Итак, здесь было положено начало работе. Зародыш Реформации содержался в этих тезисах Лютера. В них подвергались нападкам злоупотребления индульгенциями (и это было их самой поразительной чертой), но за этими нападками стоял, более того, принцип, которому, хотя он и привлекал гораздо меньше внимания толпы, было суждено однажды ниспровергнуть здание папства. Здесь впервые публично было провозглашено евангельское учение о свободном и безвозмездном отпущении грехов. Отныне работа должна расти. Фактически, было очевидно, что любой человек, имевший веру в отпущение грехов, как проповедовал виттембергский доктор; любой человек, прошедший это обращение и освящение, на необходимости которых он настаивал, больше не заботился бы о человеческих таинствах, но вырвался бы из римских пеленок и обеспечил свободу детям Божиим. Все заблуждения должны были уступить дорогу этой истине. Благодаря ей свет впервые проник в сознание самого Лютера, и благодаря ей подобным образом свет должен быть распространен в Церкви. Чего хотели предыдущие реформаторы, так это ясного знания этой истины; отсюда и бесплодность их трудов. Впоследствии сам Лютер осознал, что, провозгласив оправдание верой, он приставил топор к корню дерева. "Это доктрина, - сказал он, - на которую мы нападаем в "последователях папства". Гусс и Уиклифф покушались только на их жизни, но, нападая на их доктрину, мы берем гуся за шею. Все зависит от Слова, которое папа взял у нас и фальсифицировал. Я победил папу римского, потому что мое учение соответствует Богу, а его - дьяволу. [360]

Мы тоже в наши дни забыли основополагающее учение об оправдании верой, хотя в некотором смысле оно противоположно учению наших отцов. "Во времена Лютера, - говорит один из наших современников, [361] "отпущение грехов, по крайней мере, стоило денег, но в наши дни каждый обеспечивает себя бесплатно". Эти две крайности очень похожи. Возможно, в нашей крайности забвения Бога даже больше, чем в шестнадцатом веке. Принцип оправдания благодатью Божьей, который вывел Церковь из такого мрака во времена Реформации, также является единственным принципом, который может обновить наше поколение, положить конец его сомнениям и колебаниям, уничтожить язву эгоизма, установить господство морали и справедливости и, одним словом, воссоединить мир с Богом, от которого он был отделен.

Но если тезисы Лютера были могущественны благодаря истине, которую они провозглашали, они не стали менее могущественными благодаря вере их провозглашенного защитника. Он смело обнажил меч Слова, и он сделал это, доверяя силе истины. Он чувствовал, что, полагаясь на обетования Божьи, он может, выражаясь языком мира, позволить себе чем-то рискнуть. Говоря об этой смелой атаке, он говорит: "Пусть тот, кто хочет начать доброе предприятие, предпримет его, полагаясь на его собственные достоинства, а не (этого пусть остерегается) на помощь и покровительство человека. Более того, пусть ни люди, ни даже весь мир не удерживают его. Ибо эти слова никогда не обманут: "Хорошо уповать на Господа; и никто, уповающий на Него, не будет посрамлен". Но пусть тот, кто не способен и не желает рисковать чем-либо, уповая на Бога, остерегается предпринимать что-либо". [362] Несомненно, Лютер, вывесив свои тезисы на дверях церкви Всех Святых, удалился в свою тихую келью, в полном

обладании миром и радостью, даруемыми действием, совершенным во имя Господа и ради вечной истины.

Эти тезисы, несмотря на их большую смелость, все же свидетельствуют о монахе, который не допускает ни малейшего сомнения в авторитете Римского престола. Но, нападая на доктрину индульгенций, Лютер, сам того не замечая, совершил несколько ошибок, разоблачение которых не могло понравиться папе, поскольку они рано или поздно ставили под сомнение его верховенство. Лютер в то время не видел так далеко; но он чувствовал всю смелость шага, который он только что предпринял, и, следовательно, считал себя обязанным умерить его в той мере, в какой это соответствовало уважению к истине. Соответственно, он представил свои тезисы только как сомнительные положения, по которым он интересовался мнением ученых; и, в соответствии с установившимся обычаем, приложил к ним торжественный протест, заявив, что он не желает говорить или утверждать ничего, что не основано на Священном Писании, Отцах Церкви, правах и декретах Римского престола.

Впоследствии часто, размышляя об огромных и неожиданных последствиях этой смелой атаки, Лютер удивлялся самому себе и не мог понять, как он отважился на это. Невидимая рука, более могущественная, чем его собственная, держала поводья и толкала его на путь, которого он не знал и перед трудностями которого он, возможно, отступил бы, если бы знал их и продвигался в одиночку. "Я ввязался в этот спор, - говорит он, - без заранее обдуманной цели, не зная об этом и не желая этого; и был застигнут совершенно врасплох. За правдой этого я обращаюсь к Искателю сердец". [\[363\]](#)

Лютер познакомился с источником этих злоупотреблений. Он получил маленькую книжечку, украшенную гербом архиепископа Менцкого и Магдебургского и содержащую правила, которые необходимо соблюдать при продаже индульгенций. Следовательно, именно этот молодой прелат, этот образованный принц предписал или, по крайней мере, санкционировал все это шарлатанство. В нем Лютер видит только начальника, которому он обязан бояться и благоговеть; [\[364\]](#) и, желая не бить тревогу, а обратиться к тем, на кого возложено управление Церковью, он посылает ему письмо, сразу отличающееся своей откровенностью и смирением. Лютер написал это письмо Альберту в тот же день, когда опубликовал свои тезисы.

"Простите меня, преподобнейший Отец во Христе и наисвятейший Принц, - говорит он ему, - если я, всего лишь отбросы человечества, [\[365\]](#) имею дерзость писать о вашем Высоком Могууществе. Господь Иисус - мой свидетель, что, чувствуя, какой я маленький и презренный, я долго откладывал это.... Однако, не будет ли вашему Высочеству угодно взглянуть на пылинку и, в соответствии с вашей епископской кротостью, милостиво принять мое прошение.

"Есть люди, которые разносят папскую индульгенцию по всей стране от имени вашей светлости. Я виню не столько декламацию проповедников (я их не слышал), сколько ошибочные идеи необразованных и простых людей, которые воображают, что покупая индульгенции, они обеспечивают свое спасение....

"Боже милостивый! души, вверенные твоему попечению, почтеннейший Отец, ведут к смерти, а не к жизни. Справедливый и строгий отчет, который от вас потребуется, растет и приумножается день ото дня.... Я не мог дольше молчать. Ах! человек не спасается делами или деяниями своего епископа.... Даже праведный едва ли спасается; и путь, ведущий к жизни,

тесен. Почему же тогда проповедники индульгенций пустыми баснями внушают людям ложную уверенность?

"По их мнению, только снисходительность должна быть провозглашена, должна превозноситься.... Что! Разве это не главная и единственная обязанность епископов - наставлять народ в Евангелии и любви к Иисусу Христу? [366] Иисус Христос нигде не предписывал проповедовать снисхождение; но настоятельно рекомендовал проповедовать Евангелие. [367] Тогда как ужасно и насколько опасно для епископа позволять передавать Евангелие в тишине, и ничего, кроме звука снисхождения, непрестанно доноситься до ушей его народа

"Достойнейший Отец в Боге, в Инструкции комиссаров, которая была опубликована от имени вашей Светлости (несомненно, без вашего ведома), говорится, что индульгенция — это самое драгоценное сокровище, что она примиряет человека с Богом и позволяет тем, кто ее покупает, обойтись без покаяния.

"Что же тогда я могу, что я должен делать, почтеннейший епископ, светлейший принц? Ах! Я умоляю ваше Высочество Господом Иисусом Христом обратить на это дело отеческую бдительность, полностью уничтожить брошюру и поручить проповедникам обращаться к людям с речами иного рода. Если вы откажетесь это сделать, будьте уверены, что однажды вы услышите, как кто-нибудь поднимет голос в опровержение этих проповедников, к великому бесчестию вашего светлейшего Высочества".

В то же время Лютер отправил свои тезисы архиепископу и в постскриптуме попросил его прочитать их, чтобы он мог убедиться, насколько мало оснований было у доктрины индульгенций.

Таким образом, все желание Лютера состояло в том, чтобы стражи Церкви пробудились и приложили все усилия, чтобы положить конец злу, опустошавшему ее. Ничто не могло быть более благородным и уважительным, чем это письмо монаха одному из величайших князей Церкви и империи. Никогда не было лучшего примера духа заповеди нашего Спасителя - "Воздавайте кесарю кесарево, а Богу Божье". Это не курс жестоких революционеров, которые презирают власть и обвиняют достоинство. Это крик, исходящий из совести христианина и священника, который оказывает честь всем, но в первую очередь боится Бога. Однако все молитвы и мольбы были бесполезны. Юный Альберт, поглощенный своими удовольствиями и честолюбивыми замыслами, ничего не ответил на этот торжественный призыв. Епископ Брандебургский, ординарий Лютера, ученый и благочестивый человек, которому он также посылал свои тезисы, ответил, что он нападает на власть Церкви, что он навлечет на себя большие неприятности, что это выше его сил, и что его искренний совет ему — хранить молчание. [368] Князья Церкви затыкают свои уши от голоса Божьего, столь энергично и аффектированно провозглашенного при посредничестве Лютера. Они не понимали знамений времени; они были поражены той слепотой, которая привела к гибели стольких сил и достоинств. "Оба думали, - вспоминал впоследствии Лютер, - что пап было бы слишком много для такого жалкого нищего, как я".

Но Лютер был способен лучше, чем епископы, понять пагубные последствия, которые индульгенции оказывали на нравы и жизнь людей, ибо он находился в прямой переписке с ними. Он постоянно имел близкое представление о том, о чем епископы узнавали только из

недостовверных сообщений. Если епископы подвели его, Бог не подвел его. Глава Церкви, восседающий на небесах и которому была дана вся власть на земле, сам подготовил почву и вложил зерно в руки своего слуги. Он дал крылья семени истины и в одно мгновение распространил его по всей длине и ширине своей Церкви.

На следующий день в университете никто не появился, чтобы выступить против положений Лютера. Торговля Тезеля была слишком дискредитирована и слишком позорна для кого-либо, кроме него самого или кого-то из его созданий, чтобы осмелиться принять вызов. Но этим тезисам было суждено прозвучать не под крышей академического зала, а в других местах. Едва они были прибиты к дверям замковой церкви Виттемберга, как за слабыми ударами молотка по всей Германии последовал удар, который достиг даже основания гордого Рима, угрожая внезапным разрушением стен, ворот и столпов папства, ошеломляя и ужасая его защитников и в то же время пробуждая тысячи людей от сна заблуждения. [369]

Эти тезисы распространились с быстротой молнии. Не прошло и месяца, как они были в Риме. "За две недели", - говорит современный историк, [370] "они были во всех частях Германии и за четыре недели пересекли почти весь христианский мир; как будто сами ангелы были вестниками и несли их перед глазами всех людей. Никто не может поверить, какой шум они производили". Впоследствии они были переведены на голландский и испанский языки, и один путешественник даже продал их в Иерусалиме. "Все, - говорит Лютер, - жаловались на индульгенции; и поскольку все епископы и доктора хранили молчание, и никто не осмеливался позвать кота, бедный Лютер стал знаменитым врачом, потому что, как они выразились, наконец-то нашелся тот, кто осмелился это сделать. Но мне не нравилось это великолепие; музыка казалась мне слишком возвышенной для слов". [371]

Некоторые паломники, съехавшиеся из разных стран в Виттемберг на праздник всех Святых, вместо индульгенций привезли домой знаменитые тезисы монаха Августина и таким образом помогли распространить их. Все читали, обдумывали и комментировали их. Они привлекли внимание всех монастырей и всех университетов. [372] Все благочестивые монахи, ушедшие в монастырь, чтобы спасти свою душу, все честные люди, радовались этому поразительному и простому исповеданию истины и всем сердцем желали, чтобы Лютер продолжил начатую им работу. В конце концов, у монаха хватило смелости предпринять это опасное состязание. Это было возмещением ущерба христианскому миру, и общественное сознание было удовлетворено. В этих тезисах благочестие видело удар, нанесенный всем видам суеверий; новое богословие приветствовало в них поражение схоластических догм; князья и магистраты рассматривали их как барьер, воздвигнутый против посягательств церковной власти; в то время как народы были в восторге, видя решительный отпор, который этот монах дал алчности римской канцелярии. Эразм, человек, заслуживающий доверия, и один из главных соперников реформатора, говорит герцогу Георгу Саксонскому: "Когда Лютер атаковал эту басню, весь мир единодушно аплодировал ему". "Я заметил, - сказал он в другой раз кардиналу Кампеджи, - "что люди с самой чистой моралью и евангелическим благочестием меньше всего настроены против Лютера. Его жизнь восхваляется даже теми, кто не может вынести его веры. Мир устал от учения, содержащего так много ребяческих басен, и жаждал той живой воды, чистой и сокровенной, которая вытекает из источников евангелистов и апостолов. Гений Лютера был приспособлен для достижения этих целей, и его рвение, должно быть, вдохновило его на это благородное предприятие". [373]

ГЛАВА VI.

Рейхлин—Эразмус—Флек—Бибра—Император—Папа—Миконий—Монахи—Опасения—Адельман—Старый священник—Епископ—Курфюрст—Жители Эрфурта—Ответ Лютера—Неприятности— Движущий принцип Лютера.

Мы должны следовать этим утверждениям повсюду, куда бы они ни проникли: в кабинеты ученых, монашеские кельи и дворцы принцев, чтобы составить некоторое представление о различных, но замечательных эффектах, которые они произвели в Германии.

Рейхлин принял их. Он устал от тяжелой битвы, которую ему пришлось вести с монахами. Сила, которую новый боец проявил в своих тезисах, возродила дух старого поборника литературы и наполнила радостью его опечаленное сердце. "Благодарение Богу, - воскликнул он, прочитав их, - теперь они нашли человека, который даст им столько работы, что они будут вынуждены позволить мне спокойно закончить мою старость".

Предусмотрительный Эразм был в Нидерландах, когда эти тезисы дошли до него. Он был внутренне рад видеть, что его тайные желания исправить злоупотребления высказываются с такой смелостью, и похвалил их автора, лишь призвав его к большей умеренности и благоразумию. Тем не менее, некоторые люди в его присутствии обвиняли Лютера в насилии, он сказал: "Бог дал людям лекарство, которое так глубоко поражает плоть, потому что в противном случае болезнь была бы неизлечимой". И позже, когда курфюрст Саксонии спросил его мнение о деле Лютера, он с улыбкой ответил: "Я нисколько не удивлен тем, что он наделал столько шума, потому что он совершил две непростительные ошибки: он посягнул на тиару папы римского и на живот монахов". [374]

Доктор Флек, настоятель монастыря Штайнлаузиц, на некоторое время отказался от чтения мессы, но никому не сказал о причине. Однажды он обнаружил тезисы Лютера, вывешенные в трапезной его монастыря. Он подошел и начал читать их, но успел прочесть лишь несколько, когда, не в силах сдержать своей радости, воскликнул: "Ну, ну, тот, кого мы так долго искали, наконец пришел; и это вы, монахи, увидите". Затем, читая "В будущем", говорит Матезиус, и обыгрывая слово "Виттемберг", он сказал: "Каждый придет искать мудрости на эту гору и найдет ее. [375] Он написал доктору, чтобы тот мужественно продолжал свое славное сражение. Лютер называет его человеком, полным радости и утешения.

Древний и знаменитый епископальный престол Вюрцбурга в то время занимал Лоуренс де Бибра, человек, по свидетельству его современников, благочестивый, честный и мудрый. Когда какой-то джентльмен пришел сообщить ему, что он предназначает свою дочь для монастыря, "Дайте ей скорее мужа", - сказал он, а затем добавил: "Вам не хватает денег для этой цели? Я дам тебе взаймы". Император и все принцы относились к нему с величайшим уважением. Он сетовал на беспорядки в Церкви, и особенно в монастырях. Когда тезисы достигли и его дворца, он прочитал их с большим восторгом и публично заявил о своем одобрении Лютера. Позже он написал курфюрсту Фридриху: "Не расставайтесь с благочестивым доктором Мартином Лютером, ибо с ним поступили несправедливо". Курфюрст, обрадованный этим свидетельством, собственноручно написал Реформатору, чтобы ознакомить его с ним.

Император Максимилиан, предшественник Карла V, также читал тезисы монаха Виттембергского и восхищался ими. Он оценил его таланты и предвидел, что этот малоизвестный Августин действительно может стать могущественным союзником Германии в ее борьбе с Римом. Соответственно, он поручил своему посланнику сказать курфюрсту Саксонии: "Позаботьтесь хорошенько о монахе Лютере, ибо, возможно, придет время, когда он нам понадобится"; [376] и вскоре после этого, находясь на сейме с Пфепфингером, доверенным советником курфюрста, он сказал ему: "Ну, что делает твой Августин? Несомненно, его предложения не следует презирать; он даст монахам достаточно работы". [377]

Даже в Риме и в Ватикане тезисы были приняты не так плохо, как можно было бы предположить. Лев X отзывался о них скорее как друг литераторов, чем как папа. Развлечение, которое они ему доставили, заставило его не обращать внимания на суровые истины, которые они содержали; и когда Сильвестр Приериас, магистр священного дворца, в обязанности которого входило изучение новых трудов, призвал его относиться к Лютеру как к еретику, он ответил: "Этот монах, Мартин Лютер, великий гений; все, что говорят против него, - просто монашеская зависть". [378]

Мало на кого тезисы Лютера произвели более глубокое впечатление, чем на ученого из Аннаберга, которого Тезель так безжалостно оттолкнул. Миконий ушел в монастырь, и в первый же вечер ему приснилось, что он видит огромное поле, сплошь покрытое спелой кукурузой. "Режь", - сказал ему голос его проводника; и когда он извинился за недостаток мастерства, его проводник показал ему жнеца, который работал с непостижимой быстротой. "Следуйте за ним и делайте, как он", - сказал проводник. [379] Миконий, стремившийся к святости, как и Лютер, посвятил себя в монастыре бдениям, постам, мацерации и всем работам, изобретенным людьми; но в конце концов он отчаялся когда-либо достичь целей своих усилий. Он забросил учебу и все свое время посвящал ручному труду. Иногда он переплетал книги, иногда пользовался токарным станком, а иногда выполнял любую другую работу. И все же этот внешний труд не успокоил его беспокойную совесть. Бог проговорил к нему, и он не мог вернуться к своему прежнему сну. Это состояние агонии продолжалось несколько лет. Иногда предполагается, что пути реформаторов были довольно гладкими, и что после того, как они отказались от церковных обрядов, их дальнейший путь был легким и приятным. Не считается, что они пришли к истине посредством внутренней борьбы, в тысячу раз более болезненной, чем соблюдение обрядов, которым легко подчинялись рабские умы.

Наконец наступил 1517 год. Тезисы Лютера были опубликованы и, пересекая христианский мир, прибыли также в монастырь, где проживал ученый из Аннаберга. Он спрятался в углу монастыря вместе с Иоанном Войтом, другим монахом, чтобы они могли читать их без помех. [380] В них содержалась та самая правда, о которой рассказал ему отец. Его глаза открылись, он почувствовал, как внутренний голос откликается на то, что тогда звучало по всей Германии, и великое утешение наполнило его сердце. "Я ясно вижу, - сказал он, - что Мартин Лютер - это жнец, которого я видел во сне и который научил меня собирать колосья". Он немедленно начал исповедовать учение, провозглашенное Лютером. Монахи, встревоженные, когда услышали его, спорили с ним и выступали против Лютера и его монастыря. "Этот монастырь, - ответил Миконий, - подобен гробу Господню; они хотят помешать Христу воскреснуть, но им это не удастся". В конце концов его начальство, видя, что не может убедить его, запретило ему на полтора года любые сношения с миром, не разрешая ему даже писать или получать письма и угрожая ему вечным тюремным заключением. Однако и для него настал час освобождения. Впоследствии, будучи назначен пастором в Цвикау, он был первым, кто выступил против

папства в церквях Тюрингии. "Тогда, - говорит он, - я мог бы работать с моим достопочтенным отцом Лютером на Евангельской жатве". Джонас описывает его как человека настолько способного, насколько он того хотел. [381]

Несомненно, были и другие, для кого тезисы Лютера были сигналом к жизни. Они зажгли новый свет во многих кельях, коттеджах и дворцах. "В то время как те, кто приходил в монастыри в поисках хорошей еды и праздности или высокого положения и почестей, - говорит Матезиус, - начинали поносить имя Лютера, монахи, жившие в молитве, посте и умерщвлении плоти, благодарили Бога, как только слышали крик орла, о котором столетие назад объявил Ян Гус". [382] Даже люди, которые не очень хорошо понимали теологию вопроса и которые знали только, что Лютер нападал на империю нищенствующих и ленивых монахов, восприняли это со вспышками радости. Его смелые предложения произвели огромную сенсацию в Германии. Однако некоторые современники Реформатора, предвидевшие последствия, к которым они могли привести, и многочисленные препятствия, с которыми им суждено было столкнуться, громко выражали свои опасения или, в лучшем случае, с трепетом радовались.

"Я очень боюсь, - писал превосходный каноник Аугсбурга Бернхард Адельман своему другу Пирккаймеру, - что достойный человек должен, наконец, уступить алчности и власти сторонников индульгенций. Его заявления возымели столь незначительный эффект, что епископ Аугсбургский, наш примас и митрополит, [383] только что от имени папы римского распорядился о новых индульгенциях для собора Святого Петра в Риме. Пусть он поспешит обратиться за помощью к князьям. Пусть он остерегается искушать Бога; ибо это означало бы полное отсутствие здравого смысла, если бы он не замечал неминуемой опасности, которой он подвергается". Адельман был очень рад, когда разнесся слух, что Генрих VIII пригласил Лютера в Англию. "Там, - подумал он, - он сможет спокойно проповедовать истину". Таким образом, некоторые воображали, что учение Евангелия должно поддерживаться властью князей, не зная, что оно продвигается без этой власти и часто оказывается скованным и ослабленным обладанием ею.

Знаменитый историк Альберт Кранц находился в Гамбурге на смертном одре, когда ему принесли тезисы Лютера. "Ты прав, брат Мартин, - воскликнул он, - но у тебя ничего не получится.... Бедный монах! Иди в свою келью и взывай: "Господи, помилуй меня!"" [384]

Старый священник Хекстера в Вестфалии, получив и прочитав тезисы в своем пресвитериуме, сказал на нижненемецком, качая головой: "Дорогой брат Мартин! если тебе удастся свергнуть это чистилище и всех этих торговцев бумагой, несомненно, ты могущественный сеньор!" Столетие спустя Эрбениус написал под этими словами следующую строфу:

"Quid vero nunc si viveret,
Bonus iste clericus diceret?"

Что бы тогда сказал добрый клерк,
будь он дожив до этого дня.

Многие друзья Лютера не только опасались предпринятого им шага, но некоторые даже выразили свое неодобрение.

Епископ Бранденбурга, огорченный тем, что в его епархии разыгралось столь важное состязание, стремился подавить его. Он решил избрать мягкий метод и нанял аббата Ленина, чтобы тот сказал Лютеру от его имени: "Я не нахожу в тезисах ничего противоречащего католической истине. Я сам осуждаю эти нескромные заявления, но из любви к миру и уважения к вашему епископу прекратите писать на эту тему". Лютер был сбит с толку тем, что к нему столь смиренно обратились столь великий аббат и столь великий епископ, и, поддавшись чувствам момента, ответил: "Я согласен. Я бы предпочел повиноваться, чем творить чудеса, если бы это было в моей власти". [385]

Избиратель был опечален началом состязания, которое, без сомнения, было законным, но конец которого невозможно было предвидеть. Ни один принц так не стремился к поддержанию общественного порядка, как Фридрих. Теперь подумайте, какой огромный пожар могла бы разжечь эта маленькая искра! К какому разладу, к какому расколу наций не могла привести эта ссора монахов? Курфюрст неоднократно давал понять Лютеру, насколько он раздражен. [386]

Даже в своем собственном ордене и в своем собственном Виттембергском монастыре Лютер встретил неодобрение. Приор и помощник приора, напуганные криками Тезеля и его товарищей, в страхе и дрожи отправились в келью брата Мартина и сказали: "Мы умоляем вас, не навлекайте позора на наш орден. Другие ордена, и особенно доминиканцы, вне себя от радости, думая, что они не одни будут в позоре". Лютер был тронут этими словами, но вскоре, придя в себя, ответил: "Дорогие отцы, если это дело не будет сделано во имя Бога, оно потерпит неудачу, но если это так, пусть оно продолжается". Приор и заместитель приора больше ничего не сказали. "Это продолжается даже сейчас, - добавляет Лютер, рассказав этот анекдот, - и, с Божьей помощью, всегда будет продолжаться все лучше и лучше, даже до самого конца. Аминь". [387]

Лютеру приходилось выдерживать множество других атак. В Эрфурте его обвинили в жестокости и гордыне за его манеру осуждать мнения других — обвинение, обычно выдвигаемое против тех, кто действует, руководствуясь твердой убежденностью, которую дает слово Божье. Его также обвиняли в опрометчивости и непостоянстве.

"Они призывают меня к умеренности, - ответил Лютер, - и сами, вынося мне приговор, попирают его ногами!... Мы видим соринку в глазу нашего брата и не замечаем бревна в своем собственном.... Истина выиграет от моей умеренности не больше, чем потеряет от моей самонадеянности. Я желаю знать, - продолжал он, обращаясь к Ланге, - какие ошибки вы и ваши теологи нашли в моих тезисах? Кто не знает, что новая идея редко выдвигается без проявления высокомерия и обвинения в спорности? Если бы сама скромность предприняла что-то новое, люди противоположного мнения обвинили бы ее в гордыне. [388] Почему Христос и все мученики были преданы смерти? Потому что их считали гордыми презирателями мудрости того времени, и они выдвигали новые истины, предварительно не посоветовавшись с органами древнего мнения".

"Тогда пусть мудрецы наших дней не ожидают от меня смирения или, скорее, достаточного лицемерия, чтобы спросить их мнение, прежде чем публиковать то, что долг призывает меня сказать. То, что я делаю, будет сделано не по благоразумию людей, но по совету Бога. Если это дело Божье, кто может остановить его? Если это не от Бога, кто может продвинуть это?... Ни моя воля, ни их, ни наша, но да будет воля Твоя, о Святой Отец, сущий на небесах!" В этих словах

какое мужество, какой благородный энтузиазм, какая уверенность в Боге и, прежде всего, какая истина, истина на все времена!

Тем не менее упреки и обвинения, обрушившиеся на Лютера со всех сторон, не смогли не произвести на него определенного впечатления. Его надежды были обмануты. Он ожидал увидеть, как главы церкви и самые выдающиеся ученые страны публично объединятся с ним, но все оказалось иначе. Слово одобрения, вырвавшееся у него в первый момент энтузиазма, было всем, что дали ему самые благосклонные люди, в то время как некоторые из тех, кого он до тех пор наиболее высоко почитал, громко порицали его. Он чувствовал себя одиноким во всей Церкви, [389] один против Рима, один у подножия этого древнего и грозного сооружения, фундамент которого находился глубоко в недрах земли, зубчатые стены достигали облаков, и по которому он только что нанес дерзкий удар. Он был встревожен и подавлен. Сомнения, которые, как он думал, он преодолел, вернулись с новой силой. Он трепетал при мысли о том, что против него выступит авторитет всей Церкви, что он откажется от этого авторитета и будет сопротивляться голосу, которому смиренно повиновались народы и эпохи, что он противопоставит себя той церкви, которую он с младенчества привык почитать как мать верующих.... Он был ничтожным монахом ... усилие было слишком велико для человека. [390] Ни один шаг не стоил ему больше, чем этот, и, соответственно, именно этот шаг определил Реформацию.

Борьба, происходившая в его душе, не может быть описана лучше, чем его собственными словами. "Я начал это дело, - говорит он, - с большим страхом и трепетом. Кем я был, бедный, жалкий, презренный монах, более похожий на труп, чем на живого человека; [391]— кем я был, чтобы противостоять величию папы римского, перед которым трепетали не только короли земли и всего мира, но и, если можно так выразиться, небеса и ад, вынужденные подчиниться его кивку? Никто не может себе представить, как страдало мое сердце в течение этих двух первых лет и в какую депрессию, я бы сказал, в какое отчаяние, я часто впадал. Никакого представления об этом не могут иметь те гордые умы, которые впоследствии с большой смелостью напали на папу, хотя при всех своих способностях они не смогли бы причинить ему ни малейшего вреда, если бы Иисус Христос, через меня, свое слабое и недостойное орудие, не нанес ему рану, которая никогда не будет излечена. Но в то время как они были довольны, наблюдая за происходящим, и оставили меня одного в опасности, я не был таким радостным, таким спокойным или таким уверенным в своем деле; ибо в то время я не знал многих вещей, которые, слава Богу, знаю сейчас. Это правда, несколько благочестивых христиан были очень довольны моими Предложениями и придавали им большое значение, но я не мог признавать их и рассматривать как органы Святого Духа. Я обращался только к папе, кардиналам, епископам, теологам, юристам, монахам и священникам. Это было то направление, с которого я ожидал прихода Духа. Тем не менее, с помощью Священного Писания одержав победу над всеми противоположными аргументами, я, наконец, по милости Христа, хотя и после долгих страданий, я преодолел единственный аргумент, который меня останавливал, а именно, что необходимо прислушиваться к Церкви; [392] ибо от всего сердца я почитал церковь папы римского как единственную. истинная церковь, и делал это с гораздо большей искренностью и благоговением, чем те бесстыдные и гнусные растлители, которые сейчас так решительно выступают против меня. Если бы я презирал папу так же сильно, как его презирают в сердцах тех, кто так громко восхваляет его своими устами, я бы испугался, что земля мгновенно развернется и поглотит меня, как это произошло с Корой и его компанией!"

Как благородны для Лютера эти опасения! Как хорошо они отражают искренность и прямоту его души! И насколько более достойны уважения те болезненные атаки, которые ему пришлось выдержать, как внутри, так и снаружи, доказывают, что он такой, каким он был, чем могло бы быть простое бесстрашие без какой-либо подобной борьбы! Страдания его души ясно демонстрируют истинность и божественность его работы. Мы видим, что их происхождение и принцип были на небесах. После всех изложенных нами фактов, кто осмелится сказать, что Реформация была делом политики? Нет, конечно; это было результатом не человеческой политики, а силы Божьей. Если бы Лютером руководили только человеческие страсти, он уступил бы своим страхам; его просчеты и щепетильность погасили бы огонь, который был зажжен в его душе, и он лишь бросил бы мимолетный отблеск на Церковь, точно так же, как многие ревностные и благочестивые люди, имена которых дошли до нас. Но теперь пришло Божье время; работа не должна была быть остановлена; освобождение Церкви должно было быть завершено. Лютеру было суждено, по крайней мере, подготовить то полное освобождение и те обширные события, которые обещаны царству Христа. Соответственно, он познал истину великолепного обетования: "Сильные люди ослабеют и устанут, а молодые люди совершенно ослабеют; но те, кто уповает на Господа, обновят свои силы; они поднимутся на крыльях, подобных орлиным". Эта Божественная сила, наполнившая сердце доктора из Виттемберга и вовлекшая его в бой, вскоре вернула ему всю его прежнюю решимость.

ГЛАВА VII.

Атака Тезеля—Ответ Лютера—Добрые дела—Лютер и Спалатин—Изучение Священного Писания—Шерл и Лютер—Сомнения в тезисах—Лютер для народа—Новый иск.

Упреки, робость или молчание друзей обескуражили Лютера; нападки врагов возымели прямо противоположный эффект. Такое часто случается. Противники истины, думая с помощью насилия совершить свою собственную работу, часто совершают работу самого Бога. [393] Брошенная перчатка была поднята Тезелем слабой рукой. Проповедь Лютера, которая была для людей тем же, чем его тезисы были для ученых, была предметом его первого ответа. Он опроверг это пункт за пунктом, по-своему, а затем объявил, что готовится более подробно выступить против своего противника в тезисах, которые он будет отстаивать во Франкфуртском университете на Одере. "Тогда, - сказал он, обращаясь к заключению проповеди Лютера, - тогда каждый сможет судить, кто является ересиархом, еретиком, раскольником, ошибочным, опрометчивым и клеветническим. Тогда это станет очевидным для глаз всех, у кого тупой мозг, кто никогда не чувствовал Библии, не читал христианских доктрин, не понимал своих собственных учителей.... Поддерживая те положения, которые я выдвигаю, я готов претерпеть все: тюрьму, дубинку, воду и огонь".

При чтении этого произведения Тезеля нас поражает разница между его немецким языком и языком Лютера. Можно было бы сказать, что между ними интервал в несколько веков. Иностранцу, особенно, иногда бывает трудно понять тезель, тогда как язык Лютера почти такой же, как и в наши дни. Сравнения этих двух понятий достаточно, чтобы показать, что Лютер - создатель немецкого языка. Без сомнения, это одно из его наименьших достоинств, но все же одно.

Лютер ответил, не назвав имени Тезеля; Тезель не назвал его по имени. Но в Германии не было никого, кто не мог бы поставить во главе своих изданий название, которое они сочли целесообразным скрыть. Тезель пытался смешать покаяние, которого требует Бог, с епитимьей, налагаемой Церковью, чтобы придать более высокую ценность своим индульгенциям. Лютер считал своим долгом прояснить этот момент.

"Чтобы избежать многословия, - сказал он в своем графическом стиле, - я предоставляю ветру (у которого, к тому же, больше досуга, чем у меня) другие его слова, которые представляют собой всего лишь листы бумаги и увядшие листья; и я довольствуюсь изучением фундамента его дома из репейника.

"Покаяние, налагаемое святым отцом, не может быть тем, которого требует Иисус Христос; ибо без чего бы святой отец ни налагал, он может обойтись без этого; и если бы эти два покаяния были одним и тем же, из этого следовало бы, что святой отец отнимает то, что назначает Иисус, и тем самым аннулирует заповедь Бога.... Ах, если ему так угодно, пусть он плохо обращается со мной, - продолжает Лютер, процитировав другие ложные толкования Тезеля. - Пусть он называет меня еретиком, раскольником, клеветником или как ему угодно; я не буду из-за этого его врагом, но буду молиться за него как за друга. Но нельзя позволять ему обращаться со Священным Писанием, нашим утешением (Рим., xv, 4), как свинья обращается с мешком зерна".
[394]

Мы должны привыкнуть к тому, что Лютер время от времени употреблял выражения, слишком грубые и обыденные для нашего века, — таков был обычай того времени; и за теми словами, которые в наши дни нарушили бы приличия языка, обычно скрываются сила и справедливость, располагающие нас простить их грубость. Он продолжает так: —

"Тот, кто покупает индульгенции, - говорят наши противники, - поступает лучше, чем тот, кто подает милостыню бедняку, не находящемуся в крайней нужде. Теперь, пусть они скажут нам, что турки оскверняют наши церкви и кресты, мы сможем слушать это без содрогания; ибо среди нас есть турки во сто крат хуже, которые оскверняют и уничтожают единственное истинное святилище, слово Божье, которое освящает все.... Пусть тот, кто хочет следовать этой заповеди, хорошенько позаботится о том, чтобы не давать пищи голодным и одежды нагим до того, как они испустят дух и, следовательно, не будут нуждаться в его помощи".

Важно противопоставить рвение, которое Лютер проявляет таким образом к добрым делам, тому, что он говорит об оправдании верой. Действительно, ни один человек, имеющий какой-либо опыт или какие-либо знания о христианстве, не нуждается в этом новом доказательстве истины, в которой он полностью уверен; а именно, что чем больше мы придерживаемся оправдания верой, тем сильнее мы ощущаем необходимость дел и тем усерднее мы их совершаем; тогда как расплывчатые взгляды на доктрину веры неизбежно ведут к расплывчатости поведения. Лютер, как и святой Павел до него, и Говард после него, являются доказательствами первого; все люди без веры (а такими наполнен мир) являются доказательствами второго.

Следующим за оскорбительным языком Тезеля приходит Лютер и по-своему оплачивает ему. "При звуке этих оскорблений мне кажется, что я слышу, как на меня орет большая задница. Я в восторге от этого и был бы очень огорчен, если бы такие люди называли меня добрым христианином ". Мы должны представить Лютера таким, какой он есть, со всеми его слабостями.

Этот поворот к шутке, грубой шутке, был одной из них. Реформатор был великим человеком, несомненно, человеком Божиим; но он был человеком, а не ангелом и даже не совершенным человеком. Кто имеет право взывать к нему о совершенстве?

"В остальном, - добавляет он, вызывая своих противников на поединок, - хотя обычно еретиков не сжигают по таким причинам, здесь, в Виттемберге, я, доктор Мартин Лютер! Есть ли какой-нибудь инквизитор, который притворяется, что жует огонь, и заставляет камни подпрыгивать в воздух? Я даю ему понять, что у него есть пропуск, позволяющий приходить сюда, открытая дверь, обеспеченная кровать и питание, и все это благодаря милостивой заботе нашего замечательного герцога Фредерика, который никогда не будет защищать ересь ". [395]

Мы видим, что Лютеру не было недостатка в мужестве. Он доверял слову Божьему — скале, которая никогда не поддается буре. Но Бог в верности оказал ему еще большую помощь. Взрывы радости, с которыми толпа приветствовала тезисы Лютера, вскоре сменились мрачным молчанием. Ученые робко отступили, услышав о бедствиях и оскорблениях Тезеля и доминиканцев. Епископы, которые ранее громко осуждали злоупотребления индульгенциями, увидев, что на них наконец напали, не преминули, с непоследовательностью, примеров которой слишком много, обнаружить, что в то время атака была несвоевременной. Большая часть друзей Реформатора была напугана. Некоторые из них бежали. Но когда первый ужас миновал, умы людей приняли противоположное направление. Вскоре виттембергский монах снова увидел себя окруженным огромным количеством друзей и почитателей.

Был один человек, который, несмотря на робость, оставался верен ему на протяжении всего этого кризиса, и чья дружба одновременно утешала и поддерживала его. Это был Спалатин. Их переписка не прерывалась. "Я благодарю вас, - говорит он, говоря об особом знаке дружбы, который он получил от него. - но чем я вам не обязан?" [396] Именно 11 ноября, всего через пятнадцать дней после публикации тезисов, и, следовательно, когда умы людей находились в состоянии величайшего брожения, Лютер с удовольствием раскрыл свою благодарность своему другу.

В том же письме Спалатину интересно увидеть сильного человека, который только что совершил самый смелый подвиг, заявляющего, из какого источника он черпает свою силу. "Мы ничего не можем сделать сами; мы можем сделать все по милости Божьей. Для нас любое невежество непобедимо, но никакое невежество не является непобедимым по милости Божьей. Чем больше мы сами стремимся достичь мудрости, тем ближе подходим к безумию. [397] Неправда, что это непреодолимое невежество оправдывает грешника; если бы это было так, в мире не было бы греха".

Лютер не посылал своих предложений ни принцу, ни кому-либо из его придворных. Капеллан, по-видимому, выразил некоторое удивление по этому поводу, и Лютер отвечает: "Я не хотел, чтобы мои тезисы дошли до нашего прославленного принца или кого-либо из его двора до того, как их получают те, кто считает, что к ним обращались особо, чтобы не подумали, что я опубликовал их по приказу принца, или чтобы завоевать его расположение, или из оппозиции епископу Менца. Я слышал, что уже есть несколько человек, мечтающих о таких вещах. Но теперь я могу поклясться со всей уверенностью, что мои тезисы были опубликованы без ведома герцога Фредерика". [398]

Если Спалатин утешал своего друга и поддерживал его своим влиянием, то Лютер, со своей стороны, желал удовлетворить просьбы скромного капеллана. Последний, среди прочих вопросов, задал один, который часто повторяется в наши дни: "Каков наилучший метод изучения Священного Писания?"

"До сих пор, мой дорогой Спалатин, - ответил Лютер, - вы задавали вопросы, на которые я мог бы ответить. Но направлять вас в изучении Священных Писаний - это больше, чем я в состоянии сделать. Однако, если вы хотите полностью знать мой метод, я не буду скрывать его от вас.

"Совершенно очевидно, что мы не можем преуспеть в понимании Священного Писания ни изучением, ни простым интеллектом. Итак, ваш первый долг - начать с молитвы. [399] Умоляйте Господа, чтобы он в своей великой милости соизволил даровать вам истинное знание Своего Слова. Нет другого толкователя слова Божьего, кроме Автора этого слова, согласно тому, как сказано: "Все они будут научены Богом". Ни на что не надейтесь из своих дел, ни на свой интеллект. Доверяйте только Богу и влиянию его Духа. Верьте тому, кто говорит на основании опыта". [400]

Здесь мы видим, как Лютер овладел истиной, проповедником которой он был. Это произошло не из-за того, что он, как утверждают некоторые, доверился самонадеянному разуму и не из-за того, что, как утверждают другие, предался ненавистным страстям. Источник, из которого он черпал это, был чистейшим, святейшим и возвышеннейшим — сам Бог советовался с ним в смирении, доверии и молитве. Мало кто в наши дни подражает ему и, следовательно, мало кто понимает его. Для серьезного ума эти слова Лютера сами по себе являются оправданием Реформации.

Лютер также находил утешение в дружбе уважаемых мирян. Кристофер Шерл, превосходный секретарь имперского города Нюрнберга, выразил ему признательность за свою дружбу. Мы знаем, как приятны выражения сочувствия человеку, который чувствует, что на него нападают со всех сторон. Секретарь Нюрнберга сделал больше: он попытался подружиться со своим другом. Он убедил его посвятить одну из своих работ знаменитому в то время юристу из Нюрнберга по имени Джером Эбнер: "У вас высокое представление о моих исследованиях, - скромно ответил Лютер, - но сам я имею о них самое скудное представление. Тем не менее, я хотел бы удовлетворить ваши пожелания. Я искал ... ; но во всех моих запасах, которые я никогда не находил такими скудными, не нашлось ничего, что казалось бы достойным того, чтобы быть посвященным такому великому человеку таким ничтожеством". [401] Поразительное смирение! Это говорит Лютер, а человек, с которым он себя противопоставляет, - доктор Эбнер, который нам совершенно неизвестен. Потомство не подтвердило суждение Лютера.

Лютер, который ничего не сделал для распространения своих тезисов, отправил их Шерлу не больше, чем курфюрсту и его придворным. Секретарь Нюрнбергского университета выразил свое удивление. "У меня не было намерения, - отвечает Лютер, - предавать мои тезисы такой огласке. Я хотел только обсудить их содержание с некоторыми из тех, кто проживает с нами или поблизости от нас; [402] намереваясь, в случае их осуждения, уничтожить, а в случае одобрения - опубликовать их. Но теперь они напечатаны, переиздаются и распространяются повсюду, сверх моих ожиданий; настолько, что я раскаиваюсь в их создании. [403] Не то чтобы я боялся, что люди узнают правду (ибо это было все, чего я добивался), но это не способ их наставлять. В тезисах есть вопросы, относительно которых я все еще сомневаюсь; и если бы я думал, что они произведут такую сенсацию, есть вещи, которые я бы опустил, и другие, которые я подтвердил

бы с большей уверенностью ". Впоследствии Лютер думал иначе. Он вовсе не боялся, что сказал слишком много, он заявил, что должен был сказать еще больше. Но опасения, которые Лютер высказывает Шерлу, делают честь его искренности. Они показывают, что у него не было ничего похожего на заранее продуманный план, не было партийного духа, чрезмерного самомнения, и он не искал ничего, кроме правды. Когда он полностью открыл правду, его язык изменился. "Вы найдете в моих первых трудах, - сказал он много лет спустя, - что я очень смиренно пошел на многие уступки папе, причем по вопросам огромной важности; уступки, которые я теперь ненавижу и считаю отвратительными и богохульными". [404]

Шерл был не единственным влиятельным мирянином, который в то время свидетельствовал о своей дружбе к Лютеру. Знаменитый художник Альберт Дюрер прислал ему подарок (возможно, одну из своих картин), и доктор выразил свое чувство долга в самых теплых выражениях. [405]

Таким образом, Лютер на практике убедился в истинности этого изречения Божественной мудрости: "Друг любит всегда, а брат рожден для невзгод". Эти слова он запомнил также ради других и, соответственно, защищал интересы всего населения. Курфюрст только что ввел налог, и уверенно утверждалось, что он собирается ввести другой, вероятно, по совету своего советника Пфеффингера, в адрес которого Лютер часто отпускает едкие сарказмы. Доктор смело занял место в проломе. "Пусть ваше высочество, - сказал он, - не пренебрегает молитвой бедного нищенствующего. Именем Бога я умоляю вас не вводить новый налог. Мое сердце, как и сердце нескольких ваших самых преданных слуг, разбито, когда я вижу, как сильно последнее нанесло ущерб вашей незаурядной славе и популярности, которой пользовалось ваше высочество. Это правда, что Бог наделил вас глубоким интеллектом, так что вы смотрите на вещи гораздо дальше, чем я или, несомненно, все ваши подданные. Но, возможно, такова воля Божья, чтобы слабый интеллект наставлял великого, чтобы никто не мог полагаться на себя, но только на Господа Бога нашего. Пусть он сообразовалит сохранить ваше тело в здравии для нашего блага и дарует вашей душе жизнь вечную. Аминь". Таким образом, Евангелие, хотя и заставляет нас чтить королей, заставляет нас также отстаивать интересы народа. В то время как это говорит им об их обязанностях, это, в то же время, напоминает принцу об их правах. Голос такого христианина, как Лютер, прозвучавший в кабинете монарха, часто мог заменить голос целого собрания законодателей.

В этом письме, в котором Лютер преподает курфюрсту суровый урок, он боится не обращаться к нему с просьбой или, скорее, напомнить ему об обещании, а именно подарить ему новый костюм. Эта свобода Лютера в тот момент, когда он мог опасаться, что оскорбил Фридриха, в равной степени почетна как для принца, так и для Реформатора. "Но, - добавляет он, - если ответственность за это лежит на Пфеффингере, пусть он сделает это на самом деле, а не в знак дружбы. Он очень хорошо знает, как сплести паутину из хороших слов, но из нее никогда не получится хорошей ткани ". Лютер подумал, что верным советом, который он дал своему принцу, он вполне заслужил свое придворное платье. [406] Как бы то ни было, два года спустя он не получил ее и возобновил свой запрос. [407] Это, по-видимому, указывает на то, что Фридрих находился не так сильно под влиянием Лютера, как было сказано.

ГЛАВА. VIII.

Диспут во Франкфурте—Тезисы Тезеля—Угрозы—Оппозиция Книпстроу—Тезисы Лютера сожжены—Монахи—Мир Лютера—Тезисы Тезеля сожжены—Досада Лютера.

Таким образом, умы людей постепенно оправились от своей первой тревоги. Сам Лютер был склонен заявить, что его слова значат не так много, как представлялось. Новые обстоятельства могли отвлечь общественное внимание, и удар, нанесенный по римской доктрине, мог, как это было в случае со многими другими, повиснуть в воздухе. Сторонники Рима предотвратили этот результат. Они раздували пламя, вместо того чтобы тушить его.

Тезель и доминиканцы надменно ответили на совершенное на них нападение. Сгорая от нетерпения сокрушить дерзкого монаха, нарушившего их движение, и снискать расположение римского первосвященника, они издавали крики ярости. Они утверждали, что нападать на индульгенцию, предписанную папой, означало нападать на самого папу, и они призвали на помощь всех монахов и богословов своей школы. [408] Фактически, Тезель чувствовал, что такой противник, как Лютер, был слишком силен для него в одиночку. Совершенно сбитый с толку, но еще больше разгневанный нападением доктора, он покинул окрестности Виттемберга и направился во Франкфурт на Одере, куда прибыл уже в ноябре 1517 года. Университет этого города, как и Виттембергский, был основан совсем недавно. Одним из профессоров был Конрад Вимпина, человек большого красноречия, старый соперник Поллиха из Меллерштадта и один из самых выдающихся богословов того времени. Зависть Вимпины вызывали как доктор, так и Виттембергский университет, ибо их репутация затмевала его репутацию. Тезель обратился к нему за ответом на тезисы Лютера, и Вимпина написал две серии антитезисов: первый - в защиту доктрины индульгенций, а второй - в защиту авторитета папы римского.

Этот диспут, который был давно подготовлен и громко разрекламирован и на который Тезель возлагал самые большие надежды, состоялся 20 января 1518 года. Тезель избил рекрутов, и монахи были присланы из всех соседних монастырей, и их собралось более трехсот человек. Тезель зачитал свои тезисы, один из которых гласил: "тот, кто говорит, что душа не улетает из чистилища, как только деньги звякнут на дне сейфа, ошибается". [409]

Но, прежде всего, он придерживался положений, согласно которым папа казался истинно, как выражается апостол, *восседающим как Бог в храме Божьем*. Этому бесстыдному торговцу было удобно укрыться под папской мантией со всеми его беспорядками и скандалами.

В присутствии многочисленного собрания, в котором он выступал, он заявил, что готов утверждать следующее:—

3. "Христиан следует учить тому, что папа по величию своей власти стоит выше всей вселенской Церкви и всех соборов. Его приказам следует беспрекословно подчиняться.

4. "Христиан следует учить тому, что только папа римский имеет право принимать решения в вопросах христианской веры; что он, и никто, кроме него, не обладает властью объяснять значение Священного Писания в его собственном смысле и одобрять или осуждать все слова или дела других.

5. "Христиан следует учить тому, что суждение папы Римского в вопросах, касающихся христианской веры и необходимых для спасения рода человеческого, никоим образом не может быть ошибочным.

6. "Христиан следует учить тому, что в вопросах веры они должны больше полагаться на мнение папы римского, выраженное в его решениях, чем на мнение всех мудрых людей, почерпнутое ими из Священного Писания.

8. "Христиан следует учить тому, что те, кто посягает на честь и достоинство папы римского, виновны в преступлении против его величества и заслуживают проклятия.

17. "Христиан следует учить тому, что есть много вещей, которые Церковь считает подлинными элементами универсальной истины, хотя их нет ни в каноне Священного Писания, ни у древних учителей.

44. "Христиан следует научить относиться к тем упрямым еретикам, которые своими словами, действиями или писаниями заявляют, что они не отказались бы от своих еретических положений, если бы на них сыпались отлучение за отлучением дождем или градом.

48. "Христиан следует учить тому, что те, кто защищает еретиков в их заблуждении и кто своей властью препятствует тому, чтобы они предстали перед судьей, который имеет право судить их, подлежат отлучению от церкви; что, если в течение года они не откажутся от этого, они будут объявлены позорными и сурово наказаны различными карами с точки зрения закона и к ужасу всех людей. [410]

50. "Христианам следует сказать, что те, кто портит так много книг и так много бумаги, и кто публично и нечестиво проповедует или оспаривает устное исповедание, удовлетворение от трудов, богатые и великие поблажки римского епископа и его власть; что те, кто объединяется с теми, кто так проповедует или пишет, кто получает удовольствие от своих трудов и распространяет их среди людей и в мире; что те, в конце концов, кто втайне говорит об этих вещах в презрительной и непочтительной манере, вполне могут содрогнуться, навлекая на себя страдания, которые только что были причинены". названных по имени и обрекающих себя и других вместе с ними в последний день на вечное осуждение и даже здесь, на земле, на великий позор. Ибо всякий зверь, который прикоснется к горе, будет побит камнями".

Мы видим, что Лютер был не единственным человеком, на которого Тезель нападал. В сорок восьмом тезисе он, вероятно, имел в виду курфюрста Саксонии. Эти утверждения во многом напоминают доминиканца. Угрожать каждому противоречащему суровым наказанием было аргументом инквизитора, и на него едва ли допускался ответ. Триста монахов, которых Тезель собрал вместе, разинули рты и уставились в восхищении на его речь. Университетские богословы слишком боялись быть причисленными к подстрекателям ереси или были слишком сильно привержены принципам Вимпины, чтобы искренне принять экстраординарные тезисы, которые только что были зачитаны.

Всему этому делу, вокруг которого было поднято столько шума, казалось, суждено было стать лишь притворной дракой; но среди толпы студентов, присутствовавших на диспуте, был молодой человек лет двадцати по имени Джон Книпстроу. Он прочитал тезисы Лютера и нашел их соответствующими доктринам Священного Писания. Возмущенный тем, что истина публично попирается ногами, в то время как никто, казалось, не защищал ее, этот молодой человек

поднялся, к великому изумлению всего собрания, и напал на самонадеянного Тезеля. Бедный доминиканец, не рассчитывавший на такое противодействие, был совершенно сбит с толку. После некоторых усилий он покинул поле боя и уступил место Уимпине, который оказал более энергичное сопротивление; но Книпстроу так тесно прижал его к себе, что, чтобы положить конец состязанию, которое, по его мнению, было столь неподобающим, председательствовавший Уимпина объявил дискуссию закрытой и немедленно приступил к присвоению Тезелю степени доктора в награду за этот славный бой. Вимпина, чтобы избавиться от молодого оратора, приказал отправить его в монастырь Пириц в Померании с приказом строго наблюдать за ним. Но этот зарождающийся свет был удален от берегов Одера только для того, чтобы впоследствии он мог ярко сиять в Померании. [411] Когда Бог видит, что это случается, он нанимает ученых, чтобы сбивать с толку учителей.

Тезель, желая исправить полученный им чек, обратился к *ultima ratio* Рима и инквизиторов, я имею в виду педика. На публичной прогулке в одном из пригородов Франкфурта он приказал воздвигнуть кафедру и эшафот и торжественной процессией направился туда со своими *знаками отличия* инквизитора. Взойдя на кафедру, он дал волю всей своей ярости. Он разразился громом и своим громовым голосом воскликнул, что еретик Лютер должен быть сожжен заживо. Затем, поместив докторские диссертации и проповедь на эшафот, он сжег их. [412] Он был лучше знаком с такого рода работой, чем с защитой диссертаций. Здесь он не встретил противников, и его победа была полной. Дерзкий доминиканец с триумфом вернулся во Франкфурт. Когда партии, находящиеся у власти, терпят поражение, они прибегают к определенным демонстрациям, которые должны быть им предоставлены в качестве своего рода утешения в их позоре.

Вторые тезисы Тезеля составляют важную эпоху Реформации. Они изменили место проведения спора, перенесли его с рынка индульгенций в залы Ватикана и перенаправив из Тезеля к папе римскому. Вместо презренного существа, которое Лютер держал в кулаке, они подставили священную личность Главы церкви. Лютер был ошеломлен этим. Вполне вероятно, что он сам предпринял бы этот шаг позже, но его враги избавили его от этого труда. С тех пор вопрос касался не только сомнительной торговли, но и Рима; и удар, которым смелая рука попыталась разрушить лавку Тезеля, потряс самые основы папского престола.

Тезисы Тезеля были лишь сигналом для римских войск. Среди монахов поднялся крик против Лютера, которые пришли в ярость при появлении противника более грозного, чем были Эразм или Рейхлин. Имя Лютера гремело с кафедр доминиканцев, которые обращались к страстям народа и обличали мужественного врача как безумца, обманщика и бесноватого. Его учение было объявлено самой ужасной ересью. "Подождите всего две, максимум четыре недели, - сказали они, - и этот известный еретик будет сожжен". Если бы это зависело только от доминиканцев, судьба саксонского доктора вскоре постигла бы Гуса и Иеронима, но его жизни было суждено завершить то, что было начато прахом Гуса. Каждый выполняет работу Божью, один своей смертью, а другой своей жизнью. Теперь некоторые начали кричать, что весь Виттембергский университет запятнан ересью, и объявили его позорным. [413] "Давайте преследовать злодея и всех его сторонников", - продолжили они. В нескольких местах эти восклицания подогрели страсти в народе. На тех, кто разделял взгляды Реформатора, было обращено общественное внимание; и везде, где монахи были сильнее всего, друзья Евангелия ощущали последствия их ненависти. Таким образом, в отношении Реформации начало сбываться предсказание Спасителя: "Они будут поносить вас и преследовать вас и всячески

ложно злословить вас ради Меня". Это воздаяние, которое мир никогда не упускает из виду перед решительными друзьями Евангелия.

Когда Лютер был ознакомлен с тезисами Тезеля и с общей атакой, сигналом к которой они послужили, его мужество возросло. Он чувствовал, что необходимо противостоять таким противникам лицом к лицу, и его неустранимое рвение без труда позволило ему это сделать. В то же время их слабость заставила его осознать свою собственную силу и сказала ему, кто он такой.

Однако он не позволил себе поддаться тем эмоциям гордости, которые так естественны для сердца человека. "Мне труднее, - пишет он Спалатину, - удержаться от презрения к моим противникам и, таким образом, согрешить против Иисуса Христа, чем победить их. Они настолько невежественны в человеческих и божественных вещах, что человеку стыдно сражаться с ними; и все же именно их невежество придает им непостижимую дерзость и бронзовый облик". [414] Но самой мощной поддержкой для сердца Лютера посреди этого всеобщего противостояния была глубокая убежденность в том, что его дело было делом истины. "Пусть вас не удивляет, - пишет он Спалатину в начале 1518 года, - что я так сильно оскорблен. Я в восторге от этих оскорблений. Если бы они не проклинали меня, я не мог бы так твердо верить, что дело, за которое я взялся, является делом самого Бога. [415] Христос был установлен в качестве знака, против которого следует выступать. Я знаю, - добавил он, - что от начала мира природа слова Божьего была такова, что каждый, кто проповедовал его миру, был обязан, подобно апостолам, оставить все и отдать свой отчет смерти. Если бы было иначе, это не было бы словом Иисуса Христа". [416] Этот покой посреди волнений - вещь, неизвестная героям мира. Люди, поставленные во главе правительства или политической партии, как видно, уступают под их натиском и их досадами. Христианин в своей борьбе обычно обретает новые силы, потому что у него есть доступ к таинственному источнику покоя и мужества, неизвестному тем, чьи глаза закрыты для Евангелия.

Однако одна вещь иногда огорчала Лютера, а именно мысль о разногласиях, которые могло вызвать его мужественное противодействие. Он знал, что одного слова может быть достаточно, чтобы охватить мир пламенем; и когда он предвидел, что принц пойдет против принца, и, возможно, нация против нации, его патриотическое сердце было опечалено, а христианское милосердие встревожено. Его желанием был мир; но он счел нужным высказаться. Так требовал Бог. "Я трепещу, - сказал он, - я содрогаюсь при мысли о том, что стану причиной раздора между такими могущественными князьями". [417]

Он по-прежнему хранил молчание в отношении предложений Тезеля относительно папы римского. Если бы он был охвачен страстью, он, несомненно, предпринял бы безудержную атаку на экстраординарную доктрину, под прикрытием которой пытались укрыться его противники. Он этого не сделал; и в этой задержке, сдержанности и молчании есть что-то серьезное и торжественное, что в достаточной степени объясняет дух, которым он был воодушевлен. Он ждал, но не из-за слабости, потому что, нанося удар, он наносил более сильный.

Тезель после своего *аутодафе* во Франкфурте на Одере поспешил отправить свои тезисы в Саксонию. "Там, - подумал он, - они послужат противоядием от идей Лютера". В Виттемберг прибыл человек из Галле, нанятый инквизитором для распространения его идей. Студенты университета, все еще возмущенные тем, что Тезель сжег диссертации их учителя, едва

услышав о прибытии посланца, разыскали его и, собравшись вокруг, толкали и пугали. "Как вы смеее приносить сюда такие вещи?" спросили они. Одни купили часть экземпляров, которыми его снабдили, а другие захватили остальное, они завладели всем его запасом, составляющим восемьсот экземпляров. Затем, без ведома курфюрста, сената, ректора, Лютера и всех других профессоров, [418] они вывесили на досках университета следующее объявление: "Всякий, кто желает присутствовать на сожжении и похоронах диссертаций Тезеля, пусть отправляется в два часа на рыночную площадь".

В этот час собрались толпы и предали огню предложения доминиканца под громкие возгласы одобрения. Один уцелевший экземпляр Лютер впоследствии отправил своему другу Ланге из Эрфурта. Эти великодушные, но неосмотрительные юноши следовали старой заповеди "Око за око и зуб за зуб", а не заповеди Иисуса Христа; но после примера, который подали врачи и профессора во Франкфурте, можем ли мы удивляться, что молодые студенты последовали ей в Виттемберге? Весть об этой академической казни распространилась по всей Германии и наделала большой шум. [419] Лютер был крайне раздосадован этим.

"Я поражен, - пишет он своему старому учителю Йодоку в Эрфурт, - как вы могли подумать, что это я сжег тезисы Тезеля. Вы думаете, я настолько лишен здравого смысла? Но что я могу поделать? Когда я становлюсь объектом замечаний, кажется, что верят всему. [420] Могу ли я связать языки всего мира? Очень хорошо! Пусть они говорят, пусть они слышат, пусть они видят, пусть они притворяются, как им заблагорассудится; я буду действовать до тех пор, пока Господь дает мне силы, и с его помощью ничего не буду бояться". "Что из этого выйдет, - говорит он Ланге, - я не знаю, разве что опасность для меня сильно возросла". [421] Поступок студентов показывает, как сильно их сердца уже горели за дело, которое защищал Лютер. Это был важный симптом, поскольку движение среди молодежи по необходимости вскоре распространяется на всю нацию.

Тезисы Тезеля и Вимпины, хотя и не пользовались большим уважением, произвели определенный эффект. Они обострили спор, расширили брешь, пробитую в мантии Церкви, и вынесли на обсуждение вопросы, представляющие наибольший интерес. Соответственно, главы Церкви начали более узко смотреть на этот вопрос и решительно выступать против Реформатора. "Поистине, я не знаю, кому доверяет Лютер, - сказал епископ Бранденбургский, - когда он осмеливается так нападать на власть епископов". Поняв, что это новое обстоятельство требует новых действий, епископ лично прибыл в Виттемберг; но он нашел Лютера воодушевленным внутренней радостью, которую дает чистая совесть, и преисполненным решимости дать бой. Епископ почувствовал, что монах-августинец подчиняется власти, превосходящей его, и в ярости вернулся в Бранденбург. Однажды, зимой 1518 года, сидя у своего камина, он повернулся к окружавшим его людям и сказал: "Я не преклоню головы с миром, пока не брошу Мартину в огонь, как я делаю это клеймо", - бросив одно из них в камин. Революция шестнадцатого века должна была быть совершена главами Церкви не в большей степени, чем революция первого века была совершена Синедрионом и синагогой. В шестнадцатом веке главы Церкви были настроены против Лютера, Реформации и ее служителей точно так же, как они были настроены против Иисуса Христа, Евангелия и его апостолов, и, как это слишком часто бывает во все времена, против истины. "Епископы, - говорит Лютер, говоря о визите, который нанес ему епископ Бранденбургский, - начинают понимать, что они должны были сделать то, что я делаю, и поэтому им стыдно. Они называют меня гордым и дерзким, и я

не отрицаю, что я таков. Но они не те люди, которые знают ни, что такое Бог, ни, что такое мы".
[422]

ГЛАВА IX.

Приерио—Римская система—Диалог—Система реформ—Ответ Приерио—Слово—Папа и Церковь—Хохстратен—Монахи—Ответы Лютера—Эк—Школа—Обелиски—Чувства Лютера—Звездочки—Разрыв.

Более серьезное сопротивление, чем сопротивление Тезеля, уже было направлено против Лютера. Рим ответил. Ответ прозвучал из стен священного дворца. Не Льву Х взбрело в голову заниматься теологией. "Ссора монахов", - сказал он однажды. "Лучше всего не вмешиваться в это". И в другом случае: "Эти тезисы написал пьяный немец; когда он оправится от выпитого, он заговорит по-другому". [423] Римский доминиканец Сильвестр Мазолини де Приерио или Приериас, магистр священного дворца, выполнял функции цензора, и в этом качестве был первым человеком в Италии, который знал о тезисах саксонского монаха.

Римский цензор и тезисы Лютера! Какой спорщик! Свобода слова, свобода исследований, свобода веры вступают в столкновение в Риме с той властью, которая претендует на то, чтобы иметь в своих руках монополию на разведданные и открывать и закрывать рот христианскому миру по своему усмотрению. Борьба между христианской свободой, которая порождает детей Божьих, и папским деспотизмом, который порождает рабов Рима, как бы персонифицирована в первые дни Реформации во встрече Лютера и Приерио.

Римский цензор, генеральный приор доминиканцев, призванный определять, что христианский мир должен говорить или не говорить, знать или незнаком, поспешил ответить и опубликовал трактат, который он посвятил Льву Х. Он презрительно отозвался о немецком монахе и заявил с истинно римской самоуверенностью, "что ему не терпится узнать, был ли у этого Мартина железный нос или голова из меди, которую нельзя было сломать". [424] Затем в форме диалога он атаковал тезисы Лютера, используя попеременно насмешки, оскорбления и угрозы.

Битва между Августином Виттембергским и римским доминиканцем произошла по тому самому вопросу, который лежит в основе Реформации, а именно: "Что является единственным непогрешимым авторитетом для христиан?" Ниже приводится система Церкви, изложенная ее наиболее независимыми органами. [425]

Буква написанного Слова мертва без духа толкования, который один раскрывает его скрытый смысл. Теперь этот дух дарован не каждому христианину, а Церкви, другими словами, священникам. Это большая самонадеянность - утверждать, что тот, кто обещал всегда быть со своей Церковью до скончания мира, мог оставить ее во власти заблуждения. Возможно, кто-то скажет, что доктрина и конституция Церкви не совпадают с тем, что мы находим в священных оракулах. Это верно; но изменение только кажущееся, относящееся к форме, а не к содержанию. Более того, изменение - это прогресс. Живая сила Духа придала реальность тому, что существует в Писании только в идее; она воплотила наброски Слова, завершила эти

наброски и завершила работу, о которой Библия сообщила лишь в первых чертах. Следовательно, Священное Писание следует понимать в смысле, определенном Церковью под руководством Святого Духа. Здесь мнения католических докторов разделились. Генеральные советы, говорят некоторые, и Джерсон в их числе, являются представителями Церкви. Папа, говорят другие, является хранителем Духа толкования; и ни один человек не имеет права понимать Священное Писание в смысле, отличающемся от смысла римского понтифика. Таково было мнение Приерио.

Такова была доктрина, которую хозяин священного дворца противопоставил зарождающейся Реформации. Говоря о власти папы и Церкви, он выдвигал положения, от которых покраснели бы самые бесстыдные льстецы при римском дворе. Следующее является одним из пунктов, которого он придерживается в начале своего трактата: "Тот, кто не опирается на доктрину Римской церкви и римского понтифика как на непогрешимое правило веры, из которого само Священное Писание черпает свою силу и авторитет, является еретиком". [426]

Затем в диалоге, в котором выступают Лютер и Сильвестр, последний пытается опровергнуть утверждения доктора. Чувства саксонского монаха были совершенно новыми для римского цензора. Соответственно, Приерио показывает, что он не понимал ни чувств его сердца, ни мотивов его поведения. К учителю истины он применил скромные стандарты римских слуг. "Дорогой Лютер! - говорит он, - если бы ты получил епископство и полную индульгенцию на восстановление твоей Церкви от нашего господина папы, ты действовал бы более мягко и даже ратовал бы за индульгенцию, которую тебе сейчас угодно очернить!" Итальянец, так гордящийся элегантностью своих манер, иногда принимает самый непристойный тон. "Если собакам свойственно кусаться, - говорит он Лютеру, - то, боюсь, твой отец, должно быть, был собакой". [427] Доминиканец, наконец, начинает почти удивляться собственной снисходительности в разговоре с мятежным монахом; и завершает тем, что показывает своему оппоненту жестокие зубы инквизитора. "Римская церковь, - говорит он, - имея в лице папы римского вершину духовной и светской власти, может светской рукой сдерживать тех, кто, приняв веру, отклоняется от нее. Она не обязана прибегать к аргументам с целью борьбы с непокорными и их усмирения". [428]

Эти слова, выведенные пером одного из сановников римского двора, имели очень важное значение. Однако им не удалось напугать Лютера. Он верил или притворялся, что верит, что этот диалог был написан не Приерио, а Ульрихом фон Хюттенем или кем-то другим из авторов "Писем некоторых безвестных людей", которые (сказал он в своей саркастической манере), чтобы настроить Лютера против Приерио, сочинили эту массу абсурда. [429] У него не было желания видеть римский суд с оружием в руках против него. Однако, помолчав некоторое время, когда его сомнения, если они у него были, рассеялись, он приступил к работе и через два дня был готов свой ответ. [430]

Библия породила Реформатора и положила начало Реформации. Веруя, Лютер не нуждался в свидетельстве Церкви. Его вера была почерпнута из самой Библии; изнутри, а не извне. Его глубокая убежденность в том, что евангельское учение незыблемо основано на слове Божьем, заставляла его считать всякий внешний авторитет бесполезным. Опыт Лютера в этом отношении открыл перед Церковью новую перспективу. Живому источнику, бывшему ключом перед виттембергским монахом, было суждено стать потоком, у которого народы утоляли свою жажду.

Церковь сказала, что для того, чтобы понять Слово, Дух Божий должен истолковать его, и до сих пор Церковь была права. Но ее ошибка заключалась в том, что она рассматривала Святого Духа как монополию, предоставленную определенной касте, и думала, что он может быть присвоен исключительно определенным ассамблеям и колледжам, городу или конклаву. "Ветер дует, где хочет", - таковы были слова Сына Божьего, когда он говорил о Духе Божьем; и в другом случае: "Все они будут научены Богом". Коррупционность Церкви, амбиции понтификов, враждебность соборов, склоки духовенства и помпезность прелатов заставили этого Святого Духа, это дыхание смирения и мира избегать жилища священства. Он покинул собрания гордецов и дворцы князей Церкви и ушел жить в уединении среди простых христиан и скромных священников. Он избегал властной иерархии, которая часто проливали кровь бедняков, которых она попирала ногами; он избегал гордого и невежественного духовенства, главы которого были искусны не в Библии, а в обращении с мечом; и иногда его находили среди презираемых сект, а иногда среди людей таланта и учености. Священное облако, отступившее от гордых василисков и великолепных соборов, опустилось на темные жилища смиренных или на покои, где прилежные люди спокойно занимались своим добросовестным трудом. Церковь, униженная своей любовью к власти и богатству, обесчещенная в глазах людей продажным использованием учения о жизни; Церковь, которая продала спасение, чтобы наполнить казну, чтобы роскошь и разврат опустели, потеряла всякое уважение. Здравомыслящие люди больше не придавали никакого значения ее свидетельству, но, презирая столь униженный авторитет, с радостью обратились к Божественному слову и его непогрешимому авторитету как к единственному прибежищу, которое оставалось им во всеобщем смятении.

Таким образом, эпоха была подготовлена. Смелый шаг, которым Лютер изменил точку, на которую человеческое сердце возлагало свои высшие надежды, и могучей рукой перенес эти надежды со стен Ватикана на скалу слова Божьего, был встречен с энтузиазмом. Именно эту работу имел в виду Реформатор в своем ответе Приерио.

Оставляя в стороне аксиомы, которые доминиканец поместил во главу своей работы, он говорит: "По вашему примеру я тоже собираюсь изложить некоторые аксиомы".

Первое - это высказывание святого Павла: "Если мы или ангел с небес будем благовествовать вам какое-либо иное Евангелие, кроме того, которое мы благовествовали вам, да будет он проклят".

Вторым является следующий отрывок из св. Августин, адресованное святому Иерониму: "Я научился оказывать честь только каноническим книгам, твердо веря, что ни одна из них не ошибалась; что касается других, я не верю тому, что они говорят, по той простой причине, что это они сами это говорят".

Затем Лютер энергично переходит к изложению фундаментальных принципов Реформации — *слова Божьего, всего слова Божьего и ничего, кроме слова Божьего*. "Если вы поймете эти принципы, - продолжает он, - вы также поймете, что весь ваш диалог полностью перевернут; ибо вы не сделали ничего другого, как привели слова и мнения святого Фомы". Далее, нападая на аксиомы своего оппонента, он откровенно заявляет о своем мнении, что папы и соборы могут ошибаться. Он жалуется на лесть римских придворных, приписывающих папе предполагаемую непогрешимость как пап, так и соборов, и заявляет, что Церковь фактически существует только во Христе и репрезентируется только на Соборах. [431] Переходя впоследствии к предположению, высказанному Приерио, он говорит: "Без сомнения, вы судите обо мне по

себе, но если бы я стремился к епископству, я, конечно, не стал бы использовать язык, который звучит так ненавистно в ваших ушах. Неужели вы думаете, что я не знаю, как добываются епископства и папство в Риме? Разве даже дети на улицах не поют хорошо известные слова —

"Рим в наши дни более нечист,
Чем все, что можно увидеть в мире?" [432]

Эта строфа была в ходу в Риме до избрания одного из последних пап. Тем не менее, Лютер отзывается о Льве с уважением. "Я знаю, - говорит он, - что в нем мы имеем как бы Даниила в Вавилоне; его честность неоднократно подвергала опасности его жизнь". Он завершает несколькими словами в ответ на угрозы Приерио: "В конце концов, вы говорите, что папа является одновременно понтификом и императором, и что у него есть власть ограничивать мирской рукой. Ты жаждешь убийства? Поверь мне на слово, твои ругательства и громко звучащие угрозы не могут напугать меня. Хотя я и буду убит, Христос жив, Христос, Господь мой и Господь всего сущего, благословенный во веки веков. Аминь." [433]

Таким образом, Лютер сильной рукой нападает на неверный алтарь папства, противопоставляя ему алтарь слова Божьего, единственно святого, единственно непогрешимого, перед которым он преклонил бы каждое колено и на котором он заявляет о своей готовности пожертвовать своей жизнью.

Приерио опубликовал ответ, а вслед за ним третий трактат "Неопровержимая истина Церкви и римского понтифика", в котором, основываясь на церковном праве, он говорит, что, хотя папа должен был отправить людей и его самого к дьяволу *в массовом порядке*, он не мог быть за это ни осужден, ни низложен. [434] В конце концов папе римскому пришлось заставить Приерио замолчать.

Вскоре в списке появился новый соперник. Он тоже был доминиканцем. Джеймс Хохстратен, инквизитор в Кельне, которого мы уже видели нападающим на Рейхлина и литераторов, пришел в ярость, когда увидел смелость Лютера. Действительно, было необходимо, чтобы тьма и монашеский фанатизм вступили в ближний бой с тем, кто должен был нанести им смертельный удар. Монашество сформировалось после того, как примитивная истина начала приходить в упадок, и с того периода ошибки и монахи шли рука об руку. Появился человек, который должен был ускорить их гибель; но эти отважные чемпионы не покинули бы поле боя без ожесточенной схватки. Эту борьбу они продолжали вести с ним на протяжении всей его жизни, хотя подлинным олицетворением ее является Хохстратен; Хохстратен и Лютер — один, свободный и бесстрашный христианин, а другой, буйный раб монашеских суеверий. Хохстратен дает волю своему гневу и с громкими криками требует смерти еретика.... Его желание - обеспечить триумф Рима с помощью пламени. "Это государственная измена Церкви, - восклицает он, - позволить такому отвратительному еретику прожить еще хотя бы час. Пусть для него немедленно воздвигнут эшафот!" Этому кровавому совету, увы! но слишком хорошо последовали во многих странах; голоса многочисленных мучеников, как и в первые дни существования Церкви, свидетельствовали об истине посреди пламени. Но напрасно призывались огонь и меч против Лютера. Ангел Иеговы постоянно располагался вокруг него лагерем и защищал его.

Лютер ответил Хохстратену кратко, но очень энергично. "Иди, - говорит он ему в заключение, - иди, обезумевший убийца, чья жажда может быть утолена только кровью братьев. Мое

искреннее желание состоит в том, чтобы вы остерегались называть меня христианином и верующим и, напротив, никогда не переставали обличать меня как еретика. Пойми это хорошенько, ты, кровавый человек, ты, враг истины; и если твой неистовый гнев побудит тебя замышлять зло против меня, делай это осмотрительно и тщательно рассчитывай свои меры. Бог знает, чего я добиваюсь, если он дарует мне жизнь. Моя надежда и ожидание (с Божьей помощью) не обманут меня". [435] Хохстратен промолчал.

Реформатора ожидала более болезненная атака. Доктор Экк, знаменитый профессор из Ингольштадта, добившийся свободы Урбану Региусу, другу Лютера, получил знаменитые тезисы. Экк был не тем человеком, который защищал бы злоупотребления индульгенциями, но он был школьным доктором, а не библейским, хорошо разбираясь в схоластике, но не в слове Божьем. Если Приерио представлял Рим, а Хохстратен - монахов, то Экк представлял Школу. Школа, которая около пяти столетий правила христианским миром, отнюдь не уступила первым ударам Реформатора, а гордо поднялась, чтобы сокрушить человека, осмелившегося напасть на нее потоками презрения. Экк и Лютер, Школа и Слово, не раз вступали в драку; но именно настоящее стало поводом для начала сражения.

Экк, должно быть, считал некоторые утверждения Лютера ошибочными, поскольку ничто не обязывает нас подвергать сомнению искренность его убеждений. Он с энтузиазмом защищал схоластические мнения, точно так же, как Лютер защищал утверждения слова Божьего. Мы можем даже предположить, что ему было несколько больно видеть себя вынужденным выступить против своего старого друга, и все же, судя по способу нападения, страсть и ревность сыграли определенную роль в его решимости.

Он дал название *Обелискам* своим замечаниям о тезисах Лютера. Желая поначалу сохранить видимость, он не стал публиковать свою работу, а ограничился конфиденциальным сообщением о ней своему ординарцу, епископу Айхштедта. Однако вскоре, то ли по неосторожности епископа, то ли самого Эка, *Обелиски* были распространены во всех местах. Копия попала в руки друга Лютера, Линка, проповедника в Нюрнберге, и он, не теряя времени, отправил ее Реформатору. Экк был гораздо более грозным противником, чем Тезель, Приерио и Хохстратен; его работа была тем опаснее, чем больше она превосходила их по знаниям и тонкости. Он изобразил жалость к своему "слабому противнику" (хорошо зная, что жалость ранит сильнее, чем гнев) и намекнул, что положения Лютера содержат богемский яд и отдают богемностью. Этими злонамеренными инсинуациями он обрушил на Лютера поношение и ненависть, которые в Германии связывали с именем Гуса и раскольниками его страны.

Злоба, сквозившая в этом трактате, вызвала негодование Лютера, в то время как мысль о том, что удар был нанесен старым другом, была еще более огорчительной. Однако он должен пожертвовать своими чувствами, защищая истину. Лютер раскрыл свое сердце и его печаль в письме Эгранусу, пастору в Цвиккау: "На *Обелисках* меня называют злобным человеком, богемцем, еретиком, мятежником, наглецом и самонадеянным.... Я уже не говорю о более мягких эпитетах, таких как сонный, слабоумный, невежественный, презирующий суверенного понтифика и т.д. Эта книга полна грубейших оскорблений, и все же автор - выдающийся человек, в равной степени отличающийся образованностью и талантом; и (именно это огорчает меня больше всего) человек, с которым у меня недавно завязалась тесная дружба, [436] а именно Джон Экк, доктор теологии и канцлер Ингольштадта, знаменитый и прославленный автор. Если бы я не знал мыслей сатаны, я был бы поражен яростью, с которой этот человек

разорвал дружбу, одновременно столь приятную и столь недавнюю; [437] и это без всякого предупреждения — не написав и не сказав ни единого слова".

Но если сердце Лютера ранено, его мужество не сломлено. Напротив, он готовится к бою. "Радуйся, брат мой, - говорит он Эгранусу, на которого тоже напал жестокий враг. - радуйся и не пугайся всех этих летящих листьев. Чем более разъяренными становятся мои противники, тем больше я продвигаюсь вперед. Я оставляю то, что позади, чтобы они могли лаять им вслед, и следую за тем, что впереди, чтобы они, в свою очередь, могли таким же образом лаять им вслед".

Экк чувствовал, насколько постыдным было его поведение, и попытался оправдать его в письме Карлштадту, в котором он называет Лютера "их общим другом"; и возлагает всю вину на епископа Эйхштадтского, по наущению которого он притворился, что написал эту работу. В его намерения, по его словам, не входило публиковать *Обелиски*; но для этого он больше уважал бы дружбу, существующую между ним и Лютером; и он просил, чтобы Лютер, вместо того чтобы открыто порвать с ним, повернул оружие против франкфуртских богословов. Профессор из Ингольштадта, который не побоялся нанести первый удар, начал беспокоиться о силе противника, на которого он неосторожно напал, и охотно уклонился бы от поединка. Было уже слишком поздно.

Все эти прекрасные слова не убедили Лютера, который, однако, был расположен хранить молчание и сказал: "Я терпеливо проглочу этот кусок, хотя он и годится для Цербера". [438] Но его друзья придерживались другого мнения и настаивали или, скорее, заставляли его ответить. Он, соответственно, ответил *Обелискам* своими *Звездочками*, противопоставив (как он говорит, играя словом) ржавчине и сизости Обелисков свет и ослепительную яркость небесных звезд. В этой работе он обращается со своим новым противником менее сурово, чем с теми, с кем он ранее боролся; но сквозь его слова проглядывает негодование.

Он показал, что в хаосе *Обелисков* не было ничего от священного Писания, ничего от Отцов Церкви и ничего от церковных канонов; что они содержали только схоластические пояснения и мнение за мнением, многие из которых были просто мечтами; [439] одним словом, содержали именно то, о чем говорил Лютер. подвергся нападению. Звездочки полны духа и жизни. Автор возмущен ошибками в книге своего друга, но он проявляет жалость к этому человеку. [440] Он повторяет фундаментальный принцип, который он изложил в своем ответе Приерио:

"Суверенный понтифик — человек, и его можно ввести в заблуждение; но Бог есть истина, и его нельзя обмануть". [441] Затем, используя *argumentum ad hominem* против доктора-схоласта, он говорит ему: "Со стороны любого человека, безусловно, дерзко преподавать, как философию Аристотеля, какую-либо догму, которая не может быть доказана его авторитетом. Ты даруешь это. Что ж, тогда это *тем более*, самая дерзкая из всех вещей - утверждать в Церкви и среди христиан то, чему сам Иисус Христос не учил. [442] Итак, в какой части Библии сказано, что сокровище заслуг Христа находится в руках папы Римского?"

Он добавляет: "Что касается злонамеренного обвинения в богемской ереси, я терпеливо переношу упреки из любви к Иисусу Христу. Я живу в знаменитом университете, выдающемся городе, важном епископстве и могущественном герцогстве, где все православные и где, несомненно, не потерпят такого злостного еретика".

Лютер не публиковал *Звездочки*; он только передал их своим друзьям. Только в более поздний период они были представлены широкой публике. [443]

Этот разрыв между доктором из Ингольштадта и доктором из Виттемберга произвел сенсацию в Германии. У них были общие друзья. Шерл, в частности, с помощью которого, по-видимому, изначально завязалась их дружба, был чрезвычайно раздосадован. Он был одним из тех, кто страстно желал увидеть реформу во всей германской церкви, произведенную с помощью ее самых выдающихся органов. Но если в принципиальных вопросах самые выдающиеся теологи того периода пришли к открытому разрыву, и в то время как Лютер продвигался по новому пути, Экк поставил себя во главе тех, кто придерживался старого пути, какой разрыв неизбежно должен был последовать? Разве не собрались бы многочисленные приверженцы вокруг каждого из двух вождей и не образовали бы два враждебных лагеря в сердце империи?

Шерл приложил все усилия, чтобы примирить Экка и Лютера. Последний заявил, что готов забыть обо всем; что он любит гения и восхищается эрудицией доктора Экка, [444] и что действия его старого друга вызвали у него больше горя, чем гнева. "Я готов, - говорит он, - либо к миру, либо к войне; но я предпочитаю мир. Тогда приступайте к делу. Скорбите вместе с нами, что дьявол посеял среди нас это начало раздора, а затем радуйтесь, что Христос в своей милости устранил его". [445] Примерно в то же время он направил самое дружеское письмо Эку, который, однако, не только не ответил на него, но даже не отправил ему устного сообщения". [446] Было слишком поздно для примирения; и брешь становилась все шире и шире. Гордость Эка и его неумолимый нрав вскоре полностью разрушили все оставшиеся узы дружбы.

ГЛАВА X.

Популярные произведения—Отче наш—Да придет Царствие Твое—Да будет воля Твоя—Хлеб наш насущный—Проповедь о покаянии—Прощение через Христа.

Такова была борьба, которую поборнику слова Божьего приходилось вести в начале своей карьеры. Но эти схватки с лидерами общества, эти академические споры не имеют большого значения для христианина. Человеческие врачи воображают, что они добились величайшего триумфа, если им удастся наполнить некоторые газеты и салуны шумом своих систем. Поскольку для них это скорее вопрос любви к себе или партийного духа, чем пользы человечеству, этот мирской успех удовлетворяет их. Соответственно, их труды - всего лишь дым, который, ослепив нас, рассеивается, не оставляя после себя никаких следов. Пренебрегая распространением своего огня среди масс населения, они не делают ничего большего, чем заставляют его скользить по поверхности общества.

С христианином все иначе. Его цель - не успех в кружке или академии, а спасение душ. Поэтому он охотно избегает блестящих схваток, которые он мог бы вести непринужденно с чемпионами мира, и предпочитает малоизвестные подвиги, которые приносят жизнь и свет в сельские коттеджи и на улицы городов. Так поступил Лютер, или, скорее, согласно завету своего Учителя, *он сделал одно, не оставив невыполненным другое*. Сражаясь с инквизиторами, ректорами университетов и хозяевами священного дворца, он стремился распространить среди толпы здоровые религиозные знания. С этой целью он в то время публиковал различные популярные труды, такие как его *Беседы о десяти заповедях*, прочитанные двумя годами ранее в

Виттембергской церкви и на которые мы уже обратили внимание; и его *Изложение Молитвы Господней для простых и невежественных мирян*. [447] Кто не хотел бы знать, как Реформатор затем обратился к народу?

Мы процитируем некоторые из слов, которые он послал, как он говорит, в предисловии ко второй из этих работ, "наставляя страну".

Молитва, это внутреннее действие сердца, несомненно, всегда будет одним из пунктов, с которого должно начаться преобразование сердца и жизни, и, соответственно, она рано привлекла внимание Лютера. В переводе невозможно сохранить его энергичный стиль и мощь языка, который сформировался, так сказать, в том виде, в каком он вышел из-под его пера; тем не менее, мы попытаемся.

"Когда вы молитесь, - говорит он, - имейте немного слов, но много мыслей и чувств, и, прежде всего, пусть они будут глубокими. Чем меньше вы говорите, тем лучше молитесь. Несколько слов и много мыслей делают христианина, много слов и мало мыслей - язычником.

"Кажущаяся и телесная молитва - это то бормотание уст, тот внешний лепет, который выходит наружу без внимания, поражая глаза и уши людей; но молитва в духе и истине - это внутреннее желание, эмоции и вздохи, исходящие из глубин сердца. Первое - молитва лицемеров и всех, кто верит в себя. Последнее - молитва детей Божьих, которые ходят в страхе Его".

Затем, переходя к первым словам молитвы "Отче наш", он выражает себя так: "Среди всех имен Божьих нет ни одного, которое более располагало бы к нему, чем имя Отец. Мы не должны испытывать столько счастья и утешения, называя его Господом, или Богом, или Судьей.... При этом имени отца его переполняет сострадание, ибо нет голоса более милого и трогательного, чем голос ребенка, обращенный к своему отцу.

"*Который на небесах*. Тот, кто исповедует, что у него есть Отец на небесах, признает себя, так сказать, сиротой на земле. Поэтому его сердце испытывает горячее желание, подобное желанию ребенка, живущего вдали от страны своего отца, среди чужих людей, в нищете и печали. Он как будто говорит: "Увы! мой отец! ты на небесах, а я, твое несчастное дитя, на земле, вдали от тебя, среди всевозможных опасностей, нужды и горестей".

"*Да святится имя твое!* Тот, кто страстен и завистлив, кто проклинает или клеветает, бесчестит Бога, во имя которого он был крещен. Используя сосуд, освященный Богом, для мирских целей, он подобен священнику, который должен использовать святую чашу, чтобы напоить свинью или собрать навоз.

"*Да приидет царствие Твое*. Те, кто накапливает богатство, кто возводит великолепные здания, кто стремится ко всему, что может дать мир, и устами повторяет эту молитву, подобны большим трубам церковного органа, который звучит и вопиет во всю мощь и не переставая, но не имеет ни слов, ни смысла, ни рассудка"....

Далее Лютер нападает на ошибку паломничества, которая в то время была столь распространенной. "Один едет в Рим, другой в Сент-Джеймс; один строит часовню, другой основывает благотворительный фонд, чтобы достичь царства Божьего; но все они пренебрегают важным моментом, который заключается в том, чтобы самим стать его царством. Почему вы

отправляетесь за моря в поисках царства Божьего?... Ваше сердце - это то место, где оно должно возвышаться.

"Ужасно слышать, - продолжает он, - как мы произносим эту молитву: *"Да будет воля Твоя"*. Где в Церкви мы видим исполнение этой воли?... Епископ восстает против епископа, а церковь против церкви. Священники, монахи и монахини ссорятся и дерутся; повсюду нет ничего, кроме раздора. И все же все стороны восклицают, что у них добрая воля и честные намерения; и таким образом, к чести и славе Божьей, они все вместе выполняют работу дьявола

"Почему мы говорим *"хлеб наш"*? - продолжает он, - объясняя эти слова: *"Хлеб наш насущный дай нам на сей день"*. "Потому что мы молимся не об обычном хлебе, который едят язычники и который Бог дает всем людям, но о *нашем* хлебе — хлебе для нас, детей Небесного Отца.

"И что же тогда это за хлеб Божий? Это Иисус Христос, Господь наш; *"Я есмь хлеб живой, сошедший с небес и дающий жизнь миру"*. А потому не будем обманывать самих себя. Проповеди и наставления, которые не представляют для нас или не дают нам знания об Иисусе Христе, не могут быть хлебом насущным и пищей наших душ....

"Какая польза от того, что для нас готовят такой хлеб, если его нам не подают, и мы не можем его попробовать?... Это как если бы был приготовлен великолепный пир, и некому было подать хлеб, принести блюда и разлить ликер, так что гостям оставалось только любоваться видом и запахом.... Вот причина, по которой необходимо проповедовать Христа, и только Христа.

"Но что же тогда, спросите вы, значит познать Иисуса Христа и какую пользу это приносит? Ответ: —Научиться познавать Иисуса Христа — значит понять то, что говорит Апостол:*Христос от Бога сделался для нас премудростью, и праведностью, и освящением, и искуплением*. Теперь вы понимаете это, когда осознаете, что ваша мудрость - преступная глупость, ваша праведность - проклятое беззаконие, ваша святость - проклятое осквернение, ваше искупление — жалкое осуждение, — когда вы чувствуете, что перед Богом и всеми созданиями вы действительно глупец, грешник, нечистый и осужденный человек, - и когда вы показываете не только своими словами, но от всего сердца и своими делами, что для вас не остается ни утешения, ни спасения, кроме Иисуса Христа. Верить - это не что иное, как вкушать этот небесный хлеб".

Таким образом, Лютер добросовестно выполнил свое решение открыть глаза людям, которым священники завязали глаза и вели по своему усмотрению. Его труды, которые за короткое время распространились по всей Германии, вызвали появление нового света и в изобилии пролили семена истины на почву, хорошо подготовленную для его восприятия. Но, думая о тех, кто был далеко, он не забывал о тех, кто был рядом.

Доминиканцы со своих кафедр обличали его как печально известного еретика. Лютер, человек из народа, который, будь он к тому расположен, мог бы несколькими фразами привести их в смятение, всегда пренебрегал подобными триумфами и ставил своей единственной целью наставление своих слушателей.

Его репутация, которая постоянно росла, и мужество, с которым он поднимал знамя Христа посреди поработанной Церкви, заставляли следить за его проповедями с возрастающим интересом. Никогда еще слияние не было таким большим. Лютер сразу перешел к делу. Однажды, взойдя на кафедру в Виттемберге, он взялся утвердить доктрину покаяния. Речь,

произнесенная по этому поводу, впоследствии стала очень известной и содержит несколько фундаментальных принципов евангельского учения.

Сначала он противопоставляет прощение людей прощению небес. "Есть, - говорит он, - две ремиссии— смягчение наказания и смягчение вины. Первое внешне примиряет человека с Церковью; второе, которое является небесным попусшением, примиряет человека с Богом. Если у человека нет внутри той спокойной совести, того жизнерадостного сердца, которые дает Божье попусшение, никакая снисходительность не поможет ему, даже если он купит все, что когда-либо было на земле".

Впоследствии он продолжает так: "Они хотят совершать добрые дела до того, как их грехи будут прощены, тогда как грехи должны быть прощены до того, как могут быть совершены добрые дела. Дела не изгоняют грех; но изгоните грех, и у вас будут дела. [448] Добрые дела следует совершать с веселым сердцем и чистой совестью по отношению к Богу; другими словами, с прощением грехов".

Затем он переходит к главной цели своей проповеди, цели, которая была отождествлена с целью всей Реформации. Церковь поставила себя на место Бога и его слова; он возражает против этого и ставит все в зависимость от веры в слово.

"Искупление вины, - говорит он, - не во власти папы, или епископа, или священника, или кого бы то ни было еще, но основывается исключительно на слове Христа и вашей собственной вере. Ибо Христос решил строить наше утешение или наше спасение не на слове или деле человека, а только на самом себе, на своем собственном деле и слове. Ваше покаяние и ваши дела могут обмануть вас, но Христос, ваш Бог, никогда не обманет, никогда не поколеблется; и дьявол не может опровергнуть его слова". [449]

"У папы или епископа не больше власти, чем у самого скромного священника, когда речь идет об искуплении вины. И даже там, где нет священника, каждый христианин, будь то женщина или ребенок, [450] может сделать то же самое. Ибо, если простой христианин говорит вам: "Бог прощает грехи во имя Иисуса Христа", и вы принимаете эти слова с твердой верой, как если бы это сказал сам Бог, вы оправданы.

"Если ты не веришь, что твои грехи прощены, ты выставляешь своего Бога лжецом и заявляешь, что больше доверяешь своим суетным мыслям, чем Богу и его слову.

"Согласно Ветхому Завету, ни священник, ни царь, ни пророк не имели власти провозглашать прощение грехов; но согласно Новому Завету, каждый верующий обладает этой властью. Церковь изобилует отпущением грехов. [451] Если благочестивый христианин утешает вашу совесть словом о кресте, будь то мужчина или женщина, молодой или старый, примите утешение с такой твердой верой, что вы скорее примете множество смертей, чем усомнитесь в том, что оно подтверждено в присутствии Бога.... Покайтесь и совершайте все дела, на которые вы способны; но пусть вера, которую вы имеете в прощение Иисуса Христа, стоит в первых рядах и единолично командует на поле битвы ". [452]

Так говорил Лютер своим изумленным и восхищенным слушателям. Все эшафоты, которые дерзкие священники ради собственной выгоды воздвигли между Богом и душой человека, были разрушены, и человек оказался лицом к лицу со своим Создателем. Слово о прощении сошло чистым свыше, не пройдя через тысячу порочащих каналов. Больше не было необходимости в

том, чтобы свидетельство Божье, для того чтобы быть доступным, было предварительно скреплено людьми с их фальшивой печатью. Монополия касты священнослужителей была упразднена, а Церковь эмансипирована.

ГЛАВА XI.

Опасения друзей Лютера—Путешествие в Гейдельберг—Бибра—Палатинский замок—Разрыв—Парадоксы—Спор—Слушатели—Буцер—Бренц—Снепф—Беседы с Лютером—Труды молодых врачей—Влияние на Лютера—Старый профессор—Истинный Свет—Прибытие.

Между тем огонь, разожженный в Виттемберге, следовало разжечь в другом месте. Лютер, не довольствовавшийся провозглашением истины по месту своего жительства, будь то академической молодежи или народу, желал посеять семена здорового учения в других местах. Орден августинцев должен был провести свой генеральный капитул в Гейдельберге весной 1518 года. Лютер, как один из самых выдающихся людей ордена, был приглашен присутствовать; но его друзья сделали все возможное, чтобы отговорить его от этого путешествия. На самом деле монахи потрудились над тем, чтобы сделать имя Лютера одиозным во всех местах, через которые ему приходилось проходить. К оскорблению они добавили угрозы, и небольшого инцидента могло быть достаточно, чтобы вызвать народное возмущение, жертвой которого он мог бы стать. "Или даже, - говорили его друзья, - то, на что они, возможно, не осмелятся пойти насилием, они добьются обманом и хитростью". [453] Но при исполнении долга Лютер не позволил арестовать себя из-за страха перед какой-либо опасностью, какой бы неотвратимой она ни была. Поэтому он остался глух к робким советам своих друзей и направил их к Тому, кому он доверял и под чьей защитой он хотел предпринять это опасное путешествие. После праздника Пасхи он спокойно отправился пешком, [454] 13 апреля 1518 года.

С ним был проводник по имени Урбан, который нес его небольшой сверток и должен был сопровождать его до Вюрцбурга. Сколько мыслей, должно быть, занимало сердце слуги Господня во время этого путешествия! В Вайсенфельсе пастор, хотя и не был с ним знаком, сразу узнал в нем виттембергского доктора и оказал ему сердечный прием. [455] В Эрфурте к нему присоединились два других монаха-августинца. В Юденбахе все трое встретились с Дегенардом Пфеффингером, доверенным советником курфюрста, который принимал их в гостинице. "Я имел удовольствие, - писал Лютер Сплатину, - сделать этого богатого лорда на несколько шиллингов беднее. Ты же знаешь, как мне нравится пользоваться любым случаем, чтобы проделать дыру в кошельках богатых в пользу бедных, особенно если богатые - мои друзья". [456] Он прибыл в Кобург, измученный усталостью. "Милостью Божьей все идет хорошо, - писал он, - только, признаюсь, я согрешил, предприняв путешествие пешком. Но за этот грех, я полагаю, мне не понадобится прощение индульгенций, ибо мое раскаяние совершенно, а удовлетворение полное. Я валюсь с ног от усталости, а все транспортные средства переполнены. Разве этого недостаточно, или, скорее, более чем достаточно для покаяния, раскаяния и удовлетворения?" [457]

Реформатор Германии, не найдя ни места в общественном транспорте, ни кого-либо, кто был бы готов уступить ему свое место, был вынужден на следующее утро, несмотря на усталость,

смиренно продолжить свой путь пешком. Он прибыл в Вюрцбург вечером второй субботы после Пасхи и отправил обратно своего проводника.

Епископ Бибра, который с таким восторгом воспринял тезисы, жил в этом городе, и у Лютера было для него письмо от курфюрста Саксонии. Епископ, вне себя от радости от возможности лично познакомиться с этим смелым поборником истины, поспешил пригласить его в епископский дворец. Он вышел встретить его, поговорил с ним в самых добрых выражениях и предложил предоставить ему проводника до Хайдлеберга. Но в Вюрцбурге Лютер встретился с двумя своими друзьями, главным викарием Штаупицем и Ланге, приором Эрфурта, которые предложили ему место в их карете. Поэтому он поблагодарил Бибру за его предложение, и на следующий день трое друзей выехали из Вюрцбурга. Так они ехали три дня, беседуя друг с другом, и 21 апреля прибыли в Гейдельберг. Лютер поселился в Августинском монастыре.

Курфюрст Саксонии передал ему письмо к графу палатину Вольфгангу, герцогу Баварии. Лютер отправился в свой великолепный замок, место расположения которого до сих пор вызывает восхищение посторонних. У монаха с равнин Саксонии хватило духу восхититься расположением Гейдельберга, где соединяются две прекрасные долины Рейна и Неккера. Он передал свое письмо Джеймсу Симлеру, управляющему двором. Симлер, прочитав его, сказал: "Поистине, у вас здесь ценный аккредитив". Граф Палатин принял его с большой добротой и часто приглашал его, а также Ланге и Штаупица к своему столу. Этот дружеский прием значительно утешил Лютера. "Мы расслабляемся и развлекаемся приятной болтовней, - говорит он, - едим и пьем, осматривая все великолепие Палатинского дворца, восхищаясь его украшениями, оружейной палатой и кирасами, короче говоря, всем примечательным в этом выдающемся и поистине королевском замке". [458]

Однако у Лютера были другие дела. Он должен был работать, пока был день. Переведенный в университет, имевший большое влияние на запад и юг Германии, он был там для того, чтобы нанести удар, который должен был потрясти церкви этих стран. Он, соответственно, начал писать тезисы, которые предлагал вынести на общественное обсуждение. Подобные дискуссии были обычным явлением, но Лютер чувствовал, что для того, чтобы сделать его полезным, необходимо придать ему особый интерес. Более того, его характер склонял его представлять истину в парадоксальной форме. Профессора университета не позволили провести дискуссию в их публичном зале, и возникла необходимость провести ее в зале Августинского монастыря. Это должно было произойти 26 апреля.

Гейдельберг в более поздний период принял Евангелие, и даже во время этой дискуссии в монастыре сторонний наблюдатель мог бы предвидеть, что из этого выйдет что-то хорошее.

Репутация Лютера привлекла большое количество слушателей; профессора, придворные, горожане и студенты столпились вокруг него. Доктор дал название своим тезисам "Парадоксы", и это, возможно, то название, которое все еще можно было бы применить к ним в наши дни. Однако было бы легко перевести их в очевидные утверждения. Ниже приведены некоторые из парадоксов:—

1. "Закон Божий - это спасительное правило жизни. Тем не менее, это не может помочь человеку в его поиске праведности; напротив, это мешает ему.
3. "Дела человека, какими бы справедливыми и благими они ни были, по всей видимости, являются всего лишь смертными грехами.

4. "Дела Божьи, какими бы уродливыми и порочными они ни казались, всегда обладают бессмертной заслугой.

7. "Дела праведных сами по себе были бы смертными грехами, если бы они из святого благоговения перед Господом не боялись, что их дела на самом деле будут смертными грехами. [459]

9. "Утверждать, что дела, совершенные без Христа, мертвы, но не смертны, - опасное забвение страха Божьего.

13. "С момента грехопадения человека свобода воли существует только номинально, и когда человек делает все, что в его силах, он грешит смертельно.

16. "Человек, который ожидает обрести благодать, делая все, что для него возможно, добавляет грех к греху и удваивает свою вину.

18. "Несомненно, что человек, чтобы стать способным принять благодать Христа, должен полностью отчаяться в себе.

21. "Почетный богослов называет зло добром, а добро - злом; но богослов креста говорит согласно истине.

22. "Мудрость, которая учит человека познавать невидимые совершенства Бога в его делах, раздувает, ослепляет и ожесточает его.

23. "Закон возбуждает гнев Божий, убивает, проклинает, обвиняет, судит и осуждает все, чего нет во Христе. [460]

24. "И все же эта мудрость (§ 22) не плоха; и закон (§ 23) не следует отвергать; но человек, который не изучает познание Бога на кресте, обращает его добро во зло.

25. "Оправдан не тот, кто совершает много дел; но тот, кто без дел много верит в Иисуса Христа.

26. "Закон говорит: сделай это! И то, что он повелевает, никогда не исполняется. Благодать говорит: верь в него! И вот! все уже свершилось. [461]

28. "Любовь Божья ничего не находит в человеке, но создает в нем то, что любит. Любовь к человеку исходит из любви к себе". [462]

Пять докторов богословия выступили с критикой этих тезисов. Они прочитали их с тем изумлением, которое вызывает новизна. Богословие показалось им очень странным. Однако, согласно собственному свидетельству Лютера, они обсуждали их с вежливостью, которую он не мог не уважать, и в то же время с силой и проницательностью.

Лютер, со своей стороны, проявил замечательную мягкость в своих ответах, несравненное терпение в выслушивании возражений своих оппонентов и всю живость святого Павла в разрешении возникших трудностей. Его ответы, которые были краткими, но изобиловали словом Божиим, наполнили восхищением всех слушателей. "Он очень похож на Эразма, — говорили некоторые, — но в одном он превосходит его: он открыто исповедует то, на что Эразм довольствуется лишь намеком". [463]

Дискуссия подходила к концу. Противники Лютера с честью покинули поле битвы, самый молодой из них, доктор Джордж Нигер, в одиночку продолжал борьбу с могущественным бойцом. Пораженный смелыми утверждениями монаха Августина и чувствуя себя совершенно растерянным, не имея аргументов для их опровержения, он воскликнул взволнованным тоном: "Если бы наши крестьяне услышали такие вещи, они забили бы вас камнями до смерти". [464] При этих словах в зале раздался общий смех.

Никогда еще слушатели так внимательно не слушали теологический диспут. Первые слова Реформатора пробудили умы людей, и вопросы, которые незадолго до этого встречались с безразличием, теперь были полны интереса. Несколько лиц дали зримое выражение новым идеям, которые смелые утверждения саксонского доктора внушили им в умы.

Трое молодых людей, в частности, были сильно тронуты. Один из них, по имени Мартин Буцер, был доминиканцем лет двадцати семи, который, несмотря на предрассудки своего ордена, казалось, не желал упустить ни единого слова, сказанного доктором. Родившийся в маленьком городке Эльзаса, он поступил в монастырь в шестнадцать лет и вскоре проявил такие таланты, что монахи возлагали на него самые большие надежды. [465] "Однажды он станет украшением нашего ордена", - сказали они. Начальство отправило его в Гейдельберг, чтобы он мог посвятить себя изучению философии, теологии, греческого и иврита. В этот период Эразм опубликовал несколько своих работ, и Буцер с жадностью прочитал их.

Вскоре после этого появились первые труды Лютера, и эльзасский студент поспешил сравнить учение Реформатора со Священным Писанием. В его сознании возникли некоторые сомнения относительно истинности папистской религии. [466] Именно таким способом рассеивался свет в те дни. Курфюрст Палатинский обратил внимание на молодого человека. Его сильный и звучный голос, приятная речь, красноречие и свобода, с которой он нападал на преобладающие пороки, сделали его выдающимся проповедником. Он был назначен придворным капелланом и исполнял обязанности в этом качестве, когда было объявлено о поездке Лютера в Гейдельберг. Буцер был очень обрадован; никто с таким рвением не направлялся в зал Августинского монастыря. Он запасся бумагой, ручками и чернилами, желая записать все, что скажет доктор. Но в то время как его рука быстро выводила слова Лютера, рука Божья еще более невыразимыми буквами записывала в его сердце великие истины, которые он слышал. Лучи учения о благодати озарили его душу в этот памятный момент. [467] Доминиканец был обращен ко Христу.

Недалеко от Буцера сидел Джон Бренц, или Брентиус, которому тогда было около девятнадцати лет. Бренц, который был сыном магистрата города в Швабии, в тринадцать лет был зачислен в число студентов Гейдельберга. Ни один из них не проявил такого стремления. Как только пробило полночь, Бренц встал и приступил к своей работе. Это занятие стало для него настолько привычным, что до конца своей жизни он никогда не мог заснуть дольше этого часа. Позже он посвятил эти спокойные моменты размышлению над Священными Писаниями. Бренц был одним из первых, кто осознал новый свет, который тогда взошел над Германией, и он принял его в свою душу со всей любовью к нему. [468] Он с жадностью читал труды Лютера и, должно быть, был вне себя от радости от перспективы услышать его лично в Гейдельберге. Молодого Бренца особенно поразило одно из утверждений доктора, а именно: "Не тот, кто совершает много дел, оправдан перед Богом, но тот, кто без дел сильно верит в Иисуса Христа".

Благочестивая женщина из Хайльбронна на Неккере, жена члена городского совета по имени Снепф, по примеру Ханны посвятила своего первенца Господу, искренне желая увидеть, как он посвятит себя теологии. Молодой человек, родившийся в 1495 году, быстро преуспел в литературе, но то ли из-за вкуса, то ли из честолюбия, то ли следуя желаниям своего отца, он посвятил себя изучению права. Набожная мать была опечалена, когда увидела, что ее сын Эрхард следует иным путем, чем тот, на который она его посвятила; она предупреждала и убеждала его и всегда в заключение напоминала ему обет, который дала при его рождении. [469] В конце концов, покоренный настойчивостью матери, Эрхард Снепф уступил и вскоре испытал такой восторг от своих новых занятий, что ничто в мире не могло отвлечь его от них.

Он был близок с Буцером и Бренцем, и они оставались друзьями всю свою жизнь; "ибо, - говорит один из их биографов, - дружба, основанная на любви к литературе и добродетели, никогда не угасает". Он присутствовал со своими двумя друзьями на гейдельбергской дискуссии. Парадоксы и смелая борьба виттембергского доктора придали Снепфу новый импульс. Отвергнув тщетную догму о человеческих заслугах, он принял доктрину свободного оправдания.

На следующий день Буцер нанес визит Лютеру. "Я беседовал с ним, - говорит он, - без свидетелей и наслаждался изысканнейшей трапезой, но не яствами, а истинами, которые были изложены передо мной. Какие бы возражения я ни высказывал, врач с готовностью отвечал на них, которые объясняли все с предельной ясностью. О! что у меня было время написать вам об этом подробнее". [470] Сам Лютер был тронут чувствами Буцера. "Он единственный монах в своем ордене, - писал он Спалатину, - который действует добросовестно. Это многообещающий молодой человек; он принял меня с простотой и беседовал со мной серьезно; он заслуживает нашего доверия и нашей любви". [471]

Бренц, Снепф и другие также, побуждаемые новыми истинами, которые начали проявляться в их умах, подобным же образом посетили Лютера, разговаривая и совещаясь с ним и прося объяснений по поводу всего, чего они, возможно, не понимали. Реформатор в своих ответах опирался на Библию. При каждом его слове возникал новый свет, и его посетители видели, что перед ними открывается новый мир.

После ухода Лютера эти благородно мыслящие люди начали преподавать в Гейдельберге. Необходимо было довести до конца то, что начал человек Божий, и не допустить, чтобы погас факел, который он зажег. Ученые будут говорить, если учителя будут молчать. Бренц, хотя и был еще так молод, объяснял Евангелие от Матфея, сначала у себя в комнате, а потом, когда она не могла вместить его слушателей, в зале философии. Богословы, преисполнившиеся зависти при виде большого собрания, которое он собрал, были сильно оскорблены.

Затем Бренц принял приказ и перенес свои лекции в колледж канонов Святого Духа. Таким образом, огонь, который уже разгорелся в Саксонии, разгорелся и в Гейдельберге. Свет исходил из многочисленных фокусов. Этот период был назван временем посева семян в Пфальце.

Но плоды гейдельбергской дискуссии не ограничились Пфальцем. Эти смелые друзья истины вскоре стали светилами Церкви. Все они занимали видные посты и принимали участие в многочисленных дискуссиях, вызванных Реформацией. Страсбург, а в более поздний период и Англия были обязаны трудам Буцера более чистым познанием истины. Снепф преподавал

сначала в Марбурге, затем в Штутгарде, Тюбингене и Йене. Бренц, после преподавания в Гейдельберге, долгое время продолжал работать в Галле, в Швабии и в Тюбингене. Эти три человека снова предстанут перед нами.

Эта дискуссия заставила самого Лютера продвинуться вперед. С каждым днем он возрастал в познании истины. "Я один из тех, - сказал он, - кто добился прогресса, сочиняя и наставляя других, а не один из тех, кто из ничего сразу становится великими и образованными врачами".

Он был в восторге, видя жадность, с которой школьная молодежь воспринимала растущую истину; и это утешило его, когда он увидел, как глубоко старые врачи укоренились в своих мнениях. "У меня есть великая надежда, - сказал он, - что подобно тому, как Христос, отвергнутый евреями, перешел к язычникам, мы теперь увидим истинное богословие, хотя и отвергнутое этими стариками с тщеславными и фантастическими взглядами, приветствуемое подрастающим поколением". [472]

Глава была закрыта, и Лютер подумывал о возвращении в Виттемберг. Пфальцграф передал ему письмо курфюрсту, в котором говорилось, что "Лютер проявил в дискуссии столько способностей, что прославил Виттембергский университет". Ему не разрешили возвращаться пешком. [473] Августинцы Нюрнберга проводили его до Вюрцбурга, а оттуда он проследовал в Эрфурт с принадлежащими ему монахами. Как только он прибыл, то сразу же отправился к своему старому мастеру Джодоку. Почтенный профессор, который был очень обеспокоен и шокирован карьерой, которой следовал его ученик, привык ставить тета (θ) перед всеми предложениями Лютера, — именно эту букву греки использовали для выражения осуждения. [474] Он написал молодому врачу, осуждая его поведение, и ему не терпелось передать ответ из уст в уста. Не получив ответа, он написал Джодоку: "Весь университет, за исключением одного лиценциата, думает так же, как я. Более того, принц, епископ, несколько других прелатов и все наши просвещенные граждане заявляют в один голос, что до сих пор они не знали и не понимали Иисуса Христа и его Евангелия. Я готов принять ваше исправление, и хотя оно должно быть суровым, я сочту его приятным. Раскройте свое сердце, а затем без страха излейте свой гнев. У меня нет желания, я не могу сердиться на тебя. Бог и моя совесть свидетельствуют". [475]

Пожилой доктор был тронут чувствами своего старого ученика и пожелал посмотреть, нет ли способа убрать осуждающую тэту. У них было объяснение, но из этого ничего не вышло. "Я, по крайней мере, - сказал Лютер, - дал ему понять, что все их предложения подобны зверю, который, как говорят, пожирает сам себя. Но бесполезно разговаривать с глухими. Доктора упрямо цепляются за свои мелкие различия, хотя и признают, что у них нет ничего, что могло бы поддержать их, кроме того, что они называют светом естественного разума — темный хаос для нас, кто не провозглашает никакого другого света, кроме Иисуса Христа, единственного истинного света ". [476]

Лютер покинул Эрфурт в карете монастыря. Таким образом, он был доставлен в Эйсleben, и оттуда местные августинцы, гордясь врачом, который придал столько блеска их ордену и их городу, в котором он родился, распорядились доставить его в Виттемберг на своих собственных лошадях и за свой счет. Все желали засвидетельствовать привязанность и уважение к выдающемуся человеку, который рос с каждым шагом.

Он прибыл в субботу после Вознесения. Путешествие пошло ему на пользу. Его друзья нашли его более сильным и здоровым, чем до его отъезда, [477] и были в восторге от всего, что он им

рассказал. Лютер на некоторое время отдохнул от утомительной кампании и дискуссии в Гейдельберге, но этот отдых был лишь подготовкой к более суровым испытаниям.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

ЛЮТЕР ПЕРЕД ЛЕГАТОМ.

МАЙ-ДЕКАБРЬ 1518 года.

Покаяние—Папа Римский—Лев X—Лютер своему епископу—Лютер Папе Римскому—Лютер генеральному викарию-Ровере курфюрсту—Беседа об отлучении от церкви—Влияние и власть Лютера.

Истина, наконец, подняла голову в лоне христианского мира. Одержав победу над низшими органами папства, она должна была вступить в борьбу с его главой. Мы собираемся увидеть Лютера в непосредственной близости от Рима.

Этот шаг был предпринят по возвращении из Гейдельберга. Его первые тезисы об индульгенциях были неправильно поняты, и он решил объяснить их значение с большей ясностью. Шум, поднятый слепой ненавистью его врагов, убедил его, насколько важно привлечь наиболее просвещенную часть нации в пользу истины, и он решил апеллировать к ее суждению, обратив внимание на фундамент, на котором зиждутся его убеждения. Действительно, на этот раз было необходимо апеллировать к решению Рима, и он не постеснялся прислать все свои объяснения. Вручая их одной рукой просвещенному и беспристрастному среди своих соотечественников, он другой кладет их перед тронem суверенного понтифика.

Эти пояснения к его тезисам, которые он назвал *Решениями*, [478] были написаны с большой сдержанностью. Лютер попытался смягчить отрывки, вызвавшие наибольшее раздражение, и продемонстрировал подлинную скромность. В то же время он показал, что его убеждения непоколебимы, и он мужественно защищал все положения, которых истина обязывала его придерживаться. Он снова повторил, что каждый христианин, который по-настоящему кается, обладает отпущением грехов без снисхождения; что папа, подобно смиреннейшему из священников, может просто заявить только о том, что Бог уже простил; что сокровищница заслуг святых, которой управляет папа, была химерой, и что Священное Писание было единственным правилом веры. Давайте послушаем его самого по некоторым из этих пунктов.

Он начинает с установления природы истинного покаяния и противопоставляет божественный акт, обновляющий человека, ряженью римской церкви. "Греческое слово μετανοεῖτε, - говорит он, — означает "облекись новым духом и новыми чувствами; имей новую природу; чтобы, перестав быть земным, ты мог стать небесным".... Христос - учитель духа, а не буквы, и его слова - это дух и жизнь". [479] Следовательно, Он призывает не к тем внешним покаяниям, которые самые гордые грешники могут совершать, не испытывая смирения, но к покаянию в духе и

истине — к покаянию, которое может быть исполнено в любых жизненных ситуациях, под пурпуром царей, рясами священников и короной принцев, среди великолепия Вавилона, где жил Даниил, а также в других местах. а также под рясой монаха и лохмотьями нищего.

Далее мы встречаемся с этими смелыми словами: "Я не беспокоюсь о том, что нравится или не нравится папе. Он такой же человек, как и все остальные. Было несколько пап, которые любили не только ошибки и пороки, но даже вещи еще более экстраординарные. Я слушаю папу как папу римского, то есть когда он говорит по канонам, в соответствии с канонами, или когда он решает какую-то статью собором, но не тогда, когда он говорит по собственному разумению. Если бы я поступил иначе, разве я не был бы обязан сказать вместе с теми, кто не знает Иисуса Христа, что ужасные массовые убийства христиан, в которых был повинен Юлий II, были добрыми поступками любящего пастыря по отношению к овцам Господним?" [480]

"Я не могу не удивляться, - продолжает он, - простоте тех, кто сказал, что два меча Евангелия представляют: один - духовную силу, а другой - светскую. Да, папа держит стальной меч и таким образом являет себя христианскому миру не как нежный отец, а как грозный тиран. Ах! Бог в гневе своем дал нам меч, которого мы желали, и забрал тот, который мы презирали. Ни в одной части мира не было более ужасных войн, чем между христианами.... Почему изобретательный интеллект, обнаруживший этот прекрасный комментарий, не истолковал с такой же тонкостью историю двух ключей, переданных святому Петру, и таким образом не превратил это в устоявшуюся догму Церкви, что один служит для открытия сокровищ небесных, а другой - сокровищ мира". [481]

"Невозможно, - снова говорит он, - чтобы человек мог быть христианином, не имея Христа; а если у него есть Христос, то у него в то же время есть все, что принадлежит Христу. То, что дает мир нашей совести, заключается в том, что по вере наши грехи больше не наши, а Христа, на которого Бог возложил их; и что, с другой стороны, вся праведность Христа принадлежит нам, которым Бог дал ее. Христос возлагает на нас свою руку, и мы исцеляемся. Он набрасывает на нас свою мантию, и мы укрыты; ибо Он - славный Спаситель, благословенный во веки веков". [482]

При таких взглядах на богатство спасения, дарованное Иисусом Христом, не было нужды в побрякушках.

Лютер, нападая на папство, с уважением отзывается о Льве X. "Времена, в которые мы живем, настолько плохи, - говорит он, - что даже величайшие личности не могут прийти на помощь Церкви. Теперь у нас очень хороший папа в лице Льва X. Его искренность и знания наполняют нас радостью. Но что может сделать один человек, пусть даже дружелюбный и покладистый, в одиночку? Он, безусловно, заслуживал быть папой в лучшие времена. В наше время мы заслуживаем только таких пап, как Юлий II и Александр VI".

Затем он подходит к кульминационному моменту. "Я хочу сказать об этом в нескольких словах и смело. Церковь нуждается в реформации; и это не может быть делом рук одного человека, такого как папа, или многих людей, таких как кардиналы и отцы соборов; но это должно быть делом всего мира, или, скорее, это дело, которое принадлежит только Богу. Что касается времени, в которое должна начаться такая реформация, то только тот, кто создал время, может сказать.... Набережная разрушена, и больше не в наших силах остановить безудержно несущиеся потоки".

Таковы некоторые из мыслей и заявлений, с которыми Лютер обращался к просвещенным людям из числа своих соотечественников. Приближался праздник Пятидесятницы; и в этот период, когда апостолы впервые засвидетельствовали свою веру воскресшему Спасителю, Лютер, новый апостол, опубликовал эту оживляющую книгу, в которой он выразил свое искреннее стремление к воскресению Церкви. В субботу, 22 мая 1518 года, в канун Пятидесятницы, он отправил свою работу своему ординарцу, епископу Бранденбурга, со следующим письмом:—

"Достойнейший Отец в Боге, Некоторое время назад, когда новое и неслыханное учение, касающееся апостольских индульгенций, начало поднимать шум в этих странах, как ученые, так и невежды почувствовали беспокойство; и многие люди, некоторые из них были мне известны, и другие, которых я даже не знал в лицо, убеждали меня опубликовать устно или письменно то, что я думаю о новизне, я не хочу говорить, дерзости этого учения. Сначала я молчал и держался в стороне. Но в конце концов дело дошло до того, что святость папы была поставлена под угрозу.

"Что мне было делать? Я подумал, что лучше всего не одобрять и не осуждать эти доктрины, а начать дискуссию по этому важному вопросу до тех пор, пока Святая Церковь не примет решения.

"Поскольку никто не выступил на эту битву, на которую я пригласил весь мир, и мои тезисы рассматривались не как материалы для обсуждения, а как позитивные утверждения, [483] Я считаю себя обязанным опубликовать их объяснение. Тогда соблаговолите, всемилостивый епископ, получить эти мелочи [484] из моих рук. И чтобы весь мир увидел, что я не действую самонадеянно, я умоляю ваше преподобие взять перо и чернила и стереть или даже бросить в огонь и сжечь все, что вам в них не нравится. Я знаю, что Иисус Христос не нуждается в моих трудах и моих услугах, и что он вполне может без меня нести благую весть своей Церкви. Не то чтобы быки и угрозы моих врагов отпугивали меня, скорее наоборот. Если бы они не были такими наглыми и бесстыдными, никто бы не услышал от меня ни слова; я бы заперся в углу и там учился сам для себя. Если это дело не от Бога, то оно, конечно, не может быть ни моим делом, ни делом какого-либо другого человека, а просто делом пустяка. Пусть слава и почести будут приписаны Тому, кому одному они принадлежат".

Лютер по-прежнему испытывал величайшее уважение к главе Церкви. Он полагал, что во Льве X есть справедливость и искренняя любовь к истине. Поэтому он решил обратиться и к нему; и восемь дней спустя, в Троицкое воскресенье, 30 мая 1518 года, обратился к нему с письмом, из которого мы приводим следующие выдержки:

"Пресвятому Отцу Льву X, Суверенному епископу,
"Брат Мартин Лютер Августин желает вечного спасения!

"Я узнал, Святейший Отец, что в отношении меня ходят дурные слухи и что ваше Святейшество опорочили мое имя. Меня называют еретиком, отступником, предателем и тысячью других позорных эпитетов; то, что я вижу, поражает, то, что я слышу, поражает меня. Но единственная основа моего спокойствия остается, и это чистая и умиротворенная совесть. Соблаговолите выслушать меня, Святейший Отец, меня, всего лишь невежественного ребенка".

Лютер рассказывает о происхождении всего этого дела и продолжает так:

"Во всех тавернах не было слышно ничего, кроме жалоб на алчность священников и нападков на власть ключей и суверенного понтифика. Об этом может свидетельствовать вся Германия. Услышав все это, мое рвение к славе Христа было тронуту (так я думал), или, если это можно объяснить иначе, моя молодая и кипучая кровь воспламенилась.

"Я предупреждал нескольких князей Церкви, но некоторые насмеялись надо мной, а другие не обращали внимания. Казалось, всех парализовал ужас при упоминании твоего имени. Затем я опубликовал обсуждение,

"И это, святейший Отец! это огонь, который, как говорят, охватил весь мир пламенем!

"Итак, что я должен делать? Я не могу отказаться, и я вижу, что эта публикация вызывает во мне непостижимую ненависть со всех сторон. Мне нравится не выделяться среди людей, ибо я не обладаю знаниями, талантом и слишком слаб для таких великих свершений, особенно в наш прославленный век, когда сам Цицерон, будь он жив, был бы вынужден прятаться в каком-нибудь темном углу. [485]

"Но чтобы успокоить моих противников и ответить на многочисленные просьбы, я публикую здесь свои мысли. Я публикую их, Святой отец, чтобы укрыться в безопасности под сенью твоих крыльев. Таким образом, все желающие смогут понять, с какой простотой сердца я попросил церковную власть дать мне наставления и какое уважение я проявил к силе ключей. [486] Если бы я не справился с этим делом подобающим образом, невозможно, чтобы светлейший лорд Фридрих, герцог и курфюрст Саксонии, который блистает среди друзей апостольской и христианской истины, когда-либо потерпел в своем Виттембергском университете человека, столь опасного, каким меня представляют.

"А потому, Святейший Отец, я бросаюсь к ногам вашего Святейшества и покоряюсь вам со всем, что у меня есть, и кем я являюсь. Уничтожь мое дело или прими его; решай за меня или решай против меня; заberi мою жизнь или верни ее мне, как тебе заблагорассудится. Я узнаю твой голос как голос Иисуса Христа, который председательствует и говорит через тебя. Если я заслужил смерть, я отказываюсь не умирать. [487] Господу принадлежит земля и все, что на ней есть. Да будет восхвален он во веки веков. Аминь. Пусть он поддерживает вас во веки веков. Аминь.

"В день Святой Троицы, в 1518 году.

"Брат Мартин Лютер, *Августин*".

Сколько смирения и правды в этом страхе или, скорее, в этом признании Лютера, что его молодая и кипучая кровь, возможно, слишком быстро воспламенилась! Здесь мы узнаем искреннего человека, который, не возлагая на себя никаких надежд, боится влияния страсти даже в тех своих действиях, которые наиболее соответствуют слову Божьему. Существует большая разница между этим языком и языком гордого фанатика. Мы видим в Лютере искреннее желание привлечь Льва на сторону дела истины, предотвратить все разрушения и сделать так, чтобы эта реформация, необходимость которой он провозглашает, исходила с самой вершины Церкви. Несомненно, он не тот человек, которого следует обвинять в

разрушении на Западе того единства, об утрате которого впоследствии так сильно сожалели. Он пожертвовал всем, чтобы сохранить это; всем, кроме истины. Это был не он, а его противники, которые, отказываясь признать полноту и достаточность спасения, совершенного Иисусом Христом, обвиняются в том, что разодрали одежду Спасителя у подножия креста.

Написав это письмо, Лютер в тот же день обратился к своему другу Штаупицу, генеральному викарию своего ордена. Именно через него он хотел, чтобы его "Решения" и его послание дошли до Льва.

"Я прошу тебя, - говорит он ему, - будь добр, прими эти жалкие вещи" [488], которые я посылаю тебе, и передай их превосходному папе Льву X. Не то чтобы я втягивал вас в те опасности, которым подвергаюсь сам. Я хочу взять всю опасность на себя. Иисус Христос увидит, исходит ли то, что я сказал, от него или от меня — Иисуса Христа, без воли которого не может шевельнуться ни язык папы, ни сердца королей.

"Тем, кто угрожает мне, мне нечего ответить, разве что на замечание Рейхлина: "Бедняге нечего бояться, потому что ему нечего терять". [489] У меня нет ни денег, ни имущества, и я ни о чем не прошу. Если я когда-то обладал некоторой честью и репутацией, пусть тот, кто начал лишать меня их, завершит свою работу. У меня не осталось ничего, кроме этого несчастного тела, ослабленного столькими испытаниями; пусть они убьют его силой или обманом, во славу Божью. Таким образом, они, возможно, сократят мою жизнь на час или два. Для меня достаточно иметь драгоценного Искупителя, могущественного Священника, Иисуса Христа Господа! Я буду восхвалять его, пока у меня есть дыхание жизни; и если никто не будет восхвалять его вместе со мной, что я могу поделать?"

Эти слова позволяют нам прочесть сердце Лютера.

В то время как он таким образом с уверенностью смотрел на Рим, у Рима были мысли о мести ему. 3 апреля кардинал Рафаэль Де Ровере написал курфюрсту Фредерику от имени папы римского, заявив, что в отношении его веры возникли подозрения и что ему следует остерегаться защиты Лютера.

"Кардинал Рафаэль, - говорит Лютер, - получил бы огромное удовольствие, увидев, как герцог Фридрих сожжет меня". [490] Таким образом, Рим начал точить свое оружие против Лютера, и первый удар, который она нанесла ему, был нанесен разумом его защитника. Если бы ей удалось разрушить убежище, под которым покоился виттембергский монах, он стал бы легкой добычей.

Немецкие князья придавали большое значение своей репутации христианских князей. Малейшее подозрение в ереси вселяло в них тревогу, и римский двор умело воспользовался этим чувством. Более того, Фредерик всегда был привязан к религии своих отцов, и письмо Рафаэля произвело на него очень сильное впечатление. Но избиратель придерживался принципа ни в чем не действовать поспешно. Он знал, что правда не всегда на стороне сильнейшего. Сделки империи с Римом научили его не доверять эгоистичным взглядам этого двора; и он понимал, что для того, чтобы быть христианским монархом, не обязательно быть рабом папы.

"Он не был, - говорит Меланхтон, - одним из тех нечестивых духов, которые желают задушить все перемены в их первоначальной зачатке. [491] Фредерик покори́лся Богу. Он внимательно читал

опубликованные труды, и то, что он считал правдой, он никому не позволял уничтожать". [492] У него была власть сделать это. Верховный в своих собственных Государствах, он пользовался уважением в империи по меньшей мере столь же высоким, как и сам император.

Вполне вероятно, что Лютер узнал что-то из этого письма кардинала Рафаэля, которое было отправлено курфюрсту 7 июля. Возможно, именно перспектива отлучения от церкви, которую, казалось, предвещало это римское послание, побудила его взойти на кафедру в Виттемберге 15 числа того же месяца и произнести на эту тему речь, которая произвела глубокое впечатление. Он проводил различие между внутренним и внешним отлучением от Церкви; первое исключало общение с Богом, а второе исключало только участие в церковных церемониях. "Никто, - говорит он, - не может примирить отпавшую душу с Богом, кроме самого Бога. Никто не может отлучить человека от общения с Богом, если только это не сам человек своими собственными грехами! Счастлив тот, кто умирает несправедливо отлученным от церкви! Хотя ради праведности он терпит тяжелые страдания со стороны человека, он получает венец вечного блаженства из рук Бога".

Некоторые высоко оценили эту смелую формулировку, в то время как другие были более раздражены ею. Но Лютер больше не был одинок; и хотя его вера не нуждалась ни в какой другой поддержке, кроме поддержки Бога, вокруг него была сформирована фаланга защиты от его врагов. Немцы слышали голос Реформатора. Его речи и писания посылали вспышки, которые пробуждали и озаряли его современников. Энергия его веры огненными потоками обрушивалась на дремлющие сердца. Жизнь, которую Бог влил в эту необыкновенную душу, была передана мертвому телу Церкви; и христианский мир, который столько веков был неподвижен, был оживлен религиозным энтузиазмом. Преданность народа римским суевериям уменьшалась с каждым днем, и количество рук, предлагающих деньги для выкупа помилования, становилось все меньше и меньше, [493] в то же время слава Лютера продолжала расти. Люди поворачивались к нему и приветствовали его с любовью и уважением как бесстрашного защитника истины и свободы. [494] Несомненно, вся глубина доктрин, которые он провозгласил, не была воспринята. Большинству людей было достаточно знать, что новый доктор противостоял папе римскому и что империя священников и монахов была потрясена его могущественным словом. Для них атака Лютера была подобна одному из тех костров, которые разжигают на горных вершинах, как сигнал для целой нации подняться и разорвать свои цепи. Прежде чем Реформатор заподозрил, что он натворил, все великодушные люди среди его соотечественников уже признали его своим лидером. Однако для многих появление Лютера было чем-то большим. Слово Божье, которым он владел с такой силой, пронзило их умы подобно острому обоюдоострому мечу, и их сердца воспламенились горячим желанием получить гарантию прощения и вечной жизни. С первобытных времен Церковь не знала такого голода и жажды праведности. Если проповеди Петра Отшельника и Бернарда настолько возбудили население средневековья, что заставили его взять в руки тленный крест, то проповедь Лютера побудила людей его времени принять истинный крест, истину, которая спасает. Каркас, который тогда всей своей тяжестью навалился на Церковь, придушил все; форма уничтожила жизнь. Но могущественное слово, данное Лютеру, вызвало учащенное дыхание, пронесшееся по земле христианского мира. На первый взгляд, писания Лютера были одинаково пленительны как для верующих, так и для неверующих — для неверующих, потому что позитивные доктрины, которые впоследствии будут установлены, еще не были полностью развиты в них; а для верующих, потому что они содержали зародыш той живой веры, которую они так сильно выражают. Следовательно, влияние этих трудов было огромным; они почти

мгновенно распространились по Германии и всему миру. Повсюду у людей преобладало впечатление, что они помогают не в создании секты, а в новом рождении Церкви и общества. Те, кто был рожден от Духа Божьего, выстроились вокруг того, кто был его органом. Христианский мир был разделен на два лагеря: один объединился с духом против формы, а другой - с формой против духа. Верно, что со стороны формы были все проявления силы и величия, а со стороны духа - слабость и незначительность. Но форма, лишенная духа, - это безжизненное тело, которое может опрокинуться при первом вдохе. Ее видимость силы только провоцирует враждебность и ускоряет ее падение. Таким образом, простая истина поставила Лютера во главе могучей армии.

ГЛАВА II.

Сейм в Аугсбурге—Император Папе—Курфюрст Ровере—Лютер процитирован Риму—Мир Лютера—Заступничество университета—Папский доклад—Возмущение Лютера—Папа Курфюрсту.

Эта армия была необходима, ибо великие пришли в движение. И империя, и Церковь объединяли свои усилия, чтобы избавиться от этого беспокойного монаха. Если бы императорский трон занял храбрый и энергичный принц, он мог бы воспользоваться этими религиозными волнениями и, положившись на Бога и нацию, придать новую силу прежней оппозиции папству. Но Максимилиан был слишком стар и, более того, был полон решимости пожертвовать всем ради того, что он считал целью своего существования, — возвышения своего дома и через это возвышения своего внука.

Император Максимилиан в это время проводил сейм в Аугсбурге, шесть курфюрстов присутствовали лично, и на нем были представлены все германские государства, в то время как короли Франции, Венгрии и Польши прислали своих послов. Все эти принцы и посланники появились в большом великолепии. Война с турками была одной из тем, по которым собрался сейм. Легат Льва X настоятельно настаивал на судебном преследовании этого дела; но штаты, проинструктированные плохим использованием, которое ранее имело место из их взносов, и мудро посоветованные курфюрстом Фридрихом, удовлетворились заявлением, что они примут этот вопрос к сведению, и в то же время возбудили новые жалобы против Рима. Латинская речь, опубликованная во время сейма, смело привлекла внимание немецких князей к истинной опасности. "Вы хотите, - сказал автор, - обратить турок в бегство. Это хорошо, но я очень боюсь, что вы ошибаетесь относительно его личности. Вам следует искать его не в Азии, а в Италии".

[495]

Другим делом, не менее важным, было соблюдение Диеты. Максимилиан желал, чтобы его внук Карл, уже король Испании и Неаполя, был провозглашен королем римлян, а его преемники получили императорское достоинство. Папа слишком хорошо понимал свои интересы, чтобы желать, чтобы императорский трон занял принц, чья власть в Италии могла оказаться для него непреодолимой. Император думал, что он уже завоевал большую часть курфюрстов и штатов, но в лице Фридриха он нашел яростного противника. Напрасно он умолял его, и напрасно министры и лучшие друзья курфюрста присоединяли свои мольбы к мольбам императора. Фредерик был непреклонен и доказал истинность того, что о нем говорили, что, однажды

убедившись в справедливости принятого решения, он обладал душевной твердостью никогда от него не отказываться. Замысел императора провалился.

С этого времени император стремился заручиться благосклонностью папы, чтобы склонить его к осуществлению своих планов; и в качестве особого доказательства своей преданности 5 августа написал ему следующее письмо: "Святейший Отец, несколько дней назад мы узнали, что монах ордена Августинцев по имени Мартин Лютер начал выдвигать различные предложения относительно торговли индульгенциями. Наше неудовольствие тем больше, что упомянутый монах находит много покровителей, среди которых есть влиятельные личности.

[496] Если ваше Святейшество и высокочтимые отцы Церкви (кардиналы) немедленно не воспользуются своей властью, чтобы положить конец этим скандалам, эти пагубные врачи не только соблазнят простых людей, но и вовлекут в свою гибель великих князей. Мы позаботимся о том, чтобы все в нашей империи соблюдали любое решение вашего Святейшества по этому вопросу во славу Всемогущего Бога".

Это письмо, должно быть, было написано после довольно острой дискуссии между Максимилианом и Фредериком. В тот же день курфюрст написал Рафаэлю де Ровере. Он, несомненно, узнал, что Император обращается к римскому понтифику, и, чтобы парировать удар, связался с Римом.

"У меня не может быть другого желания, - сказал он, - кроме как показать себя покорным вселенской Церкви. Соответственно, я никогда не защищал труды и проповеди доктора Мартина Лютера. Более того, я понимаю, что он всегда предлагал предстать с охранной грамотой перед беспристрастными, образованными и христианскими судьями, чтобы защитить свое учение и подчиниться, в случае если его убедит само Писание ". [497]

Лев X, который до сих пор позволял делу идти своим чередом, возбужденный криками теологов и монахов, учредил церковный суд, который должен был судить Лютера в Риме, и в котором Сильвестр Приерио, злейший враг реформатора, был одновременно обвинителем и судьей. Вскоре было предъявлено обвинение, и Лютер был вызван судом для личной явки через шестьдесят дней.

Лютер находился в Виттемберге, спокойно ожидая хорошего эффекта, который, как он предполагал, произведет его смиренное письмо папе, когда 7 августа, всего через два дня после отправки писем Максимилиана и Фридриха, он получил цитату из римского трибунала. "В тот момент, - говорит он, - когда я ожидал благословения, я увидел, как надо мной разразился гром. Я был ягненком, поднимающим воду для волка. Тезель сбегает, и я должен позволить съесть себя.

Эта цитата повергла Виттемберга в ужас; ибо какой бы курс ни избрал Лютер, он не мог предотвратить опасность. Если он отправится в Рим, то должен будет там стать жертвой своих врагов. Если бы он отказался ехать, то, как само собой разумеющееся, был бы осужден за неповиновение, не имея возможности скрыться; ибо было известно, что легат получил приказ от папы сделать все, что в его силах, чтобы настроить против него императора и германских князей. Его друзья были в смятении. Должен ли учитель истины идти со своей жизнью в руках в этот великий город, упившийся кровью святых и мучеников Иисуса? Достаточно ли для уничтожения любого человека того, что он поднял голову из лона поработанного христианского мира? Должен ли этот человек, которого Бог, по-видимому, создал для

сопротивления силе, которой до сих пор ничто не могло противостоять, также быть свергнутым? Сам Лютер не видел никого, кто мог бы спасти его, кроме курфюрста, но он предпочел бы умереть, чем подвергнуть опасности своего принца. Его друзья, наконец, нашли средство, которое не скомпрометировало бы Фридриха. Пусть он откажется от охранной грамоты, и у Лютера будет законная причина для отказа явиться в Рим.

8 августа Лютер написал Спалатину, молясь, чтобы курфюрст использовал свое влияние, чтобы его процитировали в Германии. Он также написал Штаупицу: "Посмотрите, какие засады они используют, чтобы заманить меня в ловушку, и как я окружен шипами. Но Христос живет и царствует сегодня, вчера и вовеки. Моя совесть уверяет меня, что то, чему я учил, является истиной, хотя она становится еще более отвратительной, когда я учу этому. Церковь подобна чреву Ревекки. Дети должны бороться сообща, даже подвергая опасности жизнь матери. [498] Что касается того, что осталось, молю Господа, чтобы у меня было не слишком много радости в этом испытании. Пусть Бог не возложит этот грех на их плечи".

Друзья Лютера не ограничились консультациями и жалобами. Спалатин, со стороны курфюрста, написал Реннеру, секретарю императора: "Доктор Мартин очень желает, чтобы его судьями были все университеты Германии, за исключением университетов Эрфурта, Лейпцига и Франкфурта на Одере, которые у него есть основания подозревать. Он не может лично появиться в Риме". [499]

Виттембергский университет написал ходатайственное письмо самому папе римскому, в котором так отзывался о Лютере: "Слабость его тела и опасности путешествия затрудняют и даже делают невозможным для него выполнение приказа вашего Святейшества. Его горе и его молитвы побуждают нас проявить к нему сострадание. Итак, мы, как послушные сыновья, умоляем вас, Святейший отец, благоволить относиться к нему как к человеку, который никогда не проповедовал доктрин, противоречащих чувствам Римской церкви ". В тот же день университет, охваченный тревогой, обратился к Шарлю де Мильтицу, саксонскому дворянину, камергеру и большому любимцу папы, и засвидетельствовал Лютеру в выражениях еще более сильных, чем те, которые он осмелился вставить в предыдущем письме. "Достойный отец Мартин Лютер, Августин, - самый благородный и достопочтенный человек нашего университета. В течение нескольких лет мы видели и познали его способности, его знания, его высокие достижения в искусстве и литературе, его безукоризненные манеры и его совершенно христианское поведение". [500]

Эта активная благотворительность со стороны всех, кто был рядом с Лютером, - лучший панегирик ему.

Хотя решения этого вопроса ждали с нетерпением, роман закончился легче, чем можно было предположить. Легат де Вио, огорченный тем, что не преуспел в выполнении полученного им поручения по подготовке всеобщей войны против турок, желал придать блеск своему посольству в Германии каким-нибудь другим блестящим подвигом; и полагая, что, уничтожив ересь, он вновь появится в Риме со славой, он попросил папу передать это дело ему. Лев чувствовал себя в долгу перед Фридрихом за то, что так яростно выступал против избрания юного Карла, и понимал, что ему все еще может понадобиться его помощь. Соответственно, не обращая внимания на цитату, он поручил своему легату кратким письмом, датированным 23 августа, изучить это дело в Германии. Папа ничего не терял при таком способе действий; и в то

же время, если бы удалось добиться отречения Лютера, можно было бы избежать шума и скандала, которые могло вызвать его появление в Риме.

"Мы поручаем вам, - сказал он, - доставить лично к вам, преследовать и обуздать без промедления, как только вы получите это наше письмо, упомянутого Лютера, который уже был объявлен еретиком нашим дорогим братом Иеронимом, епископом Аскуланским". [501]

Затем папа предписывает самые суровые меры против Лютера.

"Для этой цели призовите руку и содействие нашего очень дорогого сына во Христе Максимилиана, других князей Германии и всех ее общин, университетов и властей, церковных или светских; и если вы схватите его, держите под надежной охраной, чтобы он мог предстать перед нами". [502]

Мы видим, что эта снисходительная уступка папы была не чем иным, как более надежным методом затащить Лютера в Рим. Далее следуйте щадящим мерам:—

"Если он придет в себя и попросит прощения за свое великое преступление, попросит об этом сам, и его не будут принуждать к этому, мы даем вам силу принять его в единство Святой Матери-Церкви".

Вскоре папа возвращается к проклятиям.

"Если он упорствует в своем упрямстве, и вы не можете стать хозяином его личности, мы даем вам власть объявить его вне закона во всех частях Германии, изгонять, проклинать и отлучать от церкви всех, кто к нему привязан, и приказать всем христианам избегать их присутствия".

И все же этого недостаточно. Папа продолжает:—

И для того, чтобы эту заразу, возможно, было легче искоренить, вы отлучите от церкви всех прелатов, религиозные ордена, общины, графов, герцогов и вельмож, за исключением императора Максимилиана, который откажется схватить упомянутого Мартина Лютера и его приверженцев и отправить их к вам под надлежащей охраной. И если (чего Боже упаси) упомянутые князья, общины, университеты, гранды или кто-либо, принадлежащий к ним, каким-либо образом предоставят убежище упомянутому Мартину и его приверженцам и окажут ему, публично или тайно, от себя или других, помощь и совет, мы накладываем запрет на этих князей, общины и грандов с их городами, бургам, полями и деревнями, куда упомянутый Мартин может бежать, пока он остается там, и в течение трех дней после того, как он уедет".

Эта дерзкая кафедра, претендующая на то, чтобы быть представителем на земле Того, Кто сказал: *Бог послал Своего Сына в мир не для осуждения мира, но для того, чтобы мир через него мог быть спасен*, продолжает свои анафемы; и, после осуждения наказаний против церковников, продолжает:—

"Что касается мирян, то, если они не подчиняются вашим приказам немедленно и без какого-либо противодействия, мы объявляем их позорными (за исключением достойнейшего Императора), неспособными совершать какие-либо законные действия, лишенными христианского погребения и лишенными всех феодалов, которыми они могут владеть, будь то апостольский престол или какой-либо другой настоятель". [503]

Такова была судьба, ожидавшая Лютера. Римский монарх объединился для его уничтожения и, чтобы осуществить это, не пожалел ничего, даже покоя могилы. Его гибель кажется неизбежной. Как ему избежать этого грандиозного заговора? Но Рим просчитался; движение, вызванное Духом Божьим, не могло быть подавлено постановлениями его канцелярии.

Не были соблюдены даже формы справедливого и беспристрастного расследования. Лютер был объявлен еретиком не только после того, как его выслушали, но даже до истечения срока, названного для его выступления. Страсти (и нигде они не проявляются сильнее, чем в религиозных дискуссиях) превосходят все формы правосудия. Странные действия в этом отношении происходят не только в Римской церкви, но и в протестантских церквях, которые отвернулись от Евангелия; другими словами, во всех местах, где нет истины, все, что делается против Евангелия, считается законным. Мы часто видим людей, которые в любом другом случае постеснялись бы совершить малейшую несправедливость, не колеблясь растоптали бы ногами все формы и все права, когда речь идет о христианстве и свидетельстве о нем.

Когда впоследствии Лютер был ознакомлен с этим докладом, он выразил свое возмущение. "Здесь, - говорит он, - самая примечательная часть всего дела. Краткое изложение датировано 23 августа, а я был процитирован 7 августа; так что между цитатой и кратким изложением имеется интервал в шестнадцать дней. Теперь произведите подсчет, и вы обнаружите, что милорд Джером, епископ Аскуланский, выступил против меня, вынес приговор, осудил и объявил меня еретиком до того, как цитата могла дойти до меня, или самое большее через шестнадцать дней после того, как она была отправлена мне. Теперь я спрашиваю, где шестьдесят дней, данные мне в цитате? Они начались 7 августа и должны были закончиться 7 октября. Это стиль и мода римского суда - цитировать, увещевать, обвинять, судить и выносить обвинительный приговор, и все это в один день, против человека, который находится на таком расстоянии от Рима, что вообще ничего не знает о разбирательстве? Какой ответ они дали бы на это? Несомненно, они забыли очистить себя морозником, прежде чем приступить к такой лжи".

[504]

Но в то самое время, когда Рим тайно передавал свои громы в руки своего легата, она пыталась мягкими и лживыми словами отстранить принца, власти которого она больше всего боялась, от дела Лютера. В тот же день, 25 августа 1518 года, папа написал курфюрсту Саксонии. Прибегнув к тем уловкам древней политики, на которые мы уже указывали, он попытался польстить самолюбию принца:

"Дорогой сын, - сказал римский понтифик, - когда мы думаем о твоём благородном роде и о тебе самом, его главе и украшении; когда мы вспоминаем, как ты и твои предки всегда желали сохранить христианскую веру, а также честь и достоинство Святого Престола, мы не можем поверить, что человек, оставивший веру, может положиться на благосклонность твоего Высочества, дав волю своему нечестию. И все же нам со всех сторон сообщают, что некий монах Мартин Лютер, отшельник ордена Св. Августина, как дитя злобы и презирающий Бога, забыл свои привычки и свой порядок, которые состоят в смирении и послушании, и хвастается, что он не боится ни власти, ни наказания какого-либо человека, потому что уверен в вашем благоволении и защите.

Но, поскольку мы знаем, что он ошибается, мы сочли за благо написать вашему Высочеству и увещевать вас, согласно Господу, быть бдительными о чести вашего имени как христианского монарха и защищать себя от этой клеветы — ведь вы являетесь украшением, славой и

благоуханием вашего благородного рода — и остерегаться не только столь серьезной вины, как та, которая вам вменяется, но и даже от подозрений, которые склонен возбуждать против вас бесчувственный характер этого монаха".

В то же время Лев X объявил Фридриху, что он поручил кардиналу Святому Сиксту разобраться в этом деле и поручил ему передать Лютера в руки легата, "чтобы, - добавил он, снова возвращаясь к своему любимому аргументу, - чтобы благочестивые люди нашего времени и будущих времен однажды не пожаловались и не сказали, что самая пагубная ересь, которой была поражена Церковь Божья, была вызвана благосклонностью и поддержкой этого высокого и достопочтенного Дома". [505]

Таким образом, Рим принял все свои меры. Одной рукой она распространяла аромат похвалы, который всегда так опьяняет, в то время как в другой были страх и месть.

Все силы земли, император, папа, князья и легаты, выступили против этого скромного монаха из Эрфурта, внутренние распри которого мы уже проследили. *"Встали цари земные, и правители совещались вместе против Господа и против помазанника Его."*

ГЛАВА III.

Оружейник Шварцерд—Его жена—Филипп—Его Гений—Его исследования—Библия—Призыв в Виттемберг—Отъезд и путешествие Меланхтона—Лейпциг—Ошибка—Радость Лютера—Параллель—Революция в образовании—Изучение греческого.

Письмо и записка не дошли до Германии, и Лютер все еще опасался, что ему придется появиться в Риме, когда счастливое событие принесло утешение его сердцу. Ему нужен был друг, которому он мог бы поделиться своими горестями и чья преданная любовь утешила бы его в часы депрессии. Все это Бог дал ему в Меланхтоне.

14 февраля 1497 года у Георга Шварцерда, искусного оружейника из Бреттена, небольшого городка в Пфальце, родился сын, которого называли Филиппом и который впоследствии отличился под именем Меланхтон. Пользующийся покровительством пфальцских князей, а также князей Баварии и Саксонии, Георг был человеком безупречной честности. Он часто отказывался от цены, которую предлагали ему покупатели, и, узнав, что они бедны, настаивал на возврате их денег. Он регулярно вставал в полночь и на коленях возносил молитву. Если по какому-либо поводу утро наступало так, что он этого не делал, он весь день чувствовал недовольство собой. Барбара, жена Шварцерда, была дочерью достопочтенного магистрата по имени Джон Рейтер. Она была мягкого нрава, несколько склонна к суевериям, но в остальном отличалась мудростью и рассудительностью. От нее мы получили старые, хорошо известные немецкие стишки -

Раздача милостыни не обедняет;

Посещение Церкви не препятствует;

Смазка колеса не замедляет;

Приобретенный нечестным путем механизм не обогащает;

Книга Божья не обманывает.

И снова —

Те, кому нравится тратить больше,
Чем могут дать их поля,
в конце концов должны разориться,
возможно, до предела. [506]

Маленькому Филипу не было и одиннадцати, когда умер его отец. За два дня до этого Джордж подозвал сына к постели и призвал его всегда помнить о Боге. "Я предвижу, - сказал умирающий оружейник, - что грядут ужасные бури, которые потрясут мир. Я видел великие события, но еще более великие готовятся. Пусть Бог направляет вас!" Филипп, получив благословение своего отца, был отправлен в Спайрс, чтобы не присутствовать при его смерти. Он ушел, горько плача.

Дедушка мальчика, достойный бейли Рейтер, у которого тоже был сын, отнесся к нему как к отцу и взял его вместе с его братом Джорджем под свою крышу. Вскоре после этого он отдал троих мальчиков в наставники Джону Хунгарусу, превосходному человеку, который впоследствии, в очень преклонном возрасте, стал могущественным проповедником Евангелия. Он ничего не упускал из виду в молодом человеке, наказывая его за каждую провинность, но осмотрительно. "Таким образом, - говорит Меланхтон в 1554 году, - он сделал меня грамматиком. Он любил меня как сына, я любил его как отца, и я верю, что мы встретимся в вечной жизни". [507]

Филипп отличался совершенством своего понимания, легкостью в обучении и изложении того, что он узнал. Он терпеть не мог безделья и всегда искал кого-нибудь, с кем мог бы обсудить услышанное. [508] Часто случалось, что образованные незнакомцы проезжали через Бреттен и посещали Рейтера. Внук управляющего немедленно подошел к ним, вступил с ними в разговор и так вовлек их в дискуссию, что вызвал удивление присутствующих. К могущественному гению он присоединил большую мягкость нрава и поэтому был всеобщим любимцем. Он страдал заиканием, но, подобно знаменитому греческому оратору, прилагал такие усилия, чтобы преодолеть его, что впоследствии оно полностью исчезло.

После смерти дедушки Филипа отправили вместе с братом и молодым дядей Джоном в школу в Пфорцхайме. Мальчики жили у одной из своих родственниц, сестры знаменитого Рейхлина. Стремясь к знаниям, Филип под руководством Джорджа Зимлера быстро продвинулся в науке, и особенно в изучении греческого языка, к которому у него была настоящая страсть. Рейхлин часто приезжал в Пфорцхайм и, познакомившись с молодыми жильцами своей сестры, вскоре был поражен ответами Филиппа и подарил ему греческую грамматику и Библию. Этим двум книгам суждено было стать предметом изучения всей его жизни.

Когда Рейхлин вернулся из своего второго путешествия в Италию, его юный родственник, которому тогда было двенадцать лет, с несколькими друзьями разыграл перед ним латинскую комедию собственного сочинения в честь его приезда. Рейхлин, восхищенный талантами юноши, нежно обнял его, назвал своим дорогим сыном и в шутку подарил ему красную шляпку, которую он получил при назначении доктором. Именно в это время Рейхлин сменил свою фамилию Шварцерд на фамилию Меланхтон. Оба слова, одно немецкое, а другое греческое, означают *чернозем*. Таким образом, у образованных людей был общий обычай менять свои имена на греческие или латинские.

В двенадцать лет Меланхтон поступил в Гейдельбергский университет и начал удовлетворять свою жажду знаний. В четырнадцать лет он получил степень бакалавра. В 1512 году Рейхлин пригласил его в Тюбинген, где проживало множество выдающихся литераторов. Здесь он одновременно посещал лекции по теологии, медицине и юриспруденции. Не было такой отрасли знаний, которую он не считал бы своим долгом изучать. Его целью была не похвала, а владение наукой и ее польза.

Особенно его занимало Священное Писание. Те, кто часто посещал Тюбингенскую церковь, часто видели в его руках книгу, которую он изучал в перерывах между службами. Этот неизвестный том казался больше обычных молитвенников, и распространился слух, что Филипп, находясь в церкви, читал нечестивые книги. Оказалось, что объектом их подозрений был экземпляр Священного Писания, напечатанный незадолго до этого в Басле Джоном Фробениусом. Этот том он изучал всю жизнь с неустанным усердием. Он всегда носил его с собой, неся на все публичные собрания, на которые его приглашали. [509] Отвергнув тщеславную систему схоластов, он посвятил себя простому слову Евангелия. Эразм в это время писал Николампадию: "О Меланхтоне я самого высокого мнения и возлагаю самые большие надежды. Даруй Иисус, чтобы у этого молодого человека была долгая жизнь! Он полностью затмит Эразма". [510] Меланхтон, тем не менее, разделял ошибки своего времени. "Я содрогаюсь, - говорит он в преклонных годах, - когда думаю о чести, которую я оказывал изображениям, когда еще был папой". [511]

В 1514 году он получил степень доктора философии и начал преподавать. Ему было семнадцать лет. Изящество и привлекательность, которые он придавал своим лекциям, составляли разительный контраст с безвкусным методом, которого до сих пор придерживались врачи, и особенно монахи. Он принимал активное участие в битве, в которой Рейхлин был вовлечен с *Мракобесами* своего возраста. Его приятная беседа, мягкие и элегантные манеры снискали ему любовь всех, кто его знал, и вскоре он приобрел большой авторитет и солидную репутацию в мире.

В это время курфюрсту Фридриху пришла в голову идея пригласить какого-нибудь выдающегося профессора древних языков в свой Виттембергский университет, и он обратился к Рейхлину, который предложил Меланхтон. Фредерик видел весь блеск, который этот молодой эллинист мог бы пролить на учреждение, которое было ему так дорого; и Рейхлин, обрадованный тем, что перед его юным другом открылось такое прекрасное поприще, обратился к нему словами Иеговы, обращенными к Аврааму: "*Выйди из страны твоей, и из рода твоего, и из дома отца твоего, и я возвеличу имя твое, и ты будешь благословлен.*" "Да, - продолжает старик, - я надеюсь, что так будет и с тобой, мой дорогой Филипп, с моей работой и моим утешением". [512] В этом приглашении Меланхтон увидела призыв от Бога. Университету было тяжело расставаться с ним, и все же у него не было завистливых соперников и врагов. Он покинул свою родную страну, воскликнув: "Да будет воля Господня". Тогда ему был двадцать один год.

Меланхтон совершил путешествие верхом в компании нескольких саксонских купцов тем же способом, каким караваны путешествуют по пустыне; ибо, по словам Рейхлина, он не знал ни городов, ни дорог. [513] В Аугсбурге он засвидетельствовал почтение курфюрсту, который случайно оказался там. В Нюрнберге он встретился с превосходным Пиркхаймером, которого уже знал, а в Лейпциге сблизился с ученым эллинистом Мозелланом. В этом последнем городе университет устроил праздник в его честь. Это была поистине академическая трапеза. Блюды

было множество, и когда появлялось каждое, профессор вставал и обращался к Меланхтону с заранее подготовленной латинской речью. Он немедленно дал *импровизированный* ответ. Наконец, утомленный таким красноречием, "Достопочтенные друзья, - сказал он, - позвольте мне раз и навсегда ответить на ваши обращения; поскольку я не подготовлен, я не могу внести столько разнообразия в свои ответы, сколько вы в свои обращения". После этого блюда подали без сопровождения беседы. [514]

Молодой родственник Рейхлина прибыл в Виттемберг 25 августа 1518 года, через два дня после того, как Лев X подписал грамоту, адресованную Каэтану, и письмо курфюрсту.

Профессора Виттемберга не приняли Меланхтона с такой благосклонностью, как профессора Лейпцига. Первое впечатление, которое он произвел на них, не соответствовало их ожиданиям. Они увидели молодого человека, который казался еще моложе, чем был на самом деле, небольшого роста, с немощным, робким видом. Неужели это тот самый прославленный врач, которого так громко превозносят величайшие люди эпохи, Эразм и Рейхлин?... Ни Лютер, с которым он впервые познакомился, ни его коллеги не возлагали на него больших надежд, когда увидели его молодость, смущение и весь внешний вид.

Через четыре дня после своего прибытия (29 августа) он произнес свою инаугурационную речь. В сборе был весь университет. Мальчик, как называет его Лютер, [515] говорил на такой изящной латыни и демонстрировал столько знаний, такой развитый ум и такие здравые суждения, что все его слушатели были преисполнены восхищения.

По окончании речи все устремились вперед, чтобы поздравить его, но никто не испытывал большей радости, чем Лютер, который поспешил поделиться со своими друзьями чувствами, переполнявшими его сердце. В письме Спалатину, 31 августа, он пишет: "Меланхтон через четыре дня после своего прибытия произнес речь, такую красивую и ученую, что ее выслушали со всеобщим одобрением и удивлением. Вскоре мы одержали верх над предрассудками, порожденными его ростом и внешностью. Мы восхваляем и восхищаемся его красноречием; мы благодарим принца и вас за услугу, которую вы нам оказали. Я не прошу другого греческого учителя. Но я боюсь, что его хрупкое тело не сможет переварить нашу пищу и что из-за небольшого его жалованья мы не сможем долго держать его у себя. Я слышал, что лейпцигцы уже хвастаются, что смогли увезти его от нас. О, мой дорогой Спалатин, остерегайся пренебрегать его возрастом и внешностью. Он человек, достойный всяческих почестей. [516]

Меланхтон немедленно начал объяснять Гомера и Послание святого Павла Титу. Он был полон энтузиазма. "Я сделаю все, что в моих силах, - писал он Спалатину, - чтобы завоевать расположение Виттемберга у всех, кто любит литературу и добродетель". [517] Через четыре дня после инаугурации Лютер снова написал Спалатину: "Я особенно рекомендую вам очень образованного и очень дружелюбного грека Филиппа. Его классная комната всегда полна. Все теологи, в частности, посещают его. Он проводит все занятия от высших до низших, вплоть до изучения греческого языка". [518]

Меланхтон смог вернуть любовь Лютера, в котором вскоре обнаружил доброту сердца, силу интеллекта, мужество и мудрость, которых ранее не находил ни в одном человеке. Он почитал и любил его. "Если и есть кто-то, - сказал он, - кого я сильно люблю и кого обнимаю всей душой, так это Мартин Лютер". [519]

Так встретились Лютер и Меланхтон, и они были друзьями до самой смерти. Мы не можем в достаточной мере восхититься благостью и мудростью Бога, объединившего двух таких разных и все же столь необходимых друг другу людей. То, что у Лютера было теплотой, эластичностью и силой, у Меланхтона было пронизательностью, мудростью и мягкостью. Лютер оживлял Меланхтона; Меланхтон сдерживал Лютера. Они были подобны двум формам электрической материи, положительной и отрицательной, которые модифицируют друг друга. Если бы Лютер был без Меланхтона, поток, возможно, вышел бы из берегов; и, с другой стороны, Меланхтон, оставшись без Лютера, колебался и даже уступил там, где ему следовало бы стоять твердо. [520] Лютер многое сделал благодаря своей энергии, и Меланхтон, возможно, сделал не меньше, следуя более медленным и спокойным курсом. Оба были честными, открытыми и великодушными, и оба, охваченные любовью к слову вечной жизни, служили ему с верностью и преданностью, которые составляли отличительную черту их жизни.

Приезд Меланхтона произвел революцию не только в Виттемберге, но и во всей Германии и ученом мире. Его изучение греческой и латинской классики, а также философии придало ему порядок, пронизательность и точность мышления, которые проливали новый свет и невыразимую красоту на все темы, которые он обсуждал. Мягкий дух Евангелия оплодотворил и оживил его размышления, и самые сухие темы, когда он излагал их, были наполнены благодатью, которая очаровывала всех его слушателей. Бесплодие, которое схоластика распространила на образование, прекратилось, и начался новый способ обучения. "Благодаря Меланхтону, - говорит выдающийся немецкий историк, - Виттемберг стал национальной школой". [521]

Действительно, было очень важно, чтобы человек, досконально владеющий греческим языком, преподавал в этом университете, где новые достижения теологии призывали магистров и ученых изучать примитивные документы христианской веры на языках оригинала. С тех пор Лютер ревностно взялся за эту задачу. Часто значение греческого термина, которое ранее было ему неизвестно, неожиданно пролиvalo свет на его богословские взгляды. Например, как велико его удовлетворение и восторг, когда он увидел, что греческое слово μετανοια, которое, согласно латинской церкви, означало епитимью, сатисфакцию, предписанную Церковью, в переводе с греческого означало преобразование или обращение сердца. Густой туман внезапно рассеялся перед его глазами. Двух значений, данных этому слову, достаточно, чтобы охарактеризовать две церкви.

Импульс, который Меланхтон дал Лютеру в отношении перевода Библии, является одним из самых замечательных обстоятельств в дружбе этих двух великих людей. Еще в 1517 году Лютер предпринял несколько попыток перевода и раздобыл столько греческих и латинских книг, сколько смог. Теперь, с помощью своего дорогого Филиппа, его задача получила новый импульс. Лютер вынудил Меланхтона принять участие в его исследованиях, консультируясь с ним по трудным отрывкам, и работа, которой суждено было стать одним из величайших трудов Реформатора, продвигалась все увереннее и быстрее.

Меланхтон, со своей стороны, познакомился с новым богословием. Прекрасное и глубокое учение об оправдании верой наполнило его удивлением и радостью. И все же, принимая систему, которую исповедовал Лютер, он действовал независимо, формируя ее в соответствии с особенностями своего собственного интеллекта; ибо, хотя ему был всего двадцать один год,

он был одним из тех не по годам развитых умов, которые рано овладевают всеми своими способностями и с самого начала являются самими собой.

Рвение учителей вскоре переросло в ученых. Было предложено реформировать курс обучения. С согласия курфюрста некоторые отрасли, имевшие исключительно схоластическое значение, были подавлены, и в то же время классическим занятиям был придан новый импульс. Виттембергская школа претерпела трансформацию, и контраст между ней и другими университетами стал еще более заметным. Тем не менее, достопримечательности Церкви были соблюдены, хотя все чувствовали, что находятся накануне великой битвы с папой римским.

ГЛАВА IV.

Чувства Лютера и Штаупица—Приказ явиться—Тревога и мужество—Курфюрст с легатом—Отъезд в Аугсбург—Пребывание в Веймаре—Нюрнберг.

Приезд Меланхтон, несомненно, придал приятный поворот мыслям Лютера в этот критический момент; и, несомненно, в приятном общении растущей дружбы и среди библейских трудов, которым он посвятил себя с новым рвением, он иногда забывал Приерио, Льва и церковный суд, перед которым ему предстояло выступить. И все же это были лишь мимолетные мгновения, и его мысли постоянно возвращались к грозному трибуналу, предстать перед которым его призвали непримиримые враги. Какой ужас эта мысль могла бы вселить в разум, который искал чего-то другого, кроме истины! Но Лютер не дрогнул! Полностью веря в верность и могущество Бога, он оставался непоколебимым и был вполне готов в одиночку противостоять ярости врагов, более могущественных, чем те, кто разжег костер для Яна Гуса.

Через несколько дней после прибытия Меланхтона и до того, как стало известно о решении папы перенести цитирование Лютера из Рима в Аугсбург, Лютер написал Сплатину: "Я не прошу нашего государя предпринимать что-либо для защиты моих тезисов. Я желаю быть преданным и брошенным один в руки моих противников. Пусть он позволит целой буре обрушиться на меня. То, что я взялся защищать, я надеюсь, что смогу с помощью Христа сохранить. Насилию, действительно, нужно подчиниться, но все же не отказываясь от истины". [522]

Мужество Лютера передавалось другим. Люди величайшей мягкости и робости, видя опасность, угрожавшую свидетелю истины, находили слова, полные энергии и негодования. Благоразумный и миролюбивый Штаупиц 7 сентября написал Сплатину: "Не переставайте увещевать принца, вашего и моего господина, не пугаться львиного рыка. Пусть он защищает истину, не беспокоясь о Лютере, Штаупице или ордене. Пусть будет место, где люди могут говорить свободно и без страха. Я знаю, что чума Вавилона — я чуть было не сказал Рима — обрушивается на всех, кто нападает на злоупотребления этих торговцев Иисусом Христом. Я сам видел, как проповедника истины сбросили с кафедры; я видел, как его, хотя и на празднике, связали и потащили в темницу. Другие видели еще большую жестокость. Поэтому, мой дорогой друг, постарайся заставить его высочество проявить настойчивость в своих чувствах". [523]

Приказ явиться в Аугсбург до прибытия кардинала-легата. Теперь Лютеру предстояло иметь дело с одним из князей Церкви. Все его друзья умоляли его не уезжать. [524] Они опасались, что во время путешествия для него могут быть расставлены ловушки и совершено покушение на его

жизнь. Некоторые занялись поисками убежища для него. Сам Штаупиц, робкий Штаупиц, был тронут мыслью об опасностях, угрожавших монаху Мартину, которого он вытащил из мрака монастыря и поместил на беспокойную сцену, где его жизнь теперь была в опасности. Ах! не лучше ли было бы, если бы бедный монах навсегда остался неизвестным? Было слишком поздно. И все же, по крайней мере, он сделает все, чтобы спасти его. Соответственно, 15 сентября он написал ему из своего монастыря в Зальцбурге, убеждая его бежать и искать убежища вне себя. "Мне кажется, - сказал он, - что весь мир взбешен и объединился против истины. Точно так же ненавидели распятого Иисуса. Я не вижу, что вам следует ожидать чего-либо, кроме преследований. Вскоре ни один человек не сможет без разрешения папы изучать Священные Писания и искать в них Иисуса Христа, хотя это предписывает сам Христос. У вас всего несколько друзей, и молю Бога, чтобы страх перед вашими противниками не помешал этим немногим высказаться в вашу пользу. Самое мудрое - на время покинуть Виттемберг и приехать ко мне. Таким образом, мы будем жить и умрем вместе. Таково также мнение принца", - добавляет Штаупиц. [525]

С разных сторон Лютер получал самые тревожные уведомления. Граф Альберт Мансфельдский послал ему послание, в котором просил остерегаться выезжать, поскольку некоторые знатные бароны поклялись завладеть его персоной и задушить или утопить. [526] Но ничто не могло его удержать. Ему и в голову не приходило воспользоваться предложением главного викария. Он не уйдет и не спрячется в безвестности зальцбургского монастыря, но будет преданно оставаться на той бурной сцене, на которую его поставила рука Божья. Именно упорствуя перед лицом противников и провозглашая истину громким голосом посреди мира, наступает царство истины. Почему же тогда он должен бежать? Он не один из "тех, кто отступает к гибели, но из тех, кто верит в спасение души". Слова Учителя, которому он служит и которого любит больше жизни, постоянно звучат в его сердце: *"Кто исповедует Меня перед людьми, того и Я исповедую перед Отцом моим Небесным"*. У Лютера и в Реформации мы неизменно встречаем то бесстрашное мужество, ту возвышенную мораль, то безграничное милосердие, которые явила миру первая проповедь христианства. "Я подобен Иеремии, - говорит Лютер в период, о котором мы сейчас говорим, - Иеремии, человеку ссор и раздоров; но чем больше они умножают свои угрозы, тем больше они увеличивают мою радость. Моя жена и дети хорошо обеспечены (конечно, имея в виду, что у него ничего не было), мои поля, мои дома и все мое имущество в порядке. [527] Они уже разорвали мою честь и репутацию в клочья. Единственное, что у меня осталось, - это мое бедное тело, и пусть они заберут его; они лишь сократят мою жизнь на несколько часов. Мою душу они не могут забрать у меня. Тот, кто хочет возвещать слово Христово в мире, должен ежечасно ожидать смерти, ибо наш жених - это жених крови". [528]

Курфюрст находился тогда в Аугсбурге. Незадолго до того, как покинуть этот город после сейма, он по собственной воле нанес визит легату. Кардинал, весьма польщенный этим знаком уважения со стороны столь прославленного принца, пообещал, что, если монах представится, он выслушает его как отец и любезно отпустит. Спалатин, со стороны принца, написал своему другу, что папа назначил комиссию для суда над ним в Германии; что курфюрст не допустит, чтобы его притащили в Рим; и что он должен готовиться к отъезду в Аугсбург. Лютер решил повиноваться, но предупреждение, которое он получил от графа Мансфельда, заставило его обратиться к Фридриху за охранной грамотой. Фредерик ответил, что в этом нет необходимости, и просто дал ему рекомендации некоторым ведущим советникам Аугсбурга. Он также послал ему немного денег на дорогу. Реформатор, бедный и беззащитный, отправился пешком, чтобы отдать себя в руки своих противников. [529]

Каковы, должно быть, были его чувства, когда он покинул Виттемберг и направился в Аугсбург, где его ждал папский легат! Целью этого путешествия не было, как в Гейдельберге, дружеской встречи. Он собирался предстать перед римским легатом без охранной грамоты; возможно, он шел на смерть. Но вера в него была не просто демонстрацией. Став реальностью, это принесло ему покой, и во имя Господа Саваофа он мог без страха продвигаться вперед, чтобы свидетельствовать о Евангелии.

Он прибыл в Веймар 28 сентября и поселился в монастыре Кордельеров. Один из монахов не мог отвести от него глаз. Это был Миконий. Это был первый раз, когда он увидел Лютера, и ему страстно захотелось подойти к нему и сказать, что он обязан ему покоем своей души и что все его желание - работать вместе с ним. Но Микониусу, за которым пристально наблюдало его начальство, не разрешили разговаривать с Лютером. [530]

Курфюрст Саксонский в то время держал свой двор в Веймаре, и, вероятно, именно по этой причине Кордельеры допустили доктора. На следующий день после его прибытия отмечался праздник Святого Михаила. Лютер отслужил мессу и даже был приглашен проповедовать в церкви замка. Это был знак благосклонности, который принц хотел оказать ему. Соответственно, он произнес в присутствии суда длинную проповедь на текст дня, который взят из Евангелия от святого Матфея (глава viii, 1-11). Он решительно выступал против лицемеров и тех, кто хвастается собственной праведностью; но он не говорил об ангелах, хотя это было обычной темой в день Святого Михаила.

Мужество доктора из Виттемберга, спокойно отправившегося пешком выполнять приказ, который в случае стольких людей до него приводил к смерти, поражало тех, кто его видел. Интерес, восхищение и сострадание сменяли друг друга в их сознании. Джон Кестнер, суперинтендант Кордельеров, встревоженный мыслью об опасностях, ожидавших его гостя, сказал ему: "Брат, ты найдешь в Аугсбурге итальянцев, людей образованных и утонченных противников, которые дадут тебе много работы. Я боюсь, что вы не сможете защитить свое дело от них. Они бросят тебя в огонь, и пламя поглотит тебя". [531] Лютер серьезно ответил: "Дорогой друг, помолись нашему Господу Богу, который на небесах, и представь *Pater noster* мне и его дорогому сыну Иисусу, чье дело - мое дело, чтобы он был милостив ко мне. Если он отстаивает свое дело, то будет поддержано и мое. Но если он не желает поддерживать это, то, несомненно, не я могу поддерживать это; и именно он понесет оскорбление".

Лютер продолжил свой путь пешком и прибыл в Нюрнберг. Он собирался предстать перед князем Церкви и хотел, чтобы его одежда была подходящей; но его одежда была старой и, кроме того, сильно пострадала во время путешествия. Он позаимствовал платье у своего верного друга Винцеслауса Линка, проповедника из Нюрнберга.

Лютер, несомненно, не ограничился визитом в Линк, но также встретился с другими своими друзьями в Нюрнберге, секретарем Шерлем, знаменитым художником Альбертом Дюрером, которому в Нюрнберге сейчас устанавливают памятник, и многими другими. Он укрепил себя общением с лучшими мира сего, в то время как многие монахи и миряне выражали тревогу и пытались встряхнуть его, представляя трудности на его пути. Письма, которые он писал из этого города, показывают дух, которым он был воодушевлен. "Я встречался, - говорит он, - с малодушными людьми, которые хотели убедить меня не ехать в Аугсбург; но я решил ехать. Да будет воля Господня. Даже в Аугсбурге, даже среди своих врагов, Иисус Христос царствует. Пусть Христос живет; пусть Лютер и каждый грешник умрут. Как написано: Да возвысится Бог

спасения моего! Ведите себя хорошо, проявляйте настойчивость, стойте твердо; ибо мы не должны быть порицаемы ни людьми, ни Богом; Бог истинен, а человек лжец". [532]

Линк и монах-августинец не могли согласиться позволить Лютеру путешествовать одному и встретиться лицом к лицу с опасностями, которые ему угрожали. Они были знакомы с его смелым и бесстрашным характером и подозревали, что он не сумеет принять должных мер предосторожности. Поэтому они сопровождали его. Когда они были примерно в пяти лье от Аугсбурга, Лютер, измученный, без сомнения, усталостью от путешествия и разнообразными душевными переживаниями, почувствовал сильные боли в желудке. Он думал, что умирает, и его друзья, почувствовав сильное беспокойство, наняли машину, чтобы перевезти его. Они прибыли в Аугсбург вечером в пятницу, 7 октября, и высадились у Августинского монастыря. Лютер был сильно утомлен, но вскоре оправился; его вера и умственная энергия быстро восстановились в его измученном теле.

ГЛАВА V.

Прибытие в Аугсбург—Де Вио—Его характер—Серра-Лонга—Предварительная беседа—Визит советников—Возвращение Серра-Лонги—Приор—Мудрость Лютера—Лютер и Серра-Лонга—Охранная грамота-Лютер в Меланхтоне.

Как только он оказался в Аугсбурге и еще никого не увидел, Лютер, желая выразить все должное уважение легату, попросил Винцеслауса Линка пойти и объявить о его прибытии. Линк так и сделал и смиренно заявил кардиналу от имени доктора Виттембергского, что готов явиться по его приказу. Легат был в восторге от этой новости. Наконец-то ему удалось схватить этого неистового еретика, который, как он уверял себя, не покинет стен Аугсбурга так же, как вошел. В то же самое время, когда Линк отправился к легату, монах Леонард отправился сообщить Штаупицу о прибытии Лютера. Главный викарий написал доктору, что непременно приедет, как только узнает о его пребывании в городе, и Лютер не хотел терять ни минуты, чтобы сообщить ему об этом. [533]

Сейм был закрыт, и император с избирателями уже разошлись. Император, правда, никуда не уехал, но охотился по соседству. Таким образом, посол Рима находился в Аугсбурге один. Если бы Лютер пришел во время сейма, он нашел бы могущественных защитников, но теперь казалось, что все должно согнуться под тяжестью папской власти.

Имя судьи, перед которым должен был предстать Лютер, не прибавляло ему уверенности. Томас де Вио по прозвищу Каэтан из города Гаэта в Неаполитанском королевстве, где он родился, с юности подавал большие надежды. Вступив в шестнадцатилетнем возрасте в доминиканский орден вопреки прямому желанию своих родителей, он впоследствии стал генералом своего ордена и кардиналом Римской церкви. Но что было хуже для Лютера, этот ученый врач был одним из самых ревностных защитников схоластического богословия, к которому Реформатор всегда относился так безжалостно. Говорили, что его матери во время беременности приснилось, что святой Фома лично даст образование ребенку, которого она должна была

родить, и введет его на небеса. Поэтому Де Вио, став доминиканцем, сменил свое имя с Джеймса на Томас. Он ревностно защищал прерогативы папства и доктрины Фомы Аквинского, которого считал совершеннейшим из теологов. [534] Любитель помпезности и показухи, он почти дословно истолковал римскую максиму о том, что легаты выше королей, и окружил себя большим состоянием. Первого августа он отслужил торжественную мессу в кафедральном соборе Аугсбурга и в присутствии всех князей империи возложил кардинальскую шапку на голову архиепископа Менцкого, преклонив колени перед алтарем, и лично вручил императору шляпу и шпагу, освященные папой. Таков был человек, перед которым собирался предстать виттембергский монах, одетый в платье, которое даже не было его собственным. Кроме того, знания легата, суровость его характера и чистота его нравов придавали ему в Германии влияние и авторитет, которые другим римским придворным было бы нелегко получить. Этой репутации святости он, несомненно, был обязан своей миссией. Рим увидел, что он превосходно послужит ее целям. Таким образом, личные качества Каэтана сделали его еще более грозным. Более того, порученное ему дело было несложным. Лютер к тому времени уже был объявлен еретиком. [535] Если он отказывался отречься, обязанностью легата было заключить его в тюрьму; или, если он совершал побег, подвергать отлучению от церкви каждого, кто осмеливался предоставить ему убежище. Это было все, что Рим требовал от легата, перед которым выступал Лютер. [535]

За ночь Лютер восстановил силы, и утром в субботу, 8 октября, немного отдохнув после путешествия, начал обдумывать свое странное положение. Он чувствовал себя смирившимся и ждал, когда воля Божья проявится в этом событии. Ему не пришлось долго ждать. Незнакомый ему человек прислал сообщение, как будто он был всецело предан своей службе, в котором говорилось, что он приедет к нему и что Лютер должен хорошенько позаботиться о том, чтобы не предстать перед легатом, не повидавшись с ним. Это послание пришло от итальянца по имени Урбан из Серра-Лонга, который часто бывал в Германии в качестве посланника маркграфа Монферратского. Он был известен курфюрсту Саксонии, при котором был аккредитован, и после смерти маркграфа присоединился к кардиналу де Вио.

Утонченность и манеры этого человека составляли разительный контраст с благородной откровенностью и великодушной цельностью Лютера. Итальянец вскоре после этого прибыл в монастырь Августина. Кардинал послал его проверить Реформатора и подготовить его к отречению, которое от него ожидали. Серра-Лонга полагал, что пребывание в Германии дает ему большие преимущества перед другими придворными из свиты легата, и надеялся хорошенько поразвлечься с немецким монахом.

Он прибыл в сопровождении двух слуг и притворился, что пришел по собственной воле, из-за дружбы, которую он испытывал к фаворитке курфюрста Саксонского, и из-за своей привязанности к Святой Церкви. Выразив свое почтение Лютеру в самых теплых выражениях, дипломат добавил в нежной манере:

Я пришел дать тебе мудрый и добрый совет. Вернись в лоно Церкви. Безоговорочно подчинись кардиналу. Откажись от своих оскорбительных высказываний. Вспомните аббата Иоахима Флорентийского. Он, как вы знаете, говорил еретические вещи, и все же был объявлен не еретиком, потому что отказался от своих ошибок".

Лютер говорил о самозащите.

Серра-Лонга.— Остерегайтесь делать это!... Станешь ли ты притворяться, что сражаешься с легатом его святейшества, как будто ты участвуешь в турнире?

Лютер.— "Когда будет доказано, что я учил чему-либо, противоречащему Римской церкви, я вынесу приговор сам себе и немедленно отрекусь. Весь вопрос будет заключаться в том, полагается ли легат на Святого Фому больше, чем позволяет ему вера? Если он это сделает, я не уступлю ему".

Серра-Лонга.— Ах! Ах! Значит, ты притворяешься, что ломаешь копья?

Затем итальянец начал говорить вещи, которые Лютер называет ужасными. Он утверждал, что ложные утверждения могут поддерживаться при условии, что они приносят деньги и заполняют тайник — что университеты должны быть очень осторожны, чтобы не оспаривать авторитет папы римского — что их долг, напротив, состоит в том, чтобы утверждать, что папа может по своему желанию изменять или отменять символы веры; [536] добавление других вещей того же характера. Но хитрый итальянец вскоре понял, что он забывается. Вернувшись к мягким словам, он попытался убедить Лютера во всем подчиняться легату и отказаться от своих доктрин, клятв и тезисов.

Доктор, который с самого начала отдавал должное прекрасным заявлениям оратора Урбана (как он называет его в своем отчете о беседе), теперь был убежден, что они не имели большой ценности и что Серра-Лонга был гораздо больше на стороне легата, чем на его. Поэтому он стал менее общительным, и ограничился тем, что сказал, что вполне склонен проявлять смирение, доказывать послушание и получать удовлетворение в любых вопросах, в которых он ошибался. При этих словах Серра-Лонга, вне себя от радости, воскликнул: "Я отправляюсь к легату, и вы последуете за мной; все пройдет превосходно; все скоро закончится..." [537]

Он ушел. Саксонский монах, обладавший большей проницательностью, чем римский придворный, подумал про себя: "Этот коварный Синон пришел плохо подготовленным и плохо проинструктированным своими греками". [538] Лютер колебался между надеждой и страхом; надежда, однако, преобладала. Визит и странные утверждения Серра-Лонги, которого позже он называет неопытным посредником, [539] придали ему смелости.

Советники и другие жители Аугсбурга, которым курфюрст рекомендовал Лютера, поспешили навестить монаха, чье имя теперь гремело по всей Германии. Пейтингер, советник империи, который был одним из самых выдающихся патрициев города и часто приглашал Лютера к своему столу, советник Лангемантель, доктор Ауэрбах из Лейпцига, два брата Адельман, оба каноника, и еще несколько человек, кроме него, отправились в монастырь августинцев и оказали сердечный прием необыкновенному человеку, который проделал такой долгий путь, чтобы приехать и отдать себя в руки созданий Рима. "Есть ли у тебя охранный грамота?" они спросили. "Нет!" - ответил бесстрашный монах. "Какая храбрость!" - воскликнули они. "Это действительно был подходящий термин, - говорит Лютер, - для обозначения моего опрометчивого безрассудства". Все в один голос умоляли его не обращаться к легату, пока он не получит охранную грамоту от самого императора. Вполне вероятно, что общественность уже слышала о папской записке, предъявителем которой был легат.

"Но, - возразил Лютер, - я прибыл в Аугсбург без охранной грамоты, а прибыл в добром здравии".

"Поскольку курфюрст рекомендовал нам вас, вы должны повиноваться нам и делать то, что мы вам скажем", - любезно, но твердо возразил Лангемантель. Доктор Ауэрбах поддержал его возражения. "Мы знаем, - говорит он, - что кардинал в глубине души в высшей степени разгневан на вас. [540] Итальянцам нельзя доверять". [541]

Каноник Адельманн также настаивал: "Вас послали беззащитным, и забыли снабдить вас именно тем, что вам требовалось". [542] Эти друзья постарались получить необходимую охранную грамоту от императора. Впоследствии они рассказали Лютеру, сколько людей, даже высокого ранга, были склонены в его пользу. - Даже французский министр, который несколько дней назад покинул Аугсбург, отзывался о вас в самых почетных выражениях. [543] Это заявление поразило Лютера, и впоследствии он вспомнил его. Таким образом, самые респектабельные граждане в одном из первых городов империи уже были привлечены к Реформации.

Они все еще разговаривали, когда Серра-Лонга появился снова. "Пойдемте, - сказал он Лютеру, - кардинал ждет вас, и я сам провожу вас к нему. Послушайте, я расскажу вам, как вы должны появиться. Когда вы войдете в зал, где он находится, вы падете ниц перед ним лицом к земле; когда он прикажет вам подняться, вы встанете на колени, но не стойте прямо, а ждите, пока он не прикажет вам. [544] Помните, что вы собираетесь предстать перед князем Церкви. Что касается остальных, то не бойтесь ничего; все будет закончено скоро и без труда".

Лютер, который пообещал этому итальянцу, что будет готов последовать по его зову, почувствовал себя неловко. И все же он без колебаний сообщил ему о совете, который получил от своих аугсбургских друзей, и посоветовал ему соблюдать осторожность.

"Остерегайтесь спрашивать об этом, - немедленно ответил Серра-Лонга. - вам это не нужно. Легат настроен благожелательно и вполне готов закончить дело мирным путем. Если вы попросите охранную грамоту, то полностью испортите себе дело ". [545]

"Мой милостивый государь, курфюрст Саксонии, - ответил Лютер, - рекомендовал меня нескольким почтенным людям этого города, которые советуют мне ничего не предпринимать без охранной грамоты. Я должен последовать их совету, потому что, если бы я этого не сделал и если бы что-нибудь случилось, они написали бы курфюрсту, моему хозяину, что я отказался их слушать".

Лютер настаивал на своем решении, и Серра-Лонга счел себя обязанным вернуться к своему начальнику и сообщить о препятствии, с которым столкнулась его миссия в тот момент, когда он льстил себя надеждой, что она увенчается успехом.

Так завершились в тот день переговоры с оратором Монферратским.

Еще одно приглашение было адресовано Лютеру. Джон Фрош, приор ордена кармелитов, который был его старым другом и за два года до этого, будучи лицензиатом теологии, защищал диссертации под председательством Лютера, нанес ему визит и искренне умолял приехать и пожить у него. Он потребовал чести принять у себя в гостях немецкого доктора. В конце концов люди побоялись не воздать ему почести в присутствии Рима; слабые уже стали сильными. Лютер согласился и покинул монастырь Августинцев ради монастыря кармелиток. День не закончился без серьезных размышлений. Нетерпение Серра-Лонги и опасения советников в

равной степени помогли ему осознать трудность своего положения. Тем не менее Бог на небесах был его защитником, и под его опекой он мог спать без страха.

На следующий день, в воскресенье, [546] дала ему несколько больше покоя. Однако ему пришлось пережить усталость другого рода. Весь город только и говорил о докторе Лютере, и, по выражению Меланхтона, все жаждали увидеть "этого нового Эрострата, который разжег такой огромный пожар". [547] Люди столпились вокруг него, и добрый доктор, без сомнения, улыбался их рвению.

Но ему пришлось подчиниться назойливости другого рода. Если люди желали видеть его, то еще больше они хотели услышать его, и все просили его проповедовать. Лютер не испытывал большего наслаждения, чем провозглашение слова, и был бы счастлив проповедовать Иисуса Христа в этом великом городе, в тех торжественных обстоятельствах, в которые он был поставлен. Но в этом случае, как и во многих других, он проявил сильное чувство приличия и глубокое уважение к своим начальникам и отказался читать проповедь, чтобы легат не подумал, что он сделал это для того, чтобы причинить ему боль, и в качестве неповиновения. Эта умеренность и мудрость, несомненно, имели такую же ценность, как и проповедь.

Однако приспешники кардинала не оставили его в покое, а вернулись к делу. "Кардинал, - сказали они, - заверяет вас в своей полной милости. Чего ты боишься?" Они привели тысячу причин, чтобы заставить его уйти. "Он отец, полный милосердия", — сказал один из этих посланцев, но другой, подойдя, прошептал ему на ухо: "Не верь тому, что тебе говорят - он не держит своего слова". [548] Лютер придерживался своей резолюции.

Утром в понедельник, 10 октября, Серра-Лонга вернулся к делу. Придворный счел делом чести добиться успеха в своих переговорах. Как только он вошел, он воскликнул по-латыни: "Почему вы не идете к кардиналу? Он ждет вас с самыми снисходительными чувствами. Все дело можно резюмировать шестью буквами: —Отзывайте, отрекитесь". Приходите, вам нечего бояться".

Лютер подумал про себя, что эти шесть писем очень важны, но, не вступая в дискуссию на эту тему, сказал: "Как только я получу охранную грамоту, я появлюсь".

Услышав эти слова, Серра-Лонга вспыхнул. Он настаивал и протестовал, но обнаружил, что Лютер непреклонен. Раздражаясь все больше и больше, он воскликнул: "Вы, несомненно, воображаете, что курфюрст возьмется за оружие ради вас и ради вас рискнет потерять территории, доставшиеся ему от его отцов".

Лютер.— "Боже упаси".

Серра-Лонга.— "Покинутый всеми, где будет твое убежище?"

Лютер. (Смотрит вверх глазами веры) "Под небесами". [549]

Серра-Лонга, пораженный этим возвышенным ответом, к которому он не был готов, с минуту помолчал, а затем продолжил:

- Что бы вы сделали, если бы папа, легат и все кардиналы были в ваших руках, как они держат вас в своих?

Лютер.— "Я бы воздал им всем почести и уважение. Но, на мой взгляд, слово Божье превыше всего".

Серра-Лонга. (Смеется и машет пальцем, как это делают итальянцы.) "Хем! Хем! со всей честью ... Я не верю ни единому слову из этого"

Затем он вышел, вскочил в седло и исчез.

Серра-Лонга больше не обращался к Лютеру; но он надолго запомнил как сопротивление, с которым столкнулся со стороны Реформатора, так и то, что вскоре пришлось испытать и его учителю. Позже мы увидим, как он с громкими криками требует крови Лютера.

Серра-Лонга ненадолго отошел от доктора, когда прибыла охранная грамота. Его друзья получили его от имперского советника, который, вероятно, ранее консультировался с императором, поскольку находился недалеко от Аугсбурга. Из последующего замечания кардиналов даже следует, что, чтобы не обидеть его, было запрошено его согласие. Возможно, это и было причиной, по которой он нанял Серра-Лонгу для воздействия на Лютера; ибо открыто выступить против выдачи охранной грамоты означало бы раскрыть намерения, которые он желал скрыть. Безопаснее было заставить самого Лютера отказаться от своего требования. Однако вскоре стало ясно, что саксонский монах сделан не из податливого материала.

Скоро появится Лютер. Требуя охранной грамоты, он не доверял плотским рукам, ибо очень хорошо знал, что охранная грамота не спасла Яна Гуса от пламени. Он всего лишь хотел исполнить свой долг, подчинившись совету друзей своего учителя. Решение примет Иегова. Если он потребует от него вернуть свою жизнь, он готов отдать ее с радостью. В этот торжественный момент он испытывает страстное желание пообщаться со своими друзьями, особенно с Меланхтон, которая теперь так дорога его сердцу, и пользуется моментом уединения, чтобы написать ему.

"Веди себя как мужчина, - говорит он ему, - как ты всегда поступаешь. Научи нашу дорогую молодежь тому, что правильно и угодно Богу. Что касается меня, я готов пожертвовать собой ради вас и ради них, если на то будет воля Господа. [550] Скорее, чем отказаться от того, чему я должен был учить, я бы умер и даже (что было бы для меня величайшим несчастьем) был бы навсегда лишен вашего восхитительного общества, потеряв таким образом (возможно, по моей вине) прекрасные занятия, которым мы сейчас посвящаем себя.

"Италия, как и древний Египет, погружена во тьму, настолько густую, что ее можно пощупать. Никто ничего не знает о Христе или о том, что связано с ним; и все же эти люди - наши господа и наставники в вере и нравах. Таким образом, гнев Божий исполнился на нас, как говорит пророк: "Я дам им юношей в правители, и младенцы будут править ими." Веди себя как в присутствии Господа, мой дорогой Филипп, и отврати божественный гнев чистой и горячей молитвой".

Легат, которому сообщили, что на следующий день Лютер должен предстать перед ним, собрал итальянцев и немцев, которым он больше всего доверял, чтобы обсудить, что необходимо сделать с саксонским монахом. Мнения разделились. "Его нужно, - говорит один, - заставить отречься". "Его нужно схватить, - говорит другой, - и заключить в тюрьму". Третий считал, что лучше избавиться от него, а четвертый - что следует попытаться завоевать его добротой и снисхождением. Этому последнему совету кардинал, по-видимому, поначалу решил последовать. [551]

ГЛАВА VI.

Первое появление — Первые слова — Условия Рима — Предложения отказаться — Ответ Лютера — Он отказывается — Впечатления обеих сторон — Прибытие Штаупица.

Наконец настал день конференции. [552] Легат, зная, что Лютер заявил о своей готовности отказаться от того, что могло быть доказано противоречащим истине, возлагал большие надежды на успех. Он не сомневался, что человеку его ранга и знаний будет легко вернуть этого монаха к послушанию Церкви.

Лютер отправился к легату в сопровождении приора кармелитов (своего хозяина и друга), двух монахов монастыря, доктора Линка и августина, вероятно, того самого, который приехал с ним из Нюрнберга. Едва он вошел во дворец легата, как все итальянцы из свиты князя Церкви бросились вперед. Все желали увидеть знаменитого доктора и так давили на него, что он едва мог продвинуться вперед. Лютер нашел апостольского нунция и Серра-Лонгу в зале, где ждал кардинал. Прием был холодным, но вежливым и соответствовал римскому этикету. Лютер, следуя инструкциям, которые дал ему Серра-Лонга, пал ниц перед кардиналом; когда ему приказали встать, он опустился на колени и, повинаясь новому приказу легата, выпрямился. Несколько самых выдающихся итальянцев, состоявших на службе у легата, протиснулись в зал, чтобы присутствовать при собеседовании. Больше всего они желали увидеть, как немецкий монах смирится перед представителем папы римского.

Легат хранил молчание. Ненавидя Лютера как противника теологического превосходства святого Фомы и как главу активной оппозиции в растущем университете, самые первые шаги которого сильно встревожили томистов, он был рад видеть его лежащим перед собой и думал, говорит современник, что Лютер собирается спеть палиноду. Лютер, со своей стороны, ждал, пока принц обратится к нему; но, видя, что тот этого не делает, он принял его молчание за приглашение начинать, и заговорил следующим образом:

"Достойнейший Отец, По поручению его Папского Святейшества и по просьбе моего все милостивейшего господина, курфюрста Саксонского, я предстаю перед вами как покорный сын святой Христианской церкви и признаю, что я опубликовал Положения и Тезисы, о которых идет речь. Я готов со всем послушанием выслушать выдвинутое против меня обвинение и позволить наставить себя, если я ошибаюсь, на путь истины".

Кардинал, решивший напустить на себя вид нежного отца, полного сострадания к заблудшему ребенку, теперь заговорил самым дружеским тоном, похвалил смирение Лютера, выразил всю радость, которую это ему доставило, и сказал: "Мой дорогой сын, ты взбудоражил всю Германию своим спором об индульгенциях. Мне сказали, что вы очень сведущий врач в Священных Писаниях, и у вас много учеников. А потому, если вы хотите быть членом Церкви и найти в папе самом милостивом госпoде, послушайте меня".

После этого объяснения легат без колебаний изложил ему все, чего он от него ожидал, — настолько он был уверен в своей покорности. "Вот, - сказал он, - три статьи, которые по приказу нашего святейшего отца Льва X я должен изложить вам; *Во-, You must retrace your steps,*

acknowledge your faults, and retract your errors, propositions, and discourses: *Secondly*, You must promise to abstain in future from circulating your opinions; and, *Thirdly*, Вы должны пообещать быть более умеренными и избегать всего, что может огорчить или расстроить Церковь". В

Лютер. "Я прошу, достойнейший отец, чтобы вы передали мне распоряжение папы, в силу которого вы получили полную власть распоряжаться этим делом".

Серра-Лонга и другие итальянцы из свиты кардинала вытаращили глаза, услышав эту просьбу; и хотя немецкий монах уже показался им очень странным человеком, они едва могли оправиться от изумления, вызванного столь смелой речью. Христиане, привыкшие к идеям справедливости, желают справедливого разбирательства как в отношении других, так и в отношении самих себя, но те, кто обычно действует произвольно, весьма удивлены, когда им говорят действовать в обычной форме, в соответствии с законом.

Де Вио.— "Эта просьба, мой дорогой сын, не может быть удовлетворена. Вы должны признать свои ошибки, следить за своими словами в будущем и не возвращаться к своей блевотине, чтобы мы могли спать без тревог; после этого, согласно приказу и авторитету нашего святейшего отца папы римского, я устрою это дело ".

Лютер.— "Тогда будь добр, скажи мне, в чем я ошибся".

Услышав эту новую просьбу, итальянские придворные, ожидавшие увидеть бедного немца на коленях, молящего о пощаде, были поражены еще больше. Ни одному из них и в голову не пришло бы снизойти до ответа на столь дерзкий вопрос. Но Де Вио, который считал неблагородным сокрушать монаха-катативиста всей тяжестью своего авторитета и который, кроме того, был уверен, что его превосходные знания обеспечат ему легкую победу, согласился рассказать Лютеру о том, в чем его обвиняли, и даже вступить с ним в дискуссию. Отдавая справедливость этому генералу доминиканцев, следует признать, что у него было больше справедливости, лучшее чувство приличия и меньше страсти, чем было продемонстрировано во многих последующих случаях в подобных делах. Он принял снисходительный тон и сказал:

"Очень дорогой сын!— Вот два положения, которые вы выдвинули и от которых вы должны прежде всего отказаться: *Первое*, сокровищница индульгенций не состоит из заслуг и страданий Господа нашего Иисуса Христа: *второе*, человек, принимающий Святое Причастие, должен верить в благодать, которая ему предлагается".

Фактически, оба этих утверждения нанесли смертельный удар римскому дорожному движению. Если у папы не было власти распоряжаться по своему усмотрению заслугами Спасителя; если те, кто получал счета, по которым договаривались придворные Церкви, не получали части этой бесконечной праведности, бумага теряла всю свою ценность и стоила не больше, чем если бы она была чистой. То же самое было и с таинствами. Индульгенции были в какой-то степени экстраординарной отраслью римской торговли, тогда как таинства носили характер обычной отрасли. Отдача, которую они приносили, была далеко не незначительной. Утверждать, что вера была необходима для того, чтобы таинства могли принести реальную пользу христианской душе, значило лишать их всякого интереса в глазах людей; вера была тем, чего папа не давал, что было выше его сил и исходило только от Бога. Объявить это необходимым означало вырвать из рук Рима как спекуляцию, так и прибыль. Лютер, нападая на эти две догмы, подражал Иисусу Христу, когда в начале своего служения он опрокинул столы меновщиков и выгнал покупателей и продавцов из храма, сказав: *не превращайте дом Отца Моего в торговый дом*.

"Я не буду, чтобы бороться с этими ошибками, - продолжал Казтан, - ссылаться на авторитет святого Фомы и других докторов схоластики; я буду основываться только на авторитете Священного Писания и говорить с вами по-дружески".

Но едва Де Вио начал излагать свои доказательства, как отклонился от правила, которому он заявил о своем намерении следовать. [553] Он опроверг первое предложение Лютера с помощью экстравагантной [554] папы Климента, а второе - с помощью всевозможных схоластических догм. Началось обсуждение этой конституции папы римского в пользу индульгенций. Лютер, возмущенный авторитетом, который легат приписывал римскому постановлению, воскликнул:

"Я не могу принимать такие конституции в качестве достаточных доказательств в столь важных вопросах. Ибо они искажают Священное Писание и никогда не цитируют его надлежащим образом".

Де Вио.— "Папа обладает властью над всеми вещами".

Лютер (горячо.)— "Спасите Писание". [555]

Де Вио (с иронией.)— "Спасите Священное Писание!... Разве вы не знаете, что папа выше соборов? Еще недавно он осудил и наказал Совет Басле".

Лютер.— "Парижский университет подал апелляцию".

Де Вио.— "Эти парижские дворяне заплатят штраф".

Впоследствии дискуссия между кардиналом и Лютером перешла ко второму пункту, а именно к вере. Лютер объявил это необходимым для получения пользы от таинств и, по своему обыкновению, процитировал несколько отрывков из Священного Писания в поддержку своего мнения, которого он придерживался, но легат воспринял их с громким смехом. "Значит, вы говорите об общей вере", - сказал он. "Нет!" — ответил Лютер. Один из итальянцев, церемониймейстер при легате, потеряв всякое терпение из-за возражений Лютера и его ответов, сгорал от нетерпения высказаться. Он постоянно пытался вмешаться, но легат требовал тишины и, наконец, был вынужден сделать ему такой резкий выговор, что церемониймейстер в замешательстве покинул зал. [556]

"Что касается индульгенций, - сказал Лютер, - то, если можно будет доказать, что я ошибаюсь, я вполне готов выслушать наставления. Можно пройти мимо этого пункта, не будучи плохим христианином, но с точки зрения символа веры, если бы я уступил хоть на йоту, я бы отрекся от Иисуса Христа. Что касается этого, то я не могу и не желаю уступать и, по милости Божьей, никогда этого не сделаю".

Де Вио (начиная выходить из себя.)— Хотите вы того или нет, вы должны сегодня же отозвать эту статью; в противном случае только за эту статью я отвергну и осужу всю вашу доктрину".

Лютер.— "У меня нет иной воли, кроме воли Господа; Он будет делать со мной все, что ему заблагорассудится. Но будь у меня пять голов, я скорее потерял бы их все, чем отказался бы от свидетельства, которое я принес святой христианской вере".

Де Вио. — "Я пришел сюда не для того, чтобы рассуждать с вами. Откажись или приготовься терпеть боль, которую ты заслужил". [557]

Лютер ясно видел, что решить этот вопрос путем конференции невозможно. Его оппонент сидел перед ним, как будто он был самым папой римским, и настаивал на том, чтобы он смиренно и с покорностью принимал все, что бы он ни говорил, в то время как его ответы, даже основанные на Священном Писании, принимались с пожатием плеч, всевозможной иронией и презрением. Он подумал, что самым мудрым было бы ответить кардиналу письменно. Этот метод, подумал он, оставляет по крайней мере некоторое утешение угнетенным. Другие смогут составить собственное мнение об этом деле, и это может отпугнуть несправедливого противника, который благодаря шумихе остается хозяином поля битвы. [558]

Когда Лютер дал понять о своем намерении удалиться, легат спросил его: "Хочешь, я дам тебе охранную грамоту до Рима?"

Для Каэтана не было бы ничего более приятного, чем принять это предложение, поскольку это освободило бы его от задачи, трудности которой он начал понимать. Но Реформатор, видевший все трудности, с которыми он столкнулся даже в Аугсбурге, позаботился о том, чтобы не принять предложение, результатом которого могло быть только то, что он, связанный по рукам и ногам, был отдан на растерзание своим врагам. Он отвергал его так же часто, как Де Вио был рад его возобновить, и это происходило часто. Легат скрыл боль, которую он испытал от отказа Лютера, и, преисполнившись достоинства, отпустил монаха с сочувственной улыбкой, под которой он пытался скрыть свое разочарование и в то же время вежливость человека, который надеется, что в другой раз у него получится лучше.

Едва Лютер оказался во дворе дворца, как словоохотливый итальянец, церемониймейстер, которого выговоры его хозяина вынудили покинуть зал заседаний, обрадованный возможностью высказаться вне поля зрения Каэтана и сгорая от нетерпения посрамить отвратительного еретика его блестящими доводами, побежал за ним и, продолжая идти, начал излагать свои софизмы. Но Лютер, устав от этого глупого персонажа, ответил ему одним из тех едких выражений, которыми он так хорошо владел, и бедный церемониймейстер замолчал и в замешательстве вернулся во дворец кардинала.

Лютер был не очень высокого мнения о своем оппоненте. Он услышал от него, как впоследствии написал Спалатину, положения, которые совершенно расходились с теологией и в устах любого другого человека были бы расценены как архиеретические. И все же Де Вио считался самым образованным из доминиканцев. Вторым после него был Приериас. "Из этого, - говорит Лютер, - мы можем сделать вывод, кем должны были быть те, кто был десятым или сотым". [559]

С другой стороны, благородное и решительное поведение виттембергского врача сильно удивило кардинала и его придворных. Вместо бедного монаха, смиренно просящего прощения, они нашли свободного человека, убежденного христианина, просвещенного учителя, который настаивал на том, что несправедливые обвинения должны подкрепляться доказательствами, и который триумфально защищал свое учение. Все обитатели дворца Каэтана проклинали гордыню, упрямство и бесстыдство этого еретика. Лютер и Де Вио взаимно узнали друг друга, и оба подготовились ко второму собеседованию.

По возвращении в монастырь кармелиток Лютера ожидал очень приятный сюрприз. Генеральный викарий ордена Августинцев, его друг, его отец Штаупиц, прибыл в Аугсбург. Не

сумев помешать Лютеру приехать в этот город, Штаупиц дал своему другу новое и трогательное доказательство своей привязанности, приехав лично в надежде быть ему полезным. Этот превосходный человек предвидел, что совещание с легатом приведет к очень серьезным последствиям. Он был в равной степени взволнован своими страхами и дружбой к Лютеру, который после своего болезненного сидерунта почувствовал облегчение, заключив в объятия такого ценного друга. Сказав ему, что для него было невозможно получить сколько—нибудь значимый ответ, и как легат удовлетворился требованием опровержения, не пытаясь убедить его: "Абсолютно необходимо, - сказал Штаупиц, - дать легату письменный ответ".

После того, что он услышал о первом допросе, Штаупиц ни на что не надеялся от остальных и, следовательно, решился на процедуру, которую считал необходимой. Он решил освободить Лютера от повиновения своему приказу. Этим Штаупиц надеялся достичь двух целей. Если, как все ожидали, Лютер падет в борьбе, позор его осуждения не падет на весь орден; или если кардинал прикажет Штаупицу принудить Лютера к молчанию или отречению, у него будет оправдание, чтобы не делать этого. [560] Церемония, прошедшая в обычной форме, дала Лютеру понять все, чего ему отныне следовало ожидать. Он чрезвычайно переживал, видя, что узы, которые он сформировал в энтузиазме своей юности, таким образом разорваны. Выбранный им орден отвергает его. Его естественные защитники стоят в стороне, и он становится чужаком для своих братьев. Но хотя его сердце наполняется печалью при этой мысли, он вновь обретает всю свою радость, обратившись к обетованиям верного Бога, который сказал: *"Я никогда не покину тебя"*.

Советники империи наметнули легату через епископа Трентского, что Лютеру была предоставлена императорская охранная грамота, и в то же время было объявлено, что против личности доктора ничего не будет предпринято, Де Вио рассердился и резко ответил словами, характерными для римлян: "Очень хорошо, но я сделаю то, что прикажет папа". [561] Мы знаем, что это было.

ГЛАВА VII.

Обращение к легату—Второе появление—Заявление Лютера—Ответ легата—Словоохотливость легата—Просьба Лютера.

На следующий день [562] обе стороны подготовились ко второму собеседованию, которое обещало стать решающим. Друзья Лютера, решившие сопровождать его к легату, отправились в монастырь кармелиток. Декан Трентский, Пейтингер, оба советника императора, и Штаупиц прибыли по очереди. Вскоре после этого доктор имел удовольствие видеть, как к ним присоединились шевалье Филипп фон Фейлич и доктор Рухель, советники курфюрста, которым их хозяин приказал присутствовать на конференциях и защищать свободу Лютера. Они прибыли накануне вечером и, по словам Матезиуса, должны были стоять рядом с ним, как в Констанце шевалье де Хлум стоял рядом с Яном Гуссом. Более того, доктор взял с собой нотариуса и в сопровождении всех этих друзей отправился к легату.

В этот момент к нему подошел Штаупиц; он полностью понимал ситуацию Лютера и знал, что если он не сосредоточит свой взор исключительно на Господе, который является избавителем своего народа, он должен погибнуть. "Мой дорогой брат, - серьезно сказал он ему, - постоянно

помни, что ты начал все это во имя Господа Иисуса Христа". Таким образом, Бог окружил своего смиренного слугу утешением и ободрением. [563]

Лютер, прибыв к кардиналу, нашел нового противника. Это был приор доминиканцев Аугсбурга, который сидел рядом со своим начальником. Лютер, согласный с принятым им решением, написал свой ответ и после обычных приветствий твердым голосом зачитал следующее заявление:

"Я заявляю, что чту святую Римскую церковь и буду продолжать чтить ее. Я искал истину в публичных дискуссиях; и все, что я сказал, я считаю, даже в этот час, справедливым, истинным и христианским. Все же я мужчина и, возможно, ошибаюсь. Поэтому я расположен получать наставления и исправления в тех вещах, в которых я, возможно, допустил ошибку. Я заявляю, что готов ответить устно или письменно на все возражения и все обвинения, которые милорд легат может выдвинуть против меня. Я заявляю, что готов представить свои тезисы в четыре университета: Базельский, Фрибургский в Брисгау, Лувенский и Парижский; и опровергнуть то, что они объявят ошибочным. Одним словом, я готов сделать все, что может потребоваться от христианина. Но я торжественно протестую против курса, который пытаются придать этому делу, и против странной претензии заставить меня отказаться от своих слов, не опровергнув меня ". [564]

Несомненно, ничто не могло быть более справедливым, чем эти предложения Лютера, и все же они, должно быть, очень смутили судью, решение которого было ему заранее предписано. Легат, который не ожидал такого протеста, попытался скрыть свое беспокойство, сделав вид, что смеется над этим, и, напустив на себя видимость мягкости, сказал Лютеру, улыбаясь: "В этом протесте нет необходимости, я не буду спорить с вами ни публично, ни наедине, но я намерен уладить это дело по-отцовски". Вся политика кардинала заключалась в том, чтобы отказаться от строгих форм правосудия, которые обеспечивают защиту тем, кто подвергается судебному преследованию, и рассматривать это дело только как административное дело между вышестоящими и нижестоящими; удобный метод, поскольку он открывает широкое поле для произвола.

Все еще сохраняя самый ласковый вид, Де Вио сказал: "Мой дорогой друг, - прошу вас, откажитесь от бесполезного замысла. Лучше вернись к себе, признай истину, и я готов примирить тебя с Церковью и суверенным епископом. Хочешь ты этого или нет, это не имеет большого значения. Тебе будет трудно отбиваться от этих придурков"

Лютер, который видел, что с ним обращаются так, как будто он уже доказал, что является непослушным ребенком, отвергнутым Церковью, воскликнул: "Я не могу взять назад; но я предлагаю ответить, и в письменной форме. - Вчера мы уже достаточно спорили. [565]

Де Вио был раздражен этим выражением лица, которое напомнило ему, что он действовал недостаточно осмотрительно; но он взял себя в руки и сказал с улыбкой: "Обсуждаем, мой дорогой сын! Я не стал с вами спорить. У меня нет желания спорить, но, чтобы угодить светлейшему курфюрсту Фридриху, я готов выслушать вас и увещевать дружески и по-отечески".

Лютер не понимал, почему легат должен был быть так сильно оскорблен использованным им выражением; ибо, подумал он, если бы я не хотел говорить вежливо, я бы сказал, что не спорил, а оспаривал и пререкался, — ибо это действительно было то, что мы делали.

Тем не менее Де Вио, который чувствовал, что перед уважаемыми свидетелями, присутствовавшими на конференции, было по крайней мере необходимо попытаться убедить Лютера вернуться к двум положениям, которые он выделил как фундаментальные ошибки, твердо решил позволить Реформатору говорить как можно меньше. Сильный в своей итальянской болтливости, он заваливает его возражениями, на которые тот не дожидается ответа. Иногда он шутит, иногда бранится; он декламирует со страстным жаром, смешивает самые разнородные темы, цитирует святого Фому и Аристотеля, плачет и вступает в ярость со всеми, кто расходится с ним во мнениях, а затем обращается к Лютеру с апострофией. Лютер более десяти раз пытается заговорить, но легат немедленно прерывает его и осыпает угрозами. Опровержение! опровержение! вот и вся сумма его требований; он громоподобен, деспотичен и настаивает на том, чтобы все говорить самому. [566] Штаупиц вмешивается, чтобы остановить легата. "Будьте добры, - говорит он, - дайте доктору Мартину время ответить". Но легат возобновляет свою речь, цитирует *экстравагантные высказывания* и мнения святого Фомы, преисполненный решимости разглагольствовать на протяжении всей беседы. Если он не может убедить и если не осмеливается ударить, то, по крайней мере, может оглушить.

Лютер и Штаупиц ясно видели, что они должны отказаться от надежды не только просветить Де Вио путем дискуссии, но и сделать полезным исповедание веры. Поэтому Лютер возобновил просьбу, с которой он обратился в самом начале и от которой кардинал тогда уклонился. Поскольку ему не разрешили говорить, он попросил, чтобы ему, по крайней мере, разрешили написать и отправить свой письменный ответ легату. Штаупиц поддержал его; несколько других присутствующих присоединились к их мольбам, и Кайетан, несмотря на все свое отвращение к написанному (поскольку он помнил, что написанное остается), наконец согласился. Встреча закончилась. Надежда прекратить дело на этом собеседовании была отложена, и стало необходимо дожидаться результатов последующей конференции.

Разрешение, которое генерал доминиканцев дал Лютеру подготовить ответ и дать письменный ответ на два выдвинутых им четких обвинения, касающихся индульгенций и веры, было не чем иным, как требованием справедливости, и все же мы обязаны Де Вио за это как знак умеренности и беспристрастности.

Лютер покинул кардинальский дворец в восторге от того, что его просьба была удовлетворена. Уезжая и возвращаясь, он был объектом общественного внимания. Все просвещенные люди интересовались его делом, как если бы оно было их собственным, ибо чувствовалось, что дело, о котором тогда говорили в Аугсбурге, было делом Евангелия, справедливости и свободы. Только самые низшие из людей были с Казтаном; и об этом он, несомненно, дал несколько важных намеков Реформатору, который впоследствии говорил о них. [567]

Становилось все более и более очевидным, что легат не желал слышать от Лютера ничего, кроме слов "Я отказываюсь", а их Лютер решил не произносить. Чем закончится эта неравная борьба? Как можно представить, что вся мощь Рима, направленная против одного человека, не сможет сокрушить его? Лютер видит это. Чувствуя тяжесть страшной руки, под которую он попал, он оставляет надежду когда-нибудь вернуться в Виттемберг, вновь встретиться со своим дорогим Филиппом и снова оказаться среди великодушных юношей, в сердца которых он так любил заронить семена жизни. Он видит, что над его головой нависло отлучение от церкви, и не сомневается, что вскоре оно должно обрушиться на него. [568] Эти перспективы огорчают его душу, но не подавляют ее. Его доверие к Богу не поколеблено. Бог может сломать инструмент,

которым ему было угодно пользоваться до сих пор, но истина будет сохранена. Что бы ни случилось, Лютер должен защищать это до последнего. Соответственно, он начинает готовить протест, который он должен представить легату. Похоже, что он посвятил этому часть дня 13 октября.

ГЛАВА VIII.

Третье появление —Сокровищница индульгенций—Вера—Смиренная просьба—Ответ легата—Ответ Лютера—Гнев легата—Лютер уходит в отставку—Первое дезертирство.

В пятницу, 14 октября, Лютер вернулся к кардиналу в сопровождении советников курфюрста. Итальянцы, как обычно, столпились вокруг него и присутствовали на конференции в большом количестве. Лютер выступил вперед и представил легату свой протест. Люди кардинала с удивлением смотрели на надпись, которая, по их мнению, была такой дерзкой. Ниже приводится заявление доктора Виттемберга своему хозяину: [\[569\]](#)—

-Вы нападаете на меня по двум пунктам. Во-первых, вы возражаете мне против Конституции папы Климента VI, в которой сказано, что сокровищница индульгенций является заслугой Иисуса Христа и святых; тогда как я отрицаю это в своих тезисах.

"Панормитанус (так Лютер называет Айвза, автора знаменитого сборника церковного права, озаглавленного "*Панормия*", и епископа Шартрского в конце XI века) Панормитанус заявляет в своей Первой книге, что в отношении святой веры не только Генеральный собор, но и каждый верующий выше папы, если он приводит утверждения из Священного Писания и лучшие аргументы, чем папа. [\[570\]](#)

"Голос Господа нашего Иисуса Христа возвышается намного выше всех голосов людей, какие бы имена они ни носили.

"Что причиняет мне наибольшую боль и беспокойство, так это то, что эта Конституция содержит доктрины, совершенно противоположные истине. Он провозглашает, что заслуги святых - это сокровище, в то время как все Писание свидетельствует, что Бог воздает гораздо щедрее, чем мы заслуживаем. Пророк восклицает: "Господи, не вступай в суд с рабом твоим, ибо пред очами Твоими не может оправдаться ни один живой человек". [\[571\]](#) "Горе людям, какой бы почетной и похвальной ни была их жизнь", - говорит св. Августин, "был ли суд вынесен над ним безжалостно". [\[572\]](#)

Следовательно, святые спасаются не по своим заслугам, а только по милости Божьей, как я уже заявлял. Я поддерживаю это и твердо придерживаюсь этого. Слова священного Писания, которые заявляют, что святые не обладают достаточными заслугами, должны иметь приоритет над словами людей, которые утверждают, что у них их слишком много; ибо папа не выше, а ниже слова Божьего".

Лютер на этом не останавливается, но показывает, что если индульгенции не могут быть заслугой святых, то тем более они не являются заслугой Христа. Он замечает, что индульгенции бесплодны, поскольку они не имеют никакого другого эффекта, кроме как освободить людей

от совершения добрых дел, таких как молитвы и милостыня. "Нет, - восклицает он, - заслуга Христа - это не сокровище индульгенций, которое освобождает от добрых дел; но сокровище благодати, которое дает жизнь. Заслуга Христа применяется к верующим без индульгенций, без ключей, только Святым Духом, а не папой римским. Если у кого-то есть более обоснованное мнение, чем мое, - добавляет он в заключение этого первого пункта, - пусть он выскажет его, и тогда я возьму назад свои слова".

"Я подтвердил, - говорит он, переходя ко второму пункту, - что ни один человек не может быть оправдан перед Богом иначе, как по вере, и, следовательно, человеку необходимо с полной уверенностью верить в то, что он обрел благодать. Сомневаться в этой благодати - значит отвергать ее. Праведность и жизнь праведного - это его вера". [573]

Лютер доказывает свое утверждение множеством цитат из Священного Писания.

"Тогда извольте ходатайствовать за меня перед нашим святейшим господом, папой Львом X, - добавляет он, - чтобы он не относился ко мне с такой немилостью.... Моя душа стремится к свету истины. Я не настолько горд, не настолько жажду тщеславия, чтобы стыдиться отречься, если я учил тому, что ложно. Моей величайшей радостью будет увидеть триумф всего, что согласуется с волей Божьей. Только пусть они не заставляют меня делать ничего, что противоречит зову моей совести".

Легат взял декларацию из рук Лютера и, внимательно прочитав ее, холодно сказал ему: "У вас здесь бесполезное словоблудие, вы написали много пустых слов; вы глупо ответили на две статьи и исписали свой лист рядом отрывков из священного Писания, которые не имеют отношения к предмету". Затем с презрительным видом Де Вио отбросил протест, как не придающий ему значения, и, вернувшись к тону, который он счел сносно удачным при последней беседе, начал во весь голос кричать, что Лютер должен взять свои слова обратно. Лютер был непреклонен. "Монах! монах!" - восклицает Де Вио по-итальянски. "В прошлый раз ты был очень хорош, но сегодня ты очень непослушен". Затем кардинал начинает длинную речь, взятую из трудов святого Фомы, снова громко превозносит Конституцию Климента VI и упорствует в утверждении, что в силу этой Конституции сами заслуги Иисуса Христа раздаются верующим посредством индульгенций. Он думает, что заставил замолчать Лютера, который иногда начинает говорить, но Де Вио ругается, не переставая греметь и настаивает на том, чтобы все поле битвы было в его распоряжении.

Этот метод, возможно, и имел некоторый успех в первый раз, но Лютер был не из тех, кто подвергался ему во второй раз. Его негодование наконец вырвалось наружу; настала его очередь удивлять зрителей, которые считают, что он уже побежден словоохотливостью прелата. Он повышает свой властный голос, прибегает к любимому возражению кардинала и заставляя его дорого заплатить за то, что он безрассудно вышел на ристалище вместе с ним. "Отречься! отречься!" - повторил Де Вио, показывая Конституцию папы римского. "Что ж, - ответил Лютер, - если с помощью этой Конституции можно доказать, что сокровище индульгенций является заслугой Иисуса Христа, я соглашаюсь отказаться от них по воле и благоволению вашего Высокопреосвященства..."

Итальянцы, не ожидавшие ничего подобного, устали на эти слова и едва могли сдержать радость, увидев, что враг наконец-то попался в сети. Кардинал был как бы вне себя; он откровенно рассмеялся, но смехом, в котором смешались гнев и негодование; бросившись

вперед, он хватается том со знаменитой Конституцией, просматривает его, набрасывается на него и, весьма гордый своей победой, читает вслух, с кипящей и вздымающейся грудью. [574] Итальянцы ликуют; советники курфюрста встревожены и смущены: Лютер ждет своего противника. Наконец, когда кардинал доходит до слов: "Господь Иисус Христос приобрел это сокровище своими страданиями". Лютер останавливает его: "Достойнейший отец, - говорит он, - будь так добр, обдумай и тщательно обдумай это выражение *"приобрел"*. [575] Христос приобрел сокровище своими заслугами; следовательно, заслуги - это не сокровище; ибо, говоря философски, причина и следствие - разные вещи. Заслуги Христа дали папе право предоставлять такие индульгенции людям, но то, что раздает рука папы, не является самими заслугами. Таким образом, мой вывод верен, и Конституция, на которую вы ссылаетесь с таким шумом, свидетельствует вместе со мной об истине, которую я провозглашаю".

Де Вио все еще держит книгу в руке; его взгляд все еще прикован к роковому отрывку, но ему нечего ответить. Таким образом, он попадает в сеть, которую сам расставил, и Лютер сильной рукой удерживает его в ней, к невыразимому изумлению окружающих его итальянских придворных. Легат хотел бы избежать этого затруднения, но не смог. Он давно отказался от свидетельства Священного Писания и авторитета Отцов Церкви; он нашел убежище в этой Экстравагантности Климента VI, и вот он пойман. И все же у него слишком много изящества, чтобы показать свое смущение. Желая скрыть свой стыд, князь Церкви внезапно меняет тему и яростно переходит к другим статьям. Лютер, который замечает ловкий маневр, не позволяет ему сбежать; он хватается и полностью закрывает сеть, которую он набросил на кардинала, и делает уклонение невозможным. "Преподобнейший отец! - говорит он с иронией, облеченной в форму уважения. - Ваше высокопреосвященство, конечно, не может думать, что мы, немцы, не знаем грамматики; быть сокровищем и приобрести сокровище - это очень разные вещи".

"Откажитесь!" - говорит Де Вио. - "Откажитесь, или, если вы этого не сделаете, я отправлю вас в Рим, чтобы вы предстали там перед судьями, которым поручено рассматривать ваше дело. Я отлучаю вас; вас, всех ваших приверженцев, всех, кто благосклонен к вам или может стать благосклонным, и я отвергаю их от Церкви. Все полномочия в этом отношении были даны мне святым Апостольским престолом. [576] Думаете, вы, ваши защитники, сможете остановить меня? Вы воображаете, что папа заботится о Германии? Мизинец папы сильнее всех немецких князей". [577]

"Соблаговолите, - отвечает Лютер, - отправить письменный ответ, который я вручил вам, папе Льву X с моими смиренными молитвами".

При этих словах легат, обрадованный минутной передышкой, снова проникается чувством собственного достоинства и гордо и страстно говорит Лютеру:

"Откажитесь или не возвращайте". [578]

Лютера поражает это выражение. На этот раз он не дает словесного ответа, но кланяется и уходит, сопровождаемый советниками курфюрста. Кардинал и его итальянцы, оставшись наедине, уставились друг на друга, сбитые с толку темой дебатов.

Таким образом, доминиканская система, облаченная в римский пурпур, гордо отвергла своего скромного противника. Но Лютер чувствовал, что существует сила, а именно христианская истина — истина, которую никакая власть, светская или духовная, никогда не сможет подчинить. Из двух сражавшихся тот, кто отступил, был хозяином поля боя.

Это первый шаг, с помощью которого Церковь отделилась от папства.

Лютер и Де Вио больше никогда не виделись; но Реформатор произвел на легата сильное впечатление, которое никогда полностью не изгладилось. То, что Лютер говорил о вере, и то, что Де Вио прочитал в последующих трудах доктора Виттембергского, сильно изменило взгляды кардинала. Римские богословы были удивлены и недовольны его заявлениями об оправдании в его Комментарии к Посланию к Римлянам. Реформатор не отступил, не отрекся; но его судья, тот, кто не переставал восклицать: "Отрекитесь!" изменил свои взгляды и косвенно опроверг свои ошибки. Таким образом, непоколебимая верность Реформатора была вознаграждена.

Лютер вернулся в монастырь, где его встретили с гостеприимством. Он был тверд, свидетельствовал об истине и выполнил свою часть работы. Остальное сделает Бог. Его сердце было наполнено миром и радостью.

ГЛАВА IX.

Де Вио и Штаупиц—Штаупиц и Лютер—Лютер и Спалатин—Лютер в Карлштадт—Причастие—Линк и Де Вио—Отъезд Штаупица и Линк—Лютер в Каэтан—Молчание кардинала—Прощание Лютера—Отъезд—Обращение к Папе.

И все же новости, принесенные ему, были отнюдь не удовлетворительными. По городу ходили слухи, что, если он не откажется, его схватят и замуруют в темнице. Было уверенно заявлено, что генеральный викарий ордена, сам Штаупиц, был вынужден согласиться на это. [579] Лютер не может поверить в то, что ему рассказали о его друге. Нет! Штаупиц не предаст его. Что касается замыслов кардинала, то, судя по его собственным словам, в этом трудно сомневаться. И все же он не желает бежать перед лицом опасности; его жизнь, как и сама истина, находится в сильных руках; и, несмотря на грозящую ему опасность, он решает не покидать Аугсбург.

Легат вскоре раскаялся в своем насилии. Он чувствовал, что сбился с пути, и ему хотелось вернуться к нему. Едва Штаупиц закончил обедать (это было утром, когда состоялась беседа, а обеденное время было в середине дня), как он получил сообщение от кардинала с просьбой явиться к нему. Штаупица сопровождал Винцеслаус Линк. [580] Главный викарий застал легата наедине с Серра-Лонгой. Де Вио немедленно подошел к Штаупицу и самым мягким тоном сказал ему: "Тогда попытайтесь убедить вашего монаха и побудить его сделать отречение. По правде говоря, в остальном я им доволен, и лучшего друга, чем я, у него нет". [581]

Штаупиц.— "Я уже сделал это и по-прежнему буду советовать ему подчиниться Церкви со всем смирением".

Де Вио.— Вы должны ответить на аргументы, которые он приводит из Священного Писания.

Штаупиц.— "Я должен признаться вам, милорд, что это выше моих сил; ибо доктор Мартин превосходит меня как по таланту, так и по знанию священного Писания".

Кардинал, несомненно, улыбнулся откровенности главного викария. Кроме того, он и сам знал, в чем заключалась трудность убедить Лютера. Он продолжил и сказал Линку: —

- Осознаете ли вы, что, будучи приверженцами еретического учения, вы сами несете ответственность за страдания Церкви?

Штаупиц.— Сובлаговолите возобновить совещание с Лютером. Назначьте публичное обсуждение спорных моментов".

Де Вуо(в ужасе от самой идеи.) — "Я не желаю больше разговаривать с этим чудовищем. Потому что у него в голове пронзительный взгляд и странные рассуждения". [582]

Штаупиц наконец добился от кардинала обещания передать Лютеру письменное заявление о том, от чего он должен отказаться.

Главный викарий немедленно отправился к Лютеру и, потрясенный заявлениями кардинала, попытался как-то договориться. "Тогда опровергните, - говорит Лютер, - отрывки из Священного Писания, которые я привел". "Это выше моих сил", - сказал Штаупиц. "Что ж, - сказал Лютер, - отказываться от своих слов против моей совести до тех пор, пока нельзя дать никакого другого объяснения этим отрывкам". - Что? - продолжал он. - кардинал, как вы меня уверяете, притворяется, что желает устроить это дело так, чтобы мне не было стыдно или невыгодно. Ах, это римские слова, и на хорошем немецком они означают, что это было бы моим позором и вечной гибелью. Чего еще ожидать тому, кто из страха перед людьми и вопреки голосу своей совести отрекается от истины?" [583]

Штаупиц не настаивал; он просто намекнул, что кардинал согласился предоставить ему письменное изложение пунктов, от которых он требовал отказа. Затем, несомненно, он сообщил ему о своем решении покинуть Аугсбург, где ему больше нечего было делать, и Лютер поделился с ним планом, который он разработал с целью утешить и укрепить их души.

Штаупиц пообещал вернуться, и они ненадолго расстались.

Лютер, оставшись один в своей камере, обратил свои мысли к друзьям, которые были дороги его сердцу. Он перенесся в Веймар и Виттемберг. Он желал сообщить курфюрсту о том, что происходит, и, боясь скомпрометировать принца, обратившись к нему напрямую, написал Спалатину и умолял его сообщить своему господину, как обстоят дела. Он рассказал обо всем, даже об обещании легата предоставить ему письменное изложение спорных моментов, и заключил: "Так обстоит дело; но у меня нет ни надежды, ни доверия к легату. Я не откажусь ни от одного слова. Я опубликую ответ, который я ему послал, чтобы, если он продолжит насилие, его позор распространился на весь христианский мир". [584]

Затем доктор воспользовался несколькими оставшимися у него минутами, чтобы пообщаться со своими друзьями в Виттемберге.

"Мир и блаженство!" - написал он доктору Карлштадту. "Примите эти несколько строк так, как если бы они были длинным письмом; время и события давят на меня. В другой раз я напишу вам и другим более подробно. В течение трех дней обсуждалось мое дело, и теперь дело дошло до того, что у меня нет надежды вернуться к вам, и я не ожидаю ничего, кроме отлучения от церкви. Легат абсолютно уверен, что я не потерплю никаких дискуссий, ни публичных, ни частных. Он говорит, что хочет быть не моим судьей, а моим отцом, и все же единственные слова, которые он услышит от меня, это: "Я отказываюсь и признаю, что ошибался". Это, опять же, слова, которые я не произнесу.

"Мое дело находится в тем большей опасности, что его судьи - не только непримиримые враги, но, более того, люди, неспособные понять его. Однако Господь Бог жив и царствует; я верю себя его заботам и не сомневаюсь, что в ответ на молитвы некоторых благочестивых душ он пошлет мне помощь; мне кажется, я чувствую, что за меня молятся.

"Либо я вернусь к вам, не понеся вреда, либо, подвергнутый отлучению от церкви, буду вынужден искать убежища в другом месте.

"Как бы то ни было, ведите себя доблестно, стойте твердо, возвеличивайте Христа бесстрашно и радостно....

"Кардинал всегда называет меня своим дорогим сыном. Я знаю, что это значит. Тем не менее, я убежден, что был бы для него самым дорогим и приятным из людей, если бы произнес только одно слово "*Revoco*", я отказываюсь. Но я не стану еретиком, отказавшись от веры, которая заставила меня стать христианином. Лучше пусть за мной охотятся, проклинают, сжигают и предадут смерти....

"Берегите себя, мой дорогой доктор, и покажите это письмо нашим теологам, Амсдорфу, Филипу, Оттену и другим, чтобы вы могли помолиться за меня, а также за себя; ибо дело, которое здесь обсуждается, касается и вас. Это вера в Господа нашего Иисуса Христа и божественную благодать". [585]

Восхитительная мысль! который всегда дает полный мир и утешение тем, кто свидетельствовал об Иисусе Христе, о его божественности и благодати, когда мир со всех сторон осыпает их порицаниями, изгнаниями и неодобрением. "Наше дело - дело веры в нашего Господа!" И как сладостно убеждение, выраженное Реформатором: "Я чувствую, что за меня молятся". Реформация была делом молитвы и благочестия. Борьба между Лютером и Де Вио была борьбой между религиозным элементом, вновь проявляющимся в полной мере, и угасающими остатками придиричивой диалектики средневековья.

Такова была беседа Лютера со своими отсутствующими друзьями. Штаупиц вскоре вернулся; доктор Рухель и шевалье де Ферлицох, посланники курфюрста, также прибыли после того, как попрощались с кардиналом. К ним присоединились еще несколько друзей Евангелия; и Лютер, видя, что собравшиеся таким образом великодушные люди готовы расстаться, возможно, расстаться с ним навсегда, предложил им присоединиться к празднованию Вечери Господней. Предложение было принято, и это маленькое стадо верующих общалось в теле и крови Иисуса Христа. Какие чувства, должно быть, наполнили сердца этих друзей Реформатора в этот момент, когда они совершали с ним Евхаристию и думали, что, возможно, это был последний раз, когда ему было позволено это сделать! Какая радость и любовь, должно быть, наполнили сердце Лютера, когда он увидел себя столь милостиво принятым своим Учителем в час, когда люди отвергали его! Каким торжественным, должно быть, был тот ужин, каким священным был тот вечер! [586]

На следующий день [587] Лютер ждал статей, которые должен был прислать ему легат, но никаких сообщений не поступало, он умолял своего друга, доктора Винцеслауса Линка, пойти к кардиналу. Де Вио принял Линка с величайшей приветливостью и заверил его, что будет действовать только как друг. "Я больше не считаю доктора Мартина Лютера еретиком, - говорит он. Я не буду отлучать его от церкви в настоящее время, по крайней мере, если не получу других распоряжений из Рима. Я отправил его ответ папе нарочным ". Затем, чтобы доказать свои

добрые намерения, он добавил: "Если бы доктор Мартин Лютер только отменил то, что касается индульгенций, дело вскоре было бы прекращено; ибо что касается веры в причастие, то это статья, которую каждый может толковать и понимать по-своему". Спалатин, который приводит эти слова, добавляет саркастическое, но справедливое замечание: "Из этого ясно следует, что Рим больше заботится о деньгах, чем о чистоте веры и спасении душ". [588]

Линк вернулся к Лютеру. Он нашел Штаупица рядом с собой и рассказал о своем визите. Когда он упомянул о неожиданной уступке легата, "Доктору Винцеславу стоило, - сказал Штаупиц, - пригласить с собой нотариуса и свидетелей, чтобы записать эти слова, поскольку, если бы о таком предложении стало известно, это нанесло бы большой ущерб делу римлян".

Между тем, чем мягче становились слова прелата, тем меньше честные немцы доверяли ему. Несколько достойных людей, которым рекомендовали Лютера, совещались вместе. "Легат, - сказали они, - замышляет какую-то пакость с помощью курьера, о котором он говорит; есть все основания опасаться, что вы все будете схвачены и брошены в тюрьму".

Поэтому Штаупиц и Винцеслаус решили покинуть город. Обнявшись с Лютером, который настоял на том, чтобы остаться в Аугсбурге, они со всей поспешностью разными дорогами направились в Нюрнберг, не без чувства большого беспокойства за судьбу бесстрашного свидетеля, которого они оставили позади.

Воскресенье прошло достаточно спокойно. Лютер напрасно ждал сообщения от легата. Но поскольку тот не прислал ему ни слова, Лютер, наконец, решил написать ему. Штаупиц и Линк перед своим отъездом умоляли его проявить всю возможную покорность кардиналу. У Лютера еще не было опыта общения с Римом и его посланниками; но если подчинение не увенчается успехом, он сможет расценить это как предупреждение. Теперь он должен хотя бы попытаться. Что касается его самого, то не проходит и дня, чтобы он не осуждал себя, не оплакивал ту легкость, с которой он позволяет торопить себя выражениями, выходящими за рамки приличия. Почему бы ему не признаться кардиналу в том, в чем он ежедневно признается Богу? Более того, у Лютера было легко растроганное сердце, которое не подозревало зла. Поэтому он взял перо и, движимый чувством уважения и доброй воли, написал кардиналу следующее: [589]—

Достойнейший Отец в Боге, я прихожу еще раз, не голосом, а письменно, чтобы умолять твою отеческую доброту благосклонно выслушать меня. Преподобный доктор Штаупиц, мой очень дорогой Отец во Христе, попросил меня смириться, отказаться от своего собственного мнения и представить его на суд благочестивых и беспристрастных людей. Он также высоко оценил вашу отеческую доброту и убедил меня в благожелательных чувствах, которые вы питаете ко мне. Эта новость наполнила меня радостью.

Итак, достойнейший отец, я признаюсь, как я уже делал, что я не проявил достаточной скромности, достаточной кротости, достаточного уважения к имени суверенного понтифика; и хотя я был сильно раздражен, я понимаю, что для меня было бы гораздо лучше отнестись к этому делу с большим смирением, добродушием и почтением, *"не отвечать глупцу по его глупости из страха уподобиться ему"*. (Притч., xxvi, 4.)

"Это меня очень огорчает; я прошу прощения за это; и я готов объявить об этом людям с кафедры, как, собственно, я уже часто делал. Я постараюсь, по милости Божьей, говорить по-

другому. Более того, я готов пообещать, что, если меня не попросят, я не скажу ни единого слова на тему индульгенций после того, как это дело будет улажено. Но точно так же пусть те, кто побудил меня начать это, будут впредь обязаны соблюдать умеренность в своих выступлениях или хранить молчание.

"Что касается истинности моего учения, авторитет святого Фомы и других врачей не может удовлетворить меня. Если я достоин этого, я должен услышать голос супруга, который является Церковью. Ибо несомненно, что она слышит голос Жениха, который есть Христос.

"Поэтому со всем смирением и покорностью я молю вашу отеческую любовь передать все это дело, которое до сих пор остается столь неопределенным, нашему святейшему господину Льву X, чтобы Церковь могла принять решение, объявить и рукоположить, тем самым позволив людям отказаться от него с чистой совестью или поверить в искренность". [590]

Чтение этого письма наводит на размышления. Это показывает нам, что Лютер действовал не в соответствии с заранее обдуманной системой, а только в силу убеждений, которые последовательно запечатлевались в его уме и сердце.

Он был так далек от того, чтобы принять фиксированную систему или рассчитанную оппозицию, что иногда, сам того не подозревая, расходился с самим собой. Старые убеждения все еще преобладали в его сознании, даже после того, как укоренились противоположные убеждения. И все же в этих свидетельствах искренности и правдивости люди искали оружие для нападения на Реформацию; поскольку она следовала обязательному закону прогресса, неизменно навязываемому человеческому разуму, они написали историю ее вариаций; в тех самых чертах, которые свидетельствуют о ее искренности, и, следовательно, делают ей честь, один из величайших гениев христианского мира нашел свои сильнейшие возражения против нее. [591] Непостижимо своеобразие человеческого разума!

Лютер не получил ответа на свое письмо. Кайетан и его придворные из-за сильного волнения вдруг застыли. В чем могла быть причина? Не может ли это быть затишьем, предшествующим буре? Некоторые придерживаются мнения Паллавичини, который замечает, что "кардинал ожидал, что гордый монах, подобно надутым мехам, постепенно утратит напор, которым он был наполнен, и станет совсем смиренным". [592] Другие, считавшие себя лучше знакомыми с обычаями Рима, были уверены, что легат готовится схватить Лютера; но, не осмеливаясь по собственной воле пойти на такие крайности вопреки императорской охранной грамоте, ждали ответа из Рима. Другие, опять же, не могли допустить, что кардинал согласится ждать так долго. Император Максимилиан, говорили они (и это действительно могло быть правдой), без колебаний отдал бы Лютера на суд Церкви, несмотря на охранную грамоту, как Сигизмунд передал Яна Гуса Констанцскому собору. Следовательно, они предположили, что легат ведет переговоры с императором. Санкция Максимилиана могла поступить в любой час. Чем большее сопротивление он прежде оказывал папе, тем больше теперь, казалось, был расположен льстить ему, пока ему не удалось возложить на голову своего внука императорскую корону. Нельзя было терять ни минуты, "и поэтому, - говорили великодушные люди, окружавшие Лютера, - подготовьте обращение к папе римскому и без промедления покиньте Аугсбург".

Лютер, чье присутствие в городе в течение четырех дней было совершенно бесполезным и который, оставаясь здесь эти четыре дня после отъезда саксонских советников, которых курфюрст послал следить за его безопасностью, в достаточной мере продемонстрировал, что

он ничего не боится и готов ответить на любое обвинение, наконец уступил настойчивым мольбам своих друзей. Желая оставить уведомление Де Вио, он написал ему во вторник, вечером накануне своего отъезда. Это второе письмо более твердое по своему тону, чем первое. Казалось бы, Лютер, поняв, что все его попытки были тщетны, начал высоко поднимать голову и показывать, что у него есть должное представление как о своих собственных правах, так и о несправедливости своих врагов.

"Достойнейший Отец в Боге, - писал он Де Вио, - твоя отеческая доброта видела, да, я говорю, видела и отчетливо осознала мое послушание. Я предпринял далекое путешествие, среди великих опасностей, при большой физической слабости и, несмотря на мою крайнюю бедность, по приказу нашего святейшего господина Льва X. Я лично предстал перед вашим Высокопреосвященством; короче говоря, я бросился к ногам его Святейшества и теперь жду его соизволения, готовый согласиться с его суждением, независимо от того, осудит он меня или оправдает. Таким образом, я чувствую, что не упустил ничего, что подобало бы послушному сыну Церкви.

Следовательно, я не считаю своим долгом напрасно продлевать мое пребывание здесь; более того, для меня это невозможно. Мне нужны средства, и ваша отеческая доброта повелела мне в категорических выражениях больше не показываться в вашем присутствии, если я не захочу отказаться.

Поэтому я уйду во имя Господа, желая, если это возможно, вернуться в какое-нибудь место, где я мог бы жить в мире. Несколько персон, обладающих большим весом, чем я, убеждали меня обратиться к вашей отеческой доброте и даже к нашему святейшему господину Льву X, плохо информированному, к самому себе, более информированному. Хотя я знаю, что такое обращение было бы гораздо приятнее нашему светлейшему избирателю, чем отречение, тем не менее, если бы у меня только была возможность посоветоваться с самим собой, я бы не принял его. Поскольку я не совершил никакой вины, мне нечего бояться".

Лютер, написав это письмо, которое было отправлено легату только после его отъезда, приготовился покинуть Аугсбург. Бог сохранил его до этого часа, и его сердце восхваляло Его за это; но он не должен искушать Бога. Он попрощался со своими друзьями Пейтингером, Лангемантелем, Адельманнами, Ауэрбахом и приором кармелиток, которые оказали ему столько христианского гостеприимства. В среду перед перерывом он встал и был готов к отъезду. Друзья посоветовали ему соблюдать большую осторожность, чтобы его намерение не было замечено и не сорвано, и он, насколько мог, следовал их советам. Пони, оставленный ему Штаупицем, был подведен к воротам монастыря, и, еще раз попрощавшись со своими братьями, он сел на него и отправился в путь без уздечки, сапог и шпор и без оружия. Магистраты послали одного из своих офицеров верхом на лошади, который должен был сопровождать его и который прекрасно знал дороги. Слуга повел его в темноте по безмолвным улицам Аугсбурга к маленьким воротам, пробитым в городской стене, которые советник Лангемантель приказал открыть для него. Он все еще находится во власти легата, и рука Рима все еще может дотянуться до него. Несомненно, если бы итальянцы знали, что их добыча ускользает, они совершили бы яростную вылазку с криками. Кто знает, не будет ли еще схвачен и замурован в темнице бесстрашный противник Рима?... Наконец Лютер и его проводник подъезжают к маленьким воротам и, пройдя через них, оказываются за пределами Аугсбурга. Затем, пустив своих лошадей в галоп, они убегают со всей поспешностью.

Уходя, Лютер оставил свое обращение к папе в руках приора Помесо. Его друзья придерживались мнения, что его не следует отправлять легату, и поэтому приору было поручено проследить за тем, чтобы через два-три дня после отъезда доктора оно было прикреплено к воротам собора в присутствии нотариуса и свидетелей. Это было сделано соответствующим образом.

В этом документе Лютер заявляет, что он обращается от святейшего отца папы Римского, плохо информированного, к святейшему господу и отцу во Христе по имени Лев X, по милости Божьей, когда будет лучше информирован. [593] Это обращение было регулярно составлено и оформлено по надлежащей форме Галлом де Хербрахтингеном, имперским нотариусом, в присутствии двух монахов-августинцев, Бартоломью Утцмаира и Венгеля Штайнби. Оно было датировано 16 октября.

Когда кардиналу сообщили об отъезде Лютера, он был поражен и даже, как он заявляет в письме курфюрсту, был напуган и изумлен. На самом деле, у него были основания для раздражения. Этот отъезд, который так внезапно положил конец переговорам, разрушил надежды, которые так долго тешили его. Его честлюбивым намерением было залечить раны Церкви и восстановить влияние папы в Германии; и, о чудо! еретик сбежал, не только не понеся наказания, но даже не будучи униженным. Конференция лишь еще больше привлекла внимание, с одной стороны, к простоте, прямоте и твердости Лютера, а с другой - к властности и неразумному поведению папы и его посла. Рим, ничего не приобретя, должно быть, проиграл: его авторитет, не укрепившись, по необходимости подвергся новому испытанию. Что скажут в Ватикане? Какие новости придут в Рим? Трудности его положения будут забыты, а неудача списана на недостаток мастерства. Серра-Лонга и итальянцы в ярости от того, что немецкий монах перехитрил людей их способностей. Де Вио с трудом скрывает свое раздражение. Оскорбление вызывает к отмщению, и вскоре мы увидим, как он дает выход своему гневу в письме курфюрсту.

ГЛАВА X.

Полет Лютера—Восхищение—Желание Лютера—Послание легата курфюрсту—Послание Курфюрста легату—Процветание университета.

Лютер продолжал бежать со своим проводником из Аугсбурга. Он погнал своего скакуна на предельной скорости, которую позволяли силы бедного животного. Он думал о реальном или предполагаемом бегстве Яна Гуса, о том, как его схватили, и о утверждениях его противников, которые утверждали, что бегство аннулировало охранную грамоту императора и давало им право обречь его на сожжение. [594] Эти тревожные мысли просто приходили Лютеру в голову. Сбежал из города, где провел десять дней под страшной рукой Рима, который уже сокрушил столько тысяч свидетелей истины, и обагрился кровью, — теперь, когда он свободен, теперь, когда он вдыхает чистый воздух полей и пересекает деревни и равнины, теперь, когда он видит себя чудесно освобожденным, — вся его душа возвеличивает Господа. Воистину, теперь он может сказать: *"Наша душа вырвалась, как птица из силка птицелова: силок разорван, и мы спаслись. Наша помощь - во имя Господа, сотворившего небо и землю."* [595] Таким образом,

сердце Лютера наполнено радостью. Но его мысли также возвращаются к Де Вио. "Кардинал, - говорит он, - хотел бы заполучить меня в свои руки, чтобы отправить в Рим. Без сомнения, он огорчен моим побегом. Он воображал, что в Аугсбурге я его хозяин — он думал, что уверен во мне; но он держал угря за хвост. Разве этим людям не стыдно назначать за меня такую высокую цену? Они отдали бы много крон, чтобы заполучить меня, тогда как Господь наш Иисус Христос был продан за тридцать сребреников". [596]

В первый день Лютер проехал четырнадцать лиг. Вечером, добравшись до гостиницы, где ему предстояло провести ночь, он так устал (его лошадь, по словам одного из его биографов, шла очень тяжелой рысью), что, спешившись, не смог устоять на ногах и растянулся на соломе. Тем не менее он немного поспал и на следующий день продолжил свое путешествие. В Нюрнберге он застал Штаупица во время посещения монастырей его ордена и впервые увидел справку о нем, которую папа направил Кайетану. Он был возмущен этим. По всей вероятности, если бы он прочитал это перед своим отъездом из Виттемберга, он никогда бы не предстал перед кардиналом. "Невозможно поверить, - говорит он, - что нечто столь чудовищное могло исходить от суверенного понтифика". [597]

На протяжении всего путешествия Лютер был объектом всеобщего интереса. Он не уступил ни на йоту. Такая победа, одержанная нищенствующим монахом над представителем Рима, вызвала всеобщее восхищение. Германия казалась отомщенной за презрение Италии. Вечное Слово почиталось больше, чем слово папы; и эта огромная власть, которая господствовала над миром на протяжении столетий, подверглась серьезному испытанию. Путешествие Лютера было триумфальным. Люди были в восторге от упрямства Рима, надеясь, что это ускорит его падение. Если бы она не решила крепко держаться за нечестные наживы, если бы она была достаточно мудра, чтобы не презирать немцев, если бы она исправила вопиющие злоупотребления, возможно, согласно человеческим взглядам, все вернулось бы к состоянию смерти, из которого их вывел Лютер. Но папство предпочитает не уступать, и врач увидит, что вынужден выявлять многие другие ошибки и продвигаться в познании и проявлении истины.

26 октября Лютер прибыл в Грифенталь, расположенный на окраине лесов Тюрингии. Здесь он встретился с графом Альбертом Мансфельдским, который так настойчиво отговаривал его от поездки в Аугсбург. Граф от души рассмеялся, увидев его необычный экипаж; и, возложив на него руки, заставил его стать его гостем. Вскоре после этого Лютер продолжил свое путешествие.

Он поспешил прибыть в Виттемберг к 31 октября, ожидая, что курфюрст будет там на Празднике Всех Святых и что он сможет его увидеть. Отчет, который он прочитал в Нюрнберге, заставил его полностью осознать опасность своего положения. На самом деле, будучи уже осужденным в Риме, он не мог надеяться ни остаться в Виттемберге, ни получить убежище в монастыре, ни быть в мире и безопасности где-либо еще. Возможно, покровительство курфюрста могло бы защитить его, но он был далек от того, чтобы рассчитывать на это. Он не мог ожидать никакой помощи от двух друзей, которых раньше имел при дворе. Штаупиц, потеряв расположение, которым он долгое время пользовался, покинул Саксонию, Спалатин был любим Фридрихом, но не имел на него большого влияния. Сам Курфюрст не был настолько хорошо знаком с Евангелием, чтобы столкнуться из-за него с явными опасностями. Однако Лютер не видел ничего лучшего, что он мог бы сделать, кроме как вернуться в Виттемберг и там ожидать

решения всемогущего и милосердного Бога. Если бы, как думали некоторые, его оставили на свободе, его желанием было бы полностью посвятить себя учебе и воспитанию молодежи. [598]

Лютер действительно прибыл в Виттемберг к 30 октября; но его спешка была напрасной, поскольку ни курфюрст, ни Спалатин не приехали на фестиваль. Его друзья были вне себя от радости, снова увидев его среди них. В самый день своего приезда он поспешил сообщить об этом Спалатину— "Сегодня я вернулся в Виттемберг целым и невредимым, милостью Божьей; но как долго я останусь, я не знаю.... Я наполнен радостью и покоем; настолько, что не могу не удивляться, почему испытание, которое я переношу, кажется таким великим стольким великим личностям".

После ухода Лютера Де Вио не стал долго ждать, чтобы выразить все свое негодование курфюрсту. Его письмо дышит жаждой мести. Самоуверенным тоном он рассказывает Фредерику о конференции. "Поскольку брата Мартина, - говорит он в заключение, - отеческими методами нельзя заставить признать свою ошибку и остаться верным Католической церкви, я молю ваше Высочество отправить его в Рим или изгнать из ваших Штатов. Будьте уверены, что это трудное, порочное и ядовитое дело не может длиться дольше; ибо, когда я ознакомлю нашего святейшего господя со всем коварством и злобой, этому скоро наступит конец ". В постскрипуме, написанном его собственной рукой, кардинал умоляет курфюрста не пятнать свою честь и честь своих прославленных предков из-за жалкого монаха. [599]

Никогда, пожалуй, душа Лютера не была наполнена более благородным негодованием, чем при чтении копии этого письма, которое прислал ему курфюрст. Мысль о страданиях, которые ему суждено вынести, о ценности истины, за которую он борется, о презрении, которое он испытывает к поведению римского легата, сразу же наполняют его сердце. Его ответ, написанный под влиянием этих чувств, полон мужества, достоинства и веры, которые он всегда проявлял в самый тяжелый кризис своей жизни. Он, в свою очередь, рассказывает об Аугсбургской конференции, а затем, разоблачив поведение кардинала, продолжает: —

- Я хотел бы ответить легату вместо курфюрста.

"Докажи, что ты говоришь со знанием дела, - сказал бы я ему. - пусть все дело будет изложено в письменной форме; тогда я отправлю брата Мартина в Рим, или, скорее, я сам прикажу схватить его и предать смерти. Я позабочусь о своей совести и своей чести и не позволю ни одному пятну запятнать мою славу. Но до тех пор, пока ваше определенное знание избегает света и проявляется только криком, я не могу отдать должное тьме.

- Таков, превосходнейший принц, был бы мой ответ.

"Пусть преподобный легат или сам папа римский дадут письменное описание моих ошибок; пусть они объяснят их причины; пусть они наставят меня, кто желает, кто просит, желает и ждет наставлений, в том, что даже турок не отказался бы дать их. Если я не откажусь и осужу себя после того, как они докажут мне, что приведенные мною отрывки следует понимать иначе, чем то, что я сделал, тогда, о превосходнейший курфюрст, пусть ваше Высочество первым будет преследовать меня, пусть университет отвергнет меня и обрушит на меня свой гнев. Более того, (и я призываю небо и землю в свидетели), пусть Господь Иисус Христос отвергнет и осудит меня! Слова, которые я говорю, продиктованы не напрасной самонадеянностью, а непоколебимой убежденностью. Я желаю, чтобы Господь Бог лишил меня своей благодати и чтобы каждое

Божье создание отказалось поддержать меня, если, когда мне будет показано лучшее учение, я не приму его.

"Если из-за скромности моего положения они презируют меня, бедного ничтожного нищенствующего монаха, и если они отказываются наставлять меня на путь истины, пусть ваше Высочество попросит легата письменно указать вам, в чем я ошибся; и, если они откажут в этой милости даже вашему Высочеству, пусть они напишут о своих взглядах либо его Императорскому Величеству, либо какому-нибудь архиепископу Германии. Что я должен, что я могу еще сказать?

"Пусть ваше высочество прислушается к голосу вашей чести и вашей совести и не отсылает меня в Рим. Никто не может приказать тебе сделать это, потому что я не могу быть в безопасности в Риме. Сам папа там не в безопасности. Это значило бы приказать тебе предать христианскую кровь. У них есть бумага, ручки и чернила, и у них также есть нотариусы без номера. Им легко написать и показать, где и как я допустил ошибку. Проинструктировать меня в письменном виде в мое отсутствие обойдется дешевле, чем в присутствии совершить мою смерть с помощью военной хитрости.

"Я обрекаю себя на изгнание. Мои враги так заманивают меня в ловушку со всех сторон, что я нигде не могу жить в безопасности. Чтобы никакое зло не постигло вас из-за меня, я, во имя Бога, покидаю ваши территории; я пойду туда, где всемогущий и милосердный Бог пожелает, чтобы я был. Пусть он поступает со мной так, как считает нужным!

Итак, светлейший курфюрст, я с почтением прощаюсь с вами. Я вверяю вас Всемогущему Богу и приношу вам бессмертную благодарность за всю вашу доброту ко мне. Какими бы ни были люди, среди которых я буду жить в будущем, я всегда буду помнить вас и с благодарностью непрестанно молиться о счастье для вас и ваших близких. [600]... Я все еще, слава Богу, полон радости, и я благословляю его за то, что Христос, его Сын, считает меня достойным страданий за столь святое дело. Пусть он вечно охраняет ваше прославленное Высочество! Аминь!"

Это письмо, столь полное правды, произвело глубокое впечатление на курфюрста. "Он был потрясен очень красноречивым письмом", - говорит Майбур. Ему никогда бы не пришло в голову отдать невинного человека в руки Рима. Возможно, он попросил бы Лютера остаться на некоторое время в укрытии, но даже внешне он никоим образом не поддался бы угрозам легата. Он написал своему советнику Пфееффингеру, который случайно оказался при императоре, чтобы ознакомить его с реальным положением дел и просить его обратиться в Рим либо с просьбой положить конец этому делу, либо, по крайней мере, предоставить решать его в Германии беспристрастным судьям. [601]

Через несколько дней курфюрст ответил легату: "Поскольку доктор Мартин предстал перед вами в Аугсбурге, вы должны быть удовлетворены. Мы не ожидали, что, не признав его виновным, вы додумались бы заставить его отказаться от своих слов. Никто из ученых в наших владениях не сказал нам, что учение Мартина нечестиво, антихристиански и еретично". Затем принц отказывается отправлять Лютера в Рим или изгонять его из своих штатов.

Это письмо, которое было передано Лютеру, наполнило его радостью. "Боже милостивый! - писал он Спалатину. - с какой радостью я читал это и перечитывал. Я знаю, какая уверенность может быть вложена в эти слова, столь достойные восхищения одновременно своей энергией и умеренностью. Боюсь, римляне не поймут всего, что они имеют в виду, но они, по крайней мере,

поймут, что то, что они считали уже законченным, даже не начато. Будьте добры, передайте мою благодарность принцу. Странно, что он (Де Вио), который не так давно был нищенствующим монахом, как я, не боится обращаться без уважения к самым могущественным князьям, вмешиваться, угрожать им, приказывать и обращаться с ними с непостижимой гордыней. Пусть он поймет, что мирская власть исходит от Бога и что ему не позволено попирать ногами ее славу". [602]

Фридрих, отвечая легату тоном, которого он не ожидал, несомненно, был воодушевлен обращением, полученным им из Виттембергского университета. У этого университета были веские основания выступать в пользу доктора, поскольку он процветал все больше и больше и затмевал все другие учебные заведения. Толпы студентов стекались со всех концов Германии, чтобы послушать экстраординарного человека, чьи уроки, казалось, открыли новую эру в религии и науке. Эти юноши, приехавшие из всех провинций, остановились в тот момент, когда увидели вдалеке шпили Виттемберга, и, воздев руки к небу, возблагодарили Бога за то, что Он позволил свету истины сиять над этим городом, как некогда над Сионом, и посылать его лучи даже в самые отдаленные страны. [603] Неизвестная до сих пор жизнь и деятельность оживили университет. "Они копошатся здесь в своих исследованиях, как муравьи", - писал Лютер. [604]

ГЛАВА XI.

Мысли об отъезде—Прощание с Церковью—Критический момент—Освобождение—Мужество Лютера—Недовольство Римом—Булла—Обращение к Собору.

Лютер, думая, что вскоре его могут изгнать из Германии, занялся подготовкой Актов Аугсбургской конференции к публикации. Он хотел, чтобы эти Акты остались свидетельством борьбы, которую он вел с Римом. Он видел, что буря готова разразиться, но не боялся ее. День за днем он ожидал римских анафем и все устраивал и приводил в порядок, чтобы быть готовым, когда они придут. "Подоткнув плащ и подпоясав поводья, - сказал он, - я готов отправиться в путь, как Авраам; не зная, куда я пойду, или, вернее, хорошо зная, поскольку Бог повсюду". [605] Он намеревался оставить после себя прощальное письмо. "Тогда наберитесь смелости, - писал он Спалатину, - прочесть письмо человека, проклятого и отлученного от церкви".

Его друзья были в большом страхе и тревоге за него и умоляли его передать себя в руки курфюрста, чтобы этот принц мог где-нибудь держать его под надежной охраной. [606]

Его враги не могли понять, что придавало ему столько уверенности. Однажды они заговорили о нем при дворе епископа Бранденбургского и спросили, на какую опору он мог бы опереться. "Должно быть, он доверяет Эразму, - сказали они, - или Капитону, или кому-нибудь другому из ученых". "Нет! нет! - ответил епископ. - Папа не стал бы доставлять себе хлопот с такими людьми, как эти. Он доверяет Виттембергскому университету и герцогу Саксонии ". Таким образом, оба не знали о крепости, в которой укрылся Реформатор.

Мысли об отъезде промелькнули в голове Лютера. Они возникли не из страха, а из предвидения постоянно возникающих препятствий, с которыми свободное исповедание истины должно столкнуться в Германии. "Если я останусь здесь, - сказал он, - у меня, как и во многом другом, отнимут свободу говорить и писать. Если я уйду, я свободно раскрою мысли своего сердца и предложу свою жизнь Иисусу Христу". [607]

Франция была страной, в которой Лютер надеялся, что сможет беспрепятственно провозгласить истину. Свобода, которой пользовались врачи и парижский университет, казалась ему достойной зависти. Кроме того, он был согласен с ними по многим пунктам. Что произошло бы, если бы его перевезли из Виттемберга во Францию? Произошла бы там Реформация так же, как в Германии? Была бы свергнута власть Рима; и стала бы Франция, которой суждено было увидеть иерархические принципы Рима и разрушительные принципы неверующей философии, долгое время враждовавшие в ее недрах, единым великим средоточием евангельского света? Бесполезно предаваться напрасным догадкам на этот счет, но, возможно, Лютер в Париже мог бы несколько изменить судьбы Европы и Франции.

Душа Лютера была сильно взволнована. Поскольку он часто проповедовал в городской церкви вместо Симона Хейенса Понтануса, пастора из Виттемберга, который почти постоянно болел, он считал своим долгом, во всяком случае, проститься с людьми, которым он так часто проповедовал спасение. "Я, - сказал он однажды с кафедры, - я ненадежный и неуверенный в себе проповедник. Как часто я уже внезапно уходил, не попрощавшись с вами.... На случай, если то же самое случится снова, и я не вернусь, прими мое прощание здесь". Добавив еще несколько слов, он так кротко и скромно закончил: "В общем, предупреждаю вас, чтобы вы не пугались, хотя папские порицания обрушили на меня всю свою ярость. Не вменяйте это папе римскому и не желайте зла ни ему, ни какому-либо другому смертному вообще, но вверьте все дело Богу". [608]

Казалось, этот момент наконец настал. Принц дал понять Лютеру, что желает его удаления подальше от Виттемберга; а желания курфюрста были слишком священны для него, чтобы не поспешить выполнить их. Соответственно, он начал готовиться к отъезду, не зная толком, куда ему следует направить свои шаги. Однако он хотел в последний раз встретиться со своими друзьями и с этой целью пригласил их на прощальную трапезу. Сидя с ними за столом, он все еще наслаждался их восхитительной беседой, их нежной и трепетной дружбой. Ему приносят письмо.... Оно пришло от двора. Он открывает и читает, и сердце его замирает; это новый приказ об отъезде. Принц спрашивает, почему он так долго не выезжает. Его душу наполнила печаль. Тем не менее, однако, он набрался смелости и, подняв голову и оглядев своих гостей, сказал твердо и радостно: "Отец и мать оставляют меня, но Господь поднимет меня". [609] Ничего не оставалось, как уйти. Его друзья были глубоко тронуты. Что с ним будет? Если защитник Лютера отвергнет его, кто примет его? И Евангелие, и истина, и этот замечательный труд ... Все, несомненно, должно пасть вместе с их прославленным свидетельством. Реформация, по-видимому, висит на волоске; и в тот момент, когда Лютер покинет стены Виттемберга, не порвется ли эта нить? Лютер и его друзья говорили мало. Ошеломленные ударом, нанесенным их брату, они заливаются слезами. Но через несколько мгновений приходит второе послание, и Лютер вскрывает письмо, не сомневаясь, что найдет возобновление призыва к отъезду. Но, о могущественная рука Господа! на этот раз он спасен. Изменился весь аспект. "Поскольку новый посланник папы надеется, что все можно уладить посредством конференции, оставайтесь на месте". [610] Так говорится в письме. Насколько важным был этот час; и кто может сказать, что могло бы произойти, если бы Лютер, который всегда спешил подчиниться воле своего государя, покинул Виттемберг сразу же после первого послания? Никогда еще Лютер и дело Реформации не были в таком упадке, как в этот момент. Казалось, что их судьбы решены; но одного мгновения было достаточно, чтобы все изменилось. Оказавшись на самом низком этапе своей карьеры, виттембергский доктор быстро

восстановился в должности, и с тех пор его влияние не переставало расти. Говоря языком пророка, "Вечный повелевает, и его слуги нисходят в глубины; снова они возносятся к небесам".

Спалатин по приказу Фридриха пригласил Лютера в Лихтенберг для беседы с ним, и у них состоялся долгий разговор о положении дел. "Если поступят порицания из Рима, - сказал Лютер, - я, конечно, не останусь в Виттемберге". "Остерегайтесь быть слишком поспешным с вашим путешествием во Францию", - ответил Спалатин, [611] который ушел, сказав ему подождать, пока он не получит от него вестей. "Только предайте мою душу Христу", - сказал Лютер своим друзьям. "Я вижу, что мои противники сильны в своем решении уничтожить меня, но в то же время Христос укрепляет меня в моем решении не уступать им". [612]

В это время Лютер опубликовал "*Акты Конференции в Аугсбурге*". Спалатин, со стороны курфюрста, написал ему, чтобы он этого не делал, но было уже слишком поздно. После публикации принц одобрил ее; "Великий Боже! - сказал Лютер в предисловии. - Какое новое, какое поразительное преступление - искать свет и истину! И особенно искать их в Церкви, другими словами, в царстве истины". В письме Линку он говорит: "Я посылаю вам свои *Выступления*. Они, несомненно, более резкие, чем ожидал легат; но мое перо готово породить гораздо более великие вещи. Я сам не знаю, откуда берутся эти мысли. По моему мнению, дело даже не начато; [613] пока что римские гранды не имеют права надеяться, что оно закончилось. Я пришлю вам то, что я написал, чтобы вы могли увидеть, правильно ли я угадал, думая, что Антихрист, о котором говорит апостол Павел, сейчас царит при римском дворе. Я полагаю, что могу продемонстрировать, что в наши дни это хуже, чем сами турки".

Зловещие слухи доходили до Лютера со всех сторон. Один из его друзей написал ему, что новый посланник Рима получил приказ схватить его и доставить папе. Другой рассказал ему, что во время путешествия он встретился с придворным, и когда разговор зашел о делах Германии, придворный заявил, что он был обязан передать Лютера в руки суверенного понтифика. "Но, - писал Реформатор, - чем больше возрастает их ярость и насилие, тем меньше я дрожу". [614]

В Риме были очень недовольны Каэтано. Досада, которую они испытывали из-за провала дела, сначала обрушилась на него. Римские придворные считали себя вправе упрекать его в недостатке той осмотрительности и утонченности, которые, если верить им, составляют главное качество легата, и в том, что в столь важном случае он не сумел придать гибкость своей схоластической теологии. Он сам во всем виноват, говорили они. Его неуклюжий педантизм все испортил. Какой смысл было раздражать Лютера оскорблениями и угрозами, вместо того чтобы расположить его к себе обещанием хорошего епископства или даже кардинальской шапки. [615] Эти наемники судили о Реформаторе по себе. Однако необходимо было исправить эту ошибку. С одной стороны, Рим должен вынести свое решение, а с другой - должный суд должен быть оказан курфюрсту, который может быть очень полезен при избрании императора, событии, которое должно вскоре произойти.

Поскольку римские священнослужители не могли заподозрить, в чем заключалась сила и мужество Лютера, они вообразили, что курфюрст был гораздо более замешан в этом деле, чем это было на самом деле. Поэтому папа римский решил придерживаться другой линии поведения. Он приказал своему легату в Германии издать буллу, подтверждающую доктрину индульгенций в тех самых пунктах, в которых они подвергались нападкам, но без упоминания ни курфюрста, ни Лютера. Поскольку Реформатор всегда выражал свою готовность подчиниться

решению Римской церкви, папа считал, что теперь он должен либо сдержать свое слово, либо открыто предстать перед судом как нарушитель мира Церкви и презирующий святой Апостольский престол. В любом случае казалось, что папа должен выиграть. Но упрямое противодействие истине ничего не дает. Напрасно папа угрожал отлучить от церкви каждого человека, который посмеет учить не так, как он приказал; свет не был остановлен такими приказами. Мудрым планом было бы обуздать притязания торговцев индульгенциями. Таким образом, этот указ Рима был новой ошибкой. Узаконив вопиющие ошибки, это вызвало раздражение всех мудрецов и сделало невозможным возвращение Лютера. "Считалось, - говорит римско-католический историк, ярый враг Реформации, [616], - что эта булла была составлена исключительно в интересах папы и нищенствующих, которые начали понимать, что никто ничего не даст за их индульгенции".

Кардинал де Вио опубликовал буллу в Линце, в Австрии, 13 декабря 1518 года, но Лютер уже оказался вне пределов ее досягаемости. 28 ноября в часовне Корпус-Кристи в Виттемберге он обратился от имени папы к генеральному совету Церкви. Он предвидел бурю, которая собиралась вокруг него, и знал, что только Бог мог предотвратить ее. И все же он поступил так, как велел ему долг. Он, без сомнения, должен был покинуть Виттемберг (хотя бы только ради курфюрста), как только поступит римская анафема; но он не желал покидать Саксонию и Германию без решительного протеста. Он составил его соответствующим образом; и для того, чтобы книга была готова к распространению в тот момент, когда "римские фурии", как он выражается, доберутся до него, он приказал напечатать ее с четким условием, что книготорговец передаст все экземпляры ему на хранение. Но книготорговец, в своем стремлении к наживе, продал почти все, в то время как Лютер спокойно ожидал их получения. Он был раздосадован, но дело было сделано. Этот смелый протест распространился повсюду. В нем Лютер вновь заявил, что у него не было намерения говорить что-либо против Святой Церкви, или авторитета Апостольского престола, или благоразумного папы. "Но, - продолжает он, - учитывая, что папа, который является наместником Бога на земле, может, как и любой другой наместник, ошибаться, грешить или лгать, и что апелляция к генеральному собору является единственной гарантией от несправедливого разбирательства, которому невозможно противостоять, я чувствую себя обязанным прибегнуть к нему". [617]

Итак, здесь мы видим, что Реформация пошла новым курсом. Она больше не зависит от папы и его решений, а от вселенского собора. Лютер обращается ко всей Церкви, и голос, исходящий из часовни Корпус-Кристи, должен дойти до всех членов стада Христова. Реформатору не хватает мужества, и здесь он дает новое доказательство этого. Подведет ли его Бог? Ответ будет найден в различных фазах Реформации, которые еще предстоит представить нашему взору.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

Уильям Коллинз и компания, типография, Глазго.

СНОСКИ:

[1] Ἰζααὺν я живу.

[2] Письмо Шарлю Бонне.

[3] Discours sur l'Etude de l'Histoire du Christianisme, et son utilité pour l'époque actuelle. Париж, 1832, пьеса Дж. Дж. Рислера.

[4] Οἱ αὖτις ἡλίου βολῆ. (Хист. Eccl., ii, 3.)

[5] "Suburbicaria loca", пригородные места. Смотрите Шестое правило Никейского собора, которое Руфин (Hist. Eccl., x, 6) quotes thus: "Et ut apud Alexandriam et in urbe Roma, vetusta consuetudo servetur, ut vel ille Egypti, vel hic suburbicariarum ecclesiarum sollicitudinem gerat," etc. И как в Александрии, так и в городе Рима соблюдается древний обычай, а именно, что епископ первого заведует церквами в Египте, а второго - в пригородах.

[6] Юлиан., Или. 1.

[7] Клод. в Paneg. Stilic., lib. 3.

[8] Евсевий, Hist. Еккл. 1. v, с. 24. Сократ. История. Еккл. с. 21. Киприан, Ер. 59, 72, 75.

[9] 1 Кор. xv, 9. 1 Тим. iii, 15.

[10] 1 Кор. xvi, i. 2 Кор. viii, 1. Гал. i, 22. 1 Кор. xiv, 33.

[11] "Ubi ecclesia, ibi et Spiritus Dei. Ubi Spiritus Dei, illic ecclesia." (Irenæus.) Где Церковь, там и Дух Божий. Где Дух Божий, там и Церковь.

[12] См. Canon, Сардик. Ви; а также Халкидонского Собора, каноны, 8 и 18, οὐ ἐξάρχος τῆς διοικήσεως οὐ ἐξάρχος τῆς διοικήσεως, экзарх диоцеза.

[13] Киприан, епископ Карфагенский, говорит о святом Стефане, епископе Рима: "Magis ac magis ejus errorem denotabis, qui hæreticorum causam contra Christianos et contra *Ecclesiam Dei* asserere conatur ... qui unitatem et veritatem de divina lege venientem non tenens.... Consuetudo sine veritate vetustas erroris est." (Epist. 74.) "Вы будете все больше и больше убеждаться в ошибке того, кто пытается поддержать дело еретиков против христиан и против Церкви Божьей ... кто не придерживается единства и истины, которые приходят через Божественный закон.... Обычай без истины - древность заблуждения".... Фирмилиан, епископ Кесарии в Каппадокии, также говорит, что после середины третьего века: "Eos autem qui Romæ sunt, non ea in omnibus observare quæ sunt ab origine tradita, et frustra auctoritatem apostolorum prætere.... Cæterum nos veritati et consuetudinem jungimus, et consuetudini Romanorum, consuetudinem sed veritatis opponimus; ab initio hoc tenentes quod a Christo et ab apostolo traditum est." (Кипр. Еф. 75.) "Но они не во всем соблюдают то, что было дано изначально, и напрасно претендуют на авторитет апостолов.... Но мы (епископы Азиатских Церквей, более древних, чем Римские) также присоединяемся к истине и обычаю, и обычаю римлян противопоставим обычай, но обычай истины, с самого начала придерживающийся того, что было передано Христом и апостолом". Эти свидетельства имеют большой вес.

[14] Ректор тотий Экклезиаст.

- [15] "Свободные у льва, уверенные в единстве гладио югулари". (Anastasius, Bibl. Vit. Понтиф, стр. 83.) Рычащий, как лев, заявляющий, что он убьет всех одним мечом.
- [16] "Видение есть и ипси Апостолико Леони, ... Ut ipsum Carolum imperatorem nominare debuisset, qui ipsam Romam tenebat, ubi semper Cæsares sedere soliti erant et reliquas sedes."... (Анналиста Ламбецианус; 801 год н.э.) Апостолу Льву казалось, что он должен был дать Карлу титул императора, поскольку тот владел самим Римом, где обычно заседали цезари, и другими их владениями.
- [17] См. Ep. ad univer. Episc. Галл. (Мансийский XV в.)
- [18] "Я возвращаюсь к посту священного адепта, к жизни как терпящий бедствие, к жизни как истребление, к смерти как экзекуция". (Дезидерий, аббат Кассино, впоследствии Виктор III. De Miraculis a S. Benedicto, etc., lib. 3, init.) Я с содроганием вспоминаю, какой низкой, мерзкой и отвратительной была его жизнь после того, как он стал священником.
- [19] "Теофилакт, после множественного прелюбодеяния и маниакального самоубийства" и т.д. (Бонизо, епископ Сутри, впоследствии Плезанса. Liber ad amicū.) Феофилакт (Бенедикт) после многих прелюбодеяний и многих убийств, совершенных его собственной рукой.
- [20] "Привет, оригинальное изделие, clamores insultantium, digitos ostendentium, colaphos pulsantium, совершенное. Alii membris mutilati, alii per longos cruciatus superbe necati," etc. (Мартене и Дюран, Тезаурус, ноябрь. Anecd. i, 23.) Где бы они ни появлялись, они подвергаются оскорбительным выкрикам, указаниям пальцами и ударам. Некоторые из них изувечены, другие в результате долгих пыток безжалостно убиты.
- [21] "Правосудие и смерть в изгнании".
- [22] "Всенепременно пройдут референдумы по правам человека, которые приведут к арбитражному процессу". — (Пелагий в августе. de Gratia Dei, cap. 4.) Хотеть и быть - это свойства человека, потому что они берут начало из источника свободной воли.
- [23] Библиотека церковной дисциплины.
- [24] История реформации Микония и История лютеранства Секендорфа.
- [25] Реликвия Мюллера, том. iii, стр. 22.
- [26] OE Colampad. De Risu Paschali.
- [27] Николь де Клеманжис, Де Пресулибус Симонясис.
- [28] Слова Себ. Стор., пастор Лейхшталя в 1524 году.
- [29] Фюсслин Бейтраге, ii, 224.
- [30] Метр. Нидерланды. История. viii.
- [31] Хоттингер, Hist. Эклз. ix, 305.
- [32] Приказ Гуго, епископа Констанцкого, от 3 марта 1517 года.
- [33] Реликвия Мюллера. iii, 251.

[34] Стибинг. *Gesch. der Nass. Oran Lande*.

[35] "Uno anno ad se delata undecim millia sacerdotum palam concubinariorum." (Эразм. Указ. том. ix, стр. 401.) За один год ему сообщили, что одиннадцать тысяч священников живут в открытом сожительстве.

[36] Шмидт, *Геш. der Deutschen*. том. iv.

[37] Информация.

[38] "Amazzò il fratello Ducha di Gandia et lo fa butar nel Tevere." Он убил своего брата, герцога Гандийского, и приказал бросить его в Тибр. (Рукопись Капелло, посла в Риме в 1500 году, добытая Ранке.)

[39] Вступление в камеру ... fe ussir la moglie e sorella ... estrangolò dito zovene.—(Там же.)

[40] Адео иль санге иль сальто в ла фаза дель папа.— (Там же)

[41] Выставка венецианской скульптуры, аванте иль папа.— (Санато.)

[42] Гордон, Томази Инфессура, Гвиччардини и др.

[43] Da man an alle Wände, auf allerley zedel, zuletzt auf den Kartenspielen, Pfaffen, und Munche malete.—(L. Ep. ii, 674.)

[44] Апология представителя . Христос.

[45] Реликвия Мюллера. том. iii, стр. 253.

[46] Феллери, понедельник, стр. 400.

[47] Адриан Байе. *Хист. des Demêlés de Boniface VIII avec Philippe le Bel*.—(Paris, 1708.)

[48] Гвиччардини. История Италии.

[49] Я уничтожу имя Вавилона.

[50] Scultet. *Летопись 1520 года н. э.*

[51] "Для проведения множественных опросов по принципу *aliis auctoritate, opibus, potentia, liberalitate* и *magnificentia*. Акт 1. стр. 3.) Он превзошел многих других принцев властью, богатством, могуществом, щедростью и великолепием.

[52] "Odium Romani nominis, penitus infixum esse multarum gentium animis opinor, ob ea, quæ vulgo de moribus ejus urbis jactantur." (Эразм. *Ep.*, lib. xii, стр. 634.) Ненависть к римскому имени, которая терзает умы многих народов, объясняется, я подозреваю, распространяющимися слухами о нравах этого города.

[53] От Лютера к Брентию.

[54] Нобла Лейсон.

[55] Трактат Антихриста того же возраста, что и Нобла Лейсон.

[56] По-чешски Huss означает "гусь".

[57] Послание Дж. Гуса, Сценарий временной анафемы.

[58] Huss. Ep. sub. Временный. Краткий сценарий.

[59] Кто такой гомо?

[60] "В здоровом уме михи тутиор донато квам инната". (De Erroribus Abelardi, глава 6.) И это, безусловно, безопаснее для меня, данное, чем врожденное.

[61] "Credo quod tu, mi Domine Jesu Christe, solus es mea justitia et redemptio."... (Leibnitz, Script. Брансу. iii, 396.)

[62] "Спасибо, что не ставите оперы".

[63] "Научный отряд, который меня не спасет, и полностью удовлетворит по заслугам" и т.д. (Эти и подобные цитаты см. во Flacius, Catal. Test. Veritatis; Wolfii. Лекция. Памятные вещи; Реликвия Миллера и т.д.)

[64] Бертран д'Аржантре, История Бретани, Париж, 1618, стр. 788.

[65] "Я призываю к жизни Олимпо". (Baptista Mantuanus, de Beata Vita, in fin.) Он живет на высочайших небесах.

[66] "A sorbente gurgite damnationis, субтитры". (Дж. Х. Хоттинджери, История. Экл. Sæcul. xv, p. 347.)

[67] "Alium modum Altissimus procurabit, nobis quidem pro nunc incognitum, licet heu præ foribus existat, ut ad pristinum statum Ecclesia redeat." (J. H. Hottingeri, Hist. Экл. Sæcul. xv, p. 413.)

[68] "Бонус для вас и в качестве бонуса для меня оправдание tua". (Batesius, Vitæ Selectorum Virorum. Лонд. 1681, стр. 112.)

[69] Размышления в псалмах; Проповедь сопры Сальмо. Quam bonus Israel и т.д. Проповеди выше Архаичного и т.д.

[70] "Среди всех истинных преследователей, высшие церковные власти". Но среди всех гонителей, главным образом среди прелатов Церкви. (Батезиус, стр. 118.)

[71] Д'Аржантре, Сборник судебных решений о новых ошибках, II, стр. 340.

[72] Там же.

[73] "Et quem Deus vult damnare, Si omnes vellent hunc salvare, Adhuc iste damnaretur."

Тот, кто осужден Божьим указом, несомненно, будет осужден, Кто бы это ни был, он спасет его.
(Парадокс проклятия и др., 1749, Могунтия.)

[74] "Antiquorum Patrum scripta tantum habent auctoritatis quantum canonicæ veritati sunt conformia." (Epist. Apologet. Anvers, 1521.)

[75] "Adeo spiritus utriusque concordat". (Фарраго Вессели, в преф.)

[76] "Extentus totus, et propensus in eum quem amat, a quo credit, cupit, sperat, confidit, justificatur, nihil sibi ipsi tribuit, qui scit nihil habere ex se." (De Magnit. Passionis, cap. xlvi, Указ. соч., стр. 553.)

[77] "Немо волхв Церковный разрушитель, развращенный клерус. Destruentibus Ecclesiam omnes Christiani tenentur resistre." (De Potestate Eccles. Соч., стр. 769.)

[78] Лекция Вольфия. Памятная записка. ii, стр. 27.

[79] "Возбуждающий Доминус героя, этат вирибус..." (Flacii, Catal. Тест. Verit., p. 843.)

[80] "Alius quidem veniet...." (Конференция Apologia, август. xiii. De Votis Monasticis.)

[81] "Живите, как живете". (Политиани, Ер. ix, 3.)

[82] Парад., xxiv, 44.

[83]

Orribil furon li peccati miei;
Ma la bontà infinita ha sì gran braccia
Che prende ciò che si revolve a lei.

(Чистилище. iii, 121-124.)

[84]

Per lor maladizion si non si perde.
Che non possa tornar l'eterno amore,
Mentre che la speranza ha fior del verde?

(Там же, 134-136.)

[85] De ementita Constantini donatione declamatio ad Papam." (Соч. Базилики, 1543.)

[86] Об Увековечении Животных, о Предопределении и Провидении и т.д.

[87] В качестве нулевого подтверждения". (J. F. Pici de Fide, Op. ii, стр. 820.) Который верит в Бога.

[88] "Сказка о Христе". (Морней, История. Папатус, стр. 820.)

[89] Hamelmann, Relatio Hist. Этот первый импульс был ошибочно приписан Томасу Кемпису. (Дельпра по Г. Грооту, стр. 280.)

[90] "Fide justos esse". (Меланкт. Разл., i, 602.)

[91] Оригинальное слово.

[92] Об искусстве кабалистики.

[93] Май Вита Дж. Рейхлин, (франк, 1687 г.) Майнхофф, Дж. Рейхлин и *Seine Zeit*, (Берлин, 1830 г.)

[94] Его настоящее имя было Джерард, такое же, как у его отца. Это голландское имя он перевел на латынь *Desiderius* (Желанный) и на греческий *ερασμος* (Эразм).

[95] *Εὐκωριον μωσιας*. Семь изданий этого труда были уничтожены за несколько месяцев.

[96] "Принцип легкого поведения михи контингентет фортуна, низи михи нимииум дульсис эссет либертас". (Ер. и Прич.) Я мог бы легко разбогатеть на принцах, если бы свобода не была мне слишком дорога.

[97] "Описание Дейпара Дева, обыкновенный человек плюс *prope tribuit quam Filio*". (*Encomium Moriæ*, Соч. iv, стр. 444.)

[98] "*Non mali peribis si bene vixeris*". (*Encomium Moriæ*, Соч. iv, стр. 444.)

[99] "*Sic sculptus est hominis animus ut longe magis fucis quam veris capiatur*". (Там же, стр. 450.)

[100] "Сам по себе Христос". (Там же.)

[101] "*Quasi sint ulli hostes Ecclesiæ perniciosiores quam impii pontifices, qui et silentio Christum sinunt abolescere et quæstuariis legibus alligant et coactis interpretationibus adulterant et pestilente vita jugulent*." (Там же.)

[102] Соотношение истинной теологии.

[103] Что касается правил игры.

[104] Дополнительно.

[105] Объявление Дж. Шлехтам, 1519 год. "*Hæc sunt animis hominum inculcanda, sic, ut velut in naturam transeant*." (Ер. Ер. i, р. 680.) Эти вещи должны быть запечатлены в умах людей, чтобы они могли стать как бы естественными.

[106] "В шаблоне *vix vacat Evangelium interpretari*". (Примечание. *ad Matth.*, xi, 30, "*Jugum meum suave*"). В церквях едва ли есть свободное время для толкования Евангелия.

[107] "Мало того, что человек обладает качественным статусом, так это то, что он является новым возбуждающим фактором", (Эразм. Ер. i, стр. 953.) Я предпочел бы оставить мир таким, какой он есть, чем возбуждать новые беспорядки.

[108] "*Semel admissum, non ea fertur qua destinaret admissor*". (Erasm. Ер. i, стр. 953.) Однажды допущенный, он идет не туда, куда предполагал допускающий.

[109] "*Præstat ferre principes impios, quam novatis rebus gravius malum accersere*." (*Ad Matth.* xi, 30.) Лучше терпеть нечестивых князей, чем навлекать худшее бедствие нововведением.

[110] "*Ingens aliquod et præsens remedium, безусловно, не существует*". (Ер. Ер. i, 653.) Какое-то обширное и настоящее средство, несомненно, не для меня.

[111] "Я сам не произвожу чести". (Ер. Ер. i, стр. 653.)

[112] Эразм. Ep. 274.

[113] "... Vigiliæ molestæ, somnus, irrequietus, cibus insipidus omnis, ipsum quoque musarum studium ... ipsa frontis me mœstitia, vultus pallor, oculorum subtristis dejectio." (Эразм, Ep. i, стр. 1380.)

[114] Труды Эразма были опубликованы Джоном Ле Клерком в Льеже в 1703 году в десяти томном сборнике. О его жизни см. Бурины, "Жизнь Эразма", Париж, 1757; "Жизнь Мюллера Эразма", Hamb., 1828; и "Жизнеописание", помещенное Ле Клерком в его библиотеке Шуази; см. Также прекрасную и добросовестную работу М. Нисара ("Revue des deux Mondes"). который, однако, как мне кажется, ошибается в своей оценке Эразма и Лютера.

[115] "Animus ingens et ferox, пыльца вирибуса.... Nam si consilia et conatus Hütteni non defecissent quasi nervi copiarum, atque potentiæ, jam mutatio omnium rerum extitisset, et quasi orbis status publici fuisset conversus." (Камера. Vita Melancthonis.) Обладающего мощным, смелым и энергичным интеллектом.... Ибо, если бы планы и усилия Хюттена (которые были, так сказать, сухожилиями власти) не оказались ошибочными, произошла бы общая перемена и состояние мира в некотором роде изменилось.

[116] "Exercitus Reuchlinistarum", в начале сборника писем, адресованных Рейхлину по этому вопросу.

[117] L. Ep. i. стр. 37.

[118] Лют. Ep. i, стр. 38.

[119] Работы Хюттена были опубликованы в Берлине издательством Manchen, 1822-1825, в пяти томах. 8в.

[120] См. Шатобриан, Исторические этюды.

[121] "Ветви семейства обыкновенных и поздние представители среднего рода". (Melancth. Вита Лут.) Это старая и широко распространенная семья, состоящая из людей в скромных обстоятельствах.

[122] "Природа всего сущего в Эйслебене, баптистское святилище там же. Parentes mei de prope Isenaco illuc migrarunt." (Лют., Ep. i, стр. 390.) Я родился в Айслебене и крестился там в соборе Святого Петра. Мои родители приехали туда из окрестностей Изенаха.

[123] "Интуиция в том, что касается честных людей, но не в образцовом добродетельном мире". (Меланкт. Vita Lutheri.) Другие честные жены смотрели на нее как на образец добродетели.

[124] Там же.

[125] "Барабанная музыка гейстлихе Шмельцера..." (Матезиус, История, 1565, стр. 3.)

[126] "За агитацию и тиморим Дей, ... домашний институт прилежного оказания помощи". (Меланкт. Vit. Лут.) С помощью домашнего наставления они тщательно приучили его к знанию и страху Божьему.

[127] "Sed non poterant discovery ingenia secundum для исправления характера". (Лут. Op. W. xxii, p. 1785.) Но они не могли различать умы, хотя они должны были регулировать наказание.

[128] "Был гросс сол верден, мусс кляйн ангебен". (Матезиус, История, стр. 3.)

[129] Лют. Соч. Вальх. ii, 2347.

[130] "Исенахум эним пене итогу родительской жизни". (Лут. Ер. i, стр. 390.) Потому что почти все мои родственники живут в Изенахе.

[131] Рейзегеш Лингка, Лут.

[132] "Dieweil sic umb seines singer und herzlichen Gebets willen".... (Матезиус. стр. 3.)

[133] "Cumque et vis ingenii acerrima esset, et imprimis ad eloquentiam idonea, celeriter æqualibus suis præcurrit," (Melancth. Vit. Лут.) Поскольку он обладал очень сильным умом и особой склонностью к красноречию, он вскоре опередил своих товарищей.

[134] "Литературная дегустация дульсединской природы, первейшее проявление интереса в академии аппетита". (Mel. Vit. Лут). Вкусив таким образом сладости литературы и от природы испытывая горячее стремление к знаниям, он мечтает об университете.

[135] "Et fortassis ad leniendam vehementiam naturæ mitiora studia veræ philosophia". (Там же.) Возможно, более умеренное изучение истинной философии могло бы смягчить пылкость его природного характера.

[136] "Et quidem inter primos, ut ingenio studioque multos coæqualium antecellebat". (CochlœUs, Acta Lutheri, стр. 1.) И он действительно был одним из первых, превосходя многих своих сокурсников как в гениальности, так и в учебе.

[137] "Такова игитура в ювентусе эминибате, в академии лютеранского искусства эссет". (Вита Лут.) Он был таким блестящим в молодости, что весь университет восхищался его талантами.

[138] "Fleissig gebet, ist uber die helfft studirt." (Мат. 3.)

[139] "Auff ein Zeit, wie er die Bücher fein nacheinander besieht.... kombt er uber die lateinische Biblia."... (Математика 3.)

[140] "Avide percurrit, cœpitque optare ut olim talem librum et ipse nancisci posset." (M. Adami, Vita Luth. p. 103.) Он нетерпеливо пробегает ее глазами и начинает жалеть, что у него самого когда-нибудь не будет такой книги.

[141] "На первый взгляд, это вирус, а не множественная консоль".

[142] Лют. Ор. (W.) xxii, p. 2229.

[143] "Между sodalis и contristatus". (Улитка, стр. 1.)

[144] "Mit Erschrecken und Angst ldes Todes umgeben." (Лют., Ер. ii, 101.)

[145] "Окончание войны в кампо, территория молниеносной смерти". (cochlœ. i.) Будучи в ужасе от удара молнии, когда он был в поле.

[146] "Occasio autem fuit ingrediendi illud vitæ genus, quod pietati et studiis doctrinæ de Deo, existimavit esse convenientius." (Мел. Вита Лут.) Он принял этот образ жизни, потому что считал его более подходящим для благочестия и изучения божественной истины.

[147] Некоторые биографы говорят, что Алексис был убит ударом грома, который привел в ужас Лютера; но двое его современников, Матезиус (стр. 4) и Сельнекер (в Orat. де Лут.) проводят различие между этими двумя событиями, и мы могли бы даже подтвердить их свидетельство свидетельством Меланхтона, который говорит: "Sodalem nescio quo casu interfectum". (Вита Лут.) Его товарищ погиб в результате несчастного случая, я не знаю от чего.

[148] "Современный мир, ингрессус эст репенте, множество адмиралов, монастырь". (CochlæUs, i.) Из презрения к этому миру он, к удивлению многих, внезапно ушел в монастырь.

[149] "В vita semi-mortua". (Melch. Адами. V. L., стр. 102.) Полумертвая жизнь.

[150] "Gott geb das es nicht ein Betrug und teuflisch Gespenst sey." (Лут. Ер. ii, стр. 101.)

[151] "Локализация воспалительного процесса". (М. Адами, Vita Luth. стр. 103.) Он был обязан убрать грязь.

[152] Selnecceri Orat. de Luth. Матезиус, стр. 5.

[153] "В публичном обсуждении лабиринт всегда неразрывен, диссертативен, многозначен". (Лут.) В публичных диспутах он, к восхищению многих, четко распутывал лабиринты, которые другие находили неразрешимыми.

[154] "В жизни человечества, в целом, без семьи гениев, без алиментов пьетатис кребат". На этом жизненном пути он стремился не к репутации гения, а к пище благочестия.

[155] "Свидетельство фирмы, предупреждающее тимор и фидем". (Меланкт. Vit. Лут.) И своими достоверными свидетельствами питай его страх и его веру.

[156] Немецкий язык, Библиография.

[157] "Summa disciplinæ severitate se ipse regit, et omnibus exercitiis, lectionum, disputationum, jejuniorum, presum, omnes longe superat." (Меланкт. Вита Лут.) Он соблюдает предельную строгость дисциплины и во всех упражнениях в чтении, беседах, постах и молитвах намного превосходит всех.

[158] "Erat enim natura, valde modici cibi et potus; vidi continuis quatuor diebus, cum quidem recte valeret, prorsus nihil edentem aut bibentem." (Там же.) Ибо от природы он был умерен в употреблении мяса и питья; я, без сомнения, видел его в полном здравии, когда он не ел и не пил четыре дня подряд.

[159] "Тренируйтесь в студиях и духовно-воинских упражнениях, ибица, аннис кватуор". (CochlæUs, i.) Там, в учебе и духовных упражнениях, он был усердным слугой Божьим в течение четырех лет.

[160] Лут. Ор. (W.) xix, 2299.

[161] "Visus est fratribus non nihil singularitatis habere". (CochlæUs, i.) Монахи считали его немало эксцентричным.

[162] "Кончай, ... покайся, сесидерит кричит: "Не суммируй! non sum!" (Там же) Когда он внезапно упал, закричав: "Не я! не я!"

[163] "Ex occulto aliquo cum dæmone commercio". (CochlœUs, i.) Из некоего скрытого общения с демоном.

[164] "Sæpe eum cogitantem attentius de ira Dei, aut de mirandis pœnarum exemplis, subito tanti terrores concutiebant ut pene exanimaretur." (Меланкт. Вита Лут.) Часто, когда он более внимательно размышлял о гневе Божьем или поразительных примерах наказания, его внезапно охватывал такой ужас, что он становился подобен мертвецу.

[165] Второе дополнение., стр. 53.

[166] "Специальная студия для изучения магов, страдающих от скорби и страха". (Меланкт. Вита Лут.) Его печали и страхи побудили его продолжить это исследование с еще большим рвением.

[167] "A teneris unguiculis, generoso animi impetu, ad virtutem et eruditam doctrinam contendit." (Меланкт. Адам. Vita Staupitzii.) С самых ранних лет, обладая щедрым интеллектуальным порывом, он стремился к добродетели и учености.

[168] (Там же)

[169] "Корпоративная форма и заметный статус". (cochlœ., iii.) Он был удивительно высок и красив.

[170] Лют. Соч . (W.) v, 2819.

[171] Послание Мозеллани.

[172] Притчи, xxvii, 19.

[173] Лют. Ор. (W.) viii, 2725.

[174] Лют. Соч . ii, 264.

[175] "Те велят и принимают сонантему". (Лут. Ер. i, 115, ad Staupitzium, 30 мая 1518 г.). Мы слышали тебя, так сказать, говорящим с небес.

[176] "Истинная вера не есть, низы, что касается справедливости любви и зарождения" и т.д. (Там же.) Нет покаяния, кроме того, которое начинается с любви к Богу и праведности.

[177] "Воспоминания о джукундиссимас и спасительных сказках туаса, о моем единственном господине Иисусе мирифиче консолари". (Там же.) Я вспоминаю во время вашей самой приятной и спасительной беседы, которой Господь имеет обыкновение чудесным образом утешать меня.

[178] "Во мне есть главное слово, но стрела может быть острой". (Там же.) Твое слово крепко вонзилось в меня, как острая стрела могучего человека.

[179] "Ecce jucundissimum ludum, verba undique mihi colludebant, planeque huic sententiæ arridebant et assultabant." (Лут. Ер. i, 115.) Когда, вот, самое приятное развлечение! слова, доносившиеся со всех сторон, забавлялись со мной, явно улыбаясь и поддаваясь чувствам.

[180] "Nunc nihil dulcius aut gratius mihi sonet quam pœnitentia" и т.д. (Там же.) Сейчас для меня нет ничего слаще и приятнее, чем раскаяние.

[181] "Ita enim dulcescunt præcepta Dei, quando non in libris tantum, sed in vulneribus dulcissimi Salvatoris legenda intelligimus." (Там же.) Ибо так божественные заповеди становятся сладостными, когда мы понимаем, что их следует читать не просто в книгах, но в ранах всемилостивейшего Спасителя.

[182] Лют. Ор. (W.) xxii., p. 489.

[183] Секкендорф, стр. 52.

[184] "Давиди ауто Петро ... Sed mandatum Dei esse ut singuli homines, nobis remitti peccata credamus." (Меланкт. Vit. Лут.) Не для Давида или Петра, но заповедь Божья заключается в том, чтобы каждый из нас верил, что наши грехи прощены.

[185] "О благословенный недостаток, заслуживающий такого Искупителя". (Матезиус, стр. 5.)

[186] Лют. Ор. xvi, (Walch.) 1144.

[187] "Ei, hast du nicht auch gehort das man Eltern soll gehorsam seyn." (Лут. Ер. ii, 101.)

[188] "Es ist nicht Christus denn Christus schreckt nicht, sondern tröstet nur." (Лут. Соч. (W.) xxii, стр. 513, 724.)

[189] Лют. Ер. i, стр. 5, 17 марта 1509 г.

[190] ... "Theologia quæ nucleum nucis et medullam tritici et medullam ossium serutatur." (Лут. Еф. i, 6.)

[191] "В литературных студиях тело действует вечно". (Паллавичини, История. Продолжение. Триада. i, 16.) В литературных занятиях он был неутомим душой и телом.

[192] Второе дополнение., стр. 55.

[193] Мелх. Адам. Вита Лютери, стр. 104.

[194] Фабрициус, Сентифол. Лютери, стр. 33. Матезиус, стр. 6.

[195] Миконий.

[196] Флоримон Раймонд, История. Херес. глава v.

[197] Хист. des Variat. l. 1.

[198] "К сентябрьскому монастырю викария в кибуце несогласных". (Улитка, 7.)

[199] "Что такое acer ingenio и как это противоречит audax et vehemens". (CochlæUs, ii.) Потому что он обладал острым умом и смелым и неистовым ответом.

[200] Лут. Соч. (W.) xx, стр. 1468.

[201] Матф. Костюмер. История. Лютери.

[202] Соч. (W.) xxii, стр. 2374, 2377.

[203] Святая Швейцария! ora pro nobis." (Лут. Соч. (W.) xxii, стр. 1314, 1332.)

[204] Лют. Соч. (W.) Посвящение, 117 страниц, том. vi, Л. Г.

[205] (Там же)

[206] Лют. Ор. (W.) xix, von der Winkelmesse, Mathesius, 6.

[207] "In quel tempo non pareva, fosse galantuomo, e buon cortegiano colui che de dogmi, della chiesa non aveva qualche opinion erronea ed heretica." (Каррачоло, вит. г-жа Павел IV, цитируется Ранке.)

[208] Бурины, "Жизнь Эразма", i, 139.

[209] "Юношеская секция средневекового римского курия ... qui asserebant, nostram fidem orthodoxam, potius quibusdam sanctorum astutiis subsistere." (Пол Каненсиус, Вита Паули II.)

[210] Лют. Ор. (W.) xix, von der Winkelmesse.

[211] "Das habe Ich zu Rom für gewiss gehört." (Лут. Ор. (W.) xxii., 1322.)

[212] "Es nimmt mich wunder, das die Päbste solches Bild leiden können." (Там же, стр. 1320.)

[213] Лют. Ор. (W.) xxii, p. 2376.

[214] "Ist irgend eine Høelle, so muss Rom darauf gebaut seyn." (Там же, стр. 2377.)

[215] Диссертации о первом десятилетии правления Тита Ливия.

[216] 100 000 гульденов. (Лют. Указ. xxii, стр. 2374.)

[217] Второе дополнение., стр. 56.

[218] "Ибо vos Деус мизерикорс оправдан за веру..." (лат. Соч. (L.) в Преф.) Посредством которого милосердный Бог оправдывает вас через веру.

[219] "Как я переношу суть чувств и порции аперитива во внутреннем раю". (Там же.) Здесь я почувствовал, что полностью родился заново и вошел через открытые двери в сам рай.

[220] Глянец на Императорский эдикт. 1531. (Лут. Указ. соч. (L.) том. xx.)

[221] "Вим гениальный, нервно-ораторский, в качестве бонитета для изложения в concionibus admiratus fuerat". (Меланкт. Вита Лут.)

[222] "Unter einem Baum, den er mir und andern gezeigt." (Мат. 6.)

[223] "Множественные предрасполагающие мутации". (Вита Лут.)

[224] "Ihr lebet nun oder sterbet, so darff euch Gott in seinem Rathe." (Мат. 6.)

[225] "Neminem nisi Spiritum Sanctum creare posse doctorem theologiae". (История Вайсманни. Еккл i, стр. 1404.)

[226] Лют., Ер. i, стр. 2.

[227] История Вайсманни. Эккл., стр. 1416.

[228] Там же.

[229] "Признайте меня истинным евангелистом, вирилитером обороны". Я клянусь, что буду мужественно защищать евангельскую истину".

[230] "Доктор Библикус", а не "сентенциариус". (Меланхтон.)

[231] Лют., Соч. (W.) xvi, стр. 2061. Матезиус, стр. 7.

[232] Лют. Ор. (W.) xxi, 2061.

[233] "Аристотель в философии, святилище Тома в теологии, вечный свидетель". (Паллавичини, i, 16.) Он предпринял попытку ниспровергнуть Аристотеля среди философов и Фому Аквинского среди теологов.

[234] "Perdita studia nostri sæculi". Ер. i, 15. (8 февраля 1516 г.)

[235] Ер. i, 57. (18 мая 1517 г.)

[236] "Secundum genium heri sui". (История Вайсманни. Эккл., i, стр. 1434.)

[237] "Средство от стрептококковых грибков". (История Вайсманни. Эккл. i, стр. 1434.)

[238] "По сути дела, в реде сив лектико одинок и ферри". (Corpus Reformatorum, i, 33.)

[239] Мелх. Ad. Vita Spalat. p. 100.

[240] "Для мудрости и дома желаемого". (Лут. Ер. i, стр. 8.) Быть мудрыми за границей и глупцами дома.

[241] Præf. ad Gal.

[242] "Не для спекуляций, а для практических целей".

[243] "Омнес филии Адэ сант идолопоклонник". (Decem Præcepta Wittembergensi populo prædicata per R. P. D Martinum Lutherum, Aug. anno 1516.) Эти речи были произнесены на немецком языке, но мы цитируем латинское издание, i, стр. 1.

[244] "Ниси исходит из того, что мертвый эссет, текус серваре, nec tu, nec omnis creatura tibi может производить продукцию". (Там же.) Если бы он не умер за тебя и не сохранил тебя, ни ты сам, ни кто-либо другой не смог бы сделать тебе добро.

[245] "В Иисусе есть вера, единение, единственный Выход, кто может жить без чуждого бога. (Там же.) Но Иисус - Бог, единственный и истинный; имея его, вы не имеете чужого бога.

[246] "Отменить закон о Лютеране, человеке разумном, и о Сыновьях Божьих". (Melancth. Вита Лут.)

[247] "Hujus doctrinæ dulcedine pii omnes valde capiebantur, et eruditis gratum erat." (Там же.)

- [248] "Квази из тьмы, карцер убожества, образование Христа, пророчества, апостолы". (Тамже.)
- [249] "Oratio non in labris nasci, sed in pectore". (Тамже.)
- [250] "Право на проведение аукциона, право на неприкосновенность морали, право на защиту, право на защиту". (Меланкт. Вита Лут.)
- [251] "Путь и ход богослова, всепрощающий фавор Лютера". (Эрасми, Ер. i, 652.)
- [252] "Illis præfero mysticos et Biblii". (Лут. Ер. i, 107.)
- [253] Немецкая теология, Страсбург, 1519; Преф.
- [254] "Tu, domine Jesu, es justitia mea; ego autem sum peccatum tuum: tu assumpsisti meum, et dedisti mihi tuum." (Лут. Ер. i, стр. 17.)
- [255] "Non enim justa agendo justii efficitur: sed justii fiendo et essendo, operamur justa." (Лут. Ер. i, стр. 22.)
- [256] "Человеческая ценность в ео плюс божественность". Человеческое преобладает в нем больше, чем божественное.
- [257] "Пусть ваш Доминус интеллект suo форте темпоре". (Лут. Ер. i, стр. 52.)
- [258] Τι ουν; δυνατον αναμαρτητον ειναι ηδη. Что, возможно ли тогда быть без греха? спрашивает Эпиктет (iv, 12, 19). ΑρηχΑνον Невозможно! он отвечает.
- [259] ... "Святая реликвия ... deificæ voluntatis suæ charitate amplexæ osculatæ." (Luth. Еф. i, 18.)
- [260] "Сед этиам ультра адорабам". (Лат. Указ. соч., стр. 50.)
- [261] Лют. Соч. (L) xvii. стр. 142; и в латинских произведениях, том i, стр. 51.
- [262] "Cum Credenti omnia sint, auctore Christo, possibilia, superstitiosum est, humano arbitrio, aliis sanctis, alia deputari auxilia." (Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 142.)
- [263] Hilscher's Luther's Anwesenheit in Alt Dresden, 1728.
- [264] 1 мая 1516 г., Ер. i, стр. 20.
- [265] (Лат. Ер. i, р. 36.) "Non enim asper asperum, id est, non diabolus diabolum, sed suavis asperum, id est, digitus Dei ejicit dæmonia."
- [266] "Там чито, теперь суть в том, что мы чито и тот диксерис: Суть благословения! inter ligna nullum tale." (Ер. i, 27.)
- [267] "Хайлиглих, фридлих и цюхтиг". (Математика, стр. 10.)
- [268] Ер. i, стр. 41, к Ланге, (26 октября 1516 г.)
- [269] "Куда бежать? Spero quod non corruiet orbis, ruente fratre Martino." (Тамже.)
- [270] "Множественный плацентарный принцип". (Лут. Ер. i, 25.)
- [271] "ли михи максим прост, оставь мои печальные воспоминания". (Тамже. 45.)

[272] При отсутствии плаценты наблюдается аликвация целебного эо". (Лут. Ер. i, стр.46)

[273] "Каков амарум, таков и итог". (Там же, стр. 46.)

[274] Лют. Ор. (W.) xxii, p. 1849.

[275] Там же.

[276] "Имеет прямое отношение ко мне, как к персонажу гарриера". (Лют. Ер. i, 85.)
Впоследствии ходили слухи, что я ссылаясь на трех придворных дам.

[277] Кит, Леб. Лут., стр. 32.

[278] "Между средами моего внутреннего предположения". (Лут. Ер. i, 85.) Что я попал в ловушку.

[279] "Во мне acriter et clamose invectus est." (Там же.) Он остро и шумно критиковал меня.

[280] "Великий Аристотель и Томас нугис". (Там же.) О пустяках Аристотеля и Фомы.

[281] "Не продает и на лицо мне сперет". (Лут. Ер. i, 85.) От того, что он вышел вперед и плюнул мне в лицо.

[282] "Прошу прощения". (Там же.) Искренне извинился.

[283] "Cujus vellem hostes cito quam plurimos fieri." (Лут. Ер. i, 59.) Врагов которого я мог бы пожелать поскорее стать как можно более многочисленными.

[284] "Optima et infallibilis ad gratiam præparatio et unice dispositio, est æterna Dei electio et prædestinatio." (Лут. Соч. (L.) i, 56.) Лучшая и безошибочная подготовка и единственная предрасположенность к благодати - это вечное избрание и предопределение Бога.

[285] "Бревитер, когда прямая кишка диктует естественную жизнь, когда она является добровольной". (Там же.) Короче говоря, природа не имеет ни правильного диктата, ни доброй воли.

[286] "Нулевая форма силлогистического принципа в конечном божественном". (Лут. Соч. (L.) i, 56.) Ни одна силлогистическая форма не применима в божественных терминах.

[287] "Закон и воля противоборствующего дуэта, благо для непримиримых". (Там же. 57.) Закон и воля - два непримиримых противника без милости Божьей.

[288] "Закон есть добровольное требование, не являющееся сверхъестественным, в соответствии с Законом, который является естественным для всех". (Там же.)

[289] Лют. Соч. Губ. xvii, p. 143, et Op. Lat. i.

[290] "Идея следствия заключается в том, чтобы сидеть естественно в малом, то есть природа мали, второй манихей". (Там же.) Отсюда также не следует, что это зло по природе, т.е. по природе зла, согласно манихеям.

[291] "У меня подозрение на какодоксу". (Лут. Ер. 60.) Нет, я подозреваю, что их сочтут какодоксальными (ложное учение.)

[292] "Eccio nestro, eruditissimo et ingeniosissimo viro exhibete, ut audiam et videam quid vocet illas." (Лут. Ер. i, стр. 63.) Покажите их нашему самому ученому и изобретательному Эку, чтобы я мог услышать и увидеть, как он их называет.

[293] Лют. Ор. (W.) xviii, 1944.

[294] "Mit weissen Stæblein". (Инструкции архиепископа Менцкого заместителям комиссара по индульгенциям и т.д., статья 8.)

[295] "Изобретение ферокса и прочный корпус". (Cochl. 5.) Умом свиреп, а телом крепок.

[296] "Welchen Churfürst Freiderich vom Sack, zu Inspruck erbeten hatte." (Математика. 10.)

[297] Лют. Соч. (W.) xv, 862.

[298] "Круговорот венерических поблажек в его регионе, где находится Текелио Доминикано, наглый подхалим". (Меланкт. Вита Лут.) Индульгенции на продажу разносит доминиканец Тезель, самый наглый подхалим.

[299] История. du Luthéranisme par le P. Maimbourg, de la Compagnie du Jésus, 1681, p. 21.

[300] Лют. Ор. (W.) xxii, p. 1393.

[301] Тезель защищает и повторяет это утверждение в своих антитезисах, опубликованных в том же году. (т. 99, 100 и 101.) "Подкомиссариат в высшей степени руководствуется вениарой импонере, но это невозможно для гениталий, оставленных Девственницей виолассет, quod eumdem индульгенция - сила абсолютного обладания, люси клариус эст". Тезелий кибус защищает индульгенцию против Лютеризма.) Более того, яснее ясного, чем день, предписать заместителям комиссаров и проповедникам прощения, чтобы, если кто-либо по невозможности осквернил Божью Матерь, всегда Девственную, они могли отпустить ему грехи на основании индульгенций.

[302] "Смертная казнь совершается при смерти ..." (Реформации Лешера, Акт i, стр. 418.) Сколько смертных грехов совершается за день?

[303] "Si contingat aliquem ire Romam, vel ad alias periculosas partes, mittit pecunias suas in banco, et ille pro quolibet centum dat quinque aut sex aut decem...." (Ibid.)

[304] Тезисы, 56. (Positiones fratris J. Tezelii quibus defendit indulgentias contra Lutherum.)

[305] Наставление архиепископа Менцкого и др.

[306] Разрешить. о тезисах, 32.

[307] Тенцтель, Reformationsgesch; Myconii, ссылка. История; Наставления архиепископа Менцкого и др.; Тезисы Лютера.

[308] Инструкция и т.д., 5, 69.

[309] Там же, 19.

[310] Там же, 30.

[311] Там же, 35.

[312] "Auch ist nicht nothig dass sie in dem Herzen zerknirscht sind, und mit dem Mund gebeichtet haben." (Там же, 38.).

[313] "Nach den Sätzen der gesunden vernunft, nach ihrer Magnificenz und Freigebigkeit." (Инструкция и т.д., 26.)

[314] Реликвия Мюллера, iii, стр. 264.

[315] Instr. 27. "Wieder, den Willen ihres Mannes."

[316] Там же, 87, 90 и 91.

[317] Лит., Соч. Лейпциг., xvii, 79.

[318] "Dreimal gelind auf den Rücken." (Инструкция.)

[319] Instr. 9.

[320] Там же, 69.

[321] Там же, 4.

[322] Сарпи, округ Трент, стр. 5.

[323] Шрек. К. Г. В., д. Р., i, 116.

[324] Scultet. Летопись. Евангелие., стр. 4.

[325] Ссылка Лошера. Acten, i, 404, Luth. Соч. xv, 443 и др.

[326] Musculi Loci Communes, стр. 362.

[327] "Реформации Гофмана", v, Лейпциг., стр. 32.

[328] "Si tantum tres homines essent salvandi per sanguinem Christi, certo statueret unum se esse ex tribus illis." (Melch. Адам. Вита Микон.)

[329] "Si nummis redimatur римского понтифика". (Melch. Адам.)

[330] Клаузурум января месяца". (Тамже.)

[331] "Стентор понтификус". (Тамже.)

[332] Письмо Микония Эберу в "Hechtii Vita Tezelii". Виттемб., стр. 114.

[333] Альбинус Мейссн. Хроник. L. W. (W.) xv, 446 и др., Хехтий в "Житии Тезелия".

[334] Лют. Соч. (Перескакивает.) xvii, pp. 111 et 116.

[335] Тезисы Лютера об индульгенциях, (т. 82, 83 и др. 84.)

[336] Лют. Ор. (Leips.) xvi, 79.

[337] "Всемогущий германик, ферендис экспликационибус, нундинационибус и бесконечный импостурис Романенсиум небулонум". (Лит. Указ. лат. в Преф.) Все германцы были утомлены извилинами, торговлей людьми и бесконечными обманами римских расточителей.

[338] Ранке, Римское собрание, i, 71.

[339] Тридентский собор, стр. 4. Паллавичини, делая вид, что опровергает Сарпи, подтверждает и даже усиливает свои показания. "Suo plane officio defuit, (Leo) ... venationes, facetias, pompas adeo frequentes."... (Конс. Трид. История. i, стр. 8, 9.) Лео явно не выполнял свой долг, настолько частыми были его представления, его развлечения и охотничьи пирушки.

[340] Секкендорф, 42.

[341] Лингке, Райзегеш. Книга Лютера, стр. 27.

[342] "Частые нарушения со стороны грудной клетки". (Кор. 4.) Производя на него впечатление частым злоупотреблением индульгенциями.

[343] По-немецки - молоть, как зерно, dreschen. (Лут. Op. xvii.)

[344] В справочнике (Witt. i.) "Monachum, et Papistam insanissimum, ita ebrium, imo submersum in dogmatibus papæ" и т.д.

[345] Лют. Op. (W.) xxii.

[346] "Как разубедить население и предотвратить индульгенцию золотистого крика ..." (Лат. соч. в преф.)

[347] "Wütet, schilt und maledeit græulich auf dem Predigtstuhl." (Миконий, "Реформация")

[348] "Hæc initia fuerunt hujus controversiæ in qua Lutherus nihil adhuc suspicans aut somnians de futura mutatione rituum." (Меланкт. Вита Лут.) Таково было начало этого спора, в котором Лютер еще не думал и не мечтал о будущем изменении ритуала.

[349] "Die verseurte Lehr durch den ofen gehen," (p. 10.)

[350] "Ложная консультация для мунуса индейца Эрмитаниса С. Августини".... (стр. 14.) Неправда, что эта должность обычно возлагалась на отшельников Святого Августина. Августин.

[351] Сауберлих.

[352] "Sondern in ihren löcherichen, und zerrissenen opinien, viel nahe verwessen." (Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 119.)

[353] Это встречается также в Löscher, i, 46 и др.; Anfund Teuzel's Fortg. der Ref.; Jünker's Ehrenged, p. 148; Lehmann's Beschr. d. Meissn. Эржебет и др., а также в рукописи Веймарского архива, снятой с заявления Спалатина. Наш рассказ о сновидении соответствует этой рукописи, которая была переиздана в последний юбилей Реформации (1817).

[354] Лео X.

[355] Иоанн Гус. Возможно, это обстоятельство было добавлено впоследствии в качестве намека на высказывание Яна Гуса, которое мы цитировали. См. Первую книгу.

[356] "Cujus impiis et nefariis concionibus incitatus Lutherus, studio pietatis ardens, edidit propositiones de indulgentiis." (Меланкт. Вита Лут.) Лютер, воодушевленный своими нечестивыми речами и пылая благочестивым рвением, опубликовал свои Тезисы об индульгенциях.

[357] "И в этом я уверен, мой видебар, мой привычный патрон папам, моя верная мелодия укрепляет барабан". (Лут. Указ. лат. в Преф.) И в них я был уверен, что буду пользоваться покровительством папы римского, в которого я тогда очень верил.

[358] "... Quas magnifico apparatu publicè populis ostendi curavit." (Улитка, 4.)

[359] "Этот спор сводится к нулю по причине интимной дружбы и осознанного поведения". (Лют., Ер. i, стр. 186.)

[360] "Когда человек умирает от гнева, значит, он умирает от Ганса, а я - Краген гегриффен". (Лут. Ор. (W.) xxii, p. 1369.)

[361] Хармс де Киль.

[362] Лют. Соч. Лейпс. vi, стр. 518.

[363] "В случае чего, студия пес, не являющаяся добровольной, столкнулась с проблемами, что является результатом тестирования". (Лат. Указ. лат. в преф.) Ибо я был вовлечен в эти беспорядки случайно, а не по своей воле или рвению. Бог мне свидетель.

[364] "Domino suo et pastori in Christo venerabiliter metuendo". Своему благоговеино боящемуся Господу и пастырю во Христе. (Адрес письма, Ер. i, стр. 68.)

[365] Fex hominum. (Тамже.)

[366] "Ut populus Evangelium discat atque charitatem Christi". (Тамже.)

[367] Яростный призыв". (Там же.) Искренне повелевает.

[368] "Er sollte still halten; es wäre eine grosse Sache." (Маттес. 13.)

[369] Уолтар. против Лютера, стр. 45.

[370] Миконий, История. из Ссылки, стр. 23.

[371] "Das Lied wollte meiner stimme zu hochwerden." (Лут. Ор.)

[372] "В аллее высоких холмов и Клестера". (Математика. 13.)

[373] "Ad hoc præstandum mihi videbatur ille, et natura compositus et accensus studio." (Эразм. Ер. Campegio Cardinali, i, p. 650.) Для достижения этой цели он казался мне одновременно приспособленным от природы и воспламененным рвением.

[374] Денкв Мюллера, iv, 256.

[375] "Alle welt von diesem, Weissenberg, Weissheit holen und bekommen." (p. 13)

[376] "Дасс эр унс ден Мунк, Лютер флейзиг, берегись". (Математика. 15.)

[377] Schmidt Brand Reformationsgesch, стр. 124.

[378] "Che frate Martino Luthero haveva un bellissimo ingegnoe che coteste erano invidie fratesche." (Бранделли, современник Лео и доминиканец, Hist. Trag. Часть 3.)

[379] Мелх. Adami Vita Myconii.

[380] "Законная копия Джоан Войт, в деле об убийстве абдулуса, либеллос Лютери". (Тамже.)

[381] "Что делать, что делать".

[382] "Магистр Дарвон Иоганн. Huss, geweissaget." (Математика. 13.)

[383] Он добавляет: "Totque uxorum vir", муж столько же жен (Heumann Documenta lit. стр. 167.)

[384] "Брат, аби в челламе и далее: Miserere mei". (Lindner in Luther's Leben, p. 93.)

[385] "Общее содержание: малое послушание в виде лица чуда, этиам си поссем". (Ер. i, 71.)

[386] "Чувство долга имеет большое значение". (Меланкт. Вита Лут.) И часто выражал свою печаль, опасаясь еще больших разногласий.

[387] Лют. Соч. (L.) vi, стр. 518.

[388] "Finge enim ipsam humilitatem nova conari, statim superbiæ subjicietur ab iis qui aliter sapiunt." (Лут. Ер. i, стр. 73.)

[389] "Solus primo eram." (Лат. Указ. лат. в преф.) Сначала я был один.

[390] "Consilium immanis audaciae plenum". (Паллавичини, i, 17.) Мера бесконечной смелости.

[391] "Miserrimus tunc fraterculus, cadaveri similior quam homini." (Лут. Указ. соч. i, стр. 49.)

[392] "Et cum omnia argumenta superassem per Scripturas, hoc unum cum summa difficultate et angustia, tandem Christo favente, vix superavi, Ecclesiam scilicet esse audiendam." (Luth. Указ. соч. i, стр. 49.)

[393] "Hi furores Tezelii et ejus satellitum imponunt necessitatem Luthero, de rebus iisdem copiosius, disserendi et tuendæ veritatis." (Меланкт. Вита Лут.) Ярость Тезеля и его спутников вынудила Лютера более подробно рассматривать эти темы и защищать истину.

[394] "Dass er die Schrift, unsern Trost, nicht anders behandelt wie die Sau einen Habersack."

[395] Лют. Соч. Прыжки. xvii, 132.

[396] "Тибиди грациас давным-давно; имо, тибиди не дебео?" (Лут. Ер. i, стр. 74.)

[397] "Quanto magis conamur ex nobis ad sapientiam, tanto amplius appropinquamus insipientiæ". (Лут. Ер. i, стр. 74.)

[398] "Спасение есть спасение в эти дни", "До тех пор, пока герцог Фредерик не исчезнет". (Там же, стр. 76.) Но теперь можно даже поклясться, что они отправились в путь без вельможи герцога Фредерика.

[399] "Первичный сертификат есть, священная литература без отряда vel studio, великий изобретатель проникновения. Ideo primum officium est, ut ab oratione incipias."

[400] "Руководство студии отчаянно пытается создать omnino, одновременно и гениально. Deo autem soli confidas, et influxui Spiritus. Experto crede ista." (Лут. Ер. i, стр. 88, 18 января)

[401] "Luther writes him:—"Literæ tuæ animum tuum erga meam parvitatem candidum et longe ultra merita benevolentissimum probaverunt." (Там же, стр. 79.) Ваше письмо подтверждает ваше искреннее мнение обо мне и вашу самую добрую привязанность ко мне, причем и то, и другое намного превосходит мои заслуги.

[402] "Non fuit consilium neque votum eas evulgari, sed cum paucis apud et circum nos habitantibus primum super ipsis conferri." (Там же, стр. 95.)

[403] "Ты знаешь, что у меня будет будущее". (Там же.)

[404] "Временный вопрос о сумме богохульства и мерзости жизни и казни". (Лат. Указ. лат. Прим. в преф.)

[405] "Одновременно признаю и несу отличительную черту Альберти Дюрера". (Лют., Ер. i, 95.)

[406] "Майн Хофклайд вердиенен". (Лут. Ер. Lat. i, стр. 77, 78.)

[407] Там же, стр. 283.

[408] "Созыв верховного сената; аликовты монахов и богословов, искушенных в тайных настоях". (Меланкт. Вита Лут.) Он собирает свой собственный сенат; некоторые монахи и богословы проникнуты его собственной софистикой.

[409] "Следовательно, не гражданский отряд волеизъявления, а в фундаменте чистого денария возможна потеря, ошибка". (Positiones Fratris Joh. Тезелии, Поз. 56, Лут. Указ. i, стр. 94.) Всякий, кто говорит, что душа не может улететь раньше, чем деньги успеют зазвенеть на дне сундука, ошибается.

[410] "За бесчестье, которое постигло людей, и по этимологическим соображениям за столицу терроризатора множественного преступника, за омниум человека террора". (Positiones Fratris Joh. Тезелии, Поз. 56, Лут. Указ. i, стр. 98.)

[411] Шпикер, Геск. Доктор М. Лютерс. Университет Бекмани Нотиция. Франкофурт, VIII и др.

[412] "Fulmina in Lutherum torquet; vociferatur ubique hunc hereticum igni perdendum esse; propositiones etiam Lutheri in concionem de indulgentiis publice conjicit in flammam." (Меланкт. Вита Лут.)

[413] "Eo furunt usque, ut Universitatem Wittembergensem propter me infamem conantur facere et hæreticam." (Luth. Ер. i, стр. 92.)

[414] Лют. Ер. i, стр. 92.

[415] "Низи злоумышленник, не признающий себя виновным по сути дела". (Лут. Ер. i, 85.)

[416] Энергичным языком он продолжает: "Mortem emptum est, mortibus vulgatum, mortibus servatum, mortibus quoque servandum aut referendum est". Она была куплена смертью, опубликована смертью, сохранена смертью, смерть также должна быть сохранена или опубликована.

- [417] "Inter tantos principes dissidii origo esse valde horreo et timeo." (Лут. Ер. 1, стр. 93.)
- [418] "Hæc inscio principe, senatu, rectore, denique omnibus nobis" (лат. Ер. i, стр. 99.)
- [419] "Подходит для создания оригинальной легенды". (Тамже.)
- [420] "Omnibus omnia redunt de me." (Лат. Ер. i, стр. 109.)
- [421] (Лют, Ер. i, 98.)
- [422] "Услуга за услугу, сумма за результат". (Лут. Ер. i, стр. 224.)
- [423] "Ein voller trunkener Deutscher". (Лут. Op. (W.) xxii, p. 1337.)
- [424] "An ferreum nasum aut caput æneum gerat iste Lutherus, ut effringi non possit." (Сильв. Prieratis Dialogus.)
- [425] См. Joh. Gersonis Propositiones de Sensu Literali S. Scripturæ. (Соч. том первый.)
- [426] "A qua etiam Sacra Scriptura robur trahit et auctoritatem, hæreticus est (Fundamentum tertium.)"
- [427] "Si mordere canum est proprium, vereor ne tibi pater canis fuerit." (Циферблат Сильвестри Приератиса.)
- [428] "Seculari brachio potest eos compescere, nec tenetur rationibus certare ad vincendos protervientes." (Тамже.)
- [429] "Соглашение между носителями, сущность личности, аликовия Сильвестра из обскуриса вириса, неумелость тантаса в человеке, который лузерит и провоцирует меня противником". (Ер., i, стр. 87, 14 января.)
- [430] Т. i, ср. лат., стр. 170.
- [431] "Ego ecclesiam virtualiter non scio nisi in Christo, представитель non nisi in concilo". (Лит. Указ. лат., стр. 174.) Я не знаю Церковь ни виртуально, кроме как во Христе, ни репрезентативно, кроме как в Совете.
- [432] "Quando hanc pueri in omnibus plateis urbis cantant: Denique nunc facta est fœdissima Roma." (Там же, стр. 183.)
- [433] "Си запад, да здравствует Христос. Dominus meus et omnium." (Там же, стр. 186.)
- [434] Юридические и неопровержимые факты Римской церкви, библиотека. терций, глава 12.
- [435] Лют., Указ. соч. xvii, стр. 140.
- [436] "И к тому же волхв урит, антея великая, недавно заключила брачный союз". (Лют., Ер. i, стр. 100.)
- [437] "Фурор в отношении недавних дружеских отношений и их решения". (Тамже.)

[438] "Волюнтаристская защита от Cerbero dignam absorbere patientia". (Там же.)

[439] "Omnia scholastissima, opiniosissima, meraque somnia". (Asterisci, Соч. (L.) Лат. i, стр. 145.) Все самые схоластические, самые самоуверенные, простые мечты.

[440] "Возмущенный рей и несчастный человек". (Там же, стр. 150.) Я возмущен случившимся и мне жаль этого человека.

[441] "Homo est summus pontifex, falli potest, sed veritas est Deus, qui falli non potest. (Там же, стр. 155.)

[442] "Longe ergo impudentissima omnium temeritas est, aliquid in ecclesia asserere, et inter Christianos, quod non docuit Christus." (Там же, стр. 156.)

[443] "Cum privatim dederim Asteriscos meos non fit ei respondendi necessitas". (Luth. Ep. i, стр. 126.) Поскольку я распространил свои Звездочки в частном порядке, ему нет необходимости отвечать.

[444] "diligimus hominis igenium et admiramur eruditionem." (Лат. Ep. ad Scheurlum, 15 июня 1518 г., i, стр. 125.)

[445] "Кто со мной согласен, тот знает, что у нас есть дружеские и полностью гуманные отношения, следовательно, мы". (Там же.) Что касается меня, то я, как вы видите, написал ему в самых добрых и дружеских выражениях.

[446] "Ничто не является литературным, никакое слово не является причастным к совершению". (Там же.) Я не получал от него никаких сообщений ни устно, ни письменно.

[447] Лют. Соч. Лейпс. vii, с. 1086.

[448] "Nicht die Werke treiben die Sünde aus; sondern die Anstreibung der Sünde thut gute Werke," (Luth. Соч. (лат.) xvii, стр. 162.)

[449] "Christus dein Gott wird dir nicht lügen: noch wanken." (Там же.)

[450] "Ob es schon ein Weib oder ein kind ware." (Там же.)

[451] "Also siehst du dass die ganze Kirche voll von Vergebung der Süden ist." (Там же.)

[452] "Und Hauptmann im Felde bleibe". (Там же.)

[453] Там же, Ep. i, стр. 98.

[454] "Педестер вениам". Я приду пешком. (Лут., Ep. i, стр. 98.)

[455] Там же, стр. 105.

[456] Там же, стр. 104.

[457] Там же, стр. 106.

[458] "Ihr habt bei Gott einen köstlichen Credenz." (Лут. Ep. i, стр. 111.)

[459] "Юсторум опера эссент морталия ниси пио Деи тиморе, ab ipsismet justis, ut mortalia timerentur". (Лут. Указ. Лат. i, 55.)

[460] "Закон Ирака о действии на Западе, незаконный факт, правосудие, проклятие, quicquid non est in Christo". (Там же.)

[461] "Законность: Очевидна! et nunquam fit. Gratia dicit: Crede in hunc! et jam facta sunt omnia." (Там же.)

[462] "Любовь божья не изобретается, а создается человеком старательным; любовь человеческая соответствует человеку старательному". (Там же.)

[463] Букер, в Seultetet, Annal. Евангелие. Обновление". стр. 22.

[464] "Si rustici hæc audirent, certe lapidibus vos obruerent et interficerent." (Лут. Ер. i, стр. 111.)

[465] "Prudentioribus monachis spem de se præclaram excitavit;" (Мельх. Адам. Vita Bucerі, р. 211.)

[466] "Cum doctrinam in eis traditam cum sacris litteris contulisset quædam in pontificia religione suspecta habere cœpit." (Там же.) Когда он сравнил изложенное в них учение со Священным Писанием, у него возникли некоторые подозрения относительно религии папы.

[467] "Примам лучем пуриорис сентенция об оправдании в судебном разбирательстве". (Melch. Адам. Vita Bucerі, р. 211.) Он почувствовал, как в его груди зарождается первое более чистое мнение об оправдании.

[468] "Ingens Dei beneficium lætus Brentius agnovit, et grata mente amplexus est." (Там же.) Брентиус радостно осознал бесценный дар Божий и с благодарностью воспринял его.

[469] "Crebris interpellationibus eum voti quod de nato ipso fecerat, admoneret; et a studio juris ad theologiam quasi conviciis avocaret." (Melch. Адами, Крепкая Жизнь.) Она часто вмешивалась, чтобы напомнить ему об обете, который дала при его рождении, и, так сказать, своими упреками отвлекала его от изучения права к богословию.

[470] Гердесий, Памятник. Антиквариат и т.д.

[471] Лют. Ер. i, стр. 412.

[472] Лют. Ер. i, стр. 112.

[473] "Спасибо, что пришли, иерам педестер". (Там же, стр. 110.) Я пошел пешком, но вернулся на колеснице.

[474] "Омнибусный плацит у черной теты". (Лут. Ер. i, стр. 111.) Он ставит черную тэту перед всеми моими мнениями.

[475] Там же.

[476] "Nisi dictamine rationis naturalis, quod apud nos idem est, quod chaos tenebratum, qui non prædicamus aliam lucem, quam Christum Jesum lucem veram et solam." (Там же.)

[477] "Это не очевидный факт существования и комплекцирования!" (Там же.) Так что некоторые считают меня более полным по привычке и тучным.

[478] Лют. Соч ., (Вып.) xvii, стр. 29-113.

[479] По Первому тезису.

[480] Тезис 26.

[481] Там же. 80.

[482] Тезис 37.

[483] "Без каких-либо споров без подтверждения факта". (Лют., Ер. i. 214.)

[484] Ineptias.

[485] Он добавляет: "Поэтому мне необходимо разобраться со стрессом среди взрослых". (Лют. Ер. i, стр. 121.) Но необходимость заставляет меня, гуся, шипеть среди лебедей.

[486] "В чистом упрощенном виде церковным властям и благоговейным ключам, вопрошающим и колумнирующим". (Там же.)

[487] "Quarè beatissime Pater, prostratum me pedibus tuæ Beatitudinis offero, cum omnibus quæ sum et habeo; vivifica, occide voca, revoca, approba, reproba, ut placuerit. Vocem tuam, vocem Christi in te præsentis et loquentis agnoscam; si mortem merui, mori non recusabo." (Luth. Ер. i, стр. 121.)

[488] Его решения.

[489] "У нищего нет времени, у него нет сил жить". (Там же, стр. 118.)

[490] Лют. Соч. (W.) xv, стр. 339.

[491] "Судебный процесс по делу profana iudicia приводит к возникновению всеохватывающей мутации, которая является потенциальным преступлением". (Меланхолия. Вита Лут.)

[492] "Deo cessit, et ea quæ vera esse iudicavit, deleri non voluit." (Там же.)

[493] "Rarescebant manus largientium". (Улитка, 7.) Рук у вкладчиков становилось все меньше.

[494] "Luthero autem contra augebatur auctoritas, favor, fides existimatio, fama; quod tam liber ascerque videbatur veritatis assertor." (Там же.) Напротив, авторитет, влияние, доверие, репутация и слава Лютера возросли, потому что он казался таким свободным и смелым защитником истины.

[495] Шрек, К. Г. н. д. Р. и., стр. 156.

[496] "Защитники и покровители, эти потенциальные силы, которые диктуют братство наследования". (Рейнальд, 1518 г. н.э.)

[497] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 169.

[498] "Матка Ребекка; парвулос при необходимости коллизии, этимология и перикулум матрис". (Лут. Ер. i, стр. 138.)

[499] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 173.

[500] Ibid. i, 183, 184; xvii, 171, 172.

[501] "Изречение Лютеранской церкви в соответствии с предписаниями аудитора и декларацией". (Отрывок Леониса X ad Thomam.)

[502] "Brachio cogas atque compellas, et eo in potestate tua redacto cum sub fideli custodia retineas, ut coram nobis sistatur." (Тамже.)

[503] "Infamiae et inhabilitatis ad omnes actus legitimos ecclesiasticae sepulturae, privationis quoque feudorum." (Breve Leonis X ad Thomam.)

[504] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 176.

[505] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 173.

[506] "Almosen geben armt nicht и др. Wer mehr will verzehren, etc. (Müller's Reliquien.)

[507] "Помоги мне без сыновей и эго без отца; и удобно, сперо, в вечной жизни". (Меланкт. Explicat. Evang.)

[508] "Тишина без потерь, поэтому вопрос решается повсеместно, а также в ходе судебного разбирательства". (Камерарий, Жизнеописание Меланкта, стр. 7.)

[509] Камера. Вита Филипа Меланкта. стр. 16.

[510] "Путь обскуранта Эразма". (Er. Ep. i, стр. 405.)

[511] "Когорреско, что означает когито, как и доступ к статуям в папату". (Разъяснение евангелия)

[512] "Мой труд и мое утешение". (Корп. ссылка, i, 33.)

[513] "Des Wegs un der Orte unbekannt." (Корп. ссылка, i, 30.)

[514] Камера. Вита Меланкт, 26 лет.

[515] "Чай и отрочество, si ethatem рассматривает". (Лут. Ep. i, 141.) Мальчик и просто юноша, если учесть его возраст.

[516] Лют. Ep. i, 135.

[517] "Ut Wittembergam literatis ac bonis omnibus conciliem". (Корп. ссылка, i, 51.)

[518] "Подведение итогов со средствами массовой информации и конечными, студийными фактами". (Лют., Ep. i, 140.)

[519] "Мартин, си омнино в человеческом ребусе, требующем страстного усердия и полного завершения". (Melancth. Ep. i, 411.)

[520] Кальвин писал Слейдану: "Dominus cum fortiore spiritu instruat, ne gravem ex ejus robiditate jacturam sentiat posteritas". Пусть Господь наделит его более решительным духом, чтобы потомки не понесли из-за его робости какой-нибудь тяжелой утраты.

[521] Планка.

[522] Лют. Ер. i, стр. 139.

[523] Јен. Август i, стр. 384.

[524] "Contra omnium amicorum consilium comparui". Я появился вопреки советам всех моих друзей.

[525] Ер. i, 61.

[526] "Последний стангулер, последний креститель после смерти". (Тамже. 129.) Что меня либо задушат, либо забьют до смерти.

[527] "Доступ к информации и свобода ее предоставления". (Лут. Ер. i, 129.)

[528] "Так же, как спонсус ностер, спонсус сангвиник nobis est". (Там же.) См. Исход, iv, 25.

[529] "Вениамин педестер и нищий Августам". (Лат. Указ. лат., в преф.)

[530] "Ibi Myconius primum vidit Lutherum: Sed ab accessu et colloquio ejus tunc est prohibitus." (M. Adami, Vita Mycon. p. 176.)

[531] "Опыт в воспламенении сопутствующего и исходящего пламени". (Melch. Адам. Жизнеописание Микона. стр. 176; Микон. История. Ссылка. стр. 30.)

[532] "Да здравствует Христос, мориатур Мартинус.... "(Вайсманни, История. Секр. Нояб. Тест. стр. 165.) Вейсман видел это письмо в рукописи MS., но его нет в Коллекции М. де Ветта.

[533] Лют. Ер. i, стр. 144.

[534] Общая сумма комментариев Тома де Вио. Lugduni, 1587.

[535] Булла папы Римского. (Лют, Соч. (L.) xvii, стр. 174.)

[536] "Et nutu solo omnia abrogare, etiam ea quæ fidei essent." (Лут. Ер. i, 144.)

[537] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 179.

[538] "Найти единственную часть инструкции по искусству пеласги". (Лут. Ер. i, 144.) См. "Энеиду" Вергилия, книга II.

[539] "Посредник внутри". (Тамже.)

[540] "scientific enim eum во мне обостряется, быстро развивается.... (Там же, стр. 143.)

[541] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 201.

[542] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 203.

[543] Второе дополнение., стр. 144.

[544] Там же, стр. 130.

[545] Лют. Соч. (Л.) 179.

[546] 9 октября.

[547] "Всемогущий человек, танти инсендий Эростратум". (Лут. Ер. i, стр. 146.)

[548] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 205.

[549] "И уби манебис?... Respondi: Sub cœlo." (Лут. Соч. в Преф.) И где ты останешься?... Я ответил: под небесами.

[550] "Я за зло и за то, чтобы оно было бессмертным".... (Лат. Ер. i, 148.)

[551] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 183.

[552] Вторник, 11 октября.

[553] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 180.

[554] Название, данное некоторым папским конституциям, собранным и добавленным к своду канонического права.

[555] "Спасительная грамота".

[556] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 180.

[557] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 180, 183, 206 и др.

[558] Лют. Указ. соч., стр. 209.

[559] Лют. Ер. i, стр. 173.

[560] "Даринн ихн доктор Штаупиц фон дем Клостер-Гехорсам абсолют". (Математика. 15.)

[561] Лют. Ор. (L.) xvii, 201.

[562] Среда, 12 октября.

[563] Второе дополнение., стр. 137.

[564] Лешер, ii, 463; Лут. Соч. (L.) xvii, стр. 181, 209.

[565] "Дигладиатум" сражен. (Лут. Ер. i, стр. 181.)

[566] Лют. Соч. (L.) xvii. Стр. 181, 209. "Decies fere cœpi ut loquerer, toties rursus tonabat et solus regnabat." Я почти десять раз начинал говорить, но он снова так же часто гремел и царил один.

[567] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 186.

[568] Там же, стр. 185.

[569] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 187.

[570] "Ostendit in materia fidei, non modo generale concilium esse super papam, sed etiam quemlibet fidelium, si melioribus nitatur auctoritate et ratione quam papa." (Luth. Указ. соч., стр. 209.) Он показывает, что в вопросах веры не только генеральный совет стоит выше папы, но и любой другой из верующих, если он опирается на лучший авторитет и разум, чем папа.

[571] Псалом cxliii, 2.

[572] Confes. ix.

[573] "Справедливость справедлива для всех, она верна каждому". (Лат. Указ. соч. i, стр. 211.)

[574] "Законные поклонники и англичане". (Лут. Ер. i, стр. 145.)

[575] "Приобретение", (Там же)

[576] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 197.

[577] Там же. (W.) xxii, стр. 1331.

[578] "Отзыв, но без возврата". Там же, стр. 202.

[579] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 210.

[580] Там же, стр. 204.

[581] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 185.

[582] "Эго ноло усилилось в результате спора о бестии. Habet enim profundos oculos et mirabiles speculationes in capite suo" (Myconius, p. 33.)

[583] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 210.

[584] Лют. Ер. i. 149.

[585] Лют. Ер. i. стр. 159.

[586] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 178.

[587] Суббота, 15

[588] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 182.

[589] Письмо датировано 17 октября.

[590] Лут. Соч. (L.) xvii, стр. 198.

[591] Босуэт, История. des Variations. (Livre i, стр. 25 и др.)

[592] "У фоллиса или венозного отростка". (Стр. 40.)

[593] "Melius informandum". (Лат. Указ. Лат. I, стр. 219.)

[594] Вайсман, История. Еккл., i, стр. 1237.

[595] Псалом cxiv. 7, 8.

[596] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 202.

[597] Лют. Ер. i, стр. 166.

[598] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 183.

[599] Там же, стр. 203.

[600] "Эго - это повсеместный эгоизм, иллюстрация доминирования человека без эротической памяти..." (Лат. Ер. i, стр. 187.)

[601] Лют. Соч. (L.) xvii, стр. 244.

[602] Лют. Ер. i, стр. 198.

[603] Scultet. Летопись. i, стр. 17.

[604] "Studium nostrum more formicarum fervet". (Лут. Ер. i, стр. 193.)

[605] "Причина повсеместная". (Лут. Ер. i, стр. 188.)

[606] "Ut principi me in captivatem darem". (Там же, стр. 189.)

[607] "Я являюсь всеобщим эффундам и живым предложением Христу". (Лут. Ер. i, стр. 190.)

[608] "Део постоянный участник". (Там же, стр. 191.)

[609] "Vater und Mutter verlassen mich, aber der Herr nimmt mich auf."

[610] Лют. Соч. xv, 824.

[611] "Не там цито в Галлиам ирем". (Лут. Ер. i, стр. 195.)

[612] "Firma Christus propositum non cendi во мне". (Там же.)

[613] "Решение, которое необходимо принять с самого начала судебного разбирательства". (Лат. Ер. i, стр. 19.)

[614] "Злой волхв потерпел неудачу, и я пострадал через него, только без ущерба для себя". (Там же, стр. 191.)

[615] Сарпи, Тридентский собор, стр. 8.

[616] Maimbourg, стр. 38.

[617] Löscher. Ref. Act.

Примечание переписчика:

Архаичные слова, варианты написания, пунктуации и расстановки переносов сохранены, за исключением очевидных случаев типографской ошибки.

Следующие сноски не имели привязок и, следовательно, были добавлены автором перевода:

Footnote 11: "Ego me non arbitror hoc honore dignum." (Ер. Ер. i, р. 653.)

Сноска 112: Эразм. Ер. 274.

Footnote 128: "Was gross sol werden, muss klein angeben." (Матезиус, История, стр. 3.)

Сноска 563: Отсутствовала привязка к сноске "Seckend. p. 137". Ее предоставил переписчик.

На странице 47 есть привязка к сноске без соответствующей сноски на "Пообещай мне, что ты всегда будешь так думать". Переписчик отметил это место звездочкой.

В оглавлении неверно указано, что глава IX Книги II начинается со страницы 94. Переписчик изменил номер на 93. Аналогичным образом номер страницы главы X изменен со 168 на 167. Для главы V книги III номер страницы изменен с 204 на 203.